

Министерство культуры Республики Бурятия
ГАУК РБ «Национальная библиотека Республики Бурятия»
ФГБУН «Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН»

Ф.Ф. Болонев

**Семейная
живая старина
за Байкалом**

Очерки истории, культуры, быта
и межэтническое взаимодействие

Ответственный редактор
академик РАН *В. И. Молодин*

Улан-Удэ
2015

УДК 39 (571.5)
ББК 663.529(2Рос–4)
Б 79

Рецензенты
д-р ист. наук *С.В. Васильева*
д-р филол. наук *Р.П. Матвеева*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках празднования 250-летия прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию

Болонев Ф. Ф.

Б 79 Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры, быта и межнациональное взаимодействие: сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2015. – 424 с.+цв. вкл.

ISBN

В сборнике представлены научные статьи известного русского этнографа и фольклориста, написанные им за полувековой период. Для издания работы выбраны статьи, опубликованные в разные периоды. Одни из статей известны, другие – малоизвестны или совсем неизвестны не только широкой публике, но даже и специалистам. Ряд статей публикуется впервые.

Рассмотрены вопросы этнокультурного взаимодействия семейских с другими народами, с которыми им пришлось жить бок о бок, делиться опытом и культурными достижениями на протяжении веков. Впервые широко представлена серия статей о материальной культуре. Представлен уникальный материал по культуре и быту не только семейских, но и вообще русских Сибири.

Издание рассчитано на историков, этнографов, фольклористов и широкий круг читателей, для которых дорога родная старина.

УДК 39 (571.5)
ББК 663.529(2Рос–4)

ISBN

© Болонев Ф. Ф., 2015
© ФГБУН «ИАЭТ СО РАН», 2015
© Национальная библиотека РБ, 2015
© Министерство культуры РБ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Молодин В.И. ЭТНОГРАФ, ИСТОРИК, ФОЛЬКЛОРИСТ.....	7
Бутковская Н.В. НО СЕРДЦЕМ НАПИСАНЫ ВАШИ КНИГИ.....	11

Раздел I

К истории изучения семейских Забайкалья

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	16
ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.	20
ИЗ ОПЫТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ.	47
ПРЕДИСЛОВИЕ К МОНОГРАФИИ М.М. ШМУЛЕВИЧА «ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (XVII – СЕРЕДИНА XIX В.)».....	70
СТАРООБРЯДЧЕСТВО – ДУХОВНАЯ КРЕПОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	85

Раздел II

Старообрядчество Сибири

СТАРООБРЯДЦЫ СИБИРИ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ.....	89
БЕГЛОПОПОВЩИНА И БЕГЛЫЕ ПОПЫ ЗА БАЙКАЛОМ В XIX–XX ВВ.	99
СЕЛО БИЧУРА (ЗАБАЙКАЛЬЕ): ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ (XVIII – КОНЕЦ XX ВЕКА)	113

Раздел III

Этнокультурные связи семейских

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ СВЯЗИ СЕМЕЙСКИХ С МЕСТНЫМ И ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ БУРЯТИИ В XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	125
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО И АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.	138
ОСЕДЛЫЕ БУРЯТЫ И ЯСАЧНЫЕ В РУССКИХ ВОЛОСТЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ.	150
БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ.	169

Раздел IV

Материальная культура

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ЗАБАЙКАЛЬЕ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX В.)	178
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ – ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕМЕЙСКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)	222
ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧ. XIX В.	235
КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ БЛЮДА СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ	240
ОРУДИЯ СЕНОКОШЕНИЯ И УБОРКИ ХЛЕБОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	262
РУЧНЫЕ ЖЕРНОВА И СТУПЫ В ХОЗЯЙСТВЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАБАЙКАЛЬЯ	267
ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ БЫТУ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.	272
ПРЯДЕНИЕ, ТКАЧЕСТВО И ВЯЗАНИЕ У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX В.)	276
ПЛАНИРОВКА, ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО И ОБСТАНОВКА ЖИЛИЩА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX В.)	296
ТИПЫ РУССКИХ ПРЯЛОК В СИБИРИ: СПОСОБЫ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ.	310
О ГОНЧАРСТВЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ.	316
ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА И РЫБНОЙ ЛОВЛИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.	324

Раздел V

Духовная культура

О НЕКОТОРЫХ АРХАИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ЗАГОВОРАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ	352
О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ И ЗАГОВОРАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ	368
ПРИЕМЫ ПРОДУЦИРУЮЩЕЙ МАГИИ В СВАДЕБНЫХ И КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	383
О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	400
РОЛЬ УДИНСКИХ КАЗАКОВ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII ВЕКЕ	409
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	421

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Перед вами редкое познавательное издание – сборник научных статей нашего земляка, русского ученого-историка, этнографа и фольклориста Фирса Федосовича Болонева – доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия и Российской Федерации, заслуженного работника культуры Республики Бурятия. Он автор более 30 книг и 240 статей. Его труды известны не только в России, но и во многих зарубежных странах. Настоящее издание, посвященное изучению родной семейской старины, выходит в свет в замечательное время – в год его 80-летия и 250-летия прибытия старообрядцев на забайкальскую землю.

Это собрание статей выгодно отличается от многих подобных сборников глубиной проникновения автора в изучении описываемых явлений, подлинностью собранных фактов и прекрасным знанием материала. Не случайно, что его детство и юность прошли в старинном семейском с. Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии, известного своими работающими людьми, сохраняющими самобытный уклад жизни, росписью и замысловатой резьбой домов, гордящимися своим народным хором и уникальным по многоголосью пением. Эти непосредственные наблюдения за жизнью своих земляков во многом сказались на творчестве ученого. Кроме того, автор, собирая необходимую информацию, совершил большое количество экспедиционных поездок почти по всем семейским селам Забайкалья, собрал и проработал огромный полевой материал и самое важное – в своей научной деятельности он уделил особое внимание работе в архивах страны, по крупицам собирал исторический материал в архивохранилищах Бурятии, Забайкальского края, Иркутска, Томска, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Его научные труды издавались во многих городах России и Сибири – Новосибирске, Владивостоке, Барнауле, Иркутске, Москве, Ленинграде, Тобольске, Чите, Магнитогорске, Киеве и т. д. Многие статьи малоизвестны или совсем неизвестны в Бурятии.

Фирс Федосович Болонев – ученый, специалист в области многих гуманитарных знаний. Его работы привлекают широтой охвата мате-

риалов в области истории, этнографии, фольклора, русской литературы. Эта универсальность знаний помогла создать книги и циклы статей, в которых запечатлены разные стороны жизни семейских, а шире – русских крестьян Байкальского региона в период с XVII по XX в. В них нашли яркое отражение характерные для Забайкалья традиции этнокультурного и межнационального сотрудничества и взаимовлияния живущих бок о бок русских крестьян-переселенцев с местным населением. Им уделено большое внимание богатейшему сельскохозяйственному и хозяйственному опыту, который принесло пришлое русское население на земли Забайкалья. И вообще, широко рассматриваются проблемы материальной и духовной культуры семейских.

Бесспорно, представленная на суд взыскательного читателя книга – это бесценный обобщающий научный труд по истории и традициям семейских Забайкалья. Она может быть одинаково полезна как для ученых – историков и этнографов, фольклористов, так и для всех потомков переселенцев – старообрядцев, причем не только нашего региона, а также для любого человека, жаждущего знаний, независимо от его национальности, возраста и вероисповедания.

*А.Г. Кушнарев, доктор сельскохозяйственных наук,
профессор Бурятской ГСХА им. В.Р. Филиппова,
заслуженный агроном РФ, депутат Народного Хурала РБ*

ЭТНОГРАФ, ИСТОРИК, ФОЛЬКЛОРИСТ

Фирса Федосовича Болонев я знаю уже более 40 лет. В одно время мы оказались в аспирантуре, которой руководил выдающийся ученый – археолог, этнограф, историк – академик Алексей Павлович Окладников. Болонев специализировался по этнографии, я – по археологии. В 1972 г. он представил диссертацию на тему «Народный календарь семейских Забайкалья» и блестяще ее защитил. Уже в то время Ф.Ф. Болонев достойно проявил себя как ученый, в котором органично сочетались качества аналитика и полевика (то, что всегда прививал нам наш Учитель).

Сегодня Болонев – ученый широкого диапазона. Он проявил себя в разных отраслях гуманитарного знания. Известны его труды по этнокультурной истории русского старожильского населения Сибири, о пахарях и ратниках Западного Забайкалья, о ссыльных поляках Сибири найден и опубликован обширный материал. Более известен его вклад в этнографическое изучение старообрядцев Забайкалья и Алтая.

Совместное издание с профессором М.Н. Мельниковым трех томов русского (восточнославянского) фольклора Сибири сделало его известным среди фольклористов России, Украины и Белоруссии. Ни одно исследование по восточнославянскому календарно-обрядовому фольклору не обходится без этих трудов, которые имеют, по сути, общенациональное значение.

В 1996 г. Ф.Ф. Болонев защитил докторскую диссертацию на тему «Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX в. (Семейские Забайкалья)». К этому времени он опубликовал уже более 10 монографий и свыше сотни научных статей! Вот почему защита его докторской диссертации состоялась по научному докладу.

Его диссертацию ВАК утвердил менее чем за 2 месяца. Случай в практике Высшей аттестационной комиссии весьма редкий! Ф.Ф. Болонев фактически стал первым доктором наук по русской этнографии Сибири.

Все официальные и неофициальные оппоненты отметили уникальность, научную и практическую ценность докторской диссертации. И это не случайно. Сам Фирс Федосович родился в старообрядческом с. Большой Куналей в Республике Бурятия в крестьянской семье. С

детства наблюдал культуру, быт старообрядцев, их трудовые традиции, обычаи, обряды, нравы, формы взаимопомощи и т. д. Он является одним из редких специалистов по народной культуре, которые проблемы старообрядчества знают не понаслышке, а по рождению и призванию.

Последние десятилетия Ф.Ф. Болонев занимает должность главного научного сотрудника Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Доктор исторических наук Ф.Ф. Болонев – один из ведущих этнографов России. Под его руководством проведены десятки этнографических экспедиций в различные регионы Восточной Сибири, заселенные русскими. Собраны богатейшие коллекции по этнографии, полевые и архивные материалы по духовной и материальной культуре славян Сибири. Им опубликованы 28 монографий и 3 тома обрядового фольклора, а всего более 235 научных статей.

Огромный массив материалов, собранных Ф. Ф. Болоневым, в сочетании с неменьшим исследовательским опытом и подвижническим трудом позволили ему достигнуть прекрасных научных результатов.

Особую научную и практическую ценность представляют его работы, посвященные истории, этнографии и фольклору семейских, они написаны на обширном полевом и архивном материале, а их автор является одним из лучших в Сибири и сегодня активно действующем этнографом-полевиком. Об этом красноречиво свидетельствует его труды по народному календарю, календарно-обрядовому фольклору, а также собранные им экспонаты, украшающие экспозиции многих музеев.

Стоит добавить, что Фирс Федосович зарекомендовал себя как один из лучших знатоков российских и сибирских архивов. Благодаря его кропотливым поискам в архивохранилищах страны ему удалось сделать ряд совершенно уникальных открытий. В частности, выявить и сделать дешифровку исповедных росписей Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви за 1746–1779 гг. и частично их опубликовать. Им опубликованы списки русских старообрядцев, выведенных из Польши, росписи русских казаков, старожилов, ясачных – пионеров основания ряда русских сел Забайкалья. Эти публикации являются очень ценными документами, позволяющими устанавливать родословные старожильческих и старообрядческих родов. Так, на основе находок Ф.Ф. Болонева восстановлены родословные Бутковских, Николаевых, Ефимовых и др. Во Владивостоке изданы книги по этим генеологиям.

Ценность работ Болонева признаны не только в России, но и за ее пределами. Его статьи опубликованы во многих странах мира (Германии, Монголии, Румынии, США, Украине, Японии).

Главной тематикой его работ является изучение русских Сибири, прежде всего Забайкалья. Роль русских в общем развитии Сибири исключительно велика. Русские составляют основу российской государственности. На всех этапах развития Сибири они являются главными участниками важнейших событий и свершений – будь то хозяйственно-земледельческое освоение огромных территорий, организация управления, распространение православия, результаты невиданного приобщения народов Сибири к русской культуре и выход их на мировую историческую арену... Не случайно и то, что в последнее время руководство России призывает обратить особое внимание на роль русского народа, на роль русского языка в деле развития страны. В этом плане работы Ф.Ф. Болонева оказываются весьма востребованными и актуальными.

Уместно привести простой пример. В настоящее время русские, проживающие в Бурятии, составляют примерно $\frac{3}{4}$ всего населения республики. Но и рост численности, и культурное развитие бурят весьма показательны. В XVII в. бурят насчитывалось немногим более 27 тыс. человек. К концу XIX в. (Всероссийская перепись 1897 г.) их стало уже 280 тыс. Увеличение населения свидетельствует о благоприятных условиях жизни бурят. Соседство с русскими благотворно влияет на взаимное культурное взаимодействие обоих народов. Буряты восприняли русскую культуру, русский язык, русские, в свою очередь, многое заимствуют из скотоводческой практики бурят. Болонев на основе огромного количества фактов выявляет моменты истинно дружеских и братских отношений, которые сложились между русскими и бурятами.

В Сибирском отделении РАН Ф.Ф. Болонев ведет большую работу по подготовке научных кадров для различных регионов Сибири, является научным руководителем значительного числа аспирантов. Пятеро из них защитили кандидатские диссертации. Кроме того, ученый является членом диссертационного совета по присуждению степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии СО РАН, членом редколлегий ряда крупных изданий. Много времени ему приходится уделять редактированию и рецензированию работ по этнографии, фольклору, культурологии. Им написаны десятки рецензий

и отзывов на монографии, авторефераты, отдельные статьи. Болонев является ответственным редактором около 30 монографий и сборников научных статей.

Значительное число работ Фирса Федосовича посвящено родному краю. Вот и в представленном сборнике выявлены истоки появления русских и первоначальное земледельческое освоение в названном регионе. В нем отражены подлинные факты истории и культуры жителей земли Тарбагатайской. Научное значение книги далеко выходит за рамки краеведения, так как она основана на обширных архивных и полевых источниках, которые автор впервые вводит в научный оборот. Это и своеобразная энциклопедия для жителей Бурятии о хозяйственных занятиях, культуре и быте предков, различных этнокультурных группах русских и о их социальном положении.

Вклад Ф.Ф. Болонева в исследование истории, культуры и быта народов Бурятии впечатляет и, кажется, еще по достоинству не оценен.

У меня нет сомнений, что активно работающий талантливый ученый, исконный сибиряк, еще не раз порадует нас замечательными научными открытиями!

В.И. Молодин, академик РАН

НО СЕРДЦЕМ НАПИСАНЫ ВАШИ КНИГИ...

Рада возможности публично поблагодарить за конкретную помощь и взаимопонимание глубоко любимого и уважаемого нашей семьей ученого – доктора исторических наук Ф.Ф. Болонева.

Так случилось, что предки моего мужа – старообрядцы (семейские) до появления в Приморской области жили на Аянском тракте в Якутии, а еще раньше – в селении Тарбагатай в Забайкалье. С осени 1999 г. мы начали собирать родословную Бутковских – ведь нет, наверное, на земле человека, равнодушного к собственной семейной истории.

В начале работы на этом поприще из-за недостатка материала или даже недостатка знаний по теме появились трудности. Уже с января 2000 г. я работала в РГИА ДВ, пытаюсь найти документы, фиксирующие переселение аянских в Уссурийский край, и спустя полтора месяца мне повезло – документы нашлись.

Тогда я еще не знала, что полтора месяца – это очень быстро, это большая удача, что на архивный поиск такого рода сведений иногда уходят годы. И как быть дальше? Ведь география поиска огромна: Забайкалье, Якутия, Приамурье, Приморье... Особенная трудность составления старообрядческого родословия состоит в том, что практически невозможно найти записи о рождениях, бракосочетаниях, смертях, случавшихся в семьях, даже в сектантских полицейско-метрических книгах, заведенных при волостных правлениях в соответствии с законом от 19 апреля 1874 г., а тем более, в метрических книгах православных храмов. Известно, что старообрядцы всячески избегали регистрации актов гражданского состояния, и потому оставалось надеяться обнаружить в архивах материалы ревизий, посемейные списки, прошения, приговоры сельских сходов и прочие документы, в которые включены в том числе генеалогические сведения, что позволило бы достоверно назвать места прежнего проживания, объединить несколько семейных линий в единую и таким образом подтвердить или опровергнуть сложившиеся убеждения (или версии). При этом было важно иметь возможность использовать взаимоподтверждающую информацию (предпочтительнее, конечно, архивную, документальную) из двух, а лучше нескольких независимых источников.

Зная, что во Владивостоке при ПГОМ им. В.К. Арсеньева с ноября

1993 г. работает клуб «Родовед», цель которого – родословные первопоселенцев Приморского края, я пришла в музей и первое, что мне предложили в музее – прочесть книгу Ф.Ф. Болонева «Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв.» (1994). Книгу дома мы прочли, увидели и опубликованные в ней исповедные росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви за 1765 г., где значились выведенные в Забайкалье «новопоселенные ис поляков» Петр Яковлев Бутковский, 50 лет, его жена Екатерина Ивановна, 40 лет; дети их: Филип, 10 лет, Евгения, 13 лет, Ирина, 11 лет, Настасия, 7 лет.

Трудно передать словами потрясение, когда вдруг узнаешь, что далекая история твоей семьи кому-то так же важна, как и тебе, что кто-то, тебе совсем незнакомый, уже десятки лет уважительно и бережно, крупица к крупице, иногда без надежды на отклик, собирает для всех нас реалии давно ушедшего времени – времени, которое с момента знакомства с книгой мы стали ощущать своим.

Мы поверили автору сразу и навсегда, мгновенно прочувствовав глубину его сердца; сделали полную копию книги для семьи, и отныне автор, соединивший своим научным трудом историю забайкальских и приморских Бутковских, стал очень близким для нас человеком.

Я написала Фирсу Федосовичу письмо без надежды на ответ, а просто для того, чтобы он знал, что в Приморье ведется работа по родословию старообрядцев Бутковских. Но он ответил, и тем помог избежать ошибки – в письме от 1 июля 2002 г. Фирс Федосович сообщал, что в Национальном архиве Республики Бурятия им найден документ о крестьянах с. Тарбагатай, в котором перечислено 8 семей Бутковских: Филиппа, Аверьяна, Меркурия, Семена, Афанасия, Викула, Калины, Ивана с указанием «числа наличных душ» в этих семьях. Ф.Ф. Болонев датировал этот документ 1853 г., но дело в том, что до его письма в приморской генеалогии существовало мнение, согласно которому Бутковские к 1851 г. в Тарбагатайской волости Забайкальской области отсутствовали, так как к этому времени уже переселились на новые места. И действительно, семей Трофима и Марка, переселившихся на Аянский тракт, в этом списке нет, но остались другие члены нашего рода, готовившие паровую землю и косившие сено летом 1853 г. в Тарбагатае, остался семейный корень, продолживший жизнь Бутковских на древней и гостеприимной бурятской земле. Сердечное спасибо и низкий поклон

Ф.Ф. Болоневу за помощь, интерес к родословию Бутковских и обережение от ошибок!

Мы любим Фирса Федосовича за ум, за сдержанность, за редкую теперь интеллигентность, за тонкость и чуткость души, за то, что несмотря на абсолютную занятость, находит возможность поддержать, не забудет поделиться новой информацией, важной для нас, дать дружеский совет; за то, что в нем совершенно отсутствует далеко не редкий сегодня снобизм, за нелукавство в отношениях.

Сухощавый, подтянутый, с особенным прищуром глаз, привыкший быть немногословным, он кажется несколько суховатым в общении, возможно из-за того, что за свою жизнь встречался с множеством людей, познал разнообразие их характеров и душевных качеств – и вряд ли здесь могло обойтись без разочарований. Он – редкий теперь последователь щедрых умом и сердцем, неутомимых, никогда не успокоенных русских исследователей-подвижников.

Его работы не демонстрируют холодной отстраненности от судеб людских и судьбы Родины, а напротив, пронизаны любовью к ним и болью за них. Он не только ставит целью наблюдать жизнь прошлую и нынешнюю дорогих нам семейских старообрядцев, но по праву и по рождению является одним из них.

Не сомневаюсь, что его коллеги, давно сделавшие обстоятельный анализ его работ, не нашли повода его упрекнуть – просто потому, что не за что: в науке своей обязанный быть точным и документальным, в познании жизни не чуждый широких обобщений, всю свою жизнь он в неустанном поиске того, что прежде всего служит интересам русского народа.

Его книги – это не просто обработка материала: свою любовь к России, к Забайкалью, к Бурятии, к семейским, он, вместивший целый мир чувств и характеров, всегда стремящийся к движению, драгоценностью передает нам, своим читателям и почитателям, и тем самым будит в нас желание далекого видения и романтическую мечту. Книги Ф.Ф. Болонева мощно востребованы – взгляните на ссылки к материалам любой конференции по истории старообрядчества, к любой монографии или историографии на эту же тему. К его книгам обращались вчера, обращаются сегодня и еще много раз обратятся к ним в будущем те, кому интересна жизнь русских в Забайкалье – человек в современной жизни меняется быстро, иногда даже утрачивая важное для собственного

самосохранения; прошлое же, описанное замечательно талантливым автором, не даст уснуть лучшим чувствам.

Даровала судьба и личную встречу в сентябре 2004 г. во Владивостоке, где проходила IV международная научная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи». Для участников конференции была организована экскурсия по городу, во время которой мы и познакомились. Он прочел несколько своих стихов и подарил поэтический сборник «Всполохи» 1998 г. выпуска, в авторском предисловии к которому – признание в любви к отчему краю: «Но все мои корни в Бурятии. Я рос и питался хлебом, выращенным трудолюбивыми людьми, я пил из удивительных источников бурятской земли. Я был согрет и обласкан ее щедрым солнцем... Я рос среди пахарей и песельников, среди дивной природы в красивом селе, где и до сих пор мое сердце...» На земле Бурятии расцвел его род, земля Бурятии щедро одарила талантом его самого, и теперь он, ее певец и благодарный сын, силой своего таланта возрождает ее силу. В стихах он и тонкий лирик, и отважный, страдающий за судьбу Отечества воин, говорящий именно о том, что наболело. Да как говорящий! Какая глубина мысли, какая сила слова, какая проникновенность! Следующий русской поэтической традиции он будит сердце, но обращается к разуму:

Души спасайте, а грешную плоть
Вам уврачует Спаситель Господь,
Да приобщит он вас к праведной жизни,
Вновь наступившей в ожившей Отчизне.
Этот завет, продиктованный свыше,
Дерзкий отринет, а умный услышит.

На нашей книжной полке уже несколько книг Фирса Федосовича, и поэтические, и научные, каждая – с дарственной надписью автора, в каждой – новые для нас знания о забайкальцах – людях твердой воли и сильного духа.

Промежуточный итог в родословии Бутковских мы подвели в 2003 г., но работу продолжаем, и по-прежнему Фирс Федосович дарит нас своим сердечным вниманием.

Мне довелось быть свидетелем разговора Ф.Ф. Болонева с исследователем, который объяснял несвоевременное выполнение работы тем, что его подвел компьютер. «Все свои книги я написал обыкновенной

ручкой», – возразил Фирс Федосович. Позвольте не согласиться, уважаемый Фирс Федосович! Не ручкой, а сердцем написаны Ваши книги, и читатель это знает, а потому Ваше Слово ценит. И пусть будет благословенна Ваша ручка, уважаемый Фирс Федосович, ибо каждая Ваша работа – редчайший случай! Важна и интересна не только для ученого мира, но и для многих и многих читателей, профессионально историей не занимающихся.

Кому из нас при каких-то случайных обстоятельствах не доводилось спросить собеседника: «Чем Вы занимаетесь? Где работаете?» К Болоневу с такими вопросами обратиться невозможно, ибо, познакомившись с его книгами, сразу понимаешь – это не работа его, не занятие, а суть, жизнь, если хотите. Он всю свою жизнь делает то единственное, для чего на земле предназначен, и это великое благо для нас всех.

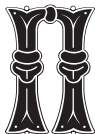
Бутковские будут благодарны судьбе за дарованную встречу с Фирсом Федосовичем Болоневым пока длится их род.

Доброго Вам здоровья, дорогой Человек!

Н. Бутковская

Раздел I
К истории изучения семейских Забайкалья

**НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЛЯ***

роблемы изучения русского старообрядчества, его культуры вызывают большой интерес как у русской (российской), так и у мировой научной общественности. Свидетельство тому – проведение ряда региональных, общероссийских и международных научных конференций и симпозиумов, материалы которых известны специалистам. Самобытное историческое развитие России, в котором активную роль играли старообрядцы, заставляет ученых разных стран обращаться к опыту последователей древлего православия, видя в них носителей и хранителей искони национальных традиций. Исследователи находят в этом неповторимом явлении те особенности русской жизни, которые бытовали во времена средневековья и частично сохранились до настоящего времени в их трудовых, религиозных и культурно-бытовых традициях и которые могли бы при определенных условиях дать импульс к развитию хозяйственной деятельности и духовно-нравственного возрождения. Лучшими предпринимателями, купцами, меценатами в России были старообрядцы (Гучковы, Рябушинские, Морозовы, Третьяковы, Кокорев, Солдатенков и др.). В начале XX в. более половины русской промышленности было сосредоточено в руках старообрядцев.

Ныне представители разных социальных групп и политических кругов, писатели, деятели науки и культуры (Ю.М. Лужков, Д.С. Лихачев (ныне покойный), А.И. Солженицын, В.Г. Распутин и др.) нередко апеллируют к старообрядчеству, находя в нем, в образе жизни его последователей образцы, достойные подражания и восстановления ради сохранения подлинной русской культуры или национальной

---

*История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тез. регион. науч.-практ. конф. (19–20 октября 2000 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. С. 5–9.

русской культурной среды, запас которой ограничен и стремительно истощается (Д.С. Лихачев). Нашу национальную культурную среду достойно в течение веков сохраняли забайкальские старообрядцы – наши «дремучие», но далеко вперед смотрящие предки. Они всеми способами старались сохранить свое лицо, предотвратить утрату национального самосознания, своей культуры, и мы им за это должны быть благодарны. Иначе не было бы того всемирного интереса к феномену русского старообрядчества.

В Сибирь они принесли традиционные способы жизнеобеспечения в сфере духовной и материальной. Находясь вне закона, они благодаря крепости веры, духа, трудолюбия (в их обществах не знали тунеядства), общинной взаимопомощи прослыли лучшими работниками. Ныне на фоне насаждения чуждой им культуры, прозападного образа жизни проблемы родной культуры, ее состояния и развития должны быть приравнены к системе жизнеобеспечения и национальной безопасности, а старообрядческий опыт выживания в экстремальных условиях знать не бесполезно. Более того, он может послужить нам и в поиске обретения национальной идеи, которую ищут по распоряжению сверху, а она должна зародиться и идти с низов. Для старообрядчества основная национальная идея заключалась в «сбережении народа». Первоначально она была высказана при императрице Елизавете Петром Шуваловым, а в дальнейшем развита М.В. Ломоносовым в 1761 г. в сочинении «О сохранении и размножении российского народа». В молодые годы Ломоносов был крепко связан со старообрядцами.

В сфере духовного страшного запустения нужны тщательные поиски и изучение тех духовно-нравственных идеалов, которые были свойственны старообрядческой среде во всей России. Духовный голод не легче хлебного. Это особенно остро проявляется в переломные периоды. Обретение истинных духовных ориентиров, смысла жизни, смысла своего существования в Миров, в мировой истории всегда были присущи староверам. Их духовный опыт противостояния надвигающейся апокалиптической катастрофе породил уникальный пример духовно-нравственных исканий. Утрата религиозного влияния в обществе вела к духовному кризису в культуре в целом. Так, с русского церковного раскола в России начался закат нравственного авторитета духовенства (В.С. Соловьев). Отделение пастырей от стада, насилие над верой обернулось трагедией для всего православия, для всего русского народа.

Опасную роль, иногда страшно негативную, у нас в России играет интеллигенция. Она часто подводит народ к пропасти и оставляет его над ней. Только немногие указывают на верный путь. Печально то, что в наше непростое время русские, в том числе и семейские, с потерей нравственных ориентиров утрачивают и национальное самосознание. Вместо консолидации, национального единения видим распри, расколы, узкогрупповые драчки, непростительную для великой нации разобщенность. А этим умело пользуются проходимцы и стяжатели всех мастей: от политиков-идеологов до экономистов-приватизаторов. Не к лицу нашему народу терпеть наглое навязывание чуждых нам взглядов на жизнь и чуждый образ жизни. У нас есть своя культура, своя вера, свое национальное достоинство и гордость.

Чем же могут гордиться семейские? Вопрос не праздный. Вероятно, своей культурой, преданностью вере, любовью к земле-матушке, чистотой своих домов и проч. На одно из первых мест мы поставим их «земледельческий талант», их трудолюбие. Незабвенная гордость наша – замечательный писатель И.К. Калашников писал: «Сменяются поколения, чередуются мир и войны, людские радости и горе, а труд хлебороба вечен, как сама жизнь». Но прирожденному семейскому земледельцу жилось несладко. Размеренный ритм крестьянской жизни часто нарушался. Социальные катаклизмы в России в XX в. больше всего ударили по крестьянину. Известно, что культура крестьянской общины – триединая нерасчлененность производственной, духовной и бытовой деятельности. Это все представляло единое целое. Разрушение двух из них (духовной и бытовой) в 1920–1930-е гг. привело к утрате единого традиционного мироощущения: нарушился миропорядок, чувствовалась обреченность, назревало чувство неуверенности, которое, к сожалению, живуче до сих пор и даже еще более усугубилось современными реформами.

В эту неблагоприятную пору (смутное время) особенно важно проявить особую заботу о нравственном состоянии молодого поколения, о его духовных запросах, уделить внимание семье, школе, библиотекам. Нужно добиваться компьютеризации школ, чтобы «в просвещении быть с веком наравне».

Дабы не быть Иванами не помнящими родства, пора возвращать историческую память. На очередь необходимо поставить насущные вопросы исследования родословных. У семейских есть много дос-

тойных родов, фамилий, династий, напоминание о которых могло бы стать еще одним предметом гордости. Пробуждать интерес к истории своих предков нужно с семьи, а постоянно поддерживать его на занятиях в школе.

Историю Отечества важно начинать с изучения родных деревень, сел, поселков, районов. Для этого нужно привлечь местную интеллигенцию (краеведов, работников архивов, учителей) и шире использовать материалы, уже собранные исследователями старообрядчества.

Задумываясь о будущем, необходимо уделить самое серьезное внимание демографическим процессам, происходящим в семейских поселениях. Неплохую работу по этой проблеме провели учителя из Тарбагатай. Их результат неутешителен: наблюдается резкое снижение рождаемости за последние годы и увеличение смертности в большинстве сел Тарбагатайского района.

В заключение этих сжатых тезисов можно сказать, что у каждого народа своя история и своя «национально-выстраданная литература». Это положение можно отнести и к отдельной группе русского народа, которая выстрадала свою культуру, сохранила свои самобытные черты в антропологическом типе, одежде, говоре, обрела самоназвание и обладает самосознанием. Остается надеяться, что проведение данной научно-практической конференции в Бурятии, организованной Бурятским государственным университетом, — давно назревшая проблема, и весь спектр вопросов, вынесенных на этот региональный форум, — яркое свидетельство того, что экономический и культурный потенциал старообрядцев Забайкалья как этнографической, этноконфессиональной группы велик и представляет исключительный интерес для научных исследований и решения многих насущных задач, стоящих перед нашим обществом на пороге третьего тысячелетия и двухтысячелетнего существования христианской культуры, что само по себе предопределяет подведение некоторых итогов и дальнейшее решение проблем развития культуры старообрядцев Забайкалья.

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.*

начале второй половины XVIII в. из Стародубских и Ветковских слобод, бывших Черниговской и Могилевской губерний, а также городов Бара, Бердичева, Винницы, Межибежа, Холмича, Хмельника, в Забайкалье целыми семьями были сосланы русские старообрядцы, которые образовали особую этническую группу русского населения Сибири. Впоследствии, подчеркивая эту обособленность, за ними закрепилось название «семейские». Поселены они были довольно компактно. И ныне проживают в Бичурском, Мухоршибирском, Тарбагатайском, Заиграевском, Хоринском, Еравнинском аймаках (районах) Республики Бурятия, а также на Амуре и Приморском крае. В данное время численность семейских составляет примерно 200 тыс. человек (точной переписи этой группы на сегодняшний день не имеется). Своеобразные особенности их жизненного уклада постоянно привлекали к себе внимание исследователей и путешественников.

Первые сведения о старообрядцах Забайкалья сообщает П.С. Паллас. В 1771–1772 гг. во время своих знаменитых экспедиций он посетил ряд их поселений, описал природные условия этих мест, занятия населения, привел данные о численности жителей как старожилов-сибиряков, так и «польских колонистов», «поляков», т. е. русских старообрядцев, высланных из пределов Польши. Особенно подробно описаны Палласом староверы с. Куйтун, которые «по лесистым горам не без малого труда, но и не без желанного успеха расширяются. Оне имеют довольноное хлебопашество, а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым... оне уже довольноно развелися»¹.

Паллас отмечает трудности борьбы с природой и настойчивость новых колонистов в развитии хлебопашества на новых местах. «Сие

---

*Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: Пре-Пресс-Студия, 2005. С. 47–57.

место чрезвычайно холодно то на льду ни коноплей, ни гречухи, ни гороху, ни пшеница никогда не родится, хотя трудолюбивые поляки всего сего сеять не упускали и много раз к новому посеву вновь закупали ...»

Климатические условия были таковы: «По Куйтуну осенью очень рано великие случаются туманы и иньи, а весною земля в долинах растаевают очень поздно, и так все, кроме ярового и зимового по низким местам померзает, и только что некоторые места повыше, на тех и урожай бывает, если при том довольно часто случающаяся сушь не лишит земледельца последние надежды»².

В результате своих наблюдений Паллас приходит к следующему выводу, что «кроме кочующих народов, каковы бурята и тунгусы, никакому другому тут жить не можно»³.

Небезынтересны сведения Палласа об использовании и усовершенствовании, применительно к местным условиям, «поляками» такого сельскохозяйственного орудия, как плуг, которым пахут «гораздо глубже и лучше корни подсекают, нежели русскою сохою»⁴, о попытках староверов унавоживать пашни, о способе получения мерлушек, «которые гораздо дороже к китайцам походят, нежели бухарские»⁵ и о «выплавке железа из руд куйтунскими кузнецами, которым они весь Селенгинский уезд снабжают»⁶, и т. д.

Словом, академик П.С. Паллас старается дотошно вникнуть во все детали хозяйственного устройства староверов на новых местах, указывает на места их поселения, сообщает о количестве дворов в том или другом селении и о численности староверов в каждом из них. Общее число старообрядцев, по его данным, составляло около 5 тыс. человек, вероятно, лиц только мужского пола, так как женщин в то время во внимание не принимали.

О некоторых опытах хлебопашества, огородничества и садоводства рассказывает И. Сиверс, который побывал в этом крае в 1790–1791 гг. Он в своих «Письмах о Сибири» пишет: «Перевалил значительный Урлукский хребет, вышел на большую плодородную равнину, где было красиво расположено село Урлук, населенное лет 30 тому назад польскими и русскими крестьянами, которые ввели здесь земледелие и фруктовое садоводство. До их же прибытия даже русские – местные уроженцы – вели кочевой или полукочевой образ жизни, с тою лишь разницей, что они жили в деревнях и в постоянных избах. Но так как большая польза, приносимая усердием поляков-хлебопашцев

была очевидной, им стали подражать не только местные русские, но даже настоящие монголы...»⁷ «Поляками» Паллас и Сиверс называют русских старообрядцев, выведенных из польских пределов. «Польские колонисты пытаются разводить чечевицу и лен, но первая не растет совсем, последний же вырастает только коротким. Зато он очень хорошо прорастает у реки Хилок близ д. Акинская».

С конца XVIII в. и вплоть до 1824 г. никаких сведений о семейских в печати обнаружить не удалось, кроме лестного отзыва печально известного губернатора Трескина (1808 г.) о том, что «они и камень сделали плодородным».

А. Мартос, побывавший в новый 1824 г. в с. Тарбагатай, отмечает «настоящее русское национальное платье женщин, которые стояли кружком у ворот в повойниках, унизанных жемчугом, с покрытыми фатами», упоминает мужчин «в нарядных зимних кафтанах, в шапках набекрень»⁸. Этот автор описал обстановку избы, где мебель красного дерева, серебряный сервиз, «еду из четырех блюд, чай», и в довершение ко всему сообщил о петербургских журналах и газетах, которые выписывает хозяин дома, где он остановился. Затем он приводит данные о рыбных промыслах, хлебопашестве, которое достигло здесь, по его мнению, «высшей степени совершенства. Многие оратаи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам-десять. Яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен. Сверх того, местные жители, отважные и прилежнейшие охотники, бьют сохатых (лось), зубрей, диких коз, медведей, волков, лисиц и зайцев. Крестьяне довольно зажиточные, в домашнем обиходе держат по сотне рогатого скота, от трех до пяти сот овец, по сотне лошадей, коими обрабатывают землю». Эти сведения А. Мартоса весьма субъективны и могут быть верны только в приложении к богачам, каким был его хозяин Ф.И. Заиграев.

Опыты по культивированию и разведению отдельных сортов и видов культурных растений проводили не только крестьяне, но и энтузиасты-одиночки. Одним из таких увлеченных людей был Григорий Шевелев, житель Верхнеудинска. О своих земледельческих занятиях и о занятиях хлебопашцев Забайкалья он описал в статье «О хлебопашцах забайкальских и их хозяйстве»⁹.

Г. Шевелев чрезвычайно высоко ценит хлебопашество семейских крестьян, их «необыкновенную деятельность» и бескорыстие. В 1830 г. было сильное наводнение р. Селенги. «Все пашни и покосы у многих

крестьян были затоплены; люди лишились хлеба, а скот – сена и подножного корма; к тому же Иркутская округа при неурожае потребовала до 100000 пуд хлеба, которое требование хотя и со вредом себе было исполнено.

Где взято 100000 пуд хлеба при неурожае?

Сей-то хлеб доставили наши, как я уже назвал, почтеннейшие *Семейные* (автор это название выделяет курсивом и пишет с большой буквы. – *Ф.Б.*), которых считается около 9000 душ; они же прокормили следующие два класса земледельцев (т. е. русских старожилов и бурят. – *Ф.Б.*) и всех, кто сам не обрабатывает, а приобретает хлеб покупкою». Далее он пишет: «Сии-то земледельцы, имея случай нынешний год возвысить цену на хлеб до неимоверной степени, остановили оную в вольной продаже на двух рублях за пуд, а из угождения к начальству для иркутской округи – по 1 рублю 25 коп.»¹⁰ А об усовершенствовании ими орудий земледелия Г. Шевелев сообщает: «Судить (об этом) весьма трудно; они заменяют необыкновенной деятельностью свою все машины, все изобретения ума»¹¹. Также он пишет, что семейские не утратили при переселении ни веры, ни нравов, ни обычаев старинных русских крестьян.

В 30–40-е гг. XIX в. многие авторы, учитывая все капризы природы Забайкальского края, недостаток «земледельческих рук», примитивную технику, применяемую крестьянами, трудоемкость земледельческих занятий и возможность заниматься здесь скотоводством, охотой, извозом, которые считались более легкими, чем земледелие, утверждали, что хлебопашество в Забайкалье находится еще «в младенческом состоянии». Одним из таких исследователей был Л. Львов, собравший большой материал и давший наиболее обстоятельное описание Забайкальского края. По его мнению, «хлебопашество, составляя вообще главный предмет промышленности крестьян Забайкальского края, далеко еще не достигло той степени улучшения, которая усматривается в некоторых великороссийских губерниях»¹². Среди причин, которые «препятствуют там успешному земледелию», он видит «нерадение большей части жителей», «недостаточное население края» и «разные естественные препятствия». К последним он относит «бесснежные, холодные зимы и частые засухи во время лета... В засушливые годы, сверх того, появляется там малый род саранчи, называемой *кобылкою* (курсив автора. – *Ф.Б.*), которая производит большие опустошения».

Автор выделяет в качестве хорошего примера 4 волости Верхнеудинского округа, населенные старообрядцами: Тарбагатайскую, Мухоршибирскую, Куналейскую и Урлукскую и селение Николаевское Татауровской волости Нерчинского округа, населенное украинцами.

Л. Львов отмечает «трудолюбие и усиленную деятельность раскольников и николаевских крестьян», которые «вполне обнаруживаются в их избыточном хозяйстве». Их успехи в хлебопашестве он сравнивает с достижениями поселян великороссийских губерний, но земледелие крестьян Забайкалья требует больших усилий и большей деятельности при обработке полей. «Исчисленные нами волости служат, можно сказать, житницей для всего Забайкальского края, потому что в прочих волостях хлебопашество стоит на самой низкой степени». Он обвиняет старожилов «в ленности и невежестве», а поселенцев «в небрежности», так как последние «оставляют хлебопашество в совершенной зависимости от физических условий», которые нередко сопровождаются гибельными последствиями для хлебопашца¹³.

В 60–70-е гг. XIX в. интерес к семейским возрастает. В 1861 г. их посещает известный писатель и крупный этнограф XIX столетия С.В. Максимов. Он также отмечает зажиточность староверов, их умение ладить с начальством, воспроизводит историю их водворения за Байкал. По этому случаю он записывает от семейских следующее предание: «Казна дедам нашим не помогала. Привел их на место (на р. Иро) чиновник... стали его спрашивать, где жить? Указал в горах. (Действительно, все три волости словно провалились сквозь землю. Кругом высокие лесистые горы.) Стали пытаться: чем жить? Чиновник сказывал, а вот станете лес рубить, полетят щепки; щепы эти и ешьте! Поблагодарили его, стали лес рубить; на другой год исподволь друг около друга стали кое-чем займываться, запасаться нужным. На 8 дворов одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили, повеселели. Приехал знакомый чиновник и руками развел: “Вы-де еще не подошли? Жаль – очень жаль, а вас чу! – затем и послали, чтобы вы все переколели”»¹⁴. Собщает он и об этапах переселения, о количестве семей, пришедших на Иро и затем перекочевавших в Бичуру. Перечисляет и фамилии пришедших в село. Ни старин, ни былин, ни песен старообрядцев ему записать не удалось, но он отмечает одну интересную особенность их нравов, проявляющуюся на святках – «род свального гре-

ха»¹⁵. Этот пережиток – остаток глубокой древности славян; бытование этого явления у семейских в дальнейшем не было зафиксировано.

В 1864 г. с рядом бытовых очерков о семейских в газете «Иркутские губернские ведомости» выступает Н.В. Ушаров¹⁶. Им красочно описаны праздничная одежда, пища, отношения молодежи, гуляния и хороводы и брак убегом, которые он наблюдал в Прокопьев и Ильин день. Интерес представляют и другие работы Н. Ушарова.

В 1867 г. публикуются материалы из жизни и быта семейских в ныне забытой работе Н.В. Паршина¹⁷. Автор сообщает любопытные данные о возделывавших культурах, святочных обрядах, суевериях, религиозности, поверьях и запретах староверов. Вот, к примеру, ряд запретов и поверий, записанных Н.В. Паршиным. «За едою смеяться нельзя. Всякий, кому бы пришла фантазия рассмеяться, выходит из-за стола и лишается обеда. Насытившийся не ломает стол. Хлеб щипать или крошить – грех»¹⁸. Круглую коврижку хлеба после заката солнца нельзя начинать, потому что хлебушко спит. Если чай прольешь на сарафан, то покойные родители захотели пить»¹⁹.

Примечательно своей верностью суждение автора об их религиозности, которую он считает чисто формальной, без всякого внутреннего сознания. «Делают так потому, что так делали наши отцы и деды, и они убеждены, что их привычки нельзя изменять»²⁰. Несомненно то, что эта убежденность, ставшая традицией, консервировала обычаи и обряды, которые переходили из поколения в поколение в застывшем, первоначальном виде, что представляет для науки исключительный интерес.

Лучшим бытописателем семейских, несомненно, является известный этнограф П.А. Ровинский. Им написаны две работы, посвященные забайкальским старообрядцам, которых он считает самой интересной группой среди русского населения Забайкалья²¹. П.А. Ровинский основывает свои выводы не только на своих личных наблюдениях, но и использует данные архивов сел Бичуры, Урлука и Никольска. Он отмечает «некоторую разницу в костюме, в домашней обстановке и в приемах земледелия. Особенности эти частью развились здесь, на месте их поселения, частью вынесены ими из прежнего их отечества»²². «На происхождение их из разных мест указывает разница толков, самом характере и некоторые бытовые особенности. Семейские Куналейской волости одни пашут пароконным

плугом в роде немецкого, тогда как все остальные пахут сохой»²³.

Автор предполагает, что жили они, вероятно, в Литве или Белоруссии, а попали туда из северных губерний Архангельской и Вологодской^{24*}.

Касаясь причин переселения старообрядцев в Забайкалье, П.А. Ровинский пишет: «Екатерина II, видя в них дух религиозной оппозиции, на которой может быть основана оппозиция политическая, она, не терпя никаких сект, решила старообрядцев выселить оттуда, где они казались ей небезопасными и отправить в Сибирь для заселения и возделанья наших крайних восточных пустынь»²⁵. Поселенные в досель неведомых ими землях, старообрядцы выдержали упорную борьбу с суровыми природными условиями. А ведь случалось так, «то погибли молодые всходы весной, тохватила засуха, то налетела саранча и у одних бичурян съела 550 десятин разного хлеба, то погода мешала убрать урожай, часть, именно 41 десятина, стояла на корню. А тут навалился снег. К этому присоединилось междуусобие; одни настаивали отворить ворота поскотины и пустить скота, а целая треть противилась, надеясь еще как-нибудь выбрать хлеб. Дело доходило до драк ...» Но «дух крепко сплоченной общины и уменье дали им ту силу, с которой они продолжают жить и продолжать заселение и обработку новых земель до настоящего времени»²⁶. Они довели земледелие до лучшего состояния в Забайкалье. Далее автор отмечает их «благодетельное влияние на остальное население (на бурят и сибиряков. – Ф.Б.). Прискорбно только встречать в них отпор просвещению»²⁷.

В конце концов, Ровинский приходит к следующему выводу: «Для бедной населением Сибири они составляют довольно крупную единицу и потому заслуживают полного внимания при изучении сибирского населения»²⁸.

В следующей работе «Материалы для этнографии Забайкалья», напечатанной в 1873 г., П.А. Ровинский довольно подробно описывает с. Бичуру, ее местоположение, дает портреты и характеристики ее жителей, рассказывает о положении женщины в семье и ее участии

---

*Автор в этом предположении явно суживает границы мест, откуда старообрядцы бежали в Польшу.

в труде. Причем приходит к примечательному выводу, что «в Сибири женщина более самостоятельна, чем в России», и что семейские женщины умением вести хозяйство без мужа «сильно напоминают наших дончих...»²⁹

Из праздничных обрядов описаны крестный ход на воду на первого Спаса в его церковно-обрядовой форме. О Святках и Масленице сказано весьма скупо и то со слов местного парня, главным образом о гулянии молодежи и о катании. Интересны сообщения автора о травах, применяемых в народной медицине, о способах лечения. Приведено несколько заговоров.

Автор, стоявший на демократических позициях, видел положительные и отрицательные стороны быта, улучшение которых он полагал в общем подъеме материального благосостояния и культуры всего русского народа.

В 80-е гг. XIX столетия появляется ряд новых интересных работ. В это время резко усилилась миссионерская деятельность официальной церкви с целью вывести старообрядцев при помощи увещаний из заблуждения и влить их в общее лоно официального православия. В связи с выездами миссионеров к старообрядцам в газете «Иркутские епархиальные ведомости» появилось много отчетов о миссионерской деятельности, в которых воспроизведены отдельные эпизоды из жизни старообрядцев. Так, из этих отчетов узнаем о переходе бурят в старообрядчество, о смешанных браках русских старообрядцев с бурятами и ясачными.

В «Отчете о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1887 г.» говорится: «...На Курбе явился раскол через поселения на местах, отведенных ясачным крещеным инородцам, — раскольников, выпросившихся на их дачи для прокормления скота при временных заимках. С течением времени они усилились, через браки совертали некоторых ясачных, крещенных в православную веру, и теперь до того стеснили новокрещенных, что они едва дышат»³⁰. Один священник передает, например, такой разговор с мужиком о том, что жена последнего водится с нечистыми духами. Каждую ночь видит чертей и говорит с ними, и что мужичок сам слышит их разговор, только не может понять, о чем они говорят. Избавиться от этого наваждения миссионер советует молитвой и постом и склонить жену к покаянию у православного священника.

Несмотря на все старания миссионеров, старообрядцы не оставляли своего «заблуждения» и не хотели становиться «верными чадами единой христовой церкви», оставаясь истовыми приверженцами протопопа Аввакума.

Интересные сведения о жизни, быте и физическом типе семейских находим и у ныне забытого автора М.И. Орфанова (Мишля). Его книга – «В дали (Из прошлого)». Рассказы из вольной и невольной жизни вышли с предисловием известного этнографа С.В. Максимова. Последний отметил «живые и правдивые рассказы» о семейских – «народа с особенным от сибиряков складом», которые «развели такое хлебопашество, которое сделало всю эту местность неисчерпаемую житницей всего Забайкалья и далекого Амура»³¹.

Сам автор в восторге от семейских и от Забайкалья. Он отмечает их русскую чистокровность, красоту. «Мало того, что красивых между ними очень много, – они к тому же весьма крупный, сильный народ. Я встречал даже женщин и не особенно редко, вершков 8–8 1/2 и более росту. Старики же бывают такие красивые, сановитые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить отличными натурщиками для библейских сюжетов»³².

Автор приводит данные об истории их переселения, о ведении хозяйства, о преследованиях со стороны царских властей, о работе на золотых приисках и т. д.

В 1882 г. старообрядцам Забайкалья посвящает большой очерк известный революционный деятель 60-х гг., историк и этнограф И.Г. Прыжов (псевдоним Благовещенский). Он считает, что «это староверы из Дорогобужа и Гомеля, сосланные сюда при Анне Ивановне и при Екатерине II в 1767 году... Всех забайкальских староверов насчитывают до 40 тысяч»³³. «Переселение сюда староверов, силой оторванных от родины и гонимых без малейшей вины, было целой эпопеей страданий ... Другая народность тут бы вымерла от голода, но они вышли победителями, поистине совершили чудеса и в экономическом отношении стоят теперь несравненно выше сибиряков».

И.Г. Прыжов приводит материалы по топонимике семейских сел. Объяснение монгольских названий он записал у местных жителей, поэтому с частью его объяснений нельзя согласиться. Так, например, Куналей он толкует (в переводе с монгольского) как холодный

хиус, сырой ветер перед ненастьем^{*34}. Автором дано интересное описание обычая семейских в родительские дни, показаны забота и кормление арестантов, проходящих этапом через села староверов³⁵.

В середине 80-х гг. XIX столетия появляется статья К. Михайлова, в которой автор рассматривает общинный быт русских крестьян Забайкальской области. Автор довольно подробно описывает общинные отношения, дает характеристику общине семейских, которую он называет «общиною общин», так как у старообрядцев «каждое селение состоит из домохозяств с большими семьями, достигающими иногда до 50 душ. В каждой семье царит замечательный порядок, основанный на распределении труда между членами ея»³⁶.

К числу несомненных достоинств его работы, обеспечивших значимость ее и для наших дней, относится объективность рассмотрения социально-экономических процессов, характерных для общин того времени. Он описывает разные события, происходящие в общине, отмечает зарождение сельских мироедов-кулаков, скупающих усадьбы и земли у крестьян. Отмечает борьбу «мира» – общины, против посягательства кулаков³⁷. Автор не видит и большой замкнутости семейских, ибо «они не чужды и к восприятию новшеств, касающихся только сферы их благосостояния, впрочем, по тщательному убеждению в их пользе». Это очень резонное замечание К. Михайлова, ибо большинство исследователей склонны преувеличивать чрезмерную замкнутость их быта, фанатичную преданность их старой вере и обрядам. Но все подобные выводы делались, надо сказать, без должного изучения их жизни и быта, не учитывая социально-экономических процессов, происходящих в общинах семейских и, чаще всего, на основе беглого знакомства с жизнью забайкальских староверов.

Хотя семейские с их практическим умом никогда не чуждались новшеств и в хозяйственной жизни, и в быту, если от них была прямая выгода³⁸. В вопросах землепользования К. Михайлов отмечает и то, что у крестьян нет точного представления собственности на землю. Они считают землю своею. «Наша спокон веку, мы косили тут и пахали. А дальше, смотришь, землю отобрали, отдали другим»³⁹. Дело в том,

---

^{*}В действительности же слово образовано от бурятского «хунила», что означает складка, сборка, т. е. складчатая, перемежающая горы с падами, местность. – Ф.Б.

что в Забайкалье, как и во многих местах Сибири, земля принадлежала кабинету, т. е. здесь «наряду с государством собственником земли являлся царь. Кабинет был в области единственным представителем крупного помещичьего землевладения. Восточная половина Забайкалья была его вотчиной»⁴⁰. К тому же «особенность аграрного строя Сибири заключалась в том, что здесь не было генерального межевания, земельные угодья, находившиеся в фактическом владении сельского населения, не были “приведены в надлежащую известность” и юридически разграничены. Поэтому местное население... привыкло распоряжаться казенными землями и лесами бесконтрольно и безгранично, как бы своею личною собственностью»⁴¹.

Все земельные угодья были отданы в пользование сельским общинам, слово «община» у крестьян не употреблялось и заменялось словами «мир», «общество»⁴². К этому времени такие сельские «общества» семейских, как Бичурское, Куналейское, Тарбагатайское, Урлукское, Куйтунское и другие достигли больших размеров. Например, в Бичурской общине было свыше 4 тыс. человек и она состояла из 1259 ревизских душ. При усиленном росте населения наступало малоземелье, что заставляло крестьян переселяться на восток⁴³. Исходя из этого, и «на усадебные места (т. е. на дворовые места с овощным огородом) весь крестьянский мир за Байкалом смотрит как на собственность, которую он может передавать по наследству в своем роде. Переход земли в пользу наследникам не оформляется никаким документом, а переход или, вернее, продажа в другие руки требует совершения купчей при мире. Это дает возможность предполагать, что у тамошнего крестьянина нет полной уверенности в праве продавать свою усадебную землю». Справедливость своего предположения автор подтверждает в следующем примере: «В Бичурском селении Верхнеудинского округа в 1882 году крестьяне общественники на одном из мирских сходов порешили заранее наметить усадебные земли для всех, не имеющих усадьбы наличных душ мужского пола, включая в это число и малолетних, которые входили в семьи бичурских домохозяев»⁴⁴.

Вероятно, такое решение «явилось результатом земельных споров со старобичурцами (православными, живущими в Старой Бичуре) и проживающими в том же селении казаками, усадебные места которых не были разделены и обмежованы, а может быть, и боязнь, что близкие усадьбы могут перейти в руки причисляемых ссыльных. Право же

свое наметить и выделить усадьбы они основали на установившемся обычае давать дворовые земли каждому члену своей общины, который пожелает обзавестись хозяйством и на праве общества земли для малолетних давать их отцам в виду того, что отцы для сыновей постепенно могут застроить эти усадьбы»⁴⁵. Данное сообщение указывает на неупорядоченность земельных владений у различных групп в забайкальской деревне. Об этой стороне вопроса в свое время писал проф. А.А. Кауфман: «Крайняя запутанность составляет одну из характернейших черт забайкальского землевладения и выражается, между прочим, в том, что фактическое владение отдельных обособленных в этнографическом, административном и поземельно-устроительном отношениях групп населения сплошь и рядом выходят за юридические границы, отделяющие эти группы одну от другой, распространяется на земли, принадлежавшие к числу казенно-свободных...»⁴⁶

Все это было именно так. Но, принимая во внимание все эти материалы, вернемся к выяснению вопроса о наделении усадебными землями всех лиц, не имеющих усадьбы, в том числе малолетних. Для чего все это было затеяно? Какая причина побудила провести такое наделение? В какой-то мере тут можно было бы согласиться с предположением автора, что оно «явилось результатом земельных споров» семейских крестьян со старобичурцами и казаками и боязнью перехода соседних или близлежащих «усадеб в руки причисляемых ссыльных», которых, кстати, в то время было причислено к Бичурскому селению 190 человек⁴⁷. Но поселенцы не всегда садились на землю, особенно в семейских селах. И разве не было таких споров до этого? Нам думается, что это было последствием дальнейшей социальной дифференциации забайкальского крестьянства и проникновением капиталистических отношений в семейские села, где все большую роль в хозяйственной жизни начинают играть богатеи. Именно под влиянием этих представителей нарождающейся сельской буржуазии было проведено описанное наделение усадьбами*. В этом нас убеждает и дальнейшее сообщение автора, что «как только усадьбы были выделены, некоторые начали их продавать, а кулаки-мироеды усиленно

---

*Известно, что основной тон на сельских сходках обычно задавали зажиточные крестьяне. И «мир» (общество) часто шел у них на поводу.

добиваться покупки». Опомнившийся «мир» восстал на это и принес жалобу полиции и губернатору, прося воспретить крестьянам продавать усадьбы и настоял на исполнении своего ходатайства⁴⁸. Это очень интересный пример социального расслоения в крестьянской общине, падения ее значения и силы, иначе зачем же нужно было по своему же постановлению обращаться за помощью к полиции и к губернатору. Из этого сообщения видно, что «государственная форма собственности на землю не представляла собой фикцию, а иногда выступала как реальная сила, когда государство (полиция и губернатор. – Ф.Б.) вторгалось в земельные отношения»⁴⁹.

Усадебные земли переделам не подлежали. Семейные разделы были крайне редки. И причиной их автор считает разлады, поднимаемые женщинами. Разделы приводили к обеднению поделившихся. «Мир порицает разделы, но никаких мер против них не принимает»⁵⁰. Это было свидетельством усиливающегося процесса разложения патриархального быта семейских и все большего проявления самостоятельности женщин, не желающих быть в семейной кабале свекра-батюшки, а стремящихся стать самостоятельными хозяйками.

Автор указывает на «расчистки пашен в лесах и захватный способ землевладения. На пашни, раскорчеванные в лесах, хозяин имел право пользования в течение 40 лет. А часто такие пашни переходили в частную собственность и передавались в наследство. Мир разрешал крестьянам разрабатывать такие пашни каждому по силам его. Руби, сколько хочешь и где хочешь»⁵¹. В захватном способе и праве «уступать свои пахотные земли члену своей общины за известную плату» автор видит основу появления кулацких хозяйств. Передел сенокосных угодий происходил каждый год между рабочими душами, а в некоторых общинах и между ревизскими⁵².

Семейские занимались не только земледелием, хотя хлебопашество было их основным занятием. Некоторые предприимчивые крестьяне в специальных ямах отлавливали изюбрей, привозили их в села и содержали в специальных загонах-изгородях. Об этом сообщает известный врач, исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Н.В. Кириллов. Он подчеркивает, что этим «содержанием изюбрей занимаются исключительно русские крестьяне». По р. Чикюю и в системе р. Хилка перечисляет в основном села старообрядцев. «Всего по Верхнеудинскому округу можно считать не менее 600 маралов, приносящих валового

доходу около 25–30 тыс. рублей». Сбывали панты главным образом китайцам по 4–8 рублей за фунт⁵³. Следует отметить, что Н.В. Кириллов, проживший в большом староверческом с. Бичуре с 1890 по 1893 г., близко познакомился с бытом семейских и написал о них несколько статей, в которых описаны суеверия и неприязненность старообрядцев к научной медицине, несмотря на высокий процент заболеваемости среди них. «Население считает “грехом” противиться “воле божьей”. Приходится слышать такое рассуждение: “Бог дал утеху родителям поласкать детей и потом посылает “госпочку” (оспу), спешит в назначенное время убрать лишних, чтоб не стало тесно остальным”»⁵⁴. Несмотря на широкое распространение заболевания зобом (6 %), оспой и другими болезнями семейские из-за своей темноты и под влиянием уставщиков, которые утверждали, что знак, оставшийся от оспы, – это «антихристовая печать», всячески избегали врача. А когда были выделены медикаменты, несколько ящиков их получил и Н.В. Кириллов, то начетчики на «соборе» в с. Куйтун постановили: лекарств не принимать. Правда, богачи первые приходили за медицинской помощью, нередко ночью или под каким-либо благовидным предлогом и требовали секретных способов лечения, например привития предохранительной оспы под коленом.

Положение врача осложнялось еще и тем, что Кириллов с женой вели метеорологические наблюдения за погодой и на крыше была установлена будка с флюгером. Кто-то пустил слух, что эта «будка с петухом» отводит тучи, от нее засуха. И 24 июня 1893 г. на многолюдном сходе был выражен протест против проживания врача в селе. Кириллову заявили, что «лечиться считают развратом, делом, противным “святому писанию”». От него польза только для тела, а душе – тяжкий грех». Тех, кто обращался к врачу, лишали христианского погребения. И Н.В. Кириллов был вынужден покинуть Бичуру, хотя не менее четверти населения было за врача⁵⁵.

Не менее неприязненным было отношение семейских к светской грамоте. И опять же под влиянием уставщиков и начетчиков – этого «страшного зла в семейских селах», как их позже назовет проф. А.М. Селищев. Об этом мы узнаем из статьи «Школы по Чикою». Автор ее скрылся под псевдонимом «С.Д.». Семейские выступали против открытия в их селах светских школ и против преподавания в них «арифметики и других там выдумок». Так, в 1887 г. в с. Архангельском,

когда на требование общественников учительница отказалась изгнать ненавистную «арифметику», в окна школы полетели камни, срывались ставни. В наступлении принимал участие староста. Мерами пристава разгром школы был предупрежден⁵⁶. Старообрядцы ратуют за изучение только славянского языка, на котором раньше «почти поголовно умели читать мужчины, и абсолютно почти не умели читать и писать по-русски. Семейские видели в ней (грамоте) средство к «оправославлению» их. Этого было вполне достаточно, чтобы протестовать к открытию школ⁵⁷. «Небезынтересно добавить, – продолжает автор, – что сектантская молодежь проявляет к школе далеко не враждебное отношение, особенно послужившие в солдатах и на себе испытавшие всю тяжесть безграмотности. Но всеми общественными делами заправляют старики и, не считаясь с молодежью, всякое проявление общественной жизни пронизывают мертвящим духом косности»⁵⁸.

Детей в школах в возрасте от 8 до 14 лет училось только 25 %, а то и того меньше. Беда заключалась не только в том, что посещению школы противодействовали старики, но и в отсутствии одежды и обуви: не в чем было отправить детей в школу. «К сожалению, это верно», – с горечью констатирует автор⁵⁹. А некоторые «построенные школьные здания стоят в ожидании, когда дирекция отыщет денег на учителя»⁶⁰. В результате этого даже в таких крупнейших центрах забайкальского старообрядчества с их многотысячным населением, как Бичура, школа была открыта только в 1914 г., в Большом Куналее – в 1923 г.

В 90-е гг. XIX в. большую исследовательскую работу среди семейских проводит известный в Забайкалье врач, археолог, антрополог и этнограф Ю.Д. Талько-Грынцевич⁶¹. В семейских он «нашел выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа отрасль великорусского племени»⁶². По его мнению, они переселились в Забайкалье в надежде «получить вдоволь земли, леса и освободиться от рекрутской повинности»⁶³. И теперь «они справедливо гордятся тем, что благодаря лишь их труду, облитому кровью и потом нескольких поколений, они могли добиться здесь известного благосостояния»⁶⁴. Автором дана сравнительно полная сводка о численности населения семейских сел и его естественном приросте, который, по вычислениям автора, был в 5 раз больше прироста общего забайкальского населения и составлял около 6 %. Например, население Бичуры за 116 лет увеличилось в 71 раз⁶⁵.

Автором приводятся разнообразные сведения и по ряду других во-

просов. Так, например, он рассказывает о захоронении покойников у семейских ночью или очень рано до света⁶⁶ во избежание присутствия посторонних лиц, что очень трудно подтвердить современными материалами. Можно предположить, что такое захоронение было связано с участием какого-либо беглого попа, которых семейские привозили из Центральной России тайно, собирая на это предприятие от 5 до 12 тыс. рублей. Естественно, что такого дорогого попа хранили как зеницу ока. Поэтому и религиозные обряды свершали глубокой ночью. Возможно, это описан обряд нового толка – темноверцев. Весьма любопытны сведения о брачных отношениях. Обычай заключения браков совершается «по преданиям языческой славянской старины», семейские похищают себе жен у родителей, с тем только изменением, что этот обычай остался у них как простая обрядность, ибо заранее брак решается между родителями жениха и невесты. Преобладали браки ранние. Юношу 16–20 лет женили на девушке 12–18 лет. «Нельзя было вступать в брак до 8 степени родства. На первых порах, если молодые не сойдутся, могут разойтись, что не считается предосудительным. Если муж прижил с женою нескольких детей, расторжение брака наступало лишь в исключительных случаях и виновная сторона по приговору старших не может больше вступать в новый брак»⁶⁷. Отмечает «изумительную плодovitость женщин, которые в течение семейной жизни имеют от 10 до 24 детей». Отдавая дань их славянскому хлебосольству, готовности пособить ближнему и дружности в управлении общественными делами, он признает, что «старообрядцы пользуются репутацией людей своенравных, не любящих никакого вмешательства в свои дела. К задаваемым им вопросам они относятся недоверчиво и отвечают уклончиво. Случаи неповиновения и ослушания начальства бывают среди семейских весьма часты, а иногда дело доходило до весьма серьезных столкновений ...»⁶⁸

В связи с нарастающим малоземельем часть семейских покидала обжитые места и уходила на Амур. Участились случаи ухода на золотые прииски, что вело к разложению патриархального быта, к забвению дедовских обычаев и пагубно влияло на нравственную сторону старообрядческой молодежи, «ибо оттуда, – пишет автор, – молодые приносят страсть к водке, табаку; картам и сквернословию, которые считались грехом»⁶⁹. Отмечается и страсть к раскрашиванию домов, ставней, карнизов и любовь женщин к яркой красочной одежде. В

заключении работы Ю.Д. Талько-Грынцевич указывает на необходимость более обстоятельного изучения семейских как «одной из самых чистых отраслей великорусского племени с их психологическими особенностями в характере и обычаях»⁷⁰.

Рассматривая их антропологический тип, Ю.Д. Талько-Грынцевич заключает: «По чистоте тип семейских можно поставит на первом месте среди великороссов»⁷¹. В их высокорослости он видит кровное родство старообрядцев с юго-западным населением Новгородской губернии и их западными соседями (эсты, ливы). Отмечает преобладание у них светло-русых волос, голубых глаз. Он обследовал 232 мужчин и пришел к выводу, что средний рост семейских (166,9 см) и по росту они выше всех русских и ближе всего стоят к антропологическому славянскому типу⁷².

В 1898 г. вышли в 16 выпусках «Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области». Это фундаментальное издание содержит в себе исключительно ценные материалы по хозяйственному быту русского, бурятского, эвенкийского населения. Содержится в нем много различных сведений и о семейских. Еще ранее вопросы земледелия и хозяйственной деятельности были рассмотрены в исследованиях Н.А. Крюкова⁷³. В очерке писателя и этнографа П. Белецкого⁷⁴ прослежена эволюция общественной жизни и быта староверов в Забайкалье. Первоначальный этап их жизни, по описанию автора, носит явно идиллический характер. «Хорошо тогда жилось староверам, уединившимся на истинном лоне природы. Все, что нужно было для жизни, было свое и под руками и служить богу по своему разумению и совести никто им не мешал. Старики управляли общественной жизнью, молодые воспитывались в страхе божьем и трудолюбии, вдали от соблазнов, суеты и развращающих начал жизни, учась любить лишь те высокие основы жизни, которые дают ей смысл и красоту»⁷⁵. Правда, автор упоминает, что это было записано со слов стариков. Но не нужно выпускать из виду и то обстоятельство, какой титанический труд потребовался для того, чтобы освоить эти девственные места, выкорчевывая деревья, поднимая вековую целину. Так что едва ли существовал тот «идиллический быт», который с упоением описан этнографом. Затем «гнезда раскольников» подверглись преследованиям полиции и начальства, и жизнь их омрачилась. Да, действительно, во времена царствования

Николая I, искоренявшего все ростки свободомыслия и оппозиции на старообрядцев, настроенных весьма оппозиционно, тоже обрушился град репрессий. Были закрыты их церкви, запрещались богослужения, участились аресты и ссылки наиболее «крамольных стариков»⁷⁶. Личное же впечатление автор называет «безотрадным». В самом деле «о прежней патриархальности и дружной общинной жизни не осталось и помину. Единство старой веры разбилось на секты, между представителями “толков” и “согласий” идет горячая распря, в массе наблюдается уже некоторая индифферентность к вере вообще». Появилось пристрастие к водке, вычурным ругательствам, мордобитию и «стяг чуть ли не возведен в культ»⁷⁷. О братской помощи не может быть и речи. «Подсигивание» и «объегоривание» у них стало делом обычным. В населении сказывается большая скученность, и надельной земли не осталось даже по 5 десятин. Недостаток земли вызвал необходимость отхожего промысла, преимущественно на прииски, и «семейские» стяжали себе известность отличных приискателей, репутацию первых воров и «скандалистов». На приисках они зарабатывают рублей по 300, но некоторые не возвращаются с приисков лет по пять, так как после расчета у них не остается денег на дорогу. Но, несмотря на это, «семейские остаются лучшими хозяевами в Забайкалье и первыми поставщиками хлеба на местный рынок». В отличие от многих других авторов, П. Белецкий указывает, что исчезает предрасудок к оспопрививанию и что «к учености они относятся с великим уважением и с гордостью говорят о тех из своих сыновей, которые грамотны и читают всякие книжки»⁷⁸. Интересуются новейшими достижениями в области науки и техники, в частности о летательных машинах и электрических железных дорогах и т.д., недоумевая только в одном: «Как же бог в таком разе?»

В целом автор приходит к такому выводу: «В общем семейские живут недурно, несмотря на недостаток своей земли и эксплуатацию их многими местными кулаками... Работают много и умело, несмотря на пьянство. Только бы надо было им немного общественного благоустройства и побольше “света” и тогда они годились бы для авангарда любой земледельческой страны»⁷⁹.

Несколько иного мнения о семейских автор ряда очерков и статей В.В. Глуховцев. Он в противовес П.К. Белецкому находит в них (семейских) здоровых, сильных и красивых людей, среди них даже девушки

и женщины «с легкостью носят пятипудовые кули с мукой и молотят наравне с любым мужчиной». Отмечает их самостоятельность, подчеркивая, что семейский крестьянин не дает себя в обиду и не позволит эксплуатировать себя постороннему элементу. «У них царит замечательная сплоченность между собою... В беде своего человека крестьяне здешние не оставят... Единовременная помощь, например, оказывается во время так называемого “обеда”, когда молодой человек, только что женившийся или попавший в солдаты, устраивает обед, на который созывает всех своих родных, друзей, знакомых, из которых каждый во время закуски, выпив рюмку вина, кладет на поднос кто 50 коп., кто 1 рубль, кто 2 руб. и т. д., смотря по достатку». Дальше он видит в их обществе «картину беспросветного мрака и крайнего невежества». «Семейский учитель – это человек, не выдавший в глаза ни одной книги, кроме своего старинного псалтыря и своих духовных старообрядческих книг на старом церковнославянском языке; это тип ненавистника всякой новизны, всего хорошего, что есть в образовании и культуре»⁸⁰.

Падение трудолюбия и прилежания в земледелии автор связывает с легким заработком на золотых приисках, на строительстве железной дороги и частыми недородами. Это беспокоит его. Массовый уход людей на заработки отучал их от крестьянского труда. «Таким образом, – заключает автор, – семейские крестьяне, славившиеся прежде как образцовые хозяева, в настоящее время и в этом отношении не могут явиться ни для кого примером...»⁸¹ Время одно, а выводы выше названных авторов почти противоположные.

В другом очерке «Селение Хасуртай» В.В. Глуховцев обращается к вопросам о взаимовлиянии русских и бурят, о смешанных браках между русскими, старообрядцами и бурятами, о переходе бурят и «карымов» – забайкальских метисов в «раскол», о занятии населения и о средствах обогащения. Честным трудом наживших достаток он насчитывает единицы: «Кто сеет пшеницу, тот ест черный хлеб». Подавляющая часть толстосумов или крали золото, или стреляли «горбачей» (приисковых рабочих), или обирали людей в кабаках. Население Хасуртая не подвергалось этому влиянию и занимается хлебопашеством, огородничеством, скотоводством и охотой. «Среди них нет ни богачей, ни бедняков». Но это высказывание автор относит только к староверам, а у «карымов – лень, грязь и беднота»⁸².

Не малый вклад в изучение семейщины внес Г.М. Осокин⁸³. В своей

работе он обнаружил исключительное знание материала. Его сведения отличаются большой наблюдательностью. Характеристики, даваемые им, пронизаны явной симпатией к семейским. Культура и быт бурят, сибиряков и семейских прослеживается им в свете взаимовлияния, взаимодействия, отмечается «некоторая отдаленность семейских от “сибиряков”». Первых он характеризует так. «Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения. И это тем резче выделяется и бросается в глаза в деревнях, где они живут рядом с коренными сибиряками ... Насколько семейский чаще выглядит бодрым, резким в своих действиях и словах, настолько сибиряк смотрится, наоборот, вялым, ленивым...»⁸⁴

Уделяется внимание и кустарным промыслам. Автор пишет о производстве грубого холста, домотканого сукна, глиняной и деревянной посуды и т. д. И метко увидено то, что «жизнь населения все усложняется», появляются кулаки с их эксплуататорской наживой, заметно увеличивается ростовщичество и другие элементы буржуазных отношений. Не скрывает автор и других теневых сторон жизни забайкальского крестьянина. Например, он утверждает, что «Забайкалье со своим русским населением по суеверию занимает одно из первых мест»⁸⁵. Да, действительно, жизнь забайкальского крестьянина была окружена густой сетью суеверий. От рождения до смерти давили его сознание кошмаром бесконечная масса поверий и примет, вера в дурной глаз, порчу, колдовство, чертей, домовых и леших. Вся эта армада нечистой силы, рожденная пугливым воображением человека, незримо присутствовала в его бытовой и хозяйственной жизни. Г.М. Осокиным записано множество разнообразных примет и поверий, бытовавших у населения и сопровождавших людей в течение всей их жизни. Тут имеются поверья и приметы о рождении, о браке, о смерти, о погоде и т. д. Много внимания уделено автором ворожбе и колдовству и народным средствам лечения. Отмечается конкуренция между бурятскими и русскими колдунами, ибо бурятские колдуны славились как искусные ворожеи и знахари и часто приглашались населением, в том числе и семейскими, во время тяжелой болезни человека или же пропаже лошадей. «Громадному развитию знахарства послужила недостаточность в крае докторов... и в особенности вера в знахарство поддерживается женщинами»⁸⁶. Касаясь семейной жизни сибиряков, казаков и староверов,

лучшую он находит среди семейских. Уход на заработки отрицательно влиял на нравственную сторону крестьянина, поэтому сибирские крестьяне нередко говорили, что «не деревня портит народ, а город»⁸⁷.

Весьма резкую одностороннюю характеристику семейским дает Д. Клеменц. «Знаменитые семейские старообрядцы. Это какой-то обломок допетровской Руси, полный сектантского фанатизма, враждебный всякому прогрессу»⁸⁸. Ясно видно, что автор не сумел разглядеть всех перемен в жизни этой этнической группы и довольно рационального ведения хозяйства старообрядцами, заимствующими все передовое у своих соседей. Да и в духовной жизни староверов к тому времени, когда на них обратил внимание автор, намечился явный отход от закоснелых форм, насаждаемых старообрядческими уставщиками и начетчиками – этими духовными пастырями семейских. И вызван был этот отход массовым уходом крестьян на прииски, на строительство железных дорог, на службу в солдаты и т. д.

Большую ценность представляют фольклорно-этнографические материалы, собранные в Прибайкалье в 1905 г. безвременно погибшим от руки черносотенца А.М. Станиловским⁸⁹. Многие из его записей, песен, игр, поверий, загадок не были зафиксированы последующими собирателями. Записал он много материалов и от семейских с. Исток. Основателями его являются старообрядцы станицы Доно Читинской области Овчинниковы, Марковцев и Кабанов, которые, перетерпев гонения за веру (выступили против насаждения единоверия), были поселены на необитаемом оз. Котокель. Затем к ним были подселены семейские из Жирима, Тарбагатайской волости, из Бичуры и сибиряки из разных мест. Все они разрабатывают земли под пашни, занимаются рыболовством и мало придерживаются старины. В «Записках» приложен план избы семейского крестьянина Кузьмы Калашникова⁹⁰. Автор сообщает и об археологических находках в окрестности с. Исток. Там на пашне была найдена каменная рыба, с ушком на спине, попадают обломки горшочной посуды с обильным орнаментом. Особенно ее много в местности «солонцы»⁹¹. А.М. Станиловским одним из первых были записаны у семейских песни календарного цикла и ряд примет и поверий, связанных с народным календарем.

Первым в истории изучения и собирания народной песни семейских, несомненно, должно быть поставлено имя Н.П. Протасова. Родом он из крестьян, окончил Иркутское уездное училище, работал при-

казчиком многих торговых фирм, затем случайно попал в число певчих архиерейского хора в Иркутске. Любовь к народной песне неминуемо приводит его к необходимости ее собирания. В 1901 г. он записывал песни у семейских, где, по его догадкам, «досельная народная мелодия должна была сохраниться в наименее искаженном виде»⁹².

Н.П. Протасов записал 145 мелодий, применяя фонограф, но, к сожалению, очень мало текстов из его собрания опубликовано. Это главным образом духовные стихи (6) и свадебная причеть (10). К песням и стихам приложены ноты⁹³.

Из выше изложенного обзора видно, что в дореволюционное время был накоплен значительный историко-этнографический материал о семейских. Материал этот не равноценен по своему достоинству: иногда односторонен, противоречив, отличается пристрастностью авторов к семейским. Позиции авторов, связанные с их идеями и убеждениями, весьма колоритно видны в их оценках старообрядцев Забайкалья.

Интересные наблюдения вынес из путешествия по Забайкалью французский ученый Поль Лаббе. В книге «У лам Сибири» он отдает должное и русскому колонисту, который, по его мнению, «является главным представителем цивилизации в Сибири». После посещения Цонгольского дацана П. Лаббе проехал через деревни семейских. Он пишет: «Мы прибыли на земли семейских. Хорошо возделанные поля следовали одно за другим; добрые молодцы трудились вместе с женщинами, которые носили на головах платки в форме больших тюбанов. Я достиг, в конце концов, Бичуры, важной деревни, главная улица которой тянется на многие километры. Там я остановился у друга доктора Талько-Грынцевича, который именовался Михаил Климыч Петров».

В книге рассказывается о трудолюбии семейских, об их жизненном укладе. Косность их обычаев не привлекли внимание путешественника, и описание этой части забайкальского населения выдержано в идиллических тонах. Заключительные его строки звучат почти восторженно: «Упорство семейских дало чудесный результат, и они преодолели все препятствия. Их поля, покрытые хлебами, их удобные дома вызывают в течение целого столетия восхищение всех путешественников... Они держат в порядке свои жилища, имеют просторные и проветриваемые комнаты: на стенах висят старинные образы и часто – чудесные иконы. Почти над всеми дверями домов виден деревянный скульптурный орнамент, иногда художественный... свидетельствующий об изобрета-

тельности в оформлении. Нравы этих крестьян часто ставились в пример эмигрантам, которые за последние тридцать лет прибыли в таком большом числе из Европы в Азию. С юных лет они умеют читать и писать*, они ревниво сохраняют свои старинные обычаи и еще сегодня можно собрать у них обильную жатву старинных песен и замечательных легенд. Только недавно некоторые стали употреблять спиртное и курить»⁹⁴.

В заключение можно отметить, что старообрядчество Сибири в изучаемый период представляло одно из основных течений в развитии русской народно-бытовой культуры. В среде его приверженцев сохранялось то исконно национальное русское, природное начало, которое свято хранилось ими и передавалось благодаря традиции из поколения в поколение. Это играло большую роль в развитии национального самосознания, в сохранении веры и культуры. И в этом безусловное позитивное значение староверия русских поселений на востоке России.

Развитие русской культуры на восточных окраинах, очевидно, не было самодовлеющим явлением. Оно представляет сложный локальный вариант общерусского развития со всеми переплетениями с культурами коренных народов и заимствованиями из их сокровищницы всего лучшего, достигнутого в данной местности и выработанного в духовной сфере. Это нашло отражение в самобытности и своеобразии локального варианта культуры старообрядческого населения Алтая, Восточного Казахстана, Забайкалья и Приморья. Но этот массив материала уже для другой работы.

Примечания

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 1. СПб., 1788. С. 225–226.

² Там же.

³ Там же, с. 381.

⁴ Там же, с. 226–227.

⁵ Там же, с. 228.

---

*П. Лаббе упускает здесь одно важное обстоятельство: детей обучали церковно-славянскому письму. Процент же грамотных по-русски у семейских был ничтожен (примечание Е.М. Залкина).

- ⁶ Там же, с. 231.
- ⁷ Сиверс И. Письма о Сибири / пер. с нем. В.В. Завалишина. Новосибирск, 1964. С. 50–51 (рукопись машинописная).
- ⁸ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 110–116.
- ⁹ Шевелев Григорий. О хлебопашцах забайкальских и их хозяйстве // Земледельческий журнал. М., 1831. № 4.
- ¹⁰ Там же, с. 604–606.
- ¹¹ Там же, с. 606.
- ¹² Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 9–10. С. 54.
- ¹³ Там же, с. 54–55.
- ¹⁴ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1. СПб., 1871. С. 323.
- ¹⁵ Там же, с. 285.
- ¹⁶ Ушаров Н. Быт семейских (этнографический очерк) // Иркутские губернские ведомости. 1864. № 38–40, 48, 49; Он же. О народных училищах и учителях у старообрядцев // Там же. № 41, 43.
- ¹⁷ Паршин Н.В. От Верхнеудинска до Урлука // Иркутские губернские ведомости. 1867. № 29–31, 37, 47.
- ¹⁸ Там же, № 29.
- ¹⁹ Там же, № 37.
- ²⁰ Там же, № 29.
- ²¹ Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. СО РГО. 1872. Т. III. № 3.
- ²² Там же, с. 123.
- ²³ Там же, с. 124.
- ²⁴ Там же, с. 123.
- ²⁵ Там же, с. 124–125.
- ²⁶ Там же, с. 128.
- ²⁷ Там же, с. 133; Известия СО РГО. 1873. С. 101.
- ²⁸ Известия СО РГО. 1873. Т. IV. № 2. С. 99.
- ²⁹ Ровинский П.А. Этнографические исследования ..., 1873, т. IV, № 2; Он же. Материалы для этнографии Забайкалья // Там же, № 3, с. 116.
- ³⁰ Иркутские епархиальные ведомости. 1888. № 26.
- ³¹ Мишля (М.И. Орфанов). В дали (Из прошлого). М., 1883. С. 13–14.
- ³² Там же, с. 42.
- ³³ Прижов И.Г. Записки о Сибири. Староверы. Очерки, статьи, письма. Академия, 1934. С. 334.
- ³⁴ Там же, с. 336.
- ³⁵ Там же, с. 346–347.
- ³⁶ Михайлов К. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири // Русская мысль. 1885. Кн. XII. С. 9.

³⁷ Там же, с. 13.

³⁸ Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX в. (К вопросу о «замкнутости» быта семейских) // Этнографический сборник БКНИИ. № 6. Улан-Удэ, 1974.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Егунов И.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963. С. 52.

⁴¹ Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX века // Исследования и материалы по истории Бурятии. Вып. 5: Сер. ист. Улан-Удэ, 1968. С. 82.

⁴² Михайлов К. Указ. соч., с. 9.

⁴³ Там же, с. 11–12.

⁴⁴ Там же, с. 12.

⁴⁵ Там же, с. 13.

⁴⁶ Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. Иркутск, 1900. С. 71.

⁴⁷ Михайлов К. Указ. соч., с. 11.

⁴⁸ Там же, с. 13.

⁴⁹ Егунов И.П. Указ. соч., с. 57.

⁵⁰ Михайлов К. Указ. соч., с. 11.

⁵¹ Там же, с. 15.

⁵² Там же, с. 16.

⁵³ Кириллов Н.В. Полуодомашненные изюбры в Верхнеудинском округе // Изв. ВСО РГО. 1889. Т. XX. № 4.

⁵⁴ Он же. Борьба с эпидемическими болезнями в Западном Забайкалье // Восточное обозрение. 1893. № 17.

⁵⁵ Петряев Е. Н.В. Кириллов – исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита: Читин. кн. изд-во, 1960. С. 28–29.

⁵⁶ С.Д. Школы по Чикою // Сибирские вопросы. 1908. № 17–18.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, с. 49.

⁵⁹ Там же, с. 51.

⁶⁰ Там же, с. 45.

⁶¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. РГО. 1894. № 2; Он же. К антропологии великороссов: Семейские (старообрядцы забайкальские). Томск, 1898.

⁶² Он же. Семейские..., с. 5.

- ⁶³ Там же, с. 7.
- ⁶⁴ Там же, с. 8.
- ⁶⁵ Там же, с. 14–15.
- ⁶⁶ Там же, с. 19.
- ⁶⁷ Там же, с. 21.
- ⁶⁸ Там же, с. 23–24.
- ⁶⁹ Там же, с. 25.
- ⁷⁰ Там же, с. 28–29.
- ⁷¹ Он же. К антропологии великороссов..., с. 1.
- ⁷² Там же, с. 4–5.
- ⁷³ Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895; Он же. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1896.
- ⁷⁴ Белецкий П. Забайкальские раскольники // Сибирский сборник. 1901. Вып. 1.
- ⁷⁵ Там же, с. 82.
- ⁷⁶ Мишля (М.И. Орфанов). Указ. соч.; Гирченко Вл. Прибайкалье. Краткий исторический очерк. Верхнеудинск, 1922.
- ⁷⁷ Белецкий П. Указ. соч., с. 83.
- ⁷⁸ Там же, с. 85.
- ⁷⁹ Там же, с. 87.
- ⁸⁰ Глуховцев В.В. Семейские (из личных наблюдений бичурца) // Восточное обозрение. 1901. № 17.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Он же. Селение Хасуртай (социально-экономический очерк) // Забайкалье. 1902. № 38.
- ⁸³ Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906.
- ⁸⁴ Там же, с. 65.
- ⁸⁵ Там же, с. 102.
- ⁸⁶ Там же, с. 123–124.
- ⁸⁷ Там же, с. 136.
- ⁸⁸ Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 66–67.
- ⁸⁹ Записки А.М. Станиловского // Тр. ВСО РГО. 1912. № 7.
- ⁹⁰ Там же, с. 89.
- ⁹¹ Там же, с. 97.

⁹² Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 2. С. 218.

⁹³ Там же, с. 221–229.

⁹⁴ Залкинд Е.М. Иностранцы путешественники о Бурятии // Исследования и материалы по истории Бурятии. Тр. БИОН. Вып. 20. Улан-Удэ, 1973. С. 150–151.

ИЗ ОПЫТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ*

тнографическому изучению русского народа в нашей стране уделяется недостаточное внимание. Этнографы – специалисты по русской культуре, главным образом сосредоточены в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге) в Институте этнографии (ныне Институте этнологии и антропологии) РАН, они работали в секторе этнографии восточных славян, который в период перестройки был переименован в сектор русской этнографии. Несколько специалистов-этнографов работали в городах России и Сибири.

Этнография как наука, наряду с другими общественными дисциплинами, призвана решать многие важные проблемы современности. Одной из таких научных задач является изучение Сибири в целом, а в более узком плане – исследование ее населения, ибо «историю, культуру и быт всех сибирских народов нельзя рассматривать отдельно от истории, хозяйства, культуры и быта русского населения Сибири»¹. Русский народ за 400-летний период жизни и освоения этого огромного региона стал таким же коренным народом, как и другие аборигены края. Сибиряки выделились в особую ветвь русского народа², что повышает интерес к их этнической специфике. Начавшееся в 1950-е гг. комплексное изучение отдельных регионов Сибири, населенных русскими, дало неплохие результаты: были исследованы хозяйство, материальная культура, народное зодчество, семья, семейный быт и отдельные аспекты духовной жизни сибиряков.

Над выявлением особенностей хозяйства, культуры и быта русских старожилов Сибири трудились многие крупные этнографы, искусствоведы, знатоки народного зодчества, внесшие своими трудами значительный вклад в изучение русского населения Сибири. Особо отметим ценность работ Л.М. Сабуровой, В.А. Александрова, А.А. Лебедевой, Г.С. Масловой, А.В. Сафьяновой В.А. Липинской,

* Русские Сибири: культура, обычаи, обряды: сб. науч. тр. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 16–37.

И.В. Власовой, Е.А. Ащепкова, И.В. Маковецкого, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, Г.И. Охрименко, Ф.Ф. Болонева, Л.М. Русаковой, Е.Ф. Фурсовой, О.Н. Шелегиной, П.Е. Бардиной и др. Несмотря на то что ими вскрыты и освещены многие пласты народной культуры, в русской этнографии Сибири еще много белых пятен.

Методика сборов этнографических материалов, опыт организации исследовательской работы в полевых условиях – проблема важная и необходимая для всей последующей работы этнографа. От тщательности сборов и их точной фиксации зависят наши достижения и просчеты. Вопросы методики этнографического изучения нашли отражение в ряде работ³. Опубликованы программы сбора материалов по разным аспектам. В последние годы Институтом этнологии и антропологии РАН были разработаны программы сбора материалов по различным темам материальной и духовной культуры русского народа. Некоторые из них опубликованы и приложены к книгам⁴, другие – рассмотрены в статье Н.А. Томилова «Традиции, новации и пропаганда достижений народной культуры в Сибири»⁵. Но опыт полевого исследования русской духовной культуры в сибирских условиях пока мало известен. Это и побудило осветить некоторые стороны названного явления. В статье отражены отдельные крупницы личного опыта автора, полученного им в результате многолетней работы, которые могут быть полезны для начинающих этнографов, краеведов, музейных работников.

Этнография призвана делать не только теоретические обобщения и решать насущные научные проблемы, но и давать практические рекомендации. Все это возможно при интенсивном изучении жизни, культуры и быта всех сибирских народов. Но, чтобы претворить все это в жизнь, нужны подготовленные специалисты, а их в Сибири пока что мало, особенно по русской этнографии. Необходимо расширить подготовку этнографов в университетах Сибири. Неплохую услугу в росте этнографических кадров могло бы оказать создание в Сибири периодического издания (этот журнал можно было бы назвать «Сибирская этнография») или же возобновление издания «Сибирской живой старины». Проблем много и решать их нелегко. Остановимся только на наиболее важных, к которым, на наш взгляд, пока не было уделено достаточного внимания.

Одна из особенностей русской истории заключается в том, что

образование локальных групп продолжалось, и притом довольно интенсивно, вплоть до сравнительно недавнего времени (Сибирь, Средняя Азия, Заволжье, южнорусские области и т. д.). Изучение их сейчас — одна из важнейших задач восточнославянской этнографии⁶.

Русское крестьянство вплоть до 40–50-х гг. XX в. было основой этноса и носителем этнической специфики народа, каковым и остается до настоящего времени. Социальная роль крестьян была велика. Крестьянство было раскрестьянено, унижено сталинскими репрессиями. Их культура в значительной степени была разрушена, нивелирована. Интерес представляют еще сохранившиеся этнографические группы, под которыми принято понимать те локальные («внутренние») подразделения этноса (народа), у которых имеются отдельные специфические элементы культуры⁷. В Сибири таких групп с ярко выраженной этнической спецификой немало. К ним относятся: бухтарминские старообрядцы-«каменщики»; «поляки» Алтая; «кержаки»; «семейские» Забайкалья; «карымы», или метисы Забайкалья; русскоустынцы, поселенные на Индигирке в 1638 г.; «марковцы» и др. Множество групп русского населения еще совсем не изучено. Встает вопрос, нельзя ли выделить в отдельную этнографическую группу забайкальское, а, возможно, и сибирское казачество с его полувоенным бытом и фольклором? Это этнографическая проблема и решать ее надо этнографам.

В дореволюционный период русскому крестьянству Сибири этнографы не уделяли должного внимания. Опубликованные работы редко доходили до народа, ввиду его почти сплошной неграмотности, да и сами этнографические описания публиковались в недоступных для трудового народа изданиях. К тому же, многие статьи не отличались правдивостью и были написаны в предвзятых методологических установках, зачастую искажая культуру русского старожильского населения Сибири, как это наблюдалось у А.П. Щапова и его последователей. Отсутствие объективных знаний приводило к распространению превратных слухов, всевозможных небылиц о русском населении, его жизни и быте. В представлении дореволюционного обывателя, Сибирь — это сплошные «медвежьи углы», где живут люди под землей; это каторжный край, а сибиряки — малокультурные, лишенные всякого поэтического проблеска люди, имеющие превратные понятия чуть ли не обо всем на свете. Подобные

взгляды и домыслы были не на пользу живущего населения Сибири.

История Сибири, ее русского и коренного населения изучены, несомненно, лучше, чем этнография русских старожилов этого огромного региона. Советские историки в результате своих исследований пришли к очень важным выводам, что освоение Сибири русскими носило земледельческий, сельскохозяйственный характер. Это положение важно и для этнографов. Известно, что в буржуазной дореволюционной историографии народным массам отводилась пассивная роль в хозяйственном освоении сибирских земель, национальные корни русской культуры перечеркивались, отрывались от общерусских традиций и не исследовались в их историческом развитии в новых природных, экологических и этнических условиях. Критика заблуждений сибирских областников и их последователей дана в работах фольклористов Я.Р. Кошелева, Л.Е. Элиасова⁸, а в историко-этнографическом плане их ошибки объективно прослежены В.А. Александровым⁹.

В условиях Сибири об особом этническом типе сибиряка говорить нет смысла. Хотя и нельзя обойти тот факт, что в отдельных местах этого огромного края русское население сохраняло или вырабатывало некоторые специфические локальные особенности, образуя этнографические группы, рассматривать которые нужно дифференцированно, чтобы выявить специфику каждой группы в отдельности. Так, к примеру, семейские Забайкалья в силу религиозных, семейно-бытовых взглядов ревностно сохраняли свое этническое своеобразие, выраженное в сохранении ими древнерусской одежды, в строительстве домов, в строгом соблюдении нравов, обычаев и обрядов, истоки которых уходят своими корнями в средневековую старину или даже в дохристианские времена.

Русские старожилы Забайкалья, так называемые «сибиряки» и «казяки», сохраняя в значительной мере в своем народном быту и культуре общерусские традиции, многое заимствовали у своих новых соседей. Из этой среды выделилась сильно метисированная группа – «карымы», быт и культура которых, как уже говорилось, почти не изучены. Словом, «сибиряки», частично смешавшись с аборигенами края, многие приемы заимствовали из их скотоводческой и охотничьей практики, но не выделились в особый тип, так как общерусские традиции в быту и культуре ими были сохранены в значительной чистоте. Это сказа-

лось в строении домов, обработке земли, сохранении земледельческих орудий, частично – в одежде, семейно-бытовой обрядности. Поэтому очень важно при изучении этнографии русских старожилов Сибири выявить соотношение национального и привнесенного в результате взаимодействия культур русского и аборигенного населения, а также взаимного влияния русских, украинцев и белорусов. Необходимо установить степень этих взаимоотношений и заимствований. Без уяснения подобных процессов трудно дать объективную картину жизни сибиряков. Несомненно, что жизнь русских в Сибири была отмечена особой спецификой, она не стояла на месте, а постоянно развивалась. Но в каких формах происходило этническое развитие русского населения в этих местах, какие компоненты материальной и духовной культуры взаимодействовали сильнее, какие оставались без изменения и доминировали в создании той или иной этнографической группы? Пока эти вопросы остаются открытыми. Хотя имеется ряд работ, в которых эта тема нашла свое отражение¹⁰.

В дореволюционное время работы по этнографии, за редким исключением, носили чисто описательный характер, авторы обычно фиксировали только отдельные факты или этнографические явления, чем-то поразившие этнографа-краеведа. Случайный характер изучения русского населения Сибири вылился в большую пестроту и фрагментарность литературных источников. Целенаправленных, чисто этнографических исследований по данному вопросу было немного, что и отмечалось в специальных изысканиях¹¹. Подобная картина сохранялась вплоть до начала 60-х гг. XX в. Отставание русской этнографии нередко проявлялось в практике научных этнографических исследований нашего времени. Для написания «Истории крестьянства Сибири» специалистов-этнографов не нашлось во всей Сибири. Если для написания параграфов по материальной культуре и народному искусству, народным праздникам были найдены кадры, то духовная традиционная народная культура сибиряков в целом не нашла места в трехтомной истории сибирского крестьянства. Правда, многие вопросы изучения материальной культуры русского старожильского населения Сибири находят отражение в трудах наших коллег-этнографов Москвы и Санкт-Петербурга, где пока сконцентрированы основные этнографические кадры¹², а в последнее время и сибирских исследователей¹³. Вместе с тем наличие многих специалистов по раз-

ным отраслям знаний в одном институте дало бы возможность проводить широкие исследования комплексно и на высоком теоретическом уровне. Там, где полевому этнографу-одиночке потребуется несколько лет работы или несколько полевых сезонов, комплексная экспедиция сделает все за один сезон.

Сибирь, как никакая другая часть страны, чрезвычайно нуждается в этнографических исследованиях, ибо проблема «природа и человек» в наше время становится главной. Этнографам совместно с учеными смежных специальностей необходимо включиться в комплексную научную разработку экологических проблем. Так как «...ныне интенсивно формируется новое направление исследований, носящее комплексный и “стыковой” характер и призванное изучать возникающие проблемы во взаимодействии общества с природой на мировоззренческом, теоретическом, прикладном и техническом уровнях»¹⁴.

Всемерное внимание к Сибири, к ее природным богатствам, проявляющееся в данное время, ее огромный энергетический и экономический потенциал в будущем развитии страны, несомненно, должны оказать влияние и на изучение жизни сибиряков, выявить весь процесс их адаптации в этом суровом крае. Это должно повлиять на расширенное развитие этнографических, исторических, социологических изысканий и, несомненно, сказаться на росте кадров, которые могли бы поднять первозданную целину духовной и материальной жизни сибиряков. Необходимо раскрыть и оценить тот духовный багаж, с каким пришло в Сибирь русское население, его прогрессивное влияние на коренные народы Сибири в их социальном и культурном развитии. Подобное изучение должно иметь прежде всего научную этнографическую значимость и практическое приложение.

Этнографам есть что сказать по данной проблеме. Народом накоплен колоссальный опыт в рациональном использовании природных богатств и культурного наследия. Но этот опыт ждет своего вдумчивого исследователя и популяризатора. Многие народные знания, накопленные в течение веков, не устарели до сих пор. Они нужны для разумного сосуществования людей и природы.

Из-за незнания этнографии часто недооценивается ее прикладное значение. Так, на новых землях Сибири, в новых климатических условиях народ из года в год вырабатывал наилучшие агротехнические приемы и способы обработки земли. Не гениальные прозрения одиночек,

а коллективный опыт дал возможность выращивать надежные урожаи там, где и понятия не имели о пахоте, земледелии. Коллективный опыт крестьян и промысловиков способствовал утверждению определенных типов жилищ в разных местах Сибири. Слабо изучена и специфика пищи сибирских крестьян, особенности их одежды, надежно приспособленной к сибирским условиям. Отличаются точностью их наблюдения за погодными условиями, что нашло отражение в народных приметах, в создании своего устного календаря. А сколько народ хранил и бережно передавал из поколения в поколение добрых, разумных традиций, обычаев, ярких праздничных обрядов, как религиозных, так и часто лишенных религиозного смысла или сохранивших древнерусские языческие традиции общинно-родового свойства с их разумными началами в хозяйстве, быту, отношении к природе.

Известно, что в крестьянском хозяйстве существовало половозрастное разделение труда, разумное, размеренное, равномерное распределение трудовых процессов в течение всего года, как бы по кругу. Отчего и год назывался круглым. Крестьянин все время был занят, но никогда не надрывался на работе. Люди села прежде довольно разумно использовали богатства – ловля рыбы во время нереста заправлялась. И одного запрета было достаточно, чтобы не допустить браконьерства. Человека, не считающегося с нормами жизни села, общины, изгоняли или сурово наказывали сами же односельчане на сельском сходе.

К сожалению, приходится констатировать, что исчезают бесценные сокровища нравственного багажа, столь долго сохраняемые народом для будущих поколений. Они ярко проявлялись в почитании родителей и стариков, в обычаях гостеприимства, во взаимной помощи крестьян при постройке домов, в уборке урожая, при заготовке продуктов, во время проводов в армию и на похоронах и т. д. («толоки», «помочи», «супрядки», «капустники»). Нами почти забыты народная педагогика, народные знания о растениях, многочисленные народные игры, всесторонне развивающие детей и подростков¹⁵. Почти утрачены приемы народной медицины, приметы погоды и многое другое из сокровищницы народных знаний и опыта.

Неотложное изучение народной культуры тем более важно и нужно, ибо в нашу эпоху народно-бытовая культура стремительно исчезает. Причем мы теряем не только то, что обречено самой историей на исчез-

новение, но и то, что могло бы послужить верой и правдой не одному поколению. Исчезают предметы быта и обихода, орудия труда, которые верно служили нашим предкам не только в их утилитарном назначении, но нередко и как произведения искусства. Но еще более ощутимые для общества утраты мы несем в духовной культуре. Отказавшись от старых обычаев и обрядов, песен, праздничных увеселений, мы многое потеряли, и образовавшийся вакуум остался незаполненным. А это в недалеком прошлом исходило от однобокого понимания сущности обрядов и праздников как явлений только религиозного свойства. Данное заблуждение дорого нам стоит. Ведь праздники и обряды имеют прежде всего трудовое происхождение, они были тесно связаны с производственной деятельностью людей и ей подчинены. Отсюда – всенародность праздников. «Праздничный разгул и смех были некоторым проявлением протеста против угнетающей аскетической морали и несвободы, налагаемых церковью и всей совокупностью социального строя феодального средневековья»¹⁶.

Все перечисленные аспекты народной жизни изучаются этнографией – наукой, как видим, сугубо практической. Более того, совсем забыто в Сибири изучение этнопсихологии. Ее объекты ярко проявляются в нравах, привычках, характерах людей, в склонности к каким-либо символам, определенным изделиям, произведениям искусства. Не случайно народное знание, особенно народное искусство, очень притягательны. Увлечение народным искусством – явление общемирового порядка. Многие увидели прелесть в ярком радостном искусстве народа-творца, ни в чем не превзойденного.

Небезынтересен процесс становления характера коренного сибиряка. Ему свойственны: широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и сноровка в работе. Мало кто знает, что в Сибири бытовал замечательный обычай оставлять в таежной охотничьей избушке спички, соль, продовольствие на случай непредвиденной беды, что сибиряки кормили идущих по этапу, оставляя каторжанам продукты за окном. В старину широко практиковались у сибиряков «помочи» ссыльным, ссыльнопоселенцам, погорельцам, беднякам, вдовам, солдаткам и пр.

Об этих высоконравственных устоях сибиряков в нашей этнографической литературе сведений мало или нет совсем.

Конечно, полезно делать обобщения на старых трудах, но в наше время для этнографии русских Сибири важны конкретные, основанные на добротном полевом материале исследования, обобщающие прошлый опыт и дающие импульс новым направлениям в этнографических изысканиях. Полевые данные, дополненные архивными и литературными источниками, – вот образец научного труда. Полевые сборы для этнографа должны быть на первом месте, ибо в наш век стремительно-го разрушения традиционной культуры они вскоре окажутся невосполнимы и неповторимы. В конкретных работах по этнографии научные положения должны вытекать из собранного материала, а не из заранее задуманной концепции. Главное в научном исследовании – не подгонять факты, иллюстрируя ими то или иное положение, а обобщать, исходя из реально бытовавших факторов.

Еще Ф. Энгельс в письме Паулю Эрнсту от 5 июня 1890 г. предостерегал, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»¹⁷. Образцовое исследование дает начало какому-либо серьезному научному направлению и порождает своеобразную цепную реакцию, ведущую к доскональному изучению определенного общественного явления. К таковым работам относятся капитальное исследование В.И. Чичерова «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.». После выхода этого труда резко возросло количество работ, посвященных народному календарю и календарно-обрядовому фольклору, народным знаниям и верованиям. Такова диалектика познания, заключенная в правильности концепции. Все большая усложненность жизни, а также быстрое исчезновение многих элементов традиционно-бытовой культуры требуют при их изучении значительной гибкости и совершенствования методик, психологической подготовки самих этнографов к подходу в сборе материалов, поскольку некоторые из них не всегда можно фиксировать, наблюдая непосредственно, а удастся собирать их только по крупицам, а иногда и просто по воспоминаниям об ушедших из быта явлениях и предметах. Все это требует от этнографов работы не только теоретической, но и нравственной.

Чтобы понять предмет или явление и дать ему всестороннее освещение, нужно их изучать широко и комплексно. Теперь одной описательности вещей, обычаев, обрядов и ритуалов недостаточно. Необходимо сравнить изучение их истоков, последующего исторического развития, их трансформации. Незнание предмета часто приводит к методологическим ошибкам. Это происходит оттого, что исследователь берет только часть изучаемого предмета или явления и подает ее как пример, типичный для народной культуры, для народного мировоззрения или для народного характера. И, таким образом, вместо объективного изучения или изложения факта получается вольное или невольное искажение действительности, приводящее к оскорблению или унижению народа.

Большинство исследователей, изучая культуру в ее материальном или духовном проявлениях, обычно приходят в результате практики (или интуитивно) к правильному методическому приему и четко понимаемым методологическим требованиям. Такой подход требует от ученого глубокой подготовки, широкой эрудиции, увлеченности избранным делом, развитого чувства долга и ответственности перед народом как объектом изучения и наукой. Специфике этнографического изучения культуры, определения предметной области этнографии, ее соотношения со смежными дисциплинами в наше время уделяется большое внимание¹⁸. Естественно, что в изучении общества у представителей разных наук имеется не только общее в процедуре исследования, но и существенные различия по источникам, методике, характеру и кругу освещаемых вопросов. Различия проявляются в целях познания. Поэтому одни и те же конкретно-исторические ситуации по-разному преломляются в присущем каждой науке подходе к их рассмотрению¹⁹. Говоря упрощенно, основные источники: для историка – архивные материалы; для этнографа – народная культура, бытовые явления и «вещевой» (вещественный) материал, который все же в большей степени важен для археологов; для фольклористов – памятники устного народного творчества.

Но материальная и духовная культуры находятся в постоянном и тесном взаимодействии. Так, жилища, предметы быта, обихода, вооружение, орудия производства своей вещественной стороной относятся к материальной культуре, а эстетической – к духовной. Поэтому для ар-

хеолога и этнографа необходимо хорошо знать изучаемую им культуру в ее всесторонних проявлениях.

Очень своеобразна и избирательна соотносительная связь этнографии с другими науками, без привлечения которых порой невозможно обойтись в исследовании. Так, например, в большой взаимозависимости находятся этнография и фольклористика, хотя первая относится к исторической науке, вторая – к науке филологической. Народно-бытовая культура синкретична, фольклор насыщен элементами этнографического свойства. Без применения этнографии нельзя понять и изучить календарно-обрядовые и свадебные песни, заговоры, сказки. Без фольклора значительно обедняется и тускнеет этнографическое исследование.

Вопрос о том, как изучать русскую культуру, вовсе не праздный и сегодня. Лучший материал собирают комплексные экспедиции, включающие специалистов разных профилей и дисциплин: этнографов, архитекторов, искусствоведов, музыковедов. Примером могут служить совместные экспедиции Института этнологии и антропологии РАН, Института истории искусств Министерства культуры России, Института археологии и этнографии СО РАН, Государственного исторического музея и др. В экспедициях участвуют 15–30 человек. Комплексный метод ценен тем, что он в полевых условиях дает возможность сопоставить наблюдения в разных областях быта деревни, выяснить вопросы происхождения и состава русского населения края, исследовать важнейшие виды народного искусства: зодчество, живопись, музыку... «Полнокровность народного искусства (я бы добавил народной культуры и быта. – *Ф.Б.*) раскрываются только тогда, когда отдельные виды их рассматриваются как части единого и неразрывного целого. Яркая монументальная роспись избы воспринимается естественной рядом с насыщенным до предела цветом народного костюма. Народный костюм неотделим от праздничного хоровода, хоровод от песни... Чем больше видов народного искусства познается исследователем, тем точнее и ближе он может подойти к выявлению его действительных истоков и изучению истории формирования русской народной культуры»²⁰. При таком методе сбора материалов возрастает ответственность и согласованность всех ее участников, иначе неминуемы самые различные ошибки и промахи: непроверенные факты, неверно сделанные записи об информаторе

(искажение фамилии, например), одностороннее фиксирование этнографических явлений, искажение терминов, неверно снятые размеры, ошибки субъективного характера или поспешно сделанные выводы.

Все перечисленное выше мы можем обнаружить и в работах опытных полевых этнографов, если им не удалось записанные факты проверить. Есть подобные ошибки в сборнике «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири» (ч. II: Забайкалье). Так, в статье Н.И. Савушкиной «Народное устно-поэтическое творчество в русских селах» искажена фамилия известной песельницы из с. Большой Куналей К.П. Федоровой, которая в статье фигурирует под фамилией Морозова (с. 117), т. е. записана певица по прозвищу их семьи. В селе членов ее семьи прозывают Морозы, а ее Морозиха. Ряд неверных положений и утверждений попал на страницы и обобщающей монографии «Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в.» (см. нашу рецензию в «Сибирских огнях», 1983, № 10, с. 174–176).

Мы рассказали лишь об одном приеме, хотя методов исследований в этнографии много. Это и метод последовательного историзма, при котором этнографическое явление (материальное и духовное) изучается в его развитии. Есть метод сплошного посемейного обследования с использованием подворных анкет. На широко распространенном методе непосредственного наблюдения мы остановимся ниже. Распространен в этнографии ретроспективный метод анализа, или метод ретроспективных реконструкций, которым так любил пользоваться крупнейший русский этнограф Д.К. Зеленин. Он изложил суть этого метода следующим образом: «Отправною точкою для нас всегда служат современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются. И вообще мы идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого – к старому, исчезнувшему»²¹. По его мнению, «современность нельзя объяснить, не имея ввиду того, что она – результат пережитой истории»²². Конечно, этногенетические и этнокультурные проблемы можно решать только историко-сравнительным методом или сравнительно-историческим изучением. Причем при интерпретации того или иного этнографического явления нужно быть осторожным, не злоупотреблять достоинствами этого метода, не привлекать находящиеся за тридевять земель этнографические аналогии и параллели, а обращаться и искать

тождества у народов, издавна и близко живущих территориально.

Метод картографирования получает ныне широкое применение в этнографических и лингвистических исследованиях. Но, чтобы прибегнуть к картографированию, нужны надлежащие кадры, нужны значительные ареальные исследования явлений, форм, элементов и комплексов материальной и духовной культуры, функционирующих в народном быту. Этот метод незаменим при создании карт, атласов историко-этнографического, этнолингвистического и лингвистического характера. Слабое развитие русской этнографии в Сибири не дало возможности включить сибирские материалы в изданный историко-этнографический атлас «Русские», в котором рассмотрена и представлена этнография русского населения европейской части России. Поэтому проблема полевых сборов материала, желательного комплексного характера, является наиболее насущной. Ратовать за расширение полевых исследований и сборов материала в Сибири приходится еще и потому, что имеющиеся литературные данные недостаточны для выявления на обширных пространствах Сибири всего многообразия материальной культуры русского населения, его поселений, жилища, одежды²³.

При сборах полевого материала незаменимым является метод непосредственного наблюдения, который для опытного этнографа дает исключительно ценный материал. Имея за плечами 25-летний опыт работы в полевых условиях, хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями и способами сбора этнографических материалов. Работа этнографа в поле специфично трудна. Полевому этнографу не только всегда важно знать, что собирать, но как, каким образом собирать. Этнограф работает с людьми, поэтому к каждому человеку нужен индивидуальный подход в каждом конкретном случае с учетом характера, настроения, занятости, вероисповедания, роли в семье.

Мне пришлось работать у старожилов Приленского края Иркутской области, у русских и старообрядцев Забайкалья, Тувы. Должен заметить, что у русских старожилов Верхней Лены и Забайкалья работалось значительно легче, чем у староверов. Народ на Лене проще, доверчивее, с открытой душой. Что знает – не скрывает. У семейских же картина несколько иная. Эта этнографическая группа не настолько открыта и доступна, что проникнуться ее расположением и собрать материал о них чрезвычайно трудно. Недоверчивость к постороннему человеку у приверженцев старых обрядов вырабатывалась веками.

А между тем старообрядцы являются ревностными хранителями старой русской традиционной культуры, актуальность изучения которой в данное время приобретает все большее значение, ибо «в наши дни многие виды традиционно-бытовой культуры быстро исчезают из повседневной жизни»²⁴. Развитие научно-технической революции привело к разрушению старых устоев, обычаев, обрядов, форм материальной культуры, к их нивелированию, словом, к исчезновению традиционных черт народной культуры. Последнее обстоятельство заставляет спешить этнографов, чтобы зафиксировать то, что еще возможно. А таких возможностей остается все меньше и меньше. «Более того, ныне этническая специфика постепенно уходит в глубинные сферы этнической психологии, все менее проявляясь даже в обычаях, в обрядах и других стереотипных компонентах духовного склада этнической общности»²⁵.

Старообрядцы неплохо сохранили многие виды народной культуры, но трудность сбора материалов у староверов общеизвестна. Их недоступность, недоверчивость нужно понять, а для этого необходимо учитывать те условия, в каких находились старообрядцы после известной реформы патриарха Никона (1653–1660 гг.). Не приняв реформы, они оказались в оппозиции к официальным властям царской России. Тем самым крестьяне-старообрядцы выразили антифеодальный протест, который длился более 250 лет, и вызывал со стороны царизма и помещичьего государства непрекращающийся град репрессий и преследований. И в годы советской власти проведение насильственной коллективизации, раскулачивание, из-за которых пострадало много самостоятельных крестьян среднего достатка, тоже оставили свой неизгладимый след в душе староверов. Эти преследования сторонников старой веры вынудили их относиться осторожно к каждому постороннему человеку, прибывшему в их общество. Кто он? С какой целью явился к ним? Такие вопросы задают себе старообрядцы, изучая новичка, пока не убедятся в его добрых намерениях и не рассеется их недоумение и подозрительность, проявляющиеся даже и сейчас, когда человек интересуется старыми обрядами, иконами, старыми книгами, верованиями, одеждой, родословными и пр.

В первый приезд в незнакомом селе редко удавалось записать что-либо существенное. Люди недоверчиво выспрашивали: кто ты такой, откуда? Зачем нужна старина? Многие не хотели разговаривать, другие

вступали в разговор, но не говорили о деле. Третьи – боялись сказать что-либо лишнее, четвертые – рассказывали о любопытных вещах, обрядах, но отказывались фотографироваться.

Как же удавалось установить связи с информаторами? Иногда, как уже отмечено, помогали рекомендации и письма родственников, с которыми мне удалось познакомиться раньше. Обычно они являлись учителями, специалистами сельского хозяйства, работниками клубов, домов культуры, проживающими в другом селе, которых мне удалось заинтересовать своими поисками. Неплохую помощь в установлении таких контактов оказало чтение лекций по истории семейских, об основании сел... Помогало все: знание крестьянского быта, истории семейских, их нравов и обычаев. Не последнюю роль играло и то, что я свой человек – из семейских. Оказывание же трудовой помощи при косьбе травы или копки картошки и других работах особенно располагало их ко мне.

Этнографическая методика неслучайно рекомендует собирателям принимать непосредственное участие в общественной и трудовой жизни изучаемой группы населения. Это ценная рекомендация и ее не следует обходить. Нигде человек не раскрывается так полно, как во время длительной совместной работы. За добро люди платят добром. Ведь в летнее время, когда проводятся этнографические экспедиции, у крестьян множество работ – сенокос, огород, ремонт жилых и хозяйственных помещений. Во время совместной работы можно заметить такие факты, которых в другое время не выразишь. Приведу пример. В 1970 г. во время аспирантских каникул я ушел с шишкобоями в тайгу. Достроили юрту, выложили из камней печку, протопили, легли спать. Через некоторое время 65-летний дед Мартемьян Лабозеров вскакивает с лежанки, говоря: «Тьфу, забыл старый!» Отрезал кусок хлеба, посолил и вышел из юрты. Со словами: «Вот тебе, хозяин, хлеб-соль, а меня не беспокой». Я спросил, с кем он разговаривал. Он ответил: «Хозяина угостил. Тут так нельзя, спать не даст».

Вот так в необычных условиях проявляются, казалось бы, давно искорененные верования. Дед поступил как язычник, задабривая, умиливляя лешего. Назавтра он удивил меня еще больше. Утром отрезал кусок сала весом граммов в 250 и нарезал его «гармошкой». Получилась фигура, напоминающая руку с растопыренными пальцами, которую он стал поджаривать в огне костра. День был постный, шел Успенский пост. Я спросил: «Кажется, пост идет, сало не едят?»

Он хмыкнул: «На картошке тут не наработаешь!» Действительно, когда весь день носишь 2–3-х пудовую чурку – колот и бьешь ею по кедрам, понимаешь, почему в данном случае народ (верующий) подходит рационально: со спокойной душой съест скоромное в постный день. Подобный практицизм семейских к подобным запретам был отмечен в 20-е гг. собирателем-краеведом А. Добромысловым²⁶.

Больше всего информаторов было охвачено личными беседами. Но нередко удавалось записать нужный материал в первой же беседе. Обычно разговор шел, касаясь персоны собирателя или истории семейских. Рассказывая о себе, нужно быть откровенным. Иногда полчаса рассказываешь о себе, а спросишь что-либо у них, ответят: «Каво мы знаем, живем в лесу, молимся колесу, телегу за мельницу принимаем». Вот так и распишутся в своем неведении. Трудно в таких случаях бывало повернуть разговор в нужное русло. При повторном посещении и по рекомендации родственников и знакомых разговор складывался лучше, исчезала отчужденность, недоверие. Раскрывалась доброта русской души, появлялось желание оказать помощь в сборе материалов.

Наиболее плодотворным является метод коллективного опроса-беседы собирателя с коллективом людей старшего и среднего поколения. Для этого нужно было пригласить несколько родственников и соседей, т. е. создать ту компанию, какой они сами частенько собираются. Лучше это сделать в воскресенье или в какой-либо церковный праздник, почитаемый старообрядцами (Троицу, Духов день, Петров день, Ильин день), когда работы по дому и хозяйству выполняются не в полной мере и вообще запрещены: «В праздник каждый след огнем горит».

Таким образом, мне удалось собрать людей в с. Черемушки (Мотня) Бичурского района. В доме Мартина Ипатьевича Афанасьева (78 лет) собрались его жена Ф.Т. Афанасьева (72 года), К.А. Афанасьев (79 лет), позже подошли Т. Белых (62 года) и еще одна женщина (не назвала себя). Я рассказал, что меня интересуют старинные праздники, как они отправлялись в старину (на их памяти или по рассказам их родителей, стариков), какие бывали приуроченные к праздникам приметы (привел ряд примеров), поверья, обряды, обычаи. Объяснил, что подобный материал нужен для восстановления народного календаря, для написания книги.

Для уточнения дат М.И. Афанасьев достал святцы. Я с вопро-

сником, он – со святцами, сидели, вспоминали о делах, хозяйственных хлопотах, поверьях, гаданиях, песнях. Как раз это было в Прокопьев день. За один день удалось сделать записи объемом 2/3 печатного листа. Такой же метод был применен в с. Большой Куналей, где в доме В.И. Семенова (84 года) собрались: его жена Ефимья (80 лет), невестка Федосья (56 лет), зять О.М. Болонев, другой зять Савелий – лесничий (1914 г. р.). Дед поведал о приметах, привел много примеров из жизни. Невестка рассказала о гаданиях и поверьях, связанных с домовыми. Другие вспомнили о приметах на разные случаи жизни и приуроченные к различным праздникам. Подобным методом сборы были проведены в с. Архангельском, где в доме С.Л. Худякова (76 лет) сидели его сестра Татьяна Лукинична (80 лет), Евдокия Сетова (70 лет), еще несколько женщин и стариков. Был Петров день. Старое поколение любит вспоминать о старых обрядах, поверьях, праздниках, что «бравое было», как красиво и весело отмечали их. И в этот раз было записано много поверий, примет, а главное – песен, большую часть которых мне удалось записать на магнитную ленту. Возможно, этому помогла грампластинка с записью песен моих земляков, певцов Большого Куналея, которую проигрывал в клубе директор Дома культуры. Песни большекуналейцев произвели на моих информаторов самое благоприятное впечатление. Я попросил их вспомнить свои песни, которые они исполняли во время тех или иных праздников, и старики стали оживленно вспоминать песни, обряды, во время которых исполнялась та или иная песня. Этот же метод дал неплохие результаты моим сборам в г. Улан-Удэ в доме В.Е. Болоневой, в Куйтуне – у Е.С. Кравцова и А.Е. Ефремова, в Десятниково – у И.М. Вишнякова, в Калиновке – у Е.Е. Назарова и Бичуре – у Е.Д. Луговского.

Такой метод опроса дает наиболее полную, разностороннюю информацию, чем ее можно было бы получить от одного человека. Причем в достоверности материала – меньше сомнений. Но при этом надо успеть записать все сведения, сообщенные информаторами. В большинстве случаев применять магнитофон или диктофон не удавалось – эта машина отпугивала старообрядцев. В процессе сбора материала нами применялись устные анкеты-вопросники по каждому большому празднику. Анкета составлялась с таким расчетом, чтобы с возможной полнотой охватить проведение того или иного праздника

и зафиксировать приметы, обряды, песни, поверья, связанные с ним. Но лучше пользоваться вопросником – сценарием по памяти. Лучше, когда люди видят, что отлично знаешь свое дело. Вопросы нужно ставить конкретно, желательно со ссылкой на другую местность: «Что, там-то песни исполняли во время Троицы такие, а как же у вас?» Если просто спросишь, какие песни пели, жди обычный ответ: «Пели всякие, рот не завязан».

Работа по привлечению корреспондентов, созданию корреспондентских пунктов, к сожалению, мне не удавалась. За все время работы получил письменные ответы от трех человек, главным образом от стариков. Специалисты сельского хозяйства, учителя, культурно-просветительские работники, ссылаясь на загруженность, чаще всего отказывались выполнять такую работу.

Впечатления детства, отрочества, юности тоже нашли отражение в исследовании. Несомненно и то, что местному уроженцу («своему человеку») население оказывало больше доверия и чаще раскрывало тайники своих поверий, обрядов, заклинаний. Наряду с полевыми записями собран значительный фотографический материал. Засняты отдельные празднества, свадебные гуляния и церемонии, трудовые процессы, орудия труда, средства передвижения, антропологические типы семейских, их одежда, поселения, жилища.

Автором собран для Музея Института археологии и этнографии СО РАН внушительный вещественный этнографический материал: семейская изба с росписью, ткацкий станок, самопрялки, прялки, сохи, борона, предметы быта и обихода, одежда, головные уборы, украшения. Всего более 1400 экспонатов, более 40 старописьменных и старопечатных книг, более 25 старообрядческих икон.

Наши полевые сборы позволили реконструировать ретроспективно народный календарь семейских, примерно в том виде, каким он бытовал во второй половине XIX – первой четверти XX в. Старину нельзя забывать. Об этом хорошо сказал академик Д.С. Лихачев: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек – носитель прошлого и носитель национального характера. Человек – часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самую память прошлого, он губит часть своей личности. Отрывая себя от национальных, семейных и личных корней, он обрекает себя на преждевременное увядание»²⁷.

Вопросник для сбора материалов по народному календарю

В современных условиях необходимо как можно быстрее собрать и зафиксировать то, что еще уцелело и что еще помнит старшее поколение. В этом плане большое значение имеют календарные обряды и обычаи, высокая поэзия земледельческих праздников, вокруг которых сосредотачивались сгустки обрядовых действий и представлений. Для сбора материалов по этой теме я предлагаю краткий вопросник, который может оказать помощь начинающим собирателям устного народного творчества, работникам культуры, заинтересованным в становлении и развитии традиционной обрядности и народной культуры, проверенной веками ее бытования.

I. Название праздника (Святки, Масленица, Иванов день, или Купала). Его дата, продолжительность сроков празднования. Из каких частей он состоит? Их названия и особенности отправления обрядов. С чем связано установление праздника? Его общественное или семейное значение. Роль праздника в народном календаре. Кем он особо почитается (девушками, женщинами, мужчинами или имеет общенародный характер)?

Имеются ли отличия его празднования у разных групп населения (напр.: у русских старожилов, новоселов и старообрядцев)? Формы поздравления и приветствия.

II. Как празднуется тот или иной день народного календаря, к которому приурочены обычаи, обряды и приметы? Какие обряды и обычаи отпразднуются? Кем и как, с применением каких-либо продуктов (блины, пиво, яйцо, кутья), вещей, предметов, масок, личин, с участием различных персонажей, мифических существ (домовых, чертей, колдунов и пр.)?

Какие песни пели в тот или иной праздник или во время совершения какого-либо обряда (обход дворов на Святках, Пасхе, катание на Масленице и пр.)? Во время каких праздников рядились в маски («машкарадили»), разыгрывали драмы, совершали мнимые похороны какого-либо лица, существа, растения (Ярилы, Костромы, кукушки, березки)? Когда по дворам водили животных (козу, кобылку и др.), какие растения использовали в обрядах (Новый год, Масленица, Троица, Купала), их функциональное назначение?

III. Гадания, их особенности (на Новый год, Святках, перед Крещением, на Троицу и другие праздники). В какое время гадали об изменении судьбы, о замужестве, о счастье и богатстве?

IV. Какие приметы бытовали в связи с тем или иным праздником, днем недели, месяцем, с сезонным отрезком времени, временем года?

Наблюдения за погодой (зима по лету, лето по зиме). Приметы, связанные с предугадыванием нового урожая, семейного благополучия? Какую погоду предвещало то или иное явление погоды (снег – к урожаю, мороз – к жаркому лету, тепло – к дружной весне и пр.).

V. Дозволения и запреты. Что можно было делать в тот или иной день праздника или день недели, а что нельзя? Чем были вызваны те или иные запреты?

VI. Отношение полов и половозрастных групп на праздниках. Обряды, игры, гадания, катания на Святках, Масленице, Троице, Купалу, какие вольности допускались? Как к этому относилось старшее поколение («молодо-зелено – погулять велено» или иначе)?

VII. Сельскохозяйственные работы, их приуроченность к определенным праздникам. Особенность этой приуроченности в Сибири. Были ли сдвинуты сроки работ (пахоты, сева, сенокоса, уборки урожая и т.д.) по сравнению с российскими сроками или сроками, что были приняты в Европейской России? Сроки наймов (от Пасхи до Покрова, от Егорьева до Михайлова дня). Наем работников, пастьба скота и пр.

VIII. Игрища, посиделки, вечеринки, хороводы как формы проведения досуга. Их организация и особенности (игрища без работы, посиделки с обязательным рукоделием). Игры, забавы, песни.

IX. Поверья и суеверия. Меры предосторожности в отдельные праздники. Как и кем выполнялись?

X. Особенности праздничной еды. Подготовка к празднику. Какие блюда готовят к тому или иному празднику. Обрядовая еда, в чем ее особенности? Режут поросят (Новый год), петуха (Петров день)? Способы их зажаривания (целиком или по частям). К каким праздникам или поминальным дням готовят ритуальные блюда (кутью, блины, оладьи, пироги, яйца, яичницу, «жаворонков», «журавлей», «козульки», «коровки»)? Делаются ли приношения святым, домовому, хозяину, лешему и когда?

Особенности поедания обрядовой пищи. Кем, когда и сколько, с какими присловьями или заклетьями? Встреча гостей, хлебосольство, угощения, проводы. Как это происходило? Местные особенности.

XI. Отношение народа к празднику. Народные названия или определения праздников. Календарные дни, их исчисление и отсчет периодов между ними («Акулина – задери хвосты», «Спиридон-солнцеворот», «Богородица-подкопenniца», «Петровки-голодовки», «Спасовки-ласовки» или «сливасовки» и т. д.).

XII. Принимали ли местные народы участие в праздновании русских праздников? Совершали ли совместные обряды? Заимствовали ли предметы? Как русские крестьяне относились к праздникам бурят, алтайцев, казахов, хакасов, манси, якутов, эвенков и других народов.

Примечания

¹ Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 6.

² Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 5.

³ Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 3–17; Маслова Г.С. К методике полевого изучения орнамента // Полевые исследования Института этнографии. М., 1979. С. 235–243; Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М., 1981; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981 и др.

⁴ Этнография русского крестьянства Сибири. М., 1981; Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; Программы, составленные опытными специалистами И.В. Власовой, И.А. Кремлевой, А.А. Лебедевой, Т.А. Листой. Они посвящены сборам материалов по похоронно-поминальной обрядности, обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка, вопросам крестьянской общины и семьи, по земельным и имущественным отношениям, хозяйственным занятиям и т. п.

⁵ Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск, 1989. С. 15–28.

⁶ Сабурова Л.М., Чистов К.В. Дмитрий Константинович Зеленин (К 100-летию со дня рождения) // СЭ. 1978. № 6. С. 75.

⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 32.

⁸ Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962; Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Ч. 1. Улан-Удэ, 1958.

⁹ Александров В.А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 7–12.

¹⁰ Болонев Ф.Ф. Взаимовлияние культуры русского и аборигенного населения Восточной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1985. Вып. 3. С. 37–42; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. (жилища, хозяйственные постройки, одежда). Новосибирск, 1992.

¹¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. СПб., 1892. С. 443.

¹² Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Приангарье. Ч. 1. Новосибирск, 1971; Ч. 2. 1975; Проблема изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974; Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979; Этнография русского крестьянства Сибири. М., 1981; Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII – XX вв.). М., 1987.

¹³ Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX–XX вв. Резьба и роспись. Улан-Удэ, 1972; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) Новосибирск, 1979; Она же. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989; Она же. По старому московскому тракту. Новосибирск, 1990; Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978; Он же. Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1985; Он же. Месяцеслов семейских Забайкалья. Новосибирск, 1990; Он же. Русские православные посты. Новосибирск, 1992; Он же. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994; Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989 (она же с Н.А. Миненко являлась редактором сборников «Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в.». Новосибирск, 1985; «Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири». Новосибирск, 1987).

¹⁴ Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1977. № 1. С. 16; Волков Г. «Экологический кризис» и социалистическое природопользование // Коммунист. 1976. № 12. С. 42.

¹⁵ Мельников М.Н. Записки фольклориста // Сибирские огни. 1981. № 10. С. 153–175; Он же. Поиски сокровищ: записки фольклориста. Новосибирск, 1985.

¹⁶ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 140.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351.

¹⁸ Бромлей Ю.В. О месте этнографии в системе наук // Вестник АН СССР. 1977. № 1; Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 81–86; Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Социологические исследования. 1978. № 4; Козлов В.И. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3; Чистов К.В. Фольклор и культура этноса // Там же. № 4; Он же. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986.

¹⁹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии..., с. 90.

²⁰ Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Приангарье. Ч. 1. Новосибирск, 1971. С. 4.

²¹ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Ч. 2. Пг., 1916. С. 16.

²² Сабурова Л.М., Чистов К.В. Дмитрий Константинович Зеленин // СЭ. 1978. № 6. С. 82.

²³ Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII–XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 46, 58, 76, 92.

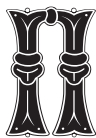
²⁴ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии..., с. 85.

²⁵ Социальный состав приверженцев старой веры и старых обрядов был сложнее, к ним примыкали некоторые боярские роды, низшее духовенство, купечество, казаки, стрельцы, посадские люди. Но основной движущей силой раскола было крестьянство.

²⁶ Добромыслов А. У семейских (верховья р. Ингоды). 1929. С. 8 (архив Читинского областного музея, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 15; Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских..., с. 128–129).

²⁷ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1981. С. 46.

**ПРЕДИСЛОВИЕ К МОНОГРАФИИ М. М. ШМУЛЕВИЧА
«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ
(XVII - СЕРЕДИНА XIX В.)»** Новосибирск: Наука, 1985. 287 с.*

публикация данного предисловия вызвана тем обстоятельством, что сам редакционный процесс подготовки и издания научных трудов М.М. Шмулевича был весьма не прост, а потребовал много времени и участия в этом процессе других лиц, указанных не только в редакционной коллегии.

В нашем предисловии, публикуемом ныне, дана более развернутая и объективная оценка трудов названного автора, которая ни в коей мере не умаляет достоинства научного наследия М.М. Шмулевича, а свидетельствует об участии разных ученых в подготовке монографии, а также с некоторым опозданием хочется обратить внимание читателя на отдельные недочеты и пробелы в изданном сочинении, которые даже для некоторых специалистов не всегда видны.

Приятно отметить, что книга до сих пор пользуется спросом, ее часто цитируют, повторяя ошибки автора, исправить которые в то время фактически было невозможно, ибо многие факты в период создания книги еще не были историкам известны.

Крестьянская колонизация и сельскохозяйственное освоение Сибири является важнейшей проблемой сибирской и общерусской истории. Советские историки в русском пашенном крестьянине справедливо видели подлинного героя, сыгравшего основную роль в «приобретении Сибири». Причем под присоединением этого региона они имели в виду не только факты прямого завоевания, но, прежде всего, мирное земледельческое освоение, возможное в таких колоссальных масштабах и в такое исторически сравнительно короткое время лишь при добровольном вхождении народов Сибири в состав Русского государства.

Не случайно эта проблема является актуальной в нашей историог-

---

* Публикуется впервые.

рафии до сих пор. Работ на эту тему написано очень много. Между тем процесс образования крестьянского населения, характер и условия его деятельности, специфика его быта в отдельных регионах Сибири изучены недостаточно. Об этом в свое время писал выдающийся сибиревед С.В. Бахрушин: «Нас интересуют действующие силы мирного присоединения страны (Сибири. – *Ф.Б.*), завоевание не мечом, а трудом и культурой, и тут до сих пор сделано чрезвычайно мало»¹. Подобная постановка вопроса выводит историков, этнографов на насущное изучение процессов этнокультурного, межэтнического взаимодействия народов Сибири.

На необходимость детального изучения истории и культуры русского населения указывал в 1960 г. другой крупнейший историк Сибири В.И. Шунков. Он считал, что без подобного изучения «не только невозможно правильно представить общий ход исторического развития Сибири, но и историю каждого отдельного народа». При этом он имел в виду «разработку вопросов о взаимовлиянии русского и нерусского населения, о формах передачи трудовых навыков, об обмене достижениями культуры, изменениях быта и т. д.»².

Правда, с тех пор произошли существенные изменения к лучшему в изучении поставленных проблем, но отдельные «белые пятна» еще остались.

Так, до сих пор остается актуальной проблема изучения роли русского народа (шире – восточных славян) в развитии производительных сил Забайкалья, в повышении и развитии культуры бурят, эвенков, в ликвидации их застоя в экономике, общественном строе, политической жизни. Особенно слабо в этом плане изучен позднефеодальный период (XVII – первая половина XIX в.), хотя именно в это время происходил наиболее активный процесс складывания многонационального Русского государства.

Для Забайкалья это был период интенсивного заселения и его хозяйственного освоения русскими людьми, период усиленного развития хлебопашества, и крестьянин становился центральной фигурой, «главным представителем цивилизации в Сибири», по выражению французского ученого Поля Лаббе. И в этом прогрессивном историческом процессе необходимость ускоренного земледельческого освоения края диктовалась возросшей потребностью снабжения русского населения (казаков, торговцев, промышленников, рабочих, крестьян) хлебом.

До прихода русских освоение природных богатств Забайкалья принадлежало аборигенам этих мест – бурятам и эвенкам. Их производственный опыт, выработанный в течение тысячелетней борьбы за существование, имел немало достоинств. И много ценного из их скотоводческой и промысловой практики заимствовано со временем русскими людьми. Но в новых условиях в связи с присоединением Забайкалья к России и заселением его свободной территории русскими с их богатыми земледельческими навыками прежний способ производства становился явным тормозом. Русское население внедряло земледелие, развивало промышленность, возводило дома, строило поселения, проводило дороги, совершенствовало охоту, усиливало товарообмен. Таким образом, необходимость приобщения бурят и эвенков к новой жизни, к новой культуре, к новым навыкам была поставлена на повестку дня самой жизнью.

Широко известны слова М.В. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Но часто эта мысль рассматривается односторонне, как приращение природных богатств Сибири к общерусским. Но дело не только в этом. Важна Сибирь для России, но еще более важным, на наш взгляд, было присоединение Сибири к России для развития самих сибирских народов, вовлеченных в круг общероссийской социально-экономической и культурной жизни.

Освоение Сибири – обоюдовыгодный процесс, как для русского народа, так и для развития коренных народов. Вхождение в состав Русского государства определило небывалый расцвет в их социальной, культурной и политической жизни. Это мы ярче всего видим на примере бурятского и якутского народов, ставших вровень с передовыми народами мира.

Из вышеизложенного видно, что выбор М.М. Шмулевичем этого региона и названного периода для изучения истории забайкальского крестьянства не случаен. Автор, обладая большим архивным материалом, не мог не заметить существенный пробел в изучении истории и культуры Забайкалья. Он взялся своевременно заполнить эту ощутимую лауну в сибирской историографии. Этот период важен еще и тем, что именно в XVIII в. Забайкалье окончательно было закреплено в составе России после заключения в 1727 г. Буринского (Кяхтинского) договора с Китаем. В это время «изменился тип хозяйства», произошли существенные перемены в общественных отношениях. Все это прои-

зошло не без влияния русского народа и русской государственности³.

Автор представленных «Очерков» не смог не заметить и того, что имеющиеся в его распоряжении материалы уже нашли глубокое отражение в ряде исследований, относящихся к другим регионам, в частности к Западной Сибири. Так, вопросы семьи нашли отражение в трудах В.А. Александрова, З.Я. Бояршиновой. Н.А. Миненко⁴, антифеодалный протест и побег крестьян прекрасно исследованы Н.Н. Покровским и Т.С. Мамсик⁵. Крестьянству Восточной Сибири посвятили свои исследования В.А. Александров, А.С. Кузнецов, Ф.А. Кудрявцев, Л.В. Машанова и др. Но Забайкалье во многих вопросах его сельскохозяйственного освоения имело свою неповторимую специфику, вызванную природно-климатическими особенностями, формированием отдельных этнографических групп, соседством с местным населением, хозяйственными и бытовыми связями с ним, культурным взаимовлиянием. Нужно учитывать, что в этом крае русские пришли в соприкосновение с одним из крупных и наиболее развитых в культурном отношении сибирским народом, очень восприимчивым к новшествам. Это привело к быстрому обмену опытом между бурятами и русскими и ускорило земледельческое развитие в этом регионе. Русские учат бурят земледелию, сенокошению, строительству домов по русскому типу, сами же заимствуют у бурят их богатый скотоводческий опыт. Не случайно эти процессы были четко зафиксированы в языке этих народов: терминология, связанная с земледелием, строительством домов, их обстановкой, хлебопечением заимствована бурятами у русских, термины же из области скотоводства – наиболее развитой области бурятского хозяйства – заимствованы, в свою очередь, русскими у бурят⁶.

Таким образом, в этот период упрочились хозяйственные и бытовые связи русского населения с местными народами, крепнет их дружба, усиливается их взаимное культурное влияние. Забайкалье превращается в край высокой земледельческой культуры. А это в дальнейшем сыграло первостепенную роль в освоении и заселении других районов Восточной Сибири, Приамурья и Дальнего Востока. Словом, приобретение и освоение этого сурового и прекрасного края русскими людьми имело огромное политическое, стратегическое и экономическое значение в закреплении могущества России на восточных рубежах.

М.М. Шмулевич до конца дней своих был предан одной теме – судьбам русского крестьянства Забайкалья позднефеодального периода.

Долго по крупицам собирал он материалы в государственных архивохранилищах страны. Его занятия в архивах начались в 1962 г. и продолжались около 20 лет до самой смерти автора в 1981 г.

Поиск новых материалов в архиве затягивает, как азартная игра, в которой на кон часто поставлено личное здоровье, и не каждому в этой игре-поиске везет, не каждый в поиске новых нужных документов остается в выигрыше, не каждому дано сделать открытие. Не всегда везло с находками и М.М. Шмулевичу, но он не падал духом, шел в архив и снова упорно продолжал разыскания нужных материалов. Эта преданность избранной теме, терпение и упорство исследователя часто вознаграждались. В целом собранный им конкретно-исторический материал внушителен.

Он работал в архивах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Читы, Улан-Удэ. Особенно тщательно он изучал фонды Центрального государственного архива Бурятской АССР, где он исследовал 43 фонда. Известно, что в сибирских архивах до революции документы хранили плохо. Вот что писал об этом один из знатоков в 1913 г.: «Большинство сибирских архивов уничтожены главным образом вследствие человеческой небрежности... Часть документов сгорела, часть сгнила от сырости, часть истреблена крысами и мышами... Из года в год архивы постепенно расхищались и уничтожались, брал, кто хотел, архивная бумага продавалась с торгов пудами, каковая и покупалась для обихода в лавочки, для оклейки комнат и вообще на хозяйство»⁷. В частности, при пожарах в разное время сгорели архивы многих волостей и сел Забайкалья (Большого Куналея, Никольска, Хонхолая и др.). Все это, естественно, затрудняет поиски нужных исторических материалов. М.М. Шмулевич изучал старые архивные документы пристрасстно, тщательно, глубоко, радуясь удачным находкам, переживая связанные с поисками неудачи. Глубокая увлеченность и полная самоотдача избранной теме позволили ему собрать большой материал, выявить неизвестные источники, часть которых легла в основу книги «Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX в.)».

Вообще М.М. Шмулевич оставил более 20 научных статей. Им издана книга «Троицко-Селенгинский монастырь» (Улан-Удэ, 1982. Объем – 3,48 п. л.) и вот теперь подготовлена вторая. Все работы написаны на добротном архивном материале, вводят в научный оборот новые источники и вносят заметный вклад в изучение истории и культуры

русского крестьянства Восточной Сибири. Как зрелый историк он выработал свои взгляды на многие вопросы, придерживался определенных убеждений, изучая русское крестьянство Забайкалья, он шел своим путем, имел свою концепцию, которую, к сожалению, не до конца сформулировал, не во всем совершенна была его методика.

К сожалению, из-за безвременной кончины автора монография была не завершена. В ней нет введения, не дано теоретико-методологическое, историографическое и источниковедческое обоснование разработанной им темы, нет заключения, некоторые разделы не окончены. Взыскательный читатель обнаружит в ней пропуски, незаполненные лакуны, подчас не найдет вытекающих из материала выводов. Очерки книги не равноценны по своему достоинству и совершенству. Одни из них неплохо сделаны в исследовательском и композиционном плане, другие же отрывочны, не завершены. Не всегда можно согласиться с отдельными положениями автора, вытекающими из отдельных его концептуальных просчетов. Слабо использована известная литература, непосредственно относящаяся к теме его исследования и т. д.

И тем не менее автором собран в результате многолетней работы в архивах страны большой арсенал фактов. Он позволил автору нарисовать впечатляющую картину жизни, быта, культуры, важных или обыденных событий русского крестьянства Забайкалья в означенный период.

В монографии в поле зрения автора были следующие вопросы: природно-географическая среда и социально-экономическая характеристика Баргузинского и Нерчинского края, социальная структура русской деревни, особенности монастырского землевладения, управление и повинности сельского населения, функционирование в Забайкалье системы государственного феодализма. Много внимания автор уделил выступлению крестьян против угнетателей. В основном рассмотрена одна из своеобразных форм крестьянского движения – антифеодальный протест в его религиозной оболочке, свойственный, по словам В.И. Ленина, всем народам на определенной ступени их развития. Один из очерков посвящен численному составу крестьянской семьи в Забайкалье. Остались незавершенными исследования М.М. Шмулевича по истории культуры края.

Очерченный круг сложнейших вопросов решить было непросто. Но многие сложные процессы, происходившие в крестьянской среде,

автору на основе тщательного анализа архивных документов удалось описать, изучить и прийти к аргументированным выводам. Так, например, в результате своих изысканий он заключает, что край в этот период становится преимущественно крестьянским и доказывает это статистическими данными.

Историк часто повествует о событиях, заведомо будничных, обычных в крестьянской жизни, пишет о том, из чего складывался социальный хозяйственный и бытовой уклад забайкальского крестьянина. В этом есть свой резон. Один из дореволюционных авторов как-то отмечал: «...То, что крикливо и курьезно, далеко не всегда типично. Для сибирской истории, главным деятелем которой была народная масса, типичны скорее именно факты нормальной, обыденной жизни, серые факты жизни, тусклой, бесцветной в отдельных частичных проявлениях, типичной лишь по однородности и постоянству проявления массовых, суммарных»⁸. Именно постоянство проявлений массовых факторов, зафиксированных автором, и создает достоверную картину жизни забайкальского крестьянина.

Исследование М.М. Шмулевича показывает эволюцию социального состава русского населения Забайкалья. В 30-е гг. XVIII в. в этом крае проживало около 10 % пашенных крестьян. Служилые, разночинцы и посадские люди составляли 77 % русского населения. Между 1730 и 1775 гг. крестьянское население в Западном Забайкалье выросло более чем в 20 раз. К концу XVIII в. пашенный крестьянин становится центральной фигурой забайкальской деревни.

Резкое увеличение русского крестьянства в крае нужно связать с активной переселенческой политикой царизма и вольной колонизацией. В частности, репрессивными мерами правительство в 1764–1765 гг. вплоть до 1780-х гг. сюда из Стародубских и Вятковских слобод, расположенных в бывших Черниговской и Могилевской губерниях, были выселены русские старообрядцы, получившие позже название «семейские». Они внесли существенный вклад в развитие земледелия в Забайкалье. Бесплодный край постепенно становится одной из житниц Восточной Сибири, сыграв большую роль в освоении Амура. На забайкальском хлебе забайкальские казаки и крестьяне в 1850–60-е гг. провели амурскую эпопею. В 1852 г. семейские крестьяне переселяются на Аянский тракт в далекой Якутии. Ими посеянные поля привели в восхищение писателя И. Гончарова, возвращавшегося из кругосветно-

го путешествия через эти края. В книге «Фрегат “Паллада”» он записал: «Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал, – так оживлены поля хлебами, ячменем и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет»⁹.

Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смекалку земледельцев, прилежание и любовь к земле, выносливость в борьбе с природой и стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчет. Все это имело первостепенное значение в освоении ими новой обширной территории за Байкалом.

Не случайно в 1808 г. губернатор Трескин весьма высоко оценивает их земледельческий талант и трудолюбие. «Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству, – писал он, – подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за 40 на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвести по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-старообрядцев Верхнеудинского уезда – Мухоршибирской, Куналейской и Урлущкой волостей и изъяснить им за то совершенную свою признательность»¹⁰.

Возложенную на них правительством задачу освоения Забайкалья и создания в нем устойчивого хлебопашества они с честью оправдали уже через 20–30 лет после своего поселения в этом суровом крае. Поэтому, отдавая дань русскому крестьянству в деле колонизации Сибири, советские историки сделали следующий вывод: «Подлинным героем освоения Сибири был русский крестьянин, который принес туда свою многовековую земледельческую культуру, открывшую новую страницу в развитии производительных сил этого края»¹¹.

Русские люди, уходя в Сибирь от помещичьей кабалы и гнета феодального государства, получили здесь относительную волю (но не такую, какую хотели бы), некоторый земельный достаток и право трудиться не из-под палки. Но сибирские земли не были «вольными»: они принадлежали феодальному государству, которое использовало их с целью феодальной эксплуатации крестьян, изощренно вымогая с них

подати, справляя повинности. И все-таки сибирский крестьянин был более независимым, чем его собрат в Европейской России. Позже эту самостоятельность сибирского земледельца отметит В.И. Ленин, сказав, что «все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее “русского” и к работе из-под палки мало приучен»¹².

Исследование М.М. Шмулевича подтверждает это важное в методологическом плане положение.

На людей неискушенных селения семейских производили впечатление полного благополучия и достатка. И мы эти идиллические картины нередко встречаем в описаниях многих путешественников и дореволюционных исследователей. Они писали, что жили семейские тихо и спокойно на лоне девственной природы и обеспечили беспрестанным трудом зажиточное существование. Но, к сожалению, жизнь семейских крестьян была не настолько идеальной, не была сплошь безоблачной Аркадией. И это хорошо показали исследования М.М. Шмулевича. В их селах автор находит классовое расслоение – богатство подрядчиков и обездоленность бедняков, задавленных поборами и повинностями, преследуемых за свои религиозные убеждения. Поэтому часто внутреннюю жизнь старообрядческих общин будоражили бурные события. Не тишь и гладь да божья благодать были характерны в жизни староверов Забайкалья, а непрестанная бесконечная борьба за свое существование с засилием феодального государства, с его крепостническими формами управления: она выражалась то в защите старообрядческих храмов и часовень, то в бунтах против насаждения единоверия, то в выступлениях против тяжелой рекрутской повинности, то в защите беглых попов, привезенных из Европейской России староверами для свершения церковных треб и обрядов и т. д.

Поиск социальной справедливости и борьба за нее выливались в разные формы протеста, о которых читатель узнает в специальной главе. Не все факты бунтарства семейских открывает автор впервые. Некоторые были известны и ранее и даже нашли отражение в специальной литературе, правда, не всегда объективной. Например, в описании И. Барсукова, поющего дифирамбы графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Но архивы сохраняют материал более непредвзятый. Это дает возможность освещать события более объективно.

Естественно, М.М. Шмулевич не мог пройти мимо яркого материала историков, повествующих об острой борьбе крепких старообрядче-

ских общин Забайкалья против насилия со стороны казенной церкви и царской администрации. Подобные сюжеты одно время не привлекали внимания историков, но М.М. Шмулевич быстро оценил немалые научные возможности историографического направления последних лет, детально анализирующего старообрядческие выступления XVII–XIX вв. как своеобразное проявление антифеодального протеста. Источники из истории Забайкалья первой половины XIX в. были в плане такого анализа весьма перспективны, и М.М. Шмулевичу удалось наметить основные контуры двух наиболее крупных выступлений забайкальских семейских – волнений в Бичуре и Большом Куналее.

Следует отметить, что автор не успел освоить весь материал историков по этой теме, и нарисованная им картина может быть существенно дополнена, в частности по фондам ЦГИА. Подобная работа, проведенная В.Ф. Лобановым, вскрыла гораздо более широкую, чем это удалось показать М.М. Шмулевичу, картину повседневной борьбы старообрядческих общин Забайкалья против религиозных притеснений. Она включает многочисленные формы сопротивления антираскольническому законодательству самодержавия, стойкое сопротивление попыткам уничтожить независимость старообрядческих общин. В то же время внутренняя жизнь этих общин оказывается довольно сложной, включающей нарастающие противоречия между зажиточной верхушкой, настроенной более умеренно, и радикальной основной массой семейских. Верхушка небезуспешно использует в своих интересах механизмы крестьянской территориальной общины, но проводимая умеренными кругами старообрядцев Забайкалья политика поиска компромисса с самодержавием наталкивается не только на стойкие крестьянские традиции антифеодальной борьбы, но и на явное ужесточение правительственной политики с конца 1820-х – начала 1830-х гг. В итоге окончились неудачей поиски компромисса в форме более приемлемого для старообрядцев варианта единоверия, предусматривавшего подчинение старообрядческих общин аппарату светской администрации при их независимости от церковных властей. Обострение конфликта в годы николаевской реакции привело к открытым столкновениям 1840-х – 1850-х гг.

Ценные свидетельства источников об этих столкновениях, приводимые М.М. Шмулевичем, также могут быть дополнены: борьба забайкальских крестьян в эти годы носила еще более упорный характер,

сельские общины взаимодействовали друг с другом в этой борьбе. Так, выступление куналейских крестьян было активно поддержано волнениями в Куйтуне. В целом эти выступления оказались достаточно результативными. Они слились с другими актами классовой борьбы государственных крестьян востока страны, воспрепятствовавшими осуществлению крепостнических сторон реформы П.Д. Киселева на Урале и в Сибири. Мало того, выступление крестьян Забайкалья внесли свою лепту и в то усиление общего накала классовой антифеодальной борьбы, которое явилось главной причиной ликвидации феодальной формации в России в ходе буржуазных реформ 1860-х гг.

Как видим, сложна и поучительна была диалектика взаимоотношений местного крестьянства с государственным чиновничьим аппаратом, разнообразны противодействия его репрессивным мерам, нелегко было вести борьбу с официальной церковью, с ее иерархами, миссионерами, святошами, с монастырской братией, облеченной правами крепостников. Крепко был запутан клубок классовых противоречий, и автору не всегда легко было все это основательно распутать, хотя в большинстве случаев он оказывался на высоте и давал всем этим общественным отношениям правильный анализ.

Так, он в целом объективно подошел к рассмотрению социального положения крестьянства, способам его угнетения, форм крестьянского протеста, анализу русской крестьянской семьи. Проанализировав, например, численность и состав семьи, автор находит, что в Забайкалье существовала не только большая семья, характерная для семейских общин, но и малая семья у русского старожильческого населения. Поэтому нужно говорить о сосуществовании большой и малой семьи у русского населения Забайкалья. А в изучении этого интересного явления необходим дифференцированный подход.

Процесс складывания семейного строя и рост численности семьи автор справедливо связывает с процессом заселения и освоения края. Хозяйственная необходимость породила усложненную структуру старообрядческой семьи, численность которой часто достигала 40–50 человек.

Найденные М.М. Шмулевичем материалы в научном плане ценны по многим показателям, по многим вопросам, затронутым автором. В частности, они очень познавательны и интересны тем, что дают возможность установить родословные многих крестьянских родов, про-

живающих в Забайкалье и ныне. Тем самым учат теперешнее поколение «гордиться славою своих предков» (выражение А.С. Пушкина). Но подлинное открытие о поселении семейских удалось сделать автору этих строк. Мною найдены и опубликованы первые списки «новопоселенных из поляков».

Привлекут внимание читателей его находки, относящиеся к родовым гнездам старообрядцев таких крупных сел, как Тарбагатай, Большой Куналей, Куйтун, Пестерево, Надеино, Десятниково, Жирим, Шаралдай и др.

В работе прослежена история и показаны родословные известных в Бурятии родов: Заиграевых, Чебуниных, Калашниковых и др. Особенно интересна и поучительная судьба рода Заиграевых, об одном из предков которого мы знали по многочисленным воспоминаниям и описаниям путешественников и декабристов (А. Мартоса, А.Е. Розена, В.И. Штейнгеля, И.Д. Якушкина, А.П. Беляева и др.). Архивные материалы дали возможность нарисовать необычную судьбу этого предприимчивого рода, представители которого основали село Заиграево и играли заметную роль в экономической и общественной жизни края.

Собранный материал ценен своей исторической достоверностью, масштабностью, широким охватом разных явлений из жизни русского населения. Он позволяет познать прошлое с наибольшей глубиной. Публикация книги ввела в научный оборот досель неизвестные документы и значительно пополнила источниковую базу в сибирском краеведении.

До М.М. Шмулевича такого богатого материала по истории забайкальского крестьянства еще никто в руках не держал. И этот документальный материал, почерпнутый подвижническим трудом, и созданные на его основе «Очерки» вызывают уважением и заслуживают искренней признательности забайкальцев, ибо найдены весьма ценные материалы об их предках, которые в невероятно трудных условиях освоили эти земли и оставили в наследство все это богатство последующим поколениям. Потомки первопоселенцев, пионеров освоения края живут в тех же селах, умножились, сильно разрослись, фамилии пращуров остались и ветвятся, пустив тут глубокие корни.

Автор показал трудовой героизм в освоении края, вольнолюбие крестьян, их гордую независимость, которые проявлялись в различных формах антифеодального протеста. Словом, нынешним поколе-

ниям забайкальцев есть чем гордиться, есть у кого брать пример поразительной любви к той земле, на которой они выросли, благодатную почву которой разработали их замечательно трудолюбивые, упорные в достижении своих целей предки.

Исходя из вышесказанного, заключаем, что книга М.М. Шмулевича – новая более высокая ступень в изучении истории забайкальского крестьянства: до него эти вопросы так основательно и широко никто не освещал.

P.S.

Первый вариант книги подготовлен к печати д.и.н. Н.Н. Покровским и к.и.н. Ф.Ф. Болоневым. Н.Н. Покровский отредактировал главу, посвященную крестьянскому движению (антифеодальный протест, побеги, небытие у исповеди) и им же была дана оценка крестьянским выступлениям против феодального государства и официальной церкви.

Ф.Ф. Болонев как ответственный редактор подготовленной книги написал предисловие и отредактировал, подготовил все остальные главы и приложения, по подлинникам сверил архивные материалы.

От вдовы автора я получил один экземпляр книги со следующей подписью: «Глубокоуважаемому Фирсу Федосовичу в знак благодарности за внимание к научному труду Михаила Моисеевича с низким поклоном. Вдова безвременно ушедшего из жизни автора А. Гумниц, 1986».

В связи с этим уместно будет сказать о том, как готовилась монография к изданию. После смерти М.М. Шмулевича в 1981 г. осталась машинописная рукопись. Семья автора и их близкие предприняли попытку к ее изданию. Рукопись оказалась в издательстве «Наука» Сибирского отделения. Оттуда с просьбой для подготовки рукописи к изданию обратились к доктору исторических наук Николаю Николаевичу Покровскому и ко мне. Николай Николаевич просмотрел и, вероятно, сделал какие-то правки в главе, посвященной крестьянскому движению (антифеодальный протест, побеги, небытие у исповеди) и отказался от дальнейшего участия в редактировании книги, сославшись на большие лакуны в незавершенном исследовании М.М. Шмулевича. После отказа Н.Н. Покровского вся работа легла на меня. К тому же меня попросили быть ответственным редактором монографии.

Мне была предоставлена возможность провести сверку рукописи с

архивными материалами. Была организована командировка в г. Улан-Удэ для работы в ЦГА БурАССР. Эта работа была очень плодотворной. Удалось сверить тексты, которые вызывали сомнения, уточнить фамилии крестьян, разных волостей Забайкалья и некоторые даты.

После полугодовой работы над подготовкой книги, когда она была выверена, исправлена, написано предисловие и сдана в издательство «Наука», начались не совсем понятные действия. Однажды ко мне на работу пришли д. и. н., зав. отделом истории ИИФиФ Л.М. Горюшкин и к. и. н. Т.С. Мамсик и заявили, что подготовленный материал научного наследия М.М. Шмулевича не понравился издателям, и они (Л.М. Горюшкин и Т.С. Мамсик) просят меня отказаться от статуса ответственного редактора и снять мое предисловие. Я сказал, что меня удивляет это «Соломоново решение», в таком случае я предлагаю снять всю мою правку в книге и ввести в редколлегию Л.М. Горюшкина и Т.С. Мамсик: дорабатывайте и публикуйте.

В результате моя правка имен, фамилий, дат и некоторых неточных или стилистически неловких выражений была оставлена.

Т.С. Мамсик написала свое предисловие к монографии, в которой были представлены материалы научного наследия автора, это прежде всего работы, которые М.М. Шмулевич не успел опубликовать при жизни, а также статьи, ранее напечатанные в малотиражных изданиях. Пояснила структуру монографии, состоящую из трех разделов, и определила место этого исследования в ряду работ, посвященных изучению русского крестьянства в отдельных регионах Сибири на протяжении всего феодального периода. Также ею был приложен список научных трудов М.М. Шмулевича и составлены указатель собственных имен и указатель географических названий.

Но Т.С. Мамсик, не владея материалами Забайкалья, не дала критической оценки некоторым неточным положениям М.М. Шмулевича. Так, например, им приведены неверные данные о появлении отдельных старообрядческих семей в Западном Забайкалье в разное время. Этого не могло быть, так как они прибыли сюда большими партиями и фактически в 1765–1768 гг. А у М.М. Шмулевича в датах появления родоначальников разных семейств большой разброс. По его данным, Назаровы появились в Большом Куналее в 1746 г., Алексеевы – в 1755 г., Пыкины – в 1780 г. в Десятниково и т. д., что в корне неверно.

Также в состав старообрядческих семей были включены семьи сибиряков-старожилов (Бурдуковские, Грязные (Грязновы), Михалевы). Их смешение с семейскими произойдет в более позднее время.

Примечания

¹ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири: науч. тр. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 260.

² Шунков В.И. Основные проблемы изучения истории Сибири // Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 209.

³ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. С. 4–5.

⁴ Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края // Сибирский этнографический сборник. Т. 2. М.; Л., 1961; Бояршинова З.Я. Крестьянская семья в Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири: тр. Томск. ун-та. 1967. Вып. 3; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – пер. пол. XIX века). Новосибирск, 1979.

⁵ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978.

⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 245–246.

⁷ Романов Н.С. О сибирских архивах // Труды ученой архивной комиссии. Иркутск, 1913. С. 205–206.

⁸ Головачев П. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // ЖМНП. 1902. № 9. С. 68.

⁹ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука, 1968. С. 512.

¹⁰ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 14.

¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М., 1967. С. 31.

¹² Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 16. М., 1967. С. 405; Т. 5. С. 89.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО – ДУХОВНАЯ КРЕПОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*

олгое время русская культура в России находилась на положении падчерицы: многие могли безнаказанно глумиться над нею. Шел усиленный процесс нивелировки и унификации, а вернее – постепенного искоренения традиционной культуры у разных народов СССР, длившийся в течение 70 лет. Рост национального самосознания, обращение к народным истокам в восстановлении своего лица, обращение к традиционной духовности, к своим национальным корням принимают необратимый характер. Осознание того, что «мы не выживем физически, если погибнем духовно» (Д.С. Лихачев), многих заставляет задуматься над нашим бытием. Изучение культуры русского народа в настоящее время приобретает особый смысл и актуальность.

Это тем более важно для народов России, когда им начинают преподносить как образец жизни западную (в частности, американскую) модель. Ориентация на Запад началась еще в XVII в. Начало ей положили реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, приведшие к «великому церковному преступлению, с которого началась гибель России» (А.И. Солженицын). Примечательно то, что противниками реформ оказались простые русские люди, защитники старой обрядности и веры, усмотревшие в религиозных изменениях угрозу развитию старорусских традиций. Они первыми выступили против нововведений Никона и западных влияний.

Следовательно, в сохранении русских духовных традиций особая заслуга принадлежит старообрядцам. Павел Мельников (А. Печерский) видел в образованных старообрядцах «главный оплот будущего России» и был уверен в том, что от них произойдет «восстановление русского духа».

Между тем история староверия в России преподносилась преврат-

---

*Духовное наследие народов России и современная культура: тез. докл. науч. конф. (28–29 марта 1996 г.). Новосибирск, 1996. С. 44–46.

но. Негативно оценивалась и роль старообрядцев в истории России. Они в громадном большинстве сочинений как досоветского, так и советского периодов рассматривались как консервативная, фанатичная масса. У многих историков господствовал «примат концепции над фактом». Этот взгляд живуч и до настоящего времени. Их преданность старине рассматривалась как тормоз, как движение назад. Хотя сохранение пережиточных явлений, инерция и стабильность традиционного развития, по мнению французского исследователя А. Леруа-Гурана, составляет основу этнокультурной непрерывности: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

Изучение духовной культуры русского народа в советское время было затруднено. Официальные идеологи хотели видеть у народа одну сторону его мировоззрения – его атеизм; религиозность, вера в бога, преданность христианским идеалам часто преследовались. А отсутствие систематических комплексных объективных исследований духовной культуры не позволяет говорить об устойчивости и крепости христианских ценностей в духовном мире русского народа, исключая старообрядцев. Правда, в последние десятилетия отношение к староверам у значительного ряда историков существенно изменилось. В работах В.Г. Карлова, Я.Н. Щапова, Н.Н. Покровского, А.И. Клибанова, А.А. Амосова, И.В. Поздеевой, Г.Н. Чагина, А.Ф. Замалеева, Н.С. Демковой, К.Г. Мяло, Н.С. Гурьяновой и других осуществлен фактологический подход к изучению старообрядчества и дана более верная оценка этому явлению.

В России давно существует концепция приоритетного развития духовной жизни общества. Пионерами в ее осуществлении были славянофилы: А.С. Хомяков, И. В. Киреевский, К.С. Аксаков. Затем она была продолжена трудами Н.К. Михайловского, В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. С Л. Франк эту идею выразил следующим образом: «История есть великий драматический процесс воплощения, развертывания во времени и во внешней среде духовной жизни» социума. Эта идея не устарела и ныне. Особенно ярко она просматривается в движении старообрядчества, которое стало еще одной загадкой России.

Споры о «России-загадке», о загадочной русской душе не утихают столетия. Часто в этих дискуссиях превалируют идеологические соображения, что уводит авторов от истины. Кому-то выгодно выставить напоказ Россию неумытой, а народ ее – духовно отсталым. Очерни-

тельство ведется «применительно к подлости» и на высоком уровне. Известный иезуит хорват Ю. Крижанич (XVII в.) писал, что жители Московии «суеверно придерживались обрядов, но были полностью невежественны в вопросах теологии». Прозападник епископ Лопатинский (1745 г.) обвинил староверов в том, что они «молятся телом, а не духом», и тоже видел в них «символ теологического невежества». Прозападники окрестили их «праздными ритуалистами». Аввакум Петров и братья Денисовы не в счет. Эта точка зрения дожила и до нашего времени (П. Милуков, Г. Флоровский, Г. Федотов).

Современные западные авторы сходятся во мнении, что новое и старое православие различаются «исключительно обрядностью, но не догматикой». Русская традиционная обрядность воспринимается ими как «неправильное приближение к Богу и препятствует правильному пониманию христианства» (Д. Шеффел).

Противоположной точки зрения придерживаются Н.И. Костомаров, В.В. Розанов. Последний ставит русский раскол выше реформации Лютера в Германии. Оба высоко оценивают духовный и умственный прогресс русских старообрядцев.

В связи с расколом русской православной церкви духовная жизнь русских людей стала более активной. Нужно было доказывать не только правильность обрядности (старой и новой), но и догматики. В той напряженной обстановке в духовных спорах участвовали не только духовные лица, но и посадские, и крестьяне. Раскол породил заметный подъем духовной активности русского общества, поднял на небывалую высоту народный менталитет. Отсюда исходил «избыток благочестия», или духовная строгость приверженцев старой веры и обрядности, сохранение заповедей, символов старого русского православия, восходящих к византийским прототипам (двуперстие, восьмиконечный крест, иконография, тексты боговдохновенных книг).

Несмотря на то что духовная жизнь сторонников староверия подвергалась всяческому гонениям, она никогда не угасала: то томилась, тлела, теплилась угольками в почти затухающем очаге, то вспыхивала с новой силой с поступлением свежего воздуха. Культура старообрядчества – феномен во многих отношениях примечательный, еще не до конца нами понятый. Старообрядчество – особая духовная крепость веры, оплот нравственности и трудолюбия, скрижаль любви к России, цита-

дель русской культуры. Часто поставленные в экстремальные условия эти дюжие люди, а не «праздные ритуалисты» самоотверженно хранят русскую народно-бытовую культуру, старую обрядность, которые являются определяющим этническим признаком, их духовной доминантой.

Раздел II

Старообрядчество Сибири

СТАРООБРЯДЦЫ СИБИРИ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ*

Литература о русских старообрядцах огромна¹. Библиография о них составляет несколько томов. Сочинения о них поражают своей противоречивостью мнений и суждений. Нет в существующей литературе о старообрядцах Сибири одинаковых оценок, ибо писали о них люди разных общественных и политических взглядов и направлений. Большая часть из них относится к официальной историографии, были зависимы от властей церковных и светских или являлись миссионерами, проводниками и идеологами никонианского направления. История староверия в России официальной историографией преподносилась превратно. Негативно оценивалась роль старообрядцев в истории России. Они чаще всего рассматривались как консервативная, фанатичная, невежественная масса. Этот подход к изучению старообрядчества можно кратко охарактеризовать как «примат концепции над фактом». Преданность старине рассматривалась как тормоз, как движение назад. Между тем сохранение пережиточных явлений, стабильность традиционного развития, по мнению французского исследователя А. Леруа-Гурана, составляет основу этнокультурной непрерывности: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам». Старообрядцы сохраняли традиции и культуру, выработанные в дониконианской период, ни на йоту не отступили от древних заветов, преданий и канонов, принятых еще при Иване Грозном. Хотя идеология понятия «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать» зародилась еще ранее.

В XVI в. в письме монаха Феофила Псковского, адресованном великому князю Московскому Василию III, чье правление пришлось на период между Иваном III и Иваном IV Грозным была ясно и уверен-

---

* Публикуется впервые.

но выражена политика России: Он писал: «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси, врата Второго Рима-Константинополя были изрублены топорами неверных турок, но церковь Московии – Нового Рима – блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепок, а четвертому не бывать»². Эта же концепция была принята на Стоглавом соборе 1551 г. при Иване Грозном. Такая государственная идеология была закреплена и поддерживалась государями вплоть до реформ Никона и царя Алексея Михайловича. Естественно, она была и на вооружении старообрядцев. Никон совершил святотатство.

Стоглавым собором 1551 г., созданным митрополитом Макарием при содействии царя Ивана Грозного, была подтверждена правильность и спасительность двуперстного знамения и сугубой аллилуйи: «если кто не знаменуется двумя перстами, как и Христос, да есть проклят».

Староверы, не признавшие нововведений Никона, были поставлены в унизительное положение. По указу Петра I от 8 февраля 1716 г. постановили: «... с раскольников... брать вдвое и им раскольникам по прежним же его Императорского величества указам ни у каких дел начальниками не быть, а быть токмо в подчиненных»³. Так были унижены русские люди, не признавшие реформ Никона.

Их правовое положение по сравнению с другими гражданами России было намного хуже, хуже католиков и протестантов, мусульман и буддистов. Но система гонений за веру отцов, за обряды предков сплотила старообрядцев, выработала в их среде черты трудолюбия, предприимчивости, трезвости, здравомыслия. Это положение довлекло над старообрядцами и в ссылке в Сибири. Они всегда умели довольствоваться малым, труд для них был необходимым средством постижения и обретения благочестивого жития... Человек труда всегда был уважаем и почетен в их среде. Важно отметить особенность старообрядчества. Находясь в оппозиции официальной церкви и властям, староверы не принесли зла России, а наоборот, всячески содействовали ее развитию: расширяли границы империи, осваивали труднодоступные территории, создавали промышленность, сохраняли ее лицо. В.Г. Распутин писал: «Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в ее обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, мо-

жет быть не меньше, чем защита Отечества на поле брани»⁴. Следует добавить, старообрядцы восстали против никчемных реформ, против порчи русского Мира, против латинизации. Они восстали против раскола русского бытия, а их, вопреки здравому рассудку, называли раскольниками и стали жестоко преследовать. А ведь раскол произошел по вине патриарха Никона и царя Алексея Михайловича с их западными поделщиками в лице архимандрита Дионисия, Паисия Лигарида, бывшего иезуита, осуществлявших по заданию Ватикана идеологическую и политическую диверсию.

В дальнейшем латинизация России пошла семимильными шагами. Реформаторам от Петра I до большевиков нужен был миф об отсталости русского народа, с этой целью они проводили реформы, копируя западные образцы. Старообрядцы не желали признавать иностранных порядков. За это терпят страшные гонения. Сторонники старой веры, уходя от преследований, побежали на окраины России, в том числе в Сибирь.

Сибирь была не только местом ссылки и каторги, как об этом писали многие авторы книг об этом огромном крае. По данным А.А. Лебедевой, в 1866 г. ссыльные (каторжные, ссыльнопоселенцы, политические) составляли 7 %. Сибирь заселялась отборным народом, значительную часть которого составляли старообрядцы, которые бежали сюда, спасаясь от крепостничества и религиозных преследований, сохраняя свое русское достоинство. Очень много староверов пришли в Сибирь из Нижегородской губернии с р. Керженца, вот почему в Западной Сибири за старообрядцами закрепилось название «кержаки». Часть «кержаков» проникла в Горный Алтае, в «камень», где получила название «каменщиков», или «бухтарминцев», поселившихся в бассейне р. Бухтармы.

Большие группы русских беглых людей – старообрядцев в XVII – начало XVIII в. бежали в пределы Украины, Белоруссии, Польши, где ими было основано большое количество слобод в районах Ветки, Гомеля, Стародубья, в Подолии. В 1735 г. и в 1764 гг. русское правительство при помощи военной силы выгнало их из Польши и в 1764–1768 гг. поселило одну часть на Алтае, которые здесь получили название «поляки», другую, более крупную группу поселили за Байкалом в 30 поселениях. Там они тоже сначала назывались «польскими выведенцами», «польскими колонистами», но затем за ними закрепилось название «семейские», так как были выведены «ис поляков» целыми семьями

и поселены в Забайкалье. Эти две наиболее крупные этноконфессиональные группы в своей истории и культуре имеют много общего. При выгонке из пределов Польши они были насильственно разделены. По найденным мною документам, 14 партий были направлены на Барабу и в Забайкалье, 8 партий на Алтай.

Старообрядцы юга Сибири были лучшими земледельцами в крае. Они оказали огромное влияние на развитие земледелия. Семейские в Забайкалье стали первыми в Сибири применять при пахоте плуг – более совершенное орудие для вспашки поля. В 1808 г. о них восторженно отзывался Н.И. Трескин, иркутский губернатор, известный своим вымогательством и взяточничеством. Плуг был отмечен и у поляков Алтая. Хлебом в трудные годы семейские снабжали Иркутск. При освоении Амура основные поставки хлеба шли от забайкальских старообрядцев. Об это сообщает в своей книге «Сибирь и каторга» С.В. Максимов, побывавший там в 1860 г. Второе, важно отметить, что пасечное пчеловодство возникло в Усть-Каменогорском уезде в XVIII в. у старообрядцев – поляков. У богатых поляков насчитывалось до 1000 ульев. Крупнейшим центром пчеловодства стал южный Алтай – Бухтарминский край. Обилие трав-медоносов способствовало развитию пчеловодства. Со второй половины XIX в. появляются рамочные ульи. Мед из Бухтарминской долины славился своими превосходными качествами. Его закупали купцы и местные скупщики и отправляли на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Старообрядцы Сибири были пионерами освоения новых земель на территории юга Сибири (Бухтарма), Восточной Сибири и Дальнего Востока. В Бухтарму, за Камень устремились во второй половине XVIII в. группы предприимчивых людей и без единого пуда пороха была заселена Бухтарминская долина, на которую претендовал Китай. Екатерина II взяла каменщиков-бухтарминцев под свою опеку, наложив на них двойную дань. Вот почему некоторые группы старообрядцев называются «двоеданами».

В середине XIX в. от Верхнеудинска до Читы был построен новый тракт, названный Читинским. Обустройство его и заселение легло в основном на плечи семейского крестьянина. Ряд селений по верховью р. Хилок были населены выходцами из семейских сел Верхнеудинского округа. За последние 5 лет мной найдены новые архивные документы о переселении на этот тракт, а также на Амур, Приморье, Сахалин целых семейств из разных сел Тарбагатайской волости⁵.

В 1851–1852 гг. южнее Охотска был основан новый порт Аян. К нему из Якутска нужно было проложить надежный тракт и заселить его людьми свободного состояния и одобрительного поведения, возраст мужчин не должен превышать 45 лет, женщин – 40 лет. Переселенцам были определены следующие льготы и пособия: с них слагались все недоимки прежних лет, их освобождали от платежа податей и повинностей и навсегда от повинности рекрутской, казна снабжала их в течение первого года мукой по 2 пуда на месяц на каждую душу муж. пола старше 15 лет и по пуду на женщин и детей без всякой платы. Казна наделяла их орудиями земледелия, охоты и рыболовства, а также безденежно снабжала одеждой.

На Аянский тракт прибыло из Забайкалья 102 семьи, включавшие 589 человек. В основном это были семейские (старообрядцы). Мне удалось найти эти списки и рассмотреть всю эпопею этого переселения и освоения⁶. Автор «Обломова» и «Фрегата “Паллады”», возвращаясь из кругосветного путешествия по этому тракту, записал: «Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала. По Мае всех станций 21 по 30–35 и сорок верст каждая. Переселенцев живет по одной, по две, по три семьи. Женщины красивые, высокие ростом, стройны и с приятными чертами лица». Уже тогда старoverы Забайкалья занесли в суровую Якутию зачатки хлебопашества и начали выращивать овощи. И.А. Гончаров пишет: «Не веришь, что едешь по Якутской области, куда бывало ворон костей не занашивал, – так оживлены поля хлебами, ячменем, даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет»⁷.

В 1867 г. с прекращением деятельности Российско-Американской компании и установлением морского пути с Камчаткой почтовый тракт на Аяне был закрыт. Семейским крестьянам было предложено переселиться на Амур. 50 семей изъявили желание переселиться, предварительно послав туда ходаков.

Часть семей остались в селении Павловском, и они до сих пор там живут. В Павловске старообрядцами построен храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы... 50 семей ушли на Амур, а оттуда переселились в Приморье, где крестьяне наделялись землей по 100 десятин на семью. При основании г. Владивостока участвовали наши семейские. Один из них – купец Феопен Никитич Малютин, выходец из с. Бурнашево, в 1894 г. входит в состав Владивостокской городской думы. Во Владивостоке проживал с 1870 г. Несколько семей верну-

лись в Забайкалье в родные села и их стали называть «аянскими».

Итак, мы видим, что старообрядцы Забайкалья с начала их поселения за Байкал-озером на местах песчаных и каменистых развели успешное хлебопашество. По отзыву губернатора Трескина, «они и камень сделали плодородным», а в Якутии на вечной мерзлоте стали получать урожаи овощей и хлебов. Кое-где распаханнные пашни стали оседать, проваливаться, прогретые солнцем; мерзлота отступала, но мстила человеку за вторжение.

Трудолюбие староверов удивляло и поражало людей на разных материках и в странах. В Румынии старообрядцы названы «бульдозер с бородой», так как поселенные в болотах, они строят отводные каналы и осваивают земли, которые до них никто не пытался окультурить.

Говорить о численности староверов трудно. Учет старообрядцев был затруднен. Они не признавали метрических книг, скрывались от переписи населения. Но некоторые данные попадали в печать. Так, газета «Забайкалье» (1902, № 24) опубликовала следующие данные о количестве старообрядцев по областям Сибири. Всего в этом году старообрядцы составляли 4,15 % населения. Причем наибольший их процент падает на Амурскую область – 11,89 %, в Забайкалье их было 5,14, в Томской губернии – 5,14, Тобольской – 5,04 %.

Думаю, что в этих данных процент старообрядческого населения явно занижен. В свое время академик Н.Н. Покровский пришел к выводу, что данные учета записных раскольников слишком не надежны для сопоставления сведений о распространенности раскола в разных районах Сибири... Мне тоже не однажды приходилось встречаться с некоторой ненадежностью архивных документов. Даже ревизские сказки при основной переписи в отдельных деревнях оказывались не полными. В них были упущены лица мужского пола, облагаемые податью. Позже вносились дополнительные списки.

Жизнь старообрядцев в 1920–30-х гг. пока что нам менее всего известна. Мало кому известно, что против раскулачивания, против насилия над крестьянством новой советской власти старообрядцы первые в Забайкалье организовали бунты, восстания. В 1928 г. взбунтовалась Бичура, так как во время страды, во время уборки хлеба стали массово забирать парней на службу. В 1931–32 гг. произошло восстание в семейских селах – Никольском, Хонхолое Мухоршибирского района Бурятии. Естественно, они были жестоко подавлены... Я встречался

с очевидцами этих событий, но люди не хотели говорить на эту тему. Старики обычно поднимались и уходили. В эти годы в Забайкалье были закрыты почти все старообрядческие церкви и часовни, молитвенные дома. Считают, что их было более 80... Пострадали самые активные люди, сделавшие своим неустанным трудом много полезного в своих селах. Население сел сократилось в иных селах наполовину.

25 февраля 1930 г. заседанием Тройки при политическом представительстве ОГПУ по Сибирскому краю к расстрелу приговорены крестьяне с. Большой Куналей: Корней Артемьевич Семенов, Григорий Федорович Ковалев, Софон Семенович Болонев, Тит Титович Иванов, Иван Трофимович Иванов, Корней Федорович Ковалев, Петр Петрович Ионицкий, Матвей Митрофанович Гребенщиков, Влас Григорьевич Гусляков, Ефим Варфоломеевич Антонов. Их семьи высланы на север⁸. О Софоне Семеновиче Болоневе и Тите Титовиче Иванове мне кое-что удалось узнать. Первый, будучи председателем сельпотребсоюза, организовал и перевез из Ганзурино паровую мельницу. Она до сих пор работает. Тит Титович жил на хуторе под Баром. Был большой любитель пения. Все его дочери были хорошими песельницам и других учили семейскому пению. Об этом мне сообщил Иван Андреевич Рыжаков, который жил на Барке вместе с Т.Т. Ивановым.

Несмотря на гонения и извечное стремление укрываться в лесах, жить вдали от мирской суеты, многие из староверов приобщались к достижениям новой жизни. Активно участвовали в общественной жизни. В годы войны все мужское население от 18 до 50 лет были призваны на фронт, беззаветно и храбро защищали Родину. Все, кто остался в тылу, вносили свой вклад на основе лозунга: «Все для фронта, все для Победы!» Старообрядцы разных областей вносили свою посильную лепту, посылая свои сбережения для защиты Родины.

Так, в Томской области один из старообрядцев Е.Я. Дубовик внес 25 тыс. рублей из своих личных сбережений на вооружение Красной армии⁹. В Бурят-Монгольской АССР в с. Большой Куналей семья Васильевых из колхоза «Победитель» внесла в фонд обороны 10 тыс. рублей. А комсомолец Филипп Болонев сбережения всей его семьи в сумме 100 тыс. рублей направил на строительство самолета «Комсомолец Бурят-Монголии». И получил от Сталина правительственную телеграмму «Прошу принять мой горячий привет и благодарность Красной Армии за внесенные 100 тысяч рублей на строительство боевого самолета».

В Бурятии из среды старообрядцев 5 участников ВОВ, проявив боевой дух и храбрость, стали Героями Советского Союза.

Более 300 лет назад М.В. Ломоносов, выходец из старообрядческой среды, пророчески писал: «Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном». И действительно, мы видим, что доля Сибири в добыче газа составляет 91 %, угля – 72, нефти – 72 %, что валютными поступлениями оказывается теми же 70 % (Завтра, 2010, № 5). Стали ли мы, сибиряки, от этого богаче? Россия устала от наших двух столиц с их неизменной ориентацией на запад и преклонением перед его цивилизационными и духовными ценностями. Москва и Петербург на протяжении столетий высасывают из восточной части страны все соки: финансовые, товарные, ресурсные и человеческие – взамен давая чрезвычайно мало¹⁰.

А между тем в будущем значение восточных регионов страны с их запасами полезных ископаемых и питьевой воды будет только возрастать. К тому же Сибирь, имеющая суровый и чудесный ландшафт, где произошел уникальный сплав русского этноса с другими коренными народами Сибири, в котором значительную роль играют и поселившиеся здесь старообрядцы.

Этот край стал перекрестком культур и верований, где свободно уживаются официальное православие, старообрядчество, буддизм, бурханизм и языческие культы.

Сибиряки не однажды спасали Россию во время событий 1812 и 1941 гг. Тогда во время решающих событий сибирские полки преломляли ход событий, выигрывали сражения. В этих сражениях участвовали и старообрядцы. Мне удалось найти документы о кавалерах ордена св. Анны, выходцах из забайкальских старообрядцев, участников боев под Аустерлицем и вообще в войнах с Турцией и Францией¹¹.

В заключение отмечу твердыни старообрядчества: старая вера, традиционный быт, социально-конфесиональные связи, взаимопомощь. В семье строго соблюдались духовно-нравственные идеалы: любовь к младшим, уважение к старшим, помощь попавшим в беду, верность слову, дружелюбие, половозрастное распределение труда, запреты курения, трезвый образ жизни, знание родословных, любовь к книге на старославянском языке.

В их быту воспитывались основные эстетические идеалы: представления о красоте и гармонии в природе, разумно устроенной Богом,

любовь к иконе, торжественному богослужению, красоте и опрятности народной одежды, любовь к фольклору, пению. Все это создавало известную гармонию отношений и придавало уверенность в правильности выбранной веры, старых обрядов, создавало духовно-психологический комфорт в семье, общине. Все это вкупе с трудолюбием выходило старообрядцев.

Этнограф Г.М. Осокин в начале XX в. отметил: «Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»¹². То же можно сказать и о других группах старообрядцев в Сибири и на Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905; Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. М., 1930; Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – нач. XX в.) Новосибирск: Наука, 1978; Он же. Семейские. Улан-Удэ, 1992; Он же. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009; Он же. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Изд. 2-е. Барнаул, 2001; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002; Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006.

² Арнольд Дж. Тоинби. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 163.

³ РГИА, ф. 796, оп. 44, д. 34, л. 6.

⁴ Распутин В.Г. Россия: дни и времена. Иркутск: Письмена, 1993. С. 176.

⁵ Болонев Ф.Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселение старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – нач. XX в.) Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013.

⁶ Болонев Ф. Ф. Семейские..., с. 65–82.

⁷ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 512.

⁸ Ростовцев А. Три креста. Очерки о репрессиях, с. 96–102.

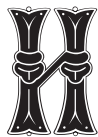
⁹ Бардина П. Е. Этнокультурная история населения Западной Сибири: сб. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 143.

¹⁰ Там же.

¹¹ Болонев Ф. Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. Улан-Удэ; Иркутск, 2012. С. 160–165.

¹² Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 65.

БЕГЛОПОПОВЩИНА И БЕГЛЫЕ ПОПЫ ЗА БАЙКАЛОМ В XIX–XX ВВ.*

Изменения государственной политики по отношению к религии в целом, к различным этноконфессиональным группам, к старообрядчеству, в частности, дают возможность говорить о том, о чем в недалеком прошлом замалчивалось или подобные темы находились под запретом. А между тем духовно-нравственные искания староворов, их церковно-бытовая практика, трудовые традиции дают много неожиданного и нужного в наше время. Исторический опыт духовной жизнедеятельности старообрядческих общин, направленный на противостояние надвигающейся апокалипсической катастрофе, дает много ценного для расхристанного современного общества. Религиозные духовные традиции старообрядчества были и остаются существенным компонентом русской духовной культуры, давшей миру протопопа Аввакума, М.В. Ломоносова, П.М. Третьякова, Ф.М. Достоевского, К.С. Станиславского, Н.Клюева и С. Есенина и многих других подвижников на разных поприщах их хозяйственно-производственной и культурной деятельности. В России старообрядческой не могло быть тех кризисных явлений, революционных ломок и предательства верхов, разгула вседозволенности и своекорыстия, какие произошли в XX в.

Россия старообрядческая верила в Бога, в свои силы и крепкая своей верой, трудилась не покладая рук. Старообрядцы, отвергнув реформы Никона, подвижнически несли свой крест, показали яркий пример отношения к реформам, которые на Руси, как всегда, ухудшают жизнь трудового человека и раскалывают народ на части, представители которых часто не понимают друг друга. Распрями, расколом веру не утврдишь и жизнь не улучишь.

Старообрядчество оказалось исторически право и объективно истинно, ибо было не сильно против истины, но сильно за истину [2 посл. Корф.13;8].

* Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи: мат-лы IV междунар. науч. конф. (14–17 сентября 2004 г.). Владивосток, 2005. С. 138–144.

Ныне к старообрядчеству апеллируют различные силы и направления в России: академик Д.С. Лихачев, писатели Александр Солженицын, Валентин Распутин, Владимир Личутин, мэр Москвы Лужков и мн. др.

Свой опыт экстремального духовного выживания накопили и забайкальские старообрядцы, которые при начальном появлении в Сибири были представлены двумя основными направлениями: поповщиной, или беглопоповщиной, ветковского согласия и беспоповщиной федосеева согласия. Другие ответвления в забайкальском старообрядчестве появляются позже. Подавляющее большинство составляли беглопоповцы. Об этом свидетельствуют все документы, найденные в архивах России и введенные в научный оборот многими исследователями: П.А. Ровинским, А.М. Селищевым, В.П. Гирченко, М.М. Шмулевичем, В.Ф. Лобановым, Г.Ф. Быконей и Ф.Ф. Болоневым.

Волею судеб оказавшись в Забайкалье, крестьяне-старообрядцы, оставшиеся без церкви, без священника, боятся «погубить и себя, и свое потомство», опасаются духовного обнищания и нравственного падения – вот почему они просят у местных властей сооружения церкви в их селах и добиваются права иметь в своих обществах наставника и пастыря¹.

Власти разрешают им строить церковь, но с условием, чтобы никого живущих в тех селениях в старообрядчество не совращать.

Утрата священства, наступившая со временем и в старообрядчестве, больно переживалась его последователями. Это ярко отражено в духовных стихах:

По грехом нашим на нашу страну
Попусти Господь такову беду...
Седмоглавный змей тако учини,
Весь церковный чин зверски прекрати,
Вся предания злобно истреби,
Церкви божия искоренишася,
Тайнодействия все лишишася,
Но и пастыри попленишася,
Жалом новшества умервишася...
Всюду верьние утесняеми
От отечества изгоняеми...
Увядает днесь благочестие,
Процветает все нечестие,

Лжеучители почитаются...

Все пророчества совершаются².

Кстати, некоторые пророчества, записанные у староверов Забайкалья, действительно совершаются. Ю.Д. Талько-Грынцевич в 1894 г. записал следующее пророчество: «Один из сельских богословов утверждал, что мир доживает свое существование, которое по священному писанию кончится в 7500 году, то есть через 98 лет. Разные будут перед этим предвестники, люди станут грешить еще больше и появится антихрист, который будет царствовать на земле 3,5 года. Начнутся страшные гонения и преследования христиан. Для истребления зла Бог ниспослет на землю своих пророков Илью, Иоанна Богослова и Егиша, но когда и те не смогут исправить зло и умрут в борьбе за правду: им отрежет голову антихрист. Тогда прогневанный Бог ниспослет на землю архангела Гавриила как предвестника своего появления на земле; потом сам придет судит, награждая праведных и наказывая виновных вечным огнем. Огненная дорога пронесется с востока на запад, в ней горячо сгорят сено и дрова, уцелеет лишь золото, которое везде блесстит. Антихрист будет царствовать то ли в Риме или в Иерусалиме»³.

В с. Архангельском на Чикое грамотный и весьма любознательный дед Лука Иванов (1889 г. р.) в 1970 г. мне тоже называл эту дату. Он несколько раз повторил: «Что-то произойдет в 1992 году и в 2002». Только после совершившихся коренных изменений я поверил в эти предсказания.

Борьба против старообрядчества в Забайкалье велась разными методами. Часто виной неудач было никонианское священство. Приведем только несколько малоизвестных фактов.

Миссионерские увещания не могли убеждать старообрядцев в правоте и святости официальной церкви, когда они были очевидцами не очень-то привлекательного поведения местных никонианских священников. В Иркутском государственном архиве в фонде Иркутской духовной консистории мне повстречалось интересное дело «О неблагоприятных поступках священников Кударинского Кузнецова и Тарбагатайского П. Орлова». Дело относится к 1827 г., т. е. к началу усиленных гонений, наступивших в царствование Николая I. В нем говорится: «Иркутской духовной консистории Троицкосавского духовного правления Кударинской крепости священник Иоанн Кузнецов невоздержанною своею жизнью не только соблазняет и выводит из терпения

прихожан, но и нарушает обязанности своего звания и должности, другой, подобной первому, ведомства Верхнеудинского духовного правления Тарбагатайский священник Петр Орлов также занимался с сырной недели по фомину неделю пьянством и только однажды отправлял службу в четырехдесятницу». Далее говорится, что священник Орлов в Великий пост снова принялся пьянствовать и соблазнять прихожан. Духовное начальство велело их выслать: одного – в Троицкосавск, другого – в Верхнеудинск для употребления в тамошних соборах в «безоговорочное служение»⁴.

В 1839 г. православные священники благочинный протоиерей Харлампий Попов, священники Петр Малков и Михаил Попов «с крайним душевным прискорбием» писали: «Не в укоризну, а с сожалением должно заметить, что при всех православных церквах, существующим по означенным четырем волостям, нет ни единого благонадежного священника не только по уму, но даже по поведению. На это указывают раскольники. И нередко священники вместо назидания и примера делаются для них посмешищами». Говоря о многих подобных примерах, наблюдаемых ими среди православного священства, в частности, пишут о бывшем благочинном по этим волостям верхнеудинском священнике Николае Рубцове, человеке молодом и не без достоинств, но пагубная страсть «в неумеренном потреблении горячих напитков» доводит его до белой горячки, несколько раз он был близок к смерти⁵.

Трезвенники-старообрядцы, конечно, не могли без отвращения смотреть на пьяных никонианских попов, ставших предметом насмешек, и тем более переходить к никонианцам.

Наоборот, после такого непристойного поведения никонианских попов некоторые из православных крестьян переходили в старообрядчество. 27 августа 1836 г. был издан указ Его Императорского Величества, в котором говорится: «Постановить правилом, чтобы с раскольниками, сочетающихся браком с православными в раскольничьих церквах, домах и часовнях, равно и попами их или иными лицами, имеющие таковых, поступало было на общем основании как с совратителями, то есть передавать их суду»⁶.

Таковые суровые указы были не случайны, они отражали политику властей, желающих искоренить старообрядчество.

За поведением старообрядческих беглых попов и уставщиков в Сибири пристально следили не только местные никонианские свя-

щенники, но и высокие чиновники и сановники. Так, епископу Нилу иркутский гражданский генерал-губернатор сообщал: «Некоторые из раскольников Забайкальского края по корыстным побуждениям святотатственно усвают себе право священнослужения...»⁷ Это сообщение взято из дела «О раскольниковей часовне, находящейся в селе Куналейском», относящемся к 1839–1840 гг. Все дело на 74 листах. Посольский архимандрит Даниил доносит о существовании молитвенного дома и церкви. «Церковь де сия с колокольнею и колоколами, с главами и крестами крепка, построена в 1833 г. В ней находится алтарь и престол, и жертвенник...» Это было сообщено 7 марта 1839 г., но в секретном сообщении губернское начальство от 14 марта доносит епископу Иркутскому Нилу, что церковь эта была построена в давнем времени до 1826 г. (т. е. до начала новых жестоких гонений, наступивших в царствование Николая. – *Ф.Б.*), но в 1833 г. была разобрана от случившегося пожара, которую в 1834 г. с разрешения бывшего генерал-губернатора Сулимы дозволено раскольникам привести в прежний вид, что они и исполнили⁸.

В ГАИО хранится «Дело о действиях раскольников старообрядческой секты по Верхнеудинскому округу» за 1839 г. В нем очень много сведений о старообрядцах и их религиозной жизни того беспокойного времени. Приведу несколько важных фактов, нужных для нашего понимания состояния старообрядческого общества в забайкальских селениях.

В документе отмечено: «Все почти раскольниковы общества содержат согласие поповской секты, есть и небольшое количество до тысячи душ по всему округу беспоповщины... (а в то время насчитывалось до 20 тыс. душ старообрядцев. – *Ф.Б.*). По всем почти селениям раскольников существуют часовни, имеющие вид настоящих православных церквей с колокольнями и колоколами, к явному соблазну и в противность высочайшим повелениям. Они торжественно отправляют все обряды своего богослужения. В последние годы в некоторых селениях часовни были запечатаны...» С появлением же в селах беглых священников часовни распечатывали даже в годы жестоких гонений и наперекор властям совершали в них необходимые службы и молебствия. Об этом в документе сказано: «С давних лет раскольники имели у себя беглых попов, они покупали их в России, в раскольниковых монастырях Иргизском и Стародубском. В последнее время был у них расстрига

поп, но такой взят, и участь его кончена. В небытность попов обряды богослужения отправляют уставщики, каковые есть по всем обществам, они удерживают легковых в заблуждении, пользуясь значительными выгодами. Самые беглые попы делятся доходами с этими уставщиками»⁹.

Эти тексты принадлежат никонианским священникам, на которых возложена вся ответственность слежки за состоянием раскола в Верхнеудинском округе, в четырех его волостях Тарбагатайской, Мухоршибирской, Урлукском и Куналейской (ныне – Бичурский район Бурятии). Не случаен тон и стиль доноса о действиях старообрядцев.

Бывали случаи, когда посланные за попами в Европейскую Россию забайкальские старообрядцы привозили лиц, не имеющих священнического сана и выдававших себя за беглых попов. Так, Степан Белых и Захар Суменков, отправленные в 1831–1832 гг. в Россию, привезли некоего человека из Курской губернии, который выдавал себя за попа, а на самом деле обнаруженный в Бичуре и арестованный властями в 1835 г. этот самозванец Иван Мезенцев оказался мещанином названной губернии¹⁰.

Настоящие волнения вызвали действия еще одного из так называемых беглых попов. В 1843–1844 гг. в селениях забайкальских старообрядцев проявил неумную активность «беглый поп» Николай Борщов. Некоторые сведения об этом авантюристе в печати имеются. В частности, некоторые факты старообрядческих выступлений в защиту этого лжесвященника в селениях Забайкалья приведены в диссертации В.Ф. Лобанова¹¹. Мной эти материалы были обнаружены в Государственном архиве Иркутской области еще в 1969 г. А некоторые факты об аресте попа записаны в с. Большой Куналей. Но все не было возможности проанализировать их. Из них мной опубликованы только некоторые факты в разных изданиях. Рамки доклада тоже не позволяют их подробного изложения.

Приведу наиболее яркие события, связанные с именем Н. Борщова. Судя по имеющимся в архивах данным, это был «особенный поп». По селениям старообрядцев он разъезжал на тройке, вооруженный пистолетами. Старообрядцы, лишенные благодати, верили в его духовный сан. Он в их селениях пользуется непререкаемым авторитетом: венчает вступающих в брак или молодоженов, живущих без венчания гражданским браком, крестит младенцев, совершает похоронно-поминальные обряды.

Миссионер священник Иоанн Титов его преосвященству Нилу в «Покорнейшем донесении» сообщает: «По наблюдению моему за духом раскольников, живущих в Куналейской волости (ныне – Бичурский район Бурятии. – *Ф.Б.*), заметил я, что ослабленный дух раскола их опять усиливается. Причина тому: что имеется где-то в Тарбагатайской волости бродяга какой-то поп Никола, венчающий свадьбы по приходам их, для сего из Куналейской волости раскольники некоторые нарочно ездят к нему и, возвратившись от него, соблазняют и увлекают собой других. Марта 31 дня 1843 г.»¹²

В Бичуре по именным спискам священника И. Титова вступивших в браки и повенчанных «беглым попом» за короткое время 69 пар¹³. Пользуясь присутствием попа, а поп полной поддержкой народа распечатывает церкви, часовни, молитвенные дома и производит в них под звон колоколов молебствия. Миссионеры, местные епархиальные священники бьют тревогу. В рапорте единоверческого попа Василия Знаменского Иркутскому архиепископу Нилу сообщается: «Беглый поп венчает раскольнические браки, соединяя возрастных и несовершеннолетних, каковых совершил более 500»¹⁴. В. Знаменский об этом рапортует архиепископу Нилу: «Четвертого сего февраля сотворили в Куналейском селении молитвенный дом, запечатанный по положению комитета Г.Г. Министров, и вошедши в него при звоне колоколов в великом множестве открыли службу, в то время там в должности заседателя находился чиновник Азиков. К 5 февраля, – доносит этот миссионер, – приехал в Тарбагатайскую слободу земской исправник. Священник попросил его пресечь зло и преследовать бродягу. Чиновник ответил, что он не имеет достаточно средств действовать против тысяч народа»¹⁵.

Это было не только нежелание чиновника выступать против бродяги-попа, а на самом деле события принимали критический оборот: старообрядцы были готовы устроить бум. В таком случае нельзя было подливать масло в огонь. Запущенная Николаем I полицейская машина против старообрядцев иногда делала передышку. В частности, против забайкальских старообрядцев, которые были враждебно настроены к православной официальной церкви и гражданскому начальству, в 1840 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт специально указал, что в отношении местных старообрядцев действовать надо крайне осторожно, без употребления строгих мер.

Вероятно, такое предупреждение генерал-губернатора было учтено чиновником. Возможно, была у исправника и другая причина – за бездействие против старообрядцев откупались взяткой.

Но преследование беглого попа продолжалось. И власти предпринимают несколько попыток арестовать его. Старообрядцы не хотят выдавать священника. Дело доходит до вооруженных столкновений с казаками, солдатами в с. Куйтун Верхнеудинского уезда, когда туда прибыл чиновник Почекунин с казаками, чтобы арестовать попа Ниолу, но, не найдя попа, хотели забрать с собой уставщика Власова. Крестьяне, вооруженные палками, отбили у казаков уставщика и закидали служивых конским пометом. Когда казаки хотели пристращать крестьян приводом воинской команды, крестьянин Прохор Яковлев сказал: «Если царь пришлет команду, то он гонитель веры»¹⁶.

Гражданский губернатор Пятницкий доносил в Петербург, что крестьяне оказали «упорство и сопротивление». И без команды не обошлось. Поскольку попа прятали в окрестных лесах старообрядцы Большого Куналея, о самовольном открытии запечатанной по приказу Нила церкви в их селении мы уже говорили. Те события перенеслись в это большое село. Генерал-губернатор Руперт сам выехал в семейские села. Но его приезд не привел в повиновение старообрядцев. В марте 1843 г. Руперт приказал отправить в Куналей две роты солдат линейного батальона с орудием, артиллерийской прислугой и 50 казаков... Но только в 1843 г. под угрозой «военной экзекуции» куналейцы выдали попа и позволили снова опечатать часовню. На территории семейских волостей был оставлен гарнизон из 200 городских и пограничных казаков¹⁷.

Еще более открытое выступление в защиту своих прав и беглого попа, против притеснений и репрессий произошло в Бичуре – одном из самых крупных старообрядческих сел Забайкалья в 1859 г. Бичурский бунт был спровоцирован попыткой ареста привезенного из Калужской губернии попа Георгиевского заседателем Чернявским. Он задержал попа, но толпа в несколько сот человек отняла его. Заседатель был избит и брошен в подвал. Попа же возили по селениям Куналейской волости. Он только в Бичуре и Ключах крестил 70 человек, а браков совершил до 30¹⁸.

Известия о решительных действиях бичурских старообрядцев вызвали переполох в губернском правлении и докатились до Иркутска. Ге-

нерал-губернатор Восточной Сибири срочно отправился из Иркутска в Бичуру к месту мятежа. Там его встретила возбужденная многочисленная толпа «разгневанных раскольников», собравшихся из разных деревень. Они были вооружены ружьями, топорами, рогатинами и дубинками. А вблизи их стояла в боевом порядке рота Сибирского линейного батальона во главе с капитаном Лыткиным. Опираясь на вооруженных солдат, генерал-губернатор отважно вышел к бунтовщикам, грозно оглядев толпу и резким голосом, не допускающим ослушания, крикнул: «Смирно, бросить оружие!» Толпа старообрядцев сделала это. «На колени!», – крикнул граф Н.Н. Муравьев. И мятежники в великом смущении опустились на колени. Муравьев приказал немедленно выдать лжепопа и зачинщиков. Поп Георгиевский и пятеро главных зачинщиков вышли из толпы и были выданы полиции. Так власти расправились с мятежниками¹⁹.

Выступления за право свободно исправлять свои обряды и молиться в церквях прокатились по ряду семейских сел. Так, в с. Харауз женщины не позволили солдатам снять колокола и кресты со своей часовни.

Губернской администрации и духовному начальству не удалось силой навязать единоверие крестьянам – старообрядцам Забайкальской области. Подавляющая часть местных старообрядцев осталась верна беглопоповщине.

Не перегружая доклад статистическими данными, сообщу ряд чисел, показывающих количество старообрядцев Забайкалья, относящихся к поповщине и беспоповщине Забайкалья на протяжении XIX в.

По данным М.М. Шмулевича, в 1827 г. в Верхнеудинском уезде проживало поповцев – 12100 человек, беспоповцев – 609²⁰. В 1892 г. из общего числа 37787 человек 33064 составляли беглопоповцы, 2039 было приемлющих священство (вероятно, единоверцев и австрийского согласия). Не признающих брака или беспоповцев насчитывалось 2000 человек²¹.

В обзоре Забайкальской области за 1894 г. старообрядцев в области числилось всего 38539 душ обоего пола. Из них 33270 человек принимают священство, а к беспоповщине отнесено всего 5058 человек, в их числе не признают брак 4632, а признают брак – 426 человек²².

Белокриницкое, или австрийское, согласие появляется в Забайкалье только с 1880-х гг. Куйтунский крестьянин Шитин, посланный в Европейскую Россию за беглым попом, в Москве сам уклонился в «ав-

стрийство»²³. В 1910 г. последователей этого направления имелось в Тарбагатае – 220 человек, в Куйтуне – 164, в Верхнеталецком – 2²⁴.

Сведения о беглых попах встречаются в разных публикациях. Первое упоминание о трех людях, производивших служение в часовне, мирские требы и венчания, относится к 1798 г. Оно было зафиксировано в Тарбагатайском архиве. Иркутская духовная консистория предписывает Иркутскому губернскому правлению этих троих сыскать и прислать в Верхнеудинский земской суд «за караулом»²⁵. Это, вероятно, был поп И. Семенов с подвижниками, известный из публикации Н.А. Миненко²⁶.

В 1805 г. единоверческий священник И. Мурашов тоже сообщает о беглом попе, появившемся в Куналейском селении... В 1812 г. начались розыски беглого попа Ивана Петрова, который умер в Бичуре в 1814 г. В 1818 г. снова едут в старообрядческие Иргизские монастыри за священником при некотором содействии светских властей, правда, ходоков от семейских сопровождает единоверческий поп Никитин.

В 1838 г. старообрядцы Тарбагатайской волости собрали в своих обществах до 10 тыс. рублей, послали своего уставщика богатого крестьянина Ивана Чебунина купить и увезти из России попа. Его возвращения ожидали в 1839 г. В документе перечислены наиболее авторитетные и известные уставщики. В волости Тарбагатайской названы Чебунин, Кушнарев, Борисовы, в Мухоршибирской – Суменков, в Куналейской (Бичурской) – Афанасьевы и Перелыгин, которые имеют сильное влияние на староверов. В с. Куйтун Ефим Власов не допустил часовню запечатать²⁷.

Следовательно, во время отсутствия священников основную организацию религиозной жизни среди староверов своих обществ и осуществляют их духовное окормление местные грамотные крестьяне – уставщики. «Старики были основными столпами раскола». Им доверяют и такое сложное дело, как поиск вольноприходящих священников и их привоз в Забайкалье, а привозили их раз в несколько лет». Ю. Талько-Грынцевич пишет, что каждый приезд священника обходится семейским от 8 до 10 тыс. рублей и более. Приезд священника, пребывающего около полгода, становится торжеством. Его постоянно возят по селениям: крестит, венчает, отпевает, исполняя таинства часто много лет после свершившихся фактов. Пользуясь приездом священника, родители часто венчают заранее малолетних детей²⁸.

Смерть священника была настоящим горем для старообрядцев. «Нового добывать надо из России, а для этого собрать значительную сумму денег, нужно рисковать, все это продлится много лет. Следовательно, на все это время браки не должны совершаться, дети будут не крещены, не будет исповеди, ни причастия и придется жить без благодати»²⁹.

Несмотря на такие обстоятельства, попытки властей обратить семейских в единую веру, вернуть их в лоно православной никонианской церкви терпели крах.

Каким образом собирали средства для поездки и поиска беглого попа? Вот что мы читаем из рукописи С.И. Жерлова из с. Новая Брянь: «Обычно последователи поповщины собирали осенью до Покрова в своей церкви собор, на котором обсуждали, кого послать в поисках попа и сколько собрать денег. Раскладывали на каждую душу прихожан по 5–10 рублей, а затем на общественном сельском сходе утверждали сумму и собирали деньги. Чаще всего ездили богатые крестьяне М.Ф. Матвеев, Нестер Павлов, а из Куйтуна богач Потемкин. По приезде попу отводили хорошую квартиру. Для обслуживания старообрядцев из близлежащих сел выделяли бесплатные подводы. Везли только на тройке. На тарантасе устроена кибитка, подушки, войлоки, дохи. Впереди ехал поп на тройке, а за ним дьякон с требником. За все требы устанавливалась такса: за крестины 3 рубля и 5 аршин ткани, 5 свечей, за венчание от 15 до 25 рублей, 5 аршин материала» (Из жизни родного села Новая Брянь, 1831–1967 гг.).

По воспоминаниям жителей старообрядческих сел и архивным данным, ходки за попами в Россию были люди твердой веры, волевые, крепкого здоровья, имеющие большой опыт обхождения с властями. Ведь их на каждом шагу подстерегала опасность встречи с нежелательными людьми, ибо слежка за ними была постоянной. Каждый неосторожный шаг мог привести к провалу предпринятого мероприятия – привозу попа в старообрядческие селения, а с ним и Святых Тайн, икон, книг и прочих нужных для богослужения предметов.

Правила приема священников от господствующей церкви в целом компетентно изложены в трудах старообрядческих и светских авторов: Ф.Е. Мельникова («О старообрядческом священстве до митрополита Амвросия»), С.А. Зеньковского («Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века». М., 1995) и др. Я приведу цитату из ред-

кого и труднодоступного сочинения А.Н. Муравьева, в которой, на мой взгляд, очень сжато описана процедура перекрещивания: «Порядок перекрещивания был таков: хотящий вступить в так называемую старую веру принимал от настоятеля заповедь сорокадневного поста, в течение коего должен был класть по триста земных поклонов и по семисот поясных ежедневно. Потом оглашенный в присутствии всех слезно просил крещения и приготавлиал для сего холст, аршин в тридцать; после обычного отречения от сатаны и еретиков, древних и новоявленных по именам, снимал даже с себя крест, отрекаясь тем от прежнего крещения, и переменял самое имя. Потом крещающий, подвязав из предосторожности холстом крещаемого, чтобы не утопить, ибо совершал трехкратное погружение. Новокрещаемому давались строгие заповеди: а) не сообщаться с никонианами ни в пище, ни в молитве; под опасением епитимии; б) не рассуждать с ними о вере по страху обличений, вменяя их всех за еретиков, страдальцев же своих защищать везде и всегда; в) икон новых не принимать; г) пищу для себя дома готовить, а покупаемую на торжищах очищать поклонами; д) в общую баню не ходить»³⁰.

Для понимания старообрядчества нам важно знать, в чем различие беспоповских толков и поповских согласий. Если в беспоповщине развито учение об антихристе, отвергается иерархия православной церкви, ее таинства, для беспоповцев царская власть – власть антихриста, то поэтому за нее нельзя молиться. В слове «император» они читали звериное число 666. Приведу примеры обоснования их вероучения: кто бога боится, тот в церковь не ходит, с попами, дьяками хлеба-соли не водит; в нынешнее время последнее овца овцу паси, сама себя паси.

Поповцы же так не думали. Они веровали, что благодать снизойдет только для истинно верующих в Христа, в его нерушимость слов и неодолимости церкви «адовыми вратами», признающих святую апостольскую церковь и священство даже при антихристе, отсутствие которого считали временным божьим попущением за свои грехи, и для испытания верных древнему русскому православию. Отсюда их стойкость духа, вера в себя, не боясь притеснений, гонений, обид, способность пойти на смерть ради истины, ради Христа. Это было характерно для первоучителей – подвижников староверия (протопопа Авакуума, епископа Павла Коломенского, Федора, Епифания, боярыни Федосьи Морозовой и др.). Эта же черта характера появилась у большинства

старообрядцев – «последних верующих на земле» (В.В. Розанов) на протяжении более 300 лет.

Примеры стойкости и преданности старой вере проявились в самом начале раскола. Так, епископ Павел Коломенский не согласился с Никонем в его нововведениях, в частности, в вопросах о поклонах, ссылаясь на два устава: харатейный и письменный. Никон, считая его одним из главных противников предполагавшегося исправления, низверг его с кафедры, предал телесному наказанию и сослал в заточение, где тот сошел с ума и неизвестно, как кончил свою жизнь³¹.

Но этот священномученик был не одинок. В истории о бегствующем священстве Ионы Курносого сохранились слова епископа Павла Коломенского о тайном хранении древнего благочестия среди епископов господствующей церкви: «Братия мои духовные и друзья о Христе, еще великороссийская церковь имеет три светильника в недрах своих, иже хранят древние наша святые церкви непорочно благочестие, на сих полагатися вам подобает»³².

Великая нужда в духовном окормлении последователей поповщины заставляла их принимать вольноприходящих священников с целью уберечь себя и свое потомство, заставляло нести свой крест с достоинством и верой в свою правоту, ибо истинная церковь не та, что гонит, а та, которая терпит гонения (Иоанн Златоуст).

Примечания

¹ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004. С. 252–254.

² Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 36–37.

³ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протокол Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. РГО. 1984. С. 17–18.

⁴ ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 3394, л. 1.

⁵ Там же, д. 160, л. 60б.

⁶ Там же, ф. 587, оп. 1, д. 2, л. 7.

⁷ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 4981, л. 7.

⁸ Там же, л. 4.

⁹ Там же, оп. 7, д. 160, л. 50б.–6.

¹⁰ Там же, д. 4514, л. 7.

¹¹ Лобанов В.Ф. Старообрядческие общины Забайкалья и самодержавие в первой половине XIX в.: дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.

¹² ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 5231, л. 57.

¹³ Там же, л. 84–86.

¹⁴ Там же, л. 23.

¹⁵ Там же, л. 84–86.

¹⁶ Там же, л. 30–32.

¹⁷ Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск: Наука, 1985. С. 217–218.

¹⁸ ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 1747, л. 19.

¹⁹ Шмулевич М.М. Указ. соч., с. 225.

²⁰ Там же, с. 210.

²¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Указ. соч., с. 16.

²² НАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1081, л. 162об.

²³ Петрова Е.В. Начальный этап адаптации семейских в Забайкалье // Мир Центральной Азии. История. Социология. Т. 2, ч. 1. Улан-Удэ, 2002. С. 128–129.

²⁴ НАРБ, ф. 337, оп. 2, д. 1564, л. 1.

²⁵ Гирченко Вл. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 19.

²⁶ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 57–59.

²⁷ ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 160, л. 8, 46.

²⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. Указ. соч., с. 19.

²⁹ Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. СО ИРГО. 1872. Т. 3. № 3. С. 128.

³⁰ Муравьев А.Н. Раскол, обличаемый своей историей. СПб., 1854. С. 145–146.

³¹ Стельбицкий И. История русского раскола, известного по имени старообрядчества. Одесса, 1880. С. 31.

³² Старовер. Горно-Алтайск, 1994. С. 51.

СЕЛО БИЧУРА (ЗАБАЙКАЛЬЕ): ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ (XVIII–КОНЕЦ XX ВЕКА)*

В статье на основе архивных и полевых материалов воссозданы фрагменты истории возникновения крупнейшего в Восточной Сибири села Бичура. Описаны его заселение первыми поселенцами, условия их быта, взаимоотношения с коренным местным населением. Рассматривается динамика численности населения села в продолжении почти двух с половиной столетий.

Ключевые слова: заселение, старообрядцы, численность населения, земледельческое освоение, миграция.

Бичура – крупнейшее старообрядческое село не только в Забайкалье, но и во всей Восточной Сибири. Ныне – это центр Бичурского р-на Республики Бурятия. Село протяженностью около 20 км раскинулось по берегам рч. Бичурки, впадающей в р. Хилок. Появление сел такого масштаба и стремительный рост их населения не остались без внимания известных исследователей и путешественников, не только российских, но и иностранных. В 1735 г. о Бичуре общал Г.Ф. Миллер, в 1772 г. – П.С. Паллас. О ней проникновенно писали писатель, публицист и этнограф М.И. Орфанов, исследователь общинного быта К. Михайлов, врач, археолог и этнограф, проф. Краковского университета Ю.Д. Талько-Грынцевич. В январе 1861 г. в Бичуре побывал писатель и этнограф С.В. Максимов. В 1871 г. там жил крупнейший славист П.А. Ровинский, в 1890-е гг. – известный врач и исследователь Н.В. Кириллов. В начале XX в. писал о Бичуре французский путешественник Поль Лаббе, который останавливался у бичурянина Михаила Климыча Петрова.

Бичуру по ряду причин не забывали и чиновники. Так, в связи с бунтом староверов-семейских против закрытия их церкви и «укрыванием» беглого попа в село из Иркутска прискакал сам генерал-губерна-

* Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 123–129.

тор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Интересные наблюдения оставил исправник В. Глуховцев и многие миссионеры, которые вели борьбу со старообрядчеством.

Несмотря на многочисленность историко-этнографических описаний, начальный этап заселения и земледельческого освоения территории Хилоцкой вотчины Забайкалья, где расположена Бичура, пока слабо освещен в исторической литературе. По данному вопросу имеются труды Е.М. Залкинда, В.И. Шункова, Л.В. Машановой, М.М. Шмелевича, Ф.Ф. Болонева. Названные авторы сообщают, что заселение этого края, занимавшего особо важное место в хозяйственной жизни Восточной Сибири, происходило в XVII – начале XIX в. в значительной степени стихийно. Это был довольно беспокойный район, где пашенное крестьянство, находившееся в окружении кочевого аборигенного населения, не чувствовало себя в полной безопасности. Некоторая стабильность в Забайкалье в целом наступила лишь после заключения в 1727 г. Буринского трактата. С того времени началась более оживленная русская земледельческая колонизация региона, стали закладываться основы для сближения русского и местного населения, а также взаимного ведения хозяйства. Новокрещенные буряты и ясачные осваивали новые для них приемы хлебопашества, перенимали русские обычаи, переходили к оседлому образу жизни, русские же знакомились с хозяйством скотоводов-кочевников.

Важную роль в освоении территории и возникновении поселений здесь сыграл Троицко-Селенгинский монастырь. В 1704 г. он получил в свое владение самую богатую и большую вотчину по р. Хилок – Хилоцкую. Основание в ней русских поселений относится к первой четверти XVIII в. По архивным данным, в 1723 г. в д. Куналейской было 11 дворов, Буйской – 6, Еланской – 10, к 1731 г. в д. Топкинской насчитано 14 дворов¹. В 1729 г. монастырь получает обширные сенные покосы между реками Чикой и Хилок. В 1720 г. его собственностью становится верхнехилоцкая д. Буй. В том же году Селенгинская земская изба издает указ, по которому пахотные земли и скотский выпас по левому берегу р. Хилок до рек Бичура и Киреть переходят во владение Троицко-Селенгинского монастыря². Начинается более активное заселение этих богатых мест.

В материалах Г.Ф. Миллера за 1735 г. историк А.Х. Элерт обнаружил документ, имеющий название «Русские деревни Селенгинского ве-

домства, а именно по Хилку». Ксерокопию этого документа на 2 страницах Ф. Ф. Болоневу любезно предоставил А.Х. Элерт, за что мы ему выражаем свою благодарность. В списке деревень по Хилку названы 12 поселений. Среди них перечислены: «Елань Троицкого монастыря Бичюрская того ж монастыря по левой стороне от берегу верстов в 5, а от Елани деревни – в 15 над речкою Бичурою, которая впадала в Хилок. Куналейская – тово ж монастыря на левой стороне от Бичюрской деревни верстов в 15». В документе названы Красная слобода, Монастырский дворец, Буйская деревня и др. (копия документа хранится в личном архиве Ф. Ф. Болоневы). Как видим, д. Бичюра (Бичура) в системе хилоцких поселений существует, по всей вероятности, с начала 1730-х гг.

Ф.Ф. Болоневым найден любопытный документ о монастырском крестьянине Стефане Васильеве сыне Новокрещенове. «В допросе» он сказал, что «является уроженцем с оного Троицкого монастыря умершего бывшего крестьянина Василья Новокрещенова сына, а от рождения мне лет с тринадцать и в нынешнем семьсот тридцать шестом году – в том же Троицком монастыре записали, чтобы быть в вотчине на Хилке в Бичурской деревне в крестьянстве, и в подушном платеже вместо умершего крестьянского брата Калины Митяшиных и платить подушные деньги в оный монастырь на сей семьсот тридцать шестой год по окладу сполна... а буде я Стефан сказал в сей сказке, что можно или утаил и зато учинил мне после императорского величества указа, чем и буду достоин»³. Для нашего исследования в этом свидетельстве важны упоминания фамилии Новокрещеновых, т. е. ее носитель был новокрещеный из бурят, а также информация о переселении подростка из Троицкого монастыря в Бичурскую деревню и записи его в крестьянство, в подушный платеж, причем в 1736 г. Следовательно, д. Бичура существовала до 1736 г.

Согласно архивным материалам, обнаруженным Л.В. Машановой, в 1737 г. крестьяне Бичуры проживали в 6 дворах, относившихся, возможно, к Троицко-Селенгинскому монастырю⁴, поскольку земли по р. Хилок были его вотчиной. Первые дворы русских крестьян на этой земле появились на месте, которое сегодня называют Старой Бичурой, за Камнем (ныне ул. Кирова). Таким образом, документально подтверждено, что д. Бичура в начале 1730-х гг. уже существовала.

Каков был состав крестьянского населения в названных монастыр-

ских деревнях по р. Хилок? К 1723 г. в них было поселено 56 пашенных крестьян из пришлых гулящих людей⁵, это были в основном выходцы из городов и уездов Поморья. Значительную долю составляли крещеные буряты и ссыльные. Так, д. Еланскую заселили новокрещеные пашенные буряты. Крещеных бурят было немало и среди жителей других сел – Малый Куналей и Бичура. Примечательно, что 17 сел по рекам Хилок и Чикой основали жители Селенгинска. Изначально указанные населенные пункты или деревни состояли, как правило, из одного-трех дворов. Позднее с притоком населения их численность постепенно стала расти, что характерно для большинства селений Забайкалья.

Троицко-Селенгинский монастырь был феодальной вотчиной. Его хозяйство держалось на труде лично зависимых людей. Для освоения земель на огромном пространстве по рекам Селенга и Хилок монастырю были нужны, прежде всего, пашенные крестьяне. Их монастырь старался «посадить на землю», определить в новые деревни. Вольных гулящих людей, оказавшихся в Забайкалье, по указу от 2 марта 1694 г. монастырь имел право записывать в свое хозяйство, «женить на монастырских купленных иноземных бабах и девках», наделять их землей, денежной, хлебной и скотиной ссудой... Например, в 1734 г. крестьянину Илье Кочмареву была выделена монастырская земля «по Хилку под пашню под сенные покосы и под двор в деревне Куналейской», а также даны казенная ссуда – «железный сошник, топор, коса, два серпа, да двадцать пудов ржи, да лошадь, а вместо коровы кобыла» и льготы с условием, чтобы «мне Илие Кочмареву и детям моим из означенного монастырского тягла никуда не отъезжать, но вечно пребывать в род и род», т. е. быть закрепощенными⁶. Так, в хилоцких селениях формировалось крестьянское пашенное население. При водворении крестьяне наделялись землей «под двор, под пашню и под сенные покосы». Из монастырской казны им выделялись необходимый инвентарь, семена ржи, лошадь, корова. Однако коров было мало, поэтому вместо коровы выделяли лошадь. При этом хозяину и детям ставили жесткие условия. Иными словами, крестьяне попадали в полную крепостную зависимость от монастыря. Село Бичура в Хилоцкой монастырской системе поселений не было исключением.

В 1768–80-е гг. на земли Бичуры в значительном количестве прибыли старообрядцы – семейские. После их поселения здесь происходил быстрый рост населения и существенный подъем в земледельческом

хозяйстве территории. Много позже П.А. Ровинский указывал о времени прихода старообрядцев в Забайкалье следующее: «Вся область по Селенге и ее притокам в конце прошлого столетия представляла пустыню. Только в низовьях да в местности Верхнеудинского округа население группировалось, их можно было назвать селением, остальное пространство было пустое или занято кочевниками, и только кое-где появились заимки и хутора. В это время приходят семейские в значительном числе, с их приходом тотчас Чикой становится тесен, в конце же прошлого столетия уже нашли поселения по Хилку и окрестностям... Они пришли большой массой и с самого же начала брали верх над старожилами численностью. Такого быстрого заселения такого огромного пространства мы не находим нигде в Забайкалье, да, кажется не найдем и в целой Восточной Сибири. Быстрый рост этого населения совершался путем нарождения»⁷.

Приводим архивный материал о приходе старообрядцев в Бичуру. «Прежде всего ими были заселены земли по Чикой и по р. Джиде, притоку Селенги. Первые были в ведении Троицкосавского Пограничного комиссара, а вторые относились к Селенгинскому ведомству. Те, которые поселились по Чикой, там и остались, а Джиду не понравилась, поэтому новые поселенцы направились на Хилок, где в то время кочевали буряты и кое-где были поселения из ясачных... Одни из них сели на Ключах, близ Сухой реки у самого южного колена Хилка. Там жил в то время богатый и знатный бурят Акинъ, по имени которого и называется речка Акинъка, текшая в Хилок, в настоящее время сухая, забитая песком и текущая только весной и во время сильных дождей. Другие пошли дальше, где в глубине Бичурской долины было уже 2–3 дома старожилов, а вся равнина к Хилку верст на 10 в ширину занята бурятскими казаками»⁸. Впервые данные о численности проживавших на р. Иро людей опубликовал С.В. Максимов, посетивший Бичуру в 1861 г. Он сообщил о 26 семьях, или о 70 душах муж. п., и привел фамилии всех семей⁹. «Не страшил их никакой труд и борьба с природой, не встретили они сопротивления в русских посельщиках, сидевших в какой-то трущобе, в самом тесном месте Бичурской долины, среди болот, почему и названа эта часть Грязнухой... Первоначально они занимали противоположную православным сторону реки»¹⁰.

По воспоминаниям старожилов села, записанным Ф.Ф. Болоневым в 1969 г. от Е.А. Петрова и Евстигнея Антоновича Куприянова (1898

г. р.), «семейские ехали в Забайкалье три года... Жители Елани, Малого Куналея, Буя на 40 лет раньше семейских поселились в своих селах. А поселиться в Бичуре помог один из бурят, он указал падь, не занятую никем». «Бичура стала селиться там, где нынче улица Маскова. Граница с бурятами и монголами была по Утесу», – сообщил Филипп Иванович Авдеев (78 лет). В 1982 г. Евдоким Никитович Гнеушев (1900 г. р.) рассказывал: «Гнеушевых в Бичуре было два брата. Один черный, другой – белый и до сих пор бытуют прозвища: белоусята и корнеушата, т. е. коренные, похожие на бурят. Потом из русских первыми попали сюда Савельевы. До сих пор сохранились бурятские фамилии Шойду-ровы, Шараповы. Позже из ссыльных появились Чубаровы...» Житель с. Мотня Мартин Ипатович Афанасьев (75 лет) указывал: «Семейские поселились в Бичуре в 1666 г. Эту же дату мне говорили в Тарбагатае (старики на целое столетие удревняют свое поселение). Сначала семейские остановились в Хаяне, Торме, затем им сказали, что в Грязнухе большая речка, а в Торме нет воды. Начали строиться в Грязнухе, ставили избы. Что за день семейские мужики построят, монголы ночью растащут по степи». По сведениям Агафона Анкиндиновича и Екатерины Карповны Павловых (1890 и 1900 г. р.), «в Бичуру сначала пришли с Иро (река) 7–12 семей. Они поселились в Грязнухе (это остров напротив Утеса). Но там стало тесно, тогда стали заселять Большую улицу. Первыми там стали строиться Петровы. Сколько бревен (венцов) оклада за день положат, за ночь их буряты растащут. Потом один из семейских сходил в Иркутск к губернатору, с ним пришла комиссия, и дела уладили».

По сообщению Е.Д. Луговского, жителя Бичуры, первые поселения семейских в селе появились на увале Ромашенька, за утесом. По сообщению Андрея Иммануиловича Иванова (1890 г. р.), жителя Петропавловки, в Бичуру пришли 9–10 домохозяев: Ивановы, Слепневы, Афанасьевы, Ткачевы, Савельевы, Перелыгины, Авдеевы, Терюхановы, Белых, Просвиренниковы...

В ведомости, «учиненной по силе повеления генерал-майора Лариона Тимофеевича в феврале 1795 г. о живущих в Верхнеудинском округе старообрядцах-посельщиках, выведенных из Польши», в архивном документе о Бичюрской деревне сообщено: «...которых годов поселены – указан 1768 год. Число душ при поселении мужского пола – 70, женского пола – 66. По 4-й ревизии состояло мужского пола – 129, жен-

ского – 106 человек. Переведены из Польши и поселены наперво по речке Иро слободой под названием Покровского села. Из них осталось при оной речке по 4-й ревизии мужеска пола 2 и женска – 2 и приписаны к Жидинскому ведомству. А потом переведены на речку Бичуру под названием Бичурской деревни. Ныне вновь рожденных муж. п. – 77, жен. – 85. Село относилось к Ускулутскому обществу / Подлинно под-писал земский исправник Иван фон Швейден»¹¹.

Четвертая ревизия была проведена в 1781–1782 гг. В найденной и опубликованной Н.Н. Покровским «Ведомости» от 25 сентября 1768 г. генерал-майора П. Ивашева Бичура еще не упомянута. Будущие бичурцы-старообрядцы – 72 душ м. п. и 68 душ ж. п., всего 140 чел. – еще числятся в с. Покровском «в верховых от Селенгинска местах»¹².

Ф.Ф. Болоневым в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) найдены списки старообрядцев по селам за 1795 г., составленные самими посельщиками-крестьянами этих селений. В Бичуре числилась 31 семья и проживали 186 мужчин и 185 женщин, всего 371 чел. В списке указаны главы семейств – Петр Нестеров, Семен Гладких, Трифон Просвирельников, Андрей Белой, Никифор Афанасьев, Федор Разуваев, Семен Нестеров, Сидор Киприянов, Сильвестр Пантелеев, Мамант Иванов, Епифан Тюрюханов, Логин Иванов, Андроник Гаврилов, Василей Петров, Дмитрий Савельев, Василий Пузанов, Трофим Тимофеев, Фирс Иванов, Никита Ткачев, Иван Ткачев, Иван Голованов, Иван Родионов, Аврам Утенков, Ефим Мартынов, Сергей Перелыгин, Данило Перелыгин, Михайло Турчанинов, Андрей Слепнев, Никита Клычин, Федор Михеев, Тимофей Авдеев¹³.

Е.Д. Федотовой собраны и проанализированы статистические данные, которые позволяют проследить динамику численности населения Бичуры и его этноконфессиональный состав. Среди жителей села преобладали старообрядцы – 90 %, старожильское православное население составляло 10 %. Это соотношение практически не изменялось на протяжении всей дореволюционной истории Бичуры. Небольшую долю в общей численности составляли т. н. в источниках посельщики. В документах о Бичуре с 1810 г. встречаются указы о водворении посельщиков на места. Об этом населении в одном из приказов Верхнеудинского земского комиссара Измайлова сообщается следующее: «Во всех селениях усматриваю я, что присылаемые на пропитание ссыльные, вместо того чтобы они снискивали оное посильной труду

работою по возможности у поселян, шатаются постыдно по миру из одного селения в другое... совершенно бродягами, чрез что иногда по испорченности нравов могут происходить дурные последствия». Там же говорится о необходимости прикрепления их к определенной территории. Посельщики, как правило, селились среди православных и к ним же приписывались. Семейские жили обособленно, согласно документам, «ссылные даже если попадали в их среду, то тут же в ней растворялись»¹⁴.

Ценные данные о начальном этапе переселения старообрядцев в Бичуру и о росте их численности более чем за 50 лет собрал П.А. Ровинский, работая с материалами ряда волостных архивов, которые впоследствии не сохранились. Согласно его сведениям, в 1804 г. в Бичуре было 186 старообрядцев мужского пола. В 1809 г. в селе насчитывалось 220 ревизских душ, а в 1820 г. – 472. В 1825 г. в нем зафиксированы старообрядцы – 381 ревизская душа (в 150 домах), старожилы – 34, различные поселщики – 57, всего 614 мужчин и 584 женщины, из них старообрядцев 530 мужчин и 539 женщин. В 1825 г. в Бичуре насчитывалось всего 1069 старообрядцев, которые проживали в 150 домах. В том году у семейских родилось 45 детей, умерло – 23, т. е. прирост составил 22 чел. Среди старообрядцев 1 чел. умер в возрасте 55 лет, 5 чел. – от 6 до 14 лет, остальные 17 – до 5 лет. Эти данные свидетельствуют о высокой детской смертности. В 1825 г. к самой старшей возрастной категории относились двое мужчин 81 года и 77 лет, в возрасте от 72 до 75 – было шестеро мужчин, 70 лет – три женщины. Следовательно, население в целом было молодым¹⁵.

К 1835 г. численность старообрядцев увеличилась – 764 мужчин и 778 женщин. В 1860 г. старообрядческое население включало 1178 мужчин и 1258 женщин, православных сибиряков было 172 мужчины и 102 женщины. С 1808 по 1860 г. население Бичуры увеличилось в 4,5 раза. За 1830–1860 гг. численность старообрядцев в селе почти удвоилась, а сибиряков-старожилов увеличилась почти в 1,5 раза¹⁶.

В целом с 1795 по 1860 г. численность семейских в Бичуре выросла в 17 раз! Такого высокого прироста не было отмечено нигде во всей истории народов Сибири. В основе интенсивного роста численности населения села – высокая рождаемость, которая достигала максимально возможных показателей у женщин. Религиозно-этическими нормами староверов были закреплены мировоззренческие установки на

высокий уровень рождаемости и укрепление семейно-брачных отношений. Однако непризнание научной медицины являлось причиной очень высокой детской смертности.

По данным Ю.Д. Талько-Грынцевича, в 1894 г. в Бичуре насчитывалось 700 домов, население составляло более 5 тыс. чел. Село протянулось на 11 верст. В конце XVIII в. в нем числилась 31 семья, по две семьи Нестеровых, Ткачевых, Перелыгиных. В 1894 г. семейные кланы бичурян сильно разрослись: Перелыгиных – 64 дома (450 чел.), Афанасьевых – 43, Савельевых – 39, Терюхановых – 88 домов (547 чел.), Белых – 20, Утенковых – 41 дом¹⁷.

Стремительный рост населения привел к недостатку земли в крестьянских хозяйствах Бичуры. Это вызвало миграцию на новые места жительства. В начале XX в. бичурцами было основано несколько новых селений: Мотня, Новосретенка, Петропавловка, Покровка. Часть бичурян откочевала на Амур и в Приморье. Численность населения в Бичуре продолжала расти и в годы первой русской революции, русско-японской, Первой мировой войн. На начало 1919 г. в селе проживало около 7 тыс. чел. С момента появления в Бичуре семейских численность населения выросла примерно в 50 раз.

Высокие нравственные принципы, веками пестовавшиеся старообрядческой церковью, здоровый образ жизни, трудолюбие, неприятие спиртного и табака, разрешение завязывать брачные связи внутри своей общины только через семь поколений – все это, несомненно, способствовало формированию духовно и физически здорового типа населения. Об этом писали декабристы, путешественники и исследователи их быта. Приведу цитату из работы Матвея Геденшторма: «... старообрядцы в Забайкалье составляли здесь коренную, полезнейшую часть поселян. Народ рослый и красивый, в чем выгодно отличается от сибиряков, в строении домов и селений, в пище и одежде, в наречии имеют они совершенное сходство с русскими внутренними губерний, которых в чистоте и опрятности даже превосходят. Увидев старообрядцев и их селения, забываем, что в глубокой Сибири, и воображаем, что перенесены в богатые села среди России. Старообрядцы твердо держатся веры своих отцов. По большей части имеют они беглого попа, главное достоинство коего, по мнению их, должно состоять в том, чтоб он не имел паспорта и привезен был из их монастырей в России, куда для сего посылают нарочных людей с большими издержками... Есть

между ними и соединенцы и беспоповщина...»¹⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин называл старообрядцев цветом русского простолюдыя¹⁹.

Большое внимание Бичуре уделил М.И. Орфанов. Он собирал о селе материал и прожил в нем около двух месяцев на квартире «завязтого семейского почтенного старика, отца 8 сыновей, из коих каждый был бы годен в гвардейские правофланговые»²⁰.

Староверы, приведенные в Забайкалье из Черниговской и Могилевской губерний, развели такое хлебопашество, которое сделало всю эту местность неисчерпаемой житницей всего этого края и далекого Амура. Автор восторженно пишет о красоте семейских: «Что за красавцы! Что за богатыри!.. Мало того, что красивых людей между ними много, они к тому же весьма крупный и сильный народ. Я встречал даже женщин и не особенно редко, вершков в 8–8 ½ и более росту. Старики же бывают такие красивые, сановитые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить отличными натурщиками для библейских сюжетов»²¹. Семейские, по оценке М.И. Орфанова, сохранили свои бытовые черты во всей их чистоте. Они «рук не покладают, а работают, по признанию их же соперников, старожилов, за пятерых каждый и потому сравнительно со своими соседями, русскими и бурятами, являются богачами. Главное их средоточие с. Бичура, имеет в длину до 9 верст»²².

В книге имеются очень важные сведения о заселении села староверами, их взаимоотношениях с местным населением. От «завязтого семейского» автор записал: «Заведовать ими назначен был один чиновник и назывался комиссаром. Лихой он был человек, и тяжело приходилось нашим. Брать-то хоть брал и немного – можно было жить, да строг был, непременно, чтоб его воля была исполнена. К примеру, требовал, чтоб обстроиться им в одну зиму»²³.

С установлением советской власти старообрядческая церковь постепенно вытеснялась из жизни семейских, существенно сокращалось ее влияние на новые поколения. Широкое распространение получил процесс обмирщения. Религиозно-этические нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, репродуктивные установки как один из определяющих факторов высокой рождаемости перестали быть незыблемыми. Постепенно нормой стали применение средств контрацепции и аборты; население перешло к сознательному планированию семьи. Однако еще в 1950-е гг. в личном сознании небольшой части населения сохранялась установка на высокий уровень рождаемости. В

1960–1970-е гг. показатели прироста населения в Бичуре были выше среднереспубликанских и среднесоюзных. Прирост численности населения села продолжался и в 1980-е гг., хотя его темпы снизились.

В 1995 г. в Бичуре проживало 11783 чел. Это максимальный показатель численности населения села за весь период его существования. С 1996 г. наблюдается убыль населения. По данным на 2008 г., в Бичуре проживало 9798 чел. Убыль населения отчасти сдерживается притоком жителей из малых сел. Никогда в старообрядческих селах численность населения так не сокращалась, как в последние 10–15 лет. Устойчивость проявляют тенденции к сокращению рождаемости, старению населения и др., поскольку они складывались на протяжении последних 20–40 лет, а сегодняшнее экономическое состояние сельского хозяйства только способствует их развитию. Потенциальные возможности этнической группы семейских к воспроизводству существенно ослабевают, что усиливает процесс потери этнокультурного колорита и уникальных традиций.

Сегодня с. Бичура остается самым крупным сибирским селом с самым длинным в мире сельским проспектом (ныне – ул. Коммунистическая), занесенным в Книгу рекордов Гиннеса. Старообрядцы во все времена жили в сложных условиях. При этом историческая память, вера в себя спасла не одно поколение прародителей староверов-семейских, позволила сохранить лицо народа, его духовную крепость, традиции и культуру.

Примечания

¹ Машанова Л.В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1973. С. 154; Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск: Наука, 1985. С. 9.

² Шмулевич М.М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 19.

³ ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д.13. л. 4об.

⁴ Машанова Л.В. Указ. соч., с. 154.

⁵ Там же, с. 115.

⁶ Болонев Ф.Ф. Новые документы из материалов Селенгинского Троицкого монастыря за 1734 год, хранящиеся в Национальном архиве Республики Бурятия // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций сла-

вянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 152.

⁷ Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. Сиб. отд-ния ИРГО. 1872. Т. 3, № 3. С. 132.

⁸ ГАИО, ф. 293, оп. 1, л. 15–15об.; Известия ВСОРГО. 1872. Т. 3. № 3.

⁹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871. С. 323.

¹⁰ ГАИО, ф. 293, оп. 1; Известия ВСОРГО. Путешествие Ровинского П.А. История и статистика населения. Т. 3, № 3, 1872. Л. 21об.

¹¹ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 310, 312.

¹² Покровский Н.Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв. СО АН СССР. 1975. № 6. Вып. 2. Сер. Обществ. наук. С. 111–112.

¹³ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья..., с. 316.

¹⁴ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 511.

¹⁵ Ровинский П.А. Указ. соч., с. 128–131.

¹⁶ Там же, с. 128–131.

¹⁷ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протокол Троицкосавского Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. РГО. 1894. № 2. 28 окт. С. 14–15.

¹⁸ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб.: Типография медицинского департамента МВД, 1830. С. 60–63; Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 252–253.

¹⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Мелочи жизни. М.: Изд-во худ. лит-ры, 1955. С. 5.

²⁰ Мишла (Орфанов М.И.) В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. М., 1883. С. 44.

²¹ Там же, с. 41–44.

²² Там же, с. 43.

²³ Там же, с. 44.

Раздел III

Этнокультурные связи семейских

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ СВЯЗИ СЕМЕЙСКИХ С МЕСТНЫМ И ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ БУРЯТИИ В XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Семейские – русские старообрядцы, поселенные в Забайкалье в XVIII в., постоянно привлекали к себе внимание исследователей и путешественников. К сожалению, имеющаяся литература о семейских весьма односторонне освещает многие стороны их жизни и бытового уклада. У большинства исследователей создавалось впечатление о чрезмерной замкнутости их быта, о фанатической преданности старым обрядам и вере. Они не допускали даже мысли о том, что у староверов мог происходить процесс смешения с окружающим их населением. Словом, прежние авторы описывали жизнь староверов, не вникая в сущность социально-экономических явлений, на основе весьма беглого знакомства с их жизнью.

Нами предпринята попытка на основании полевых, архивных и литературных данных показать процесс разложения патриархального замкнутого быта старообрядцев Забайкалья в XIX и начале XX в.

Если взаимовлияние культур русского и бурятского населения освещено в какой-то степени в исторической литературе¹, то вопросы о хозяйственных и бытовых связях семейских, о разложении патриархальной семьи, взаимоотношениях с соседями и смешанных браках старообрядцев с представителями других народов почти не затрагивались. Эти вопросы сложны, требуют длительного изучения и в данной статье лишь ставятся.

Наши сведения собраны, в основном, в трех староверческих селах Бурятской АССР: Бичуре, Большом Куналее и Куйтуне. Но

* Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ, 1974.

даже эти неполные данные дают возможность сказать, что замкнутость семейских многими исследователями была преувеличена.

Собранный нами материал показывает, что и в старообрядческих селах за Байкалом происходило взаимопроникновение русской и бурятской культур, в хозяйственной и бытовой сфере буряты воспринимали у русских, в том числе у семейских, их богатый опыт в хлебопашестве, строительстве домов и хозяйственных помещений, сенокосении. Русские же в новых природных условиях почерпнули много ценного из скотоводческой практики бурят². Не случайно у семейских многие названия домашних животных бурятского происхождения. Двухлетний бычок – бурун (от бурятского буруу), маленький ягненок – кургашек (хурьган), кладеный баран – ергень и т. д. Бурятские названия закрепились и за многими предметами быта. Обрезок бревна семейские стали именовать сутунком, кожаный мешок – тулуном, чересседельник – чумбуром, ватрушку – таркой, костный мозг – мыцыгуном (искаженное сэмэгэн). Переняли семейские у бурят и кое-что из одежды и обуви (зимнюю шапку, унты). Заимствован семейскими у бурят и так называемый «бурятский узел», очень надежный и удобный в хозяйственной крестьянской практике, в частности для привязи лошадей. В бурятский язык прочно вошли названия зерновых и огородных культур, строительные термины, обозначения части домов и хозяйственных помещений (пшеница, картошка, наличник, карниз и т. д.).

Сведения о смешанных браках семейских с окружающим населением в литературе очень скудны и имеются только у лучшего бытописателя староверов Забайкалья П.А. Ровинского. Но зато их сохранила народная память, и почти в каждом селе бытуют предания о том, что у кого-то бабушка была буряткой, а у кого-то – дедушка из татар и т. д.

Большинство исследователей истории и быта старообрядцев – Ю.Д. Талько-Грынцевич, Г.М. Осокин, А.М. Попова и другие – указывали на обособленность их семейного быта. Наиболее категорично высказывался Ю.Д. Талько-Грынцевич: «Переселившись в Сибирь, они остались совершенно замкнутыми для постороннего влияния и смешения»³.

Г. М. Осокин писал: «Смешение русского населения с инородческим путем браков и сожительства выдвинуло даже новый тип, носящий местное название “карымы”».

Только семейские старообрядцы не смешиваются и не сближаются

с инородцами, а также с коренными сибиряками, считая как тех, так и других “нечистой” – нечистыми в отношении своих религиозных взглядов»⁴.

Д. Клеменец дал такую характеристику «знаменитым семейским старообрядцам»: «Это какой-то обломок допетровской Руси, полный сектантского фанатизма, враждебный всякому прогрессу»⁵.

Более верный подход к определению жизненного и бытового уклада семейских мы находим у К. Михайлова. Правда, он тоже пишет, что «...чуждые смешения с инородцами, они в чистоте сохранили русский тип»⁶. К. Михайлов высокого мнения об общине семейских, которую он называет «общиною общин», так как каждое селение состояло из домохозяев с большими семьями, достигающими иногда 50 душ. «Преданные старине ради религиозных воззрений и тщательно охраняющие эту старину, они не чужды и к восприятию новшеств, касающихся только сферы их благосостояния, впрочем, по тщательному убеждению в их пользе»⁷. Действительно, семейские с их практическим умом никогда не чуждались новшеств, если от них была прямая выгода.

Были писатели, которые не находили в быте семейских большой застенчивости. В этом смысле примечательно высказывание декабриста А.П. Беляева в 1830 г: «Все эти старообрядческие селения были очень богаты и имели большие и хорошо устроенные дома и даже с некоторым крестьянским комфортом. Между молодежью большая часть уже оставили староверческие верования, конечно, более по равнодушию ко всякому верованию, нежели по сознанию фальши в их отцовских преданиях, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Все почти курили трубки, несмотря на то, что многим из них доставалось от стариков.

Впрочем, у этих раскольников незаметно было того фанатизма и нетерпимости, какими отличаются закоренелые и невежественные раскольники в России. Многие из людей богатых выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили в религиозные разговоры со многими из наших, которые хорошо знали церковную историю»⁸. А по словам П. Белецкого, семейские «к учености... относятся с великим уважением и с гордостью говорят о тех из своих сыновей, которые грамотны и читают всякие книжки»⁹.

Вряд ли можно говорить о враждебности семейских всякому про-

грессу, хотя их пастыри и внушали отрицательное отношение к просвещению и медицине. Большинству авторов бросалось в глаза своеобразие жизни семейских, их быта, культуры, антропологического типа. Они выделялись своим внешним видом, одеждой, хозяйственной хваткой, трудолюбием, говором, некоторым высокомерием к «сибиряку» и ревностным отношением к своей вере. Своей старой верой они прикрывались как щитом.

Несмотря на все это, было бы несправедливо чрезмерно подчеркивать замкнутость семейских. Изучение их хозяйства, быта и культуры обнаруживает две противоположные тенденции.

Ярко выраженное тяготение к обособленности, заключающееся в сохранении заветов отцов, которые, следуя за главным идеологом староверов – неистовым протопопом Аввакумом, утверждали: «Что старо, то свято; что старее, то правее; что исстари ведется, то не минется; ветхое лучше есть»; боролись против всякой богопротивной новизны, вторгающейся по наущению дьявола в древние устои русского народа. Затравленные полицией и исправниками семейские, естественно, искали уединения и хотели строить свою жизнь как можно независимее и без посторонних глаз.

Но как бы ни были крепки и ревностно охраняемы устои жизни семейских, их подрывали малоземелье, вторжение капитала, усиление торговли, приток ссыльных и мастеровых людей. Жизнь требовала тесных контактов с бурятами, жившими по соседству, и с пришлым населением.

Это неизбежное вовлечение семейских в общее русло социально-экономических отношений вело к разрушению замкнутости, выходу старообрядцев из закоснелости, заимствованию всего лучшего у соседей и даже брачному смешению с бурятами, татарами, поляками, русскими ссыльнопоселенцами.

Занимались староверы в основном хлебопашеством. Уже к 20-м гг. XIX в. они давали на рынок около 500 тыс. пудов хлеба¹⁰, снабжая им Петровский Завод, Нерчинские рудники и впоследствии Амур. Но продажа хлеба на рынке почти не обогащала семейских, так как в конце XVIII в. пуд хлеба стоил от 16 до 25 копеек. Словом, заниматься только хлебопашеством было невыгодно. Семейские начинают уделять больше внимания, чем прежде, животноводству и, несомненно, в новых условиях они многое перенимают из скотоводческого опыта бурят. Уже

во второй половине XIX в. они ведут бойкую торговлю в Верхнеудинске, Кяхте и других городах мясом, кожами и салом. Особенно славились их мерлушки, которые, по сообщению Палласа, ценились дороже бухарских¹¹.

Торговля процветала, появились богатые крестьяне, разжившиеся на подрядах и ростовщичестве, подобно Ф.И. Заиграеву из Тарбагатай, о котором рассказывали А. Мартос и декабристы И.Д. Якушкин, А. Розен, М. Бестужев и др. Развивающиеся товарно-денежные отношения вызвали разложение патриархальных семей, изменяли полунатуральную форму ведения хозяйства. М. Геденштром, С. Максимов и другие отмечали наличие «капиталистов» среди семейских, которые держали работников из бурят и «сибиряков», распахивали по сто и более десятин земли и имели много скота¹².

В то же время, как отмечает М.М. Шмулевич, часть крестьянства из староверов не имела земли. В Большом Куналее в 1830 г. 39 хозяйств имели от 1 до 5 десятин, а 13 хозяйств совсем не имели пашен¹³. Таким образом, налицо явное социальное расслоение деревни.

С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, со все увеличивающимся малоземельем связи семейских с другими слоями окружающего населения возрастают. И редкая семья староверов не ищет дополнительного заработка на стороне. А.А. Лебедева приводит данные, говорящие о том, что в 1897 г. такое явление было очень распространенным. Так, в с. Хонхолой 449 семей из 567 имели дополнительные заработки, в том числе 255 семей работали на приисках, 92 – на железной дороге, 28 – зарабатывали извозом, 60 – поденно в своем селе, 14 – «в сроку», на хозяйских харчах. В соседнем с. Никольском 310 семей из 479 прирабатывали на стороне, причем из одной семьи на заработки уходили по 2–3 мужчин и женщин. Из 620 семей с. Тарбагатай только 157 не работали на стороне, а жили своим хозяйством. На прииски уходили чаще из неразделенных семей, где имелись свободные руки, а иногда и всей семьей, распродав остатки разоренного хозяйства и заколотив избу. Из села Никольского в 1897 г. ушла на прииск 31 семья, из Хонхолой – 32, из Харауза – 56, из Бичуры – 19 семей. Уходили на прииск Благодатский, на Амур и другие места¹⁴.

Различные жизненные явления со всех сторон вторгались в жизнь семейских, внося свежие веяния в быт и культуру, втягивая их в новые экономические и социальные отношения с окружающим населением.

Одной из причин брачного смешения старообрядцев с представителями других национальностей была малочисленность староверов в первое пятидесятилетие их жизни за Байкалом. По данным Палласа (1772 г.), в Тарбагатае было поселено 40 дворов, из них 10 старообрядческих, в Пестерево – 6, в Надеино – 9, в Куйтуне – 30 старожилов и 44 польских колониста, т. е. старовера, в Хонхолое – 28 польских семей, в Шаралдае – 7 старых дворов и 12 новопоселенных поляков¹⁵. В Бичуре, по воспоминаниям А.А. Павлова, поселилось сначала 13 семей староверов, по другим данным – 26 семей¹⁶. В 1801 г. там проживало 186 душ, вероятно, только мужского пола (по данным П.А. Ровинского). В 1851 г. в Тарбагатае было уже около 900 жителей, в Большом Куналее – 1800, в Куйтуне – 1650, в Новой Бряни – более 700. В Бичуре в 1850 г. проживало 1400 человек¹⁷.

Следует учесть, что браки у семейских были запрещены до восьмой степени родства, не допускались также браки между людьми различных толков и согласий, а их у забайкальских староверов было более 10. Нельзя было жениться и выйти замуж за родственников крестных отца или матери, родство с которыми считалось выше кровного родства. Сказывалось и наличие большого количества неразделенных семей в третьем-четвертом поколении, когда несколько женатых братьев жили при родителях. Таких семей, по данным А.А. Лебедевой, в конце XIX в. насчитывалось до 30 %¹⁸.

Столь высокий процент неразделенных крупных семей значительно сокращал общее количество старообрядческих семей, в результате чего в некоторых селах большая часть их была в родстве. Такое явление, несомненно, побуждало к бракам с бурятами, татарами, китайцами и т. д. Можно полагать также, что для заключения браков, например с бурятами, важную роль, кроме возможных сердечных симпатий, играли причины экономического характера. Земельный достаток у бурят вполне мог соблазнять малоземельного семейского крестьянина. За неимением земли для пашен, пастбищ и выгонов семейские часто арендовали земли у бурят, а для пастбы на лето отдавали им часть своего скота. Так зарождались хозяйственные связи.

Большой интерес в этом отношении представляют сообщения газеты «Иркутские епархиальные ведомости». В отчете о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1887 г. говорится: «... на Курбе явился раскол, через поселения на местах, отведенных ясач-

ным крещеным инородцам, раскольников, выпросившихся на их дачи для прокормления скота при временных заимках. С течением времени они (староверы. – *Ф.Б.*) усилились, через браки совратили ясачных, крещенных в православную веру, и теперь до того стеснили новокрещеных, что они едва дышат»¹⁹.

Старообрядцы, смешиваясь с бурятами, татарами, китайцами, грузинами и представителями других народов, чаще всего обращали их в свою веру, крестили по старым обрядам. По данным П.А. Ровинского, «в 1810 году к ним приписались Сергей Морозов и крещеный татарин Михайло Иванов. Они обратились в семейских; от 1820 года сохранился именной список 10 поселенцев и некоторые из них были с семьями, все эти фамилии теперь семейские»²⁰.

И.Г. Прижов отмечал, что «в Хасурте проживают семейские – староверы из инородцев» и что в Бичуре «часть казаков из бурят сделались семейскими путем браков, как и инородцы»²¹.

Имеется сообщение о том, что за принятие православия хоринский тайша Будаев удалил крещеных инородцев в Хасурту в надежде, что лес погубит сынов степи. Один из них был женат на раскольнице, которая внушила односельчанам, что если они хотят научиться вести хозяйство, то должны пригласить в село старообрядцев. И вот из с. Куйтун переехало 7 семейств. Карымы начали жениться на раскольницах и переходить в раскол²². Аналогичные случаи встречались и в с. Ташелан²³.

По нашим данным, только в Большом Куналее, а это село считалось, по определению А.М. Поповой, наиболее консервативным во всех отношениях насчитывалось 7 браков с бурятами, 3 – с пришлыми китайцами и 1–2 – с татарами.

Немало браков, частью неоформленных, было заключено семейскими и ссыльнопоселенцами. По сообщению А.Е. Дмитриева (70 лет), в Куйтуне у Ф.В. Оболтусова прабабушка была из буряток. Там же у Григория Ефремова (умер в 1935 г. в возрасте 75 лет) было прозвище Тугут. Видимо, в роду у него кто-то был из бурят.

По сведениям колхозника-пенсионера Е.С. Кравцова, в старину жили 3 семьи монголов, которые впоследствии породнились с русскими, богач Борисов был женат на бурятке. Было много браков с китайцами, татарами, поляками. Так, сестра Е.С. Кравцова вышла замуж за метиса, отец которого был татарин, а мать – русская. Китайцы женились обычно на сиротах и увозили их в города.

Подобные явления наблюдаются в Бичуре, Никольске и других селах. У бичурских семейских насчитывается 5 браков с китайцами, 3 – с грузинами и по 2 – с бурятами, татарами, черкесами, украинцами, потомки которых до сих пор проживают в Бичуре. Вероятно, впервые десятилетия жизни за Байкалом смешанных браков с бурятами было немало. Е.А. Куприянова (1898 года рождения) вспоминала о рассказах своего деда: «В Бичуре семейские в первые годы женились на бурятках, так как свои девки были роднею».

По сообщениям К.Е. Кравцовой, политические ссыльные, направленные на поселение в семейские села, также подвергались своего рода «малой ассимиляции» в старообрядческой среде. В Куйтуне ссыльные поляки переходили в старую веру и женились на семейских. Их переходу способствовал уставщик Иван Артемьевич. Например, он окрестил одного татарина, назвав его Иваном Ивановичем, т. е. стал его крестным отцом, после чего этот татарин женился на Агриппине Михайловой, с которой уехал на житье в город. В этом можно усмотреть своеобразное миссионерство старообрядческих пастырей. Некоторые декабристы были женаты на семейских девушках²⁴.

Крепкая трудовая основа жизни староверов, их материальный достаток были притягательны для многих ссыльных, часть которых, прибыв в староверческие селения и ознакомившись с жизнью семейских, нередко принимала их веру, обычаи и переходила в старообрядчество. Так, по рассказу Елены Григорьевны Юрьевой из с. Большой Куналей (79 лет), примерно в середине XIX в. ее дед Маркел прибыл в ссылку и был определен на поселение в Большой Куналей. Приглядевшись к жизни семейских, он решил принять их веру, а затем женился на семейской девушке из бедной семьи. Будучи большим мастером, он завел кузницу, поставил дома на берегу речки Куналейки и обучил своему ремеслу четырех сыновей. Сыновья и внуки Маркела Ивлева брали в жены девушек из зажиточных семей, строго соблюдая все обычаи семейских²⁵.

В делах Иркутской духовной консистории имеется немало материалов о переходе бурят в старообрядчество. В начале XIX в. Иркутская палата разбирает дело, представленное из Верхнеудинского уездного суда, об отступившем от православной христианской веры в старообрядческую крестьянине Мухоршибирской волости Андрее Салтанове, который «будучи прежде крещен из братских в православную веру

греческого вероисповедания, после через многое время сделал от оной отступление, а приклонился к старообрядческой», не принял многократные увещания Верхнеудинского духовного правления «и обратиться от своего заблуждения не хотел и не хочет»²⁶. К сожалению, из дела не видно, почему он перешел в старообрядчество.

Весьма интересна подписка инородческой дочери Лукерии Зубакиной, обращенной в православие: «Нижеподписавшаяся ведомства Хоринской степной думы Курбинского отдельного общества оседлого инородца Павла Ефимова Зубакина дочь Лукерия из беспоповщинской секты сим изъявляю решительное намерение присоединиться к православной католической Восточной церкви и обещаю пребывать в послушании и всегда неизменно»²⁷. Из дела видно, что дочь инородца из старообрядческой секты перешла, выходя замуж, в православие.

К сказанному выше остается добавить случаи перехода из старообрядчества в православие. В списке Градо-Верхнеудинской Спасской церкви за тот же 1861 г. перечисляются лица, обращенные в православие из язычников, евреев и раскольников. В их числе крестьянская дочь Марфа Петровна, 23 лет, из поповской секты. К приходу Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви Новокурбинского селения причислена из поповской секты дочь крестьянина Г.Т. Ерофеева Варвара, 25 лет²⁸. В Билютае из поповской секты перешла в православие А. Тимофеева, в Куйтуне – А.П. Иванова, 21 года²⁹. Двдцатипятилетняя дочь крестьянина Шаралдаевского селения А.И. Иванова Ефимия из раскольников поповской секты обращена в православие священниками Троицкосавской Никольской церкви, после чего была обвенчана с отставным денщиком 4-го полка Забайкальского казачьего войска Петром Куракиным³⁰. Обратилась в православие дочь курбинского крестьянина Н. Потемкина Пелагея.

Переходят в православие вместе с детьми некоторые лица весьма преклонного возраста. Так, Анна Степановна из беспоповской секты по смерти мужа вступила в законный брак с отставным рядовым Внутреннего гарнизонного батальона К.В. Шахиревым. Ее дочери Капитолина (29 лет) и Анастасия (15 лет) в крещении наречены Анной и Марией.

Перечень примеров можно продолжить. Но и из приведенного видно, что переход большинства девушек и женщин в православие связан с их выходом замуж за людей православного вероисповедания.

Браки семейских с православными были весьма осложнены. Царское правительство и официальная церковь не признавали их и расторгли, если венчание молодоженов производилось старообрядческими попами. В царском указе от 27 августа 1835 г. говорится: «Постановить правилом, чтобы с раскольниками, сочетавшимися браком с православными в раскольнических церквях, домах и часовнях, равно и с попами их или иными лицами, имеющими таковых, поступаемо было на общем основании как с совратителями, т. е. предавать их суду»³¹. Несмотря на строжайшие запреты, случаи браков семейских с православными наблюдались часто, при этом в равной мере происходил переход из православия в старообрядчество, и наоборот.

В 1828 г. старообрядческий священник обвенчал крестьян Егора Гордеева и Веру Медведеву в Никольском селении. По этому поводу Верхнеудинский окружной суд запросил Иркутскую духовную консисторию, является ли действительным этот брак. Последняя ответила ссылкой на указ Святейшего Синода от 1827 г., что следует «считать эти браки “ничтожными”», т. е. недействительными. На основе этого Тарбагатайское волостное правление постановило: «От общего их жития – разлучить. В противном случае придать их “приватной эпитимии”»³². И если хотят вступить в брак, «то должно обвенчаться по чину греко-российской церкви немедленно»³³. Сельскому выборному было вменено в обязанность иметь за ними неослабный надзор.

В 1846 г. ссыльнокаторжный Селенгинского солеваренного завода Дмитрий Григорьев, 43 лет отроду, после побега явился в Куналейское селение, откуда его отправили в Тарбагатайское волостное правление, где он назвался поселенцем Андреем Головинским. Под этим же именем в Куналейском селении жил с 1838 г. другой поселенец. Под именем А. Головинского Григорьев прожил в Куналее два года и в 1848 г. женился на дочери крестьянина Василия Назарова Авдотье. Последняя, чтобы выйти замуж, перешла в православную веру, прибавила себе 3 года (вместо 19 записала 22) и заявила о том, что не имеет родителей, хотя Головинский перешел на жительство в дом ее родителей. После того как Григорьев был опознан и уличен, он был предан суду и осужден на 10 лет каторги. А в отношении жены было сказано: «Признать Авдотью от жительства с ним свободною... и разрешается вступить в новое супружество, но не иначе, как с лицом православного или другого какого-либо христианского исповедания, но отнюдь не с раскольников»³⁴.

В с. Верхний Жирим во второй половине XIX в. старообрядец Иван Китаев полюбил «сибирку» и женился на ней. Старообрядческие начетчики и уставщики предали его за это анафеме. Он же в ответ на преследования перешел в православие и стал курить из бурятской трубки (ганзы), что было неслыханным вызовом старообрядчеству. И до сих пор в Верхнем Жириме за потомками Ивана Китаева сохранилось прозвище «Гонза».

Случалось и наоборот. В «Иркутских епархиальных ведомостях» читаем: «На Ташелане и Ильке... заселились раскольники, есть и ясачные, зараженные тем же недугом через брачные связи (19 мужчин и 21 женщина)»³⁵, т. е. перешедшие в старообрядчество.

По неизвестным причинам в 1843 г. в Куналее 22 мужчин и 21 женщина перешли в раскол из православия. Переходили целыми семьями, с детьми. Это взволновало начальство, но в деле нет никаких сведений о мерах, принятых против этого перехода³⁶. Возможно, в этом немалую роль сыграла пропаганда старообрядцев, о которой еще в свое время писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Старообрядцы – это цвет русского простолюдыя. Они трудолюбивы, предприимчивы, трезвы, живут союзно, что всего важнее, имеют замечательную способность к пропаганде»³⁷.

Переходящих в старообрядчество перекрещивали в какой-либо купели (чаще всего в реке) и давали им новые староверческие имена. Только после такого «очищения» от прежней веры переходящий становился своим человеком в среде семейских.

Изложенное дает нам право заключить, что в жизни старообрядцев с момента их появления в Забайкалье существовали две противоположные тенденции. Первая выражалась в тяготении к замкнутости, в сохранении всего старого, согласно заветам «отцов общества», которыми было «завещано от бога» держать староверческие общины в своем подчинении. Эта тенденция ярко выражалась в духовной культуре семейских, пронизывала всю их психологию. Вторая тенденция неизбежно вела к разрушению этой замкнутости под влиянием новых условий жизни, нового окружения.

Так, под влиянием социально-экономических изменений на общем фоне усиленного развития товарно-денежных отношений среди всех слоев населения Забайкалья происходит отход староверов от прежней

патриархальной жизни с ее полунатуральным хозяйством, сближение (экономическое и социальное) их с соседями – бурятами, ссыльнопоселенцами и другими группами населения Забайкалья.

Примечания

¹ История Бурятской АССР. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 245–248; Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 104–106; Он же. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 85–94.

² Подробно см.: Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958.

³ Талько-Грынцевич Ю.Д. К антропологии великороссов. Томск, 1898. С. 1.

⁴ Осокин Г.М. На границе Монголии. СПб., 1906. С. 20.

⁵ Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 66–67.

⁶ Михайлов К. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири. Кн. XII. М.: Русская мысль, 1885. С. 5.

⁷ Там же, с. 9.

⁸ Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 819–820.

⁹ Белецкий П. Забайкальские раскольники // Сибирский сб. Вып. 1. Иркутск, 1901. С. 85.

¹⁰ См.: Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 16.

¹¹ См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788. С. 228.

¹² См.: Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 60–62.

¹³ См.: Шмулевич М.М. Землепользование русских крестьян Западного Забайкалья в I половине XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии [Тр. Ин-та обществ. наук БФ СО АН СССР]. Улан-Удэ, 1968. С. 136.

¹⁴ См.: Лебедева А.А. Анкета как этнографический источник // Сов. этнография. 1967. № 1. С. 100.

¹⁵ Поляками в то время называли семейских. См.: Паллас П.С. Указ. соч., с. 228.

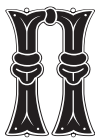
¹⁶ См.: Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871. С. 323.

¹⁷ См.: Шмулевич М.М. К вопросу о движении русского крестьянства в Западном Забайкалье в I половине XIX в. // Этнограф. сб. Вып. 4 [Тр. БКНИИ СО АН СССР]. Улан-Удэ, 1965. С. 138.

- ¹⁸ Лебедева А.А. Указ. соч., с. 101.
- ¹⁹ Иркутские епархиальные ведомости. 1888. № 26.
- ²⁰ Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. ВСО РГО. Т. III. № 3. С. 129.
- ²¹ Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л.: Академия, 1934. С. 337.
- ²² См.: Глуховцев В. Селение Хасуртай (Социально-экономический очерк) // Забайкалье. 1902. № 38.
- ²³ Забайкалье. 1902. № 116.
- ²⁴ Петряев Е. Впереди огни. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 33.
- ²⁵ Полевые записи автора 1969 г.
- ²⁶ ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 718, № 2, 784, л. 1.
- ²⁷ Там же, д. 7531, л. 335.
- ²⁸ Там же, л. 201–202.
- ²⁹ Там же, л. 312–313.
- ³⁰ Там же, л. 314–315.
- ³¹ Там же, ф. 587, оп. 1, д. 2, л. 7.
- ³² Частное или домашнее церковное наказание.
- ³³ ЦГА Бур. АССР, ф. 207, оп. 1, д. 52, л. 69–72.
- ³⁴ ГАИО, ф. 50, оп. 8, д. 103, № 5, л. 1–7, 11–12.
- ³⁵ Иркутские епархиальные ведомости. 1888. № 27.
- ³⁶ ЦГА Бур. АССР, ф. 139, оп. 2, д. 80, л. 12–13.
- ³⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Мелочи жизни. М.: Гослитиздат, 1955. С. 5.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО И АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

Н аход Ермака, с которого, по словам А.Н. Радищева, началось «приобретение Сибири» Русским государством, – событие мирового значения не только для России, но прежде всего для многочисленных племен и народов, обитающих на громадных просторах Северной Азии. Это был период, когда, по определению К. Маркса, «была заложена основа Азиатской России»¹.

Открытие обширного слабозаселенного края положило начало вольной и правительственной колонизации Сибири русским населением. Со временем оно «становилось органической частью населения Сибири. Русские принесли на местную почву более высокий по своему уровню тип социально-экономических отношений и культуры, оказали огромное влияние на исторический прогресс народов этого края...»²

Но изучение культуры и быта русских старожилов, их благотворного влияния на культуры аборигенов Сибири все еще не соответствует той роли, какую они сыграли в истории освоения этого великого региона³. Хотя хорошо известно положение Ф. Энгельса, изложенное в письме к К. Марксу: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁴.

Еще В.И. Шунков, критикуя капитальный труд «Народы Сибири», писал, что «закономерный для данного тома этнографизм не дает возможности раскрыть полностью исторический процесс, а непонятное игнорирование русского народа (в книге отсутствует соответствующая статья для советского периода)...» Далее, сожалея, он отмечал, что «не показан опыт русского народа, составившего уже к 1917 г. примерно 90 % всего населения Сибири, и нет попытки дать общую картину...»⁵

---

* Известия СО АН СССР. Сер. История, филология, философия. Вып. 3. Новосибирск, 1985.

Критика крупнейшего историка-сибироведа до сих пор остается в силе.

В присоединении Сибири советские историки видят «явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения»⁶, или естественный процесс «складывания многонационального русского государства». При этом протекал так, что «даже под гнетом царизма сибирские народы сохранили свои самобытные культуры. Решающая роль в присоединении Сибири, понимаемом именно в широком смысле как ее освоение, принадлежала не царской администрации и не купеческому капиталу, а основному классу непосредственных производителей феодальной эпохи – крестьянину. Именно крестьянам, их инициативе и труду, принадлежит эта ведущая роль, на их плечи пала тяжесть борьбы за освоение Сибири⁷. Земледельцы уже в XVII в. стали основой развития производительных сил Сибири⁸.

Не случайно Поль Лаббе, французский ученый, который, будучи генеральным секретарем Общества коммерческой географии, неоднократно бывал в Сибири, в книге «У лам Сибири», писал: «Мы должны воздать должное русскому колонисту, который так скромно выполняет свою работу и который сам, не подразумевая о том, является главным представителем цивилизации в Сибири»⁹.

А голландец Исаак Масса (XVII в.), отмечая успехи русских в освоении Сибири, писал, что «...москвитяне в этой стране оказали невероятные успехи и мы надеемся еще дальнейших»¹⁰.

Отношение к Сибири было различным в разных кругах русского общества. Мы отдаем должное дальновидности его передовых деятелей: М.В. Ломоносова, гениально предвидевшего приращение российского могущества Сибирью, А.Н. Радищева, предсказывающего Сибири «сыграть важную роль в летописях мира», и Г. Спасского, который писал: «Приобретение Сибири столь же важно для России, а может быть и более, сколько важно было открытие Нового Света для всей Европы»¹¹.

Но известен взгляд на Сибирь и представителей правящих кругов, высказанный в связи с проведением железной дороги. «Сибирь бедна, бесплодна, некультурна», – заявлял генерал Андреевич, а князь Мещерский писал, что «один Невский проспект, по крайней мере, в пять раз ценнее всей Сибири»¹².

Высоко оценивая предвиденье передовых людей России будущей роли Сибири, мы должны отметить и некоторую односторон-

ность их взглядов – понимание значения Сибири только для России.

Но еще более важное значение, на наш взгляд, имело присоединение Сибири к России для развития самих сибирских народов, вовлеченных в круг общероссийской социально-экономической жизни и усваивающих передовую культуру русского населения. Специфика ускоренного развития сибирских народов заключалась прежде всего в том, что коренные народности Сибири не сгонялись со своих облюбованных мест жительства, как это делали колонизаторы в Америке и Австралии.

Правительство, заинтересованное в получении «мягкого золота», неоднократно давало указания: «ясачных людей беречь и не ожесточать». А воеводам предписывалось: «Людям, которые у ясачных людей угодыя пустошат, [чинить] за то воровство наказание... бить кнутом нещадно, чтобы иным не повадно было ясачным людям в звериных промыслах чинить поруху»¹³. Да и само русское население Сибири осуждало тех лиц, которые посягали на чужие угодыя, на чужие обычаи и нравы. Об этом свидетельствуют многочисленные запреты и табу, бытующие среди русских старожилов Сибири.

Несмотря на отдельные случаи выселения пришлых русских с земель ясачных крестьян, все же правительственная политика в этом вопросе была не всегда достаточно последовательной, а это приводило к злоупотреблениям. Но, вероятно, нарушений со стороны русских было не так уж много, так как аборигенное население продолжало жить на старых местах и нормально развивалось. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: «Если в XVII в. бурят насчитывалось немногим более 27 тыс. человек, то к концу XIX в. (1897 г.) их стало уже 280 тыс.; численность алтае-саянских тюркоязычных народов за то же время увеличилась с 16,7 тыс. до 108,8 тыс. человек; число сибирских татар возросло с 17 до 53 тыс. человек и т. д.»¹⁴.

Как видим, с приходом русских начался внушительный рост численности коренных народов Сибири. «Главной причиной роста численности ряда народов Сибири является усвоение ими от русского крестьянства, переселившегося в Сибирь, русской земледельческой техники, превращение преобладающего большинства этих народов в земледельцев, живших в значительной части тем же бытом, каким жили в Сибири и русские крестьяне»¹⁵.

Несомненно, прогрессивный процесс перехода охотников, собирателей, полукочевых или кочевых скотоводов на оседлость был нелег-

ким и нескорым. Для этого нужно было убедиться в его пользе, перенять сельскохозяйственный опыт, навыки, освоить новый тип жилища, непривычные орудия труда, виды занятий и многие знания, связанные с хлебопашеством и неведомые досель. Порывать с традиционными формами производства или частично отказываться от них было не так-то просто. Но пример русских крестьян, осваивающих сибирские земли, был настолько убедителен и притягателен, что аборигены начинали перенимать их культуру, их достижения. Русские крестьяне охотно делились своим опытом.

Приведем примеры. Хоринский летописец Вандан Юмсунов сообщает, что в XVIII–XIX вв. буряты, «наставляемые русскими», начали сеять ярицу, рожь, пшеницу, овес, ячмень. «Таким образом, научившись сеять разных родов хлеб, хоринский народ понял, что это весьма полезно»¹⁶.

Хоринцы примерно с 1820 г. «стали строить русские дома и зимовья в большом количестве, они оказались пригодными для того, чтобы в зимнее холодное время оставаться самим в удобстве и тепле и защищать от холода новорожденных и младенцев»¹⁷.

А.П. Окладников верно отметил, что у русских крестьян, испытывавших на своей шкуре гнет со стороны государства и его аппарата, не было и не могло быть антагонизма по отношению к коренному населению Сибири, еще более угнетенному и несправному¹⁸. Совершенно необходимо еще раз сказать о том, что русские люди уважительно относились к национальным обычаям и нравам коренного населения. Об этом прекрасно сказал просветитель и поэт, автор знаменитой песни «Славное море – священный Байкал» Д.П. Давыдов в одном из своих стихотворений: «Знакомый с нравами бурята, я чтил его привычки свято».

Также свято русские чтить обычаи и других народов Сибири.

На почве хозяйственных связей устанавливалась тесная дружба между русскими и местными народами, возникали родственные отношения, усиливалась взаимопомощь. «Все жители Тункинского ведомства радушны и гостеприимны; русские казаки и крестьяне очень сблизились и даже сроднились с инородцами, отдают дочерей своих за “ясашных”, равным образом и у них берут и говорят все вообще по-монгольски»¹⁹.

Эту способность русского человека легко ориентироваться в каждой

новой местности, уметь приспособиться ко всякой природе и ужиться со всякой народностью, несмотря на превосходство культуры, отмечал еще П.И. Бущинский²⁰.

Большое значение установлению дружбы через посредство смешанных браков придает и Н.М. Ядринцев, излагая эту мысль романтически витиевато. «Вслед за враждою, — пишет он, — начинается человеческое сближение, где делает первый шаг сердце: инородка и русский здесь делят первую чашу сладкого и ядовитого напитка любви...»²¹

Смешение русских с коренными народами Сибири было явлением естественным и закономерным, которое, вероятно, нельзя объяснить только одной нехваткой русских женщин. Стремление к усвоению местного хозяйственного и бытового уклада, приноровление к новой обстановке для борьбы с суровыми природными условиями и т. д. — все это приводило к «осибирачиванию», к сильной метисации, иногда и ассимиляции того или другого народа или части его. Но в этом сложном смешении русское население не затерялось, а сближение с коренными сибирскими народами свидетельствовало о силе русского населения²².

Известно, что заброшенные в захолустные места, окруженные аборигенами, породнившиеся с ними, подвергнутые сильному влиянию бурят, якутов, юкагиров и т. п., крестьяне «хранили воспоминание о своем происхождении и гордились им»²³. Высокое чувство национального самосознания было в высшей степени присуще русским старожилам Сибири, в каких бы уголках они ни оказывались. Так, в Селенгинске, где крестьяне, казачество и русское служилое, купеческое население, несмотря на то что подверглись некоторой метисации, все равно не отделяли себя от России. Мне селенгинцы с гордостью говорили: «Селенгинск городок — Москвы уголок»²⁴. В этом выражении нужно видеть не только их гордость хорошими гражданскими культурными постройками с внушительным звоном колоколов, как в Москве, но, прежде всего, кровную причастность населения городка к главному городу России. Они осознают себя, свой городок, как далекую, но неотъемлемую частицу русской столицы...

Достигнутый уровень материальной культуры служит одним из главных показателей общественного и культурного развития всякого народа. Уровень же русской культуры в Сибири был для того времени высок. Добротные дома, храмы (Спасо-Зашиверская церковь и другие), крепостные сооружения, построенные русскими, их орудия труда, ут-

варь и прочее вызывали восхищение аборигенов. И они заимствовали эти лучшие образцы народной русской культуры. Но в зависимости от экологических условий эти заимствования были различными. Характерной чертой в Сибири было то, что коренные народы, воспринимая русский опыт, навыки и культуру, не расставались на первых порах с элементами своей национальной формы ведения хозяйства и быта, со своей самобытной культурой. Это было характерно для казахов, которые, переходя к земледелию, не расставались с кочеванием и скотоводством²⁵, для крещеных тунгусов, у которых звероловный промысел и верования, связанные с ним, оставались чисто тунгусскими²⁶. Русское влияние сказалось на хантах, которые «более обходясь с русскими, более приняли их обыкновения и поступки»²⁷. Говорить о значительном влиянии русских на многие другие народы не позволяют жесткие рамки статьи.

Но процесс взаимного сближения не мог быть односторонним. Он приводил к взаимовлиянию культур русского и аборигенного населения. Повсеместно в Сибири русское старожильческое население испытало на себе влияние и восприняло много из быта и культуры местного населения. Причем в каждом конкретном случае процесс взаимодействия культур имел свои неповторимые особенности, как неповторимой была жизнь отдельных сибирских народностей.

Вот что пишет Н. М. Ядринцев: «В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских... Русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски “яргачи” — козлиные или тарбаганы шубы, у которых на груди вышиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку шеи, так что пола покрывает грудь. У бурят русские заимствовали умение или обычай выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурят они заимствовали все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские... Подобно бурятам русские “сидят арака”, — видно, только не из кобыльего молока. Но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив притом и бурятские названия этих орудий. По примеру бурят русские готовят “секшу”, т. е. варят кровь животного... смешивая с жиром... Курят по-

бурятски из земли через соломинку, верят в бурятское шаманство»²⁸.

Декабрист Н. А. Бестужев писал: «Сибиряки умны, догадливы, перeimчивы; здесь не восстает народный предрассудок против нововведений, лишь бы была польза»²⁹.

Исходя из этого положения, буряты, например, перенимают все лучшее у русских, а русские – у бурят и других народов. Так, «буряты выучились у русских пахать землю, зато в свою очередь русские теперь перенимали у них искусство орошения»³⁰ и восприняли утугование лугов, т. е. прием, сочетающий удобрение лугов перепревшим навозом и одновременное их орошение. Из русского языка буряты заимствуют все слова, связанные с земледелием, жилищем, названия конской упряжи, домашней утвари (пшеница, рожь, ячмень, картофель, хомут, дуга, седёлка, карниз, печь, стул, стол, самовар, стакан, лаампа, таас, мылэ, бидруу (ведро), усхабардаа (сковорода) и т. д.). Русские в новых природных условиях и в новом окружении почерпнули много ценного из скотоводческой практики бурят³¹.

В частности, об этом писал еще в середине XIX в. местный краевед Иван Юренский: «...Названия овец заимствованы русскими “от народов монгольского племени” ... некладеный баран называется у них куцаном, а кладеный – иргеном, маленький, барашек – кургашком (от бур. хурьган. – *Ф.Б.*), двухгодовалый – тулугуном, а трех лет – шулугуном»³².

Ярким свидетельством многочисленных заимствований русскими из словарного фонда бурят, эвенков служит «Словарь русских говоров Забайкалья», составленный Л.Е. Элиасовым (М., 1980).

О влиянии якутов, эвенков и другого нерусского населения Сибири на культуру русских писал С.В. Бахрушин: «Нерусские жители оказали большое влияние на ход и на характер русской колонизации, тем более, что многие из них, как якуты и буряты, в культурном отношении стояли в XVII в. на довольно высокой ступени. Русские, объясачивая местное население, долгое время не вмешивались во внутренний их быт и часто сами попадали под его культурное воздействие и пользовались его опытом и знанием местных условий...

От якутов русские заимствовали многое из их материального быта, лучше приспособленного к климатическим условиям края. Русский оделся в якутский санаях, покрыл голову якутским малахаем, постро-

ил себе якутскую юрту, вооружился якутской пальмой; отправляясь в поход, он брал у якута лошадь и куяк, обзаведясь скотом, отдавал его пасти якуту.

Известное воздействие оказала на колониста и духовная культура местных жителей. К услугам шаманов нередко обращался не только осевший в Сибири крестьянин, но и приезжий из Москвы воевода. Особенно глубокое впечатление произвел на русского ламаистский культ монголов, в котором он улавливал черты, внешне сходные с родным средневековым православием»³³.

При таком интенсивном взаимодействии культур в Сибири выигрывало прежде всего аборигенное население, так как русская культура по уровню своего развития была выше. Поэтому ее влияние касалось почти всех сторон жизни обитателей края. Так, элементы русской культуры проникают в хозяйственный и бытовой уклад, например бурятского и хакасского общества. Внедрение земледелия и его быстрое развитие ускорили переход к оседлости, постройку домов и хозяйственных сооружений по крестьянскому образцу, с русской мебелью и инвентарем. В бурятском быту расширилось использование металлов, изделий российской мануфактуры. Постепенно возрастает потребность в русских тканях, в бурятском костюме «наряду с сохранением его традиционного покроя началась некоторая модификация под влиянием русской одежды». А со временем «русская рабочая одежда, удобная для земледельца, появилась у рядовых улусников»³⁴. То же самое наблюдается у хакасов. Значительно дополняется и пищевой рацион этих народов, в котором значительную роль стали играть хлеб и овощи³⁵.

«Влияние русской культуры на бурятский народ шло по многим каналам», – пишет Е.М. Залкинд³⁶. Но это положение было характерным для всех сибирских народов, для которых русская культура становится образцом, достойным подражания. Она проникает в правовые и семейные отношения, в религиозную жизнь (чему способствовало крещение аборигенов), на нравственные устои и многое другое.

Следует отметить, что с ростом русских поселений сам ландшафт в Сибири принимает окультуренный ухоженный вид. Эта ухоженность земли, тщательная обработка полей в свое время привели в изумление декабристов. «Из страны совершенно дикой мы иступили на почву, обитаемую человеком... – читаем у И. Д. Якушкина, – перед нами развернулся чудесный вид, все покатоности гор, лежащие на юг, были обработаны

с таким тщанием, что нельзя было довольно налюбоваться на них...»³⁷

Земледельческие успехи русских крестьян отмечал писатель И.А. Гончаров, проезжая в 1854 г. через Якутию: «Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал, – так оживлены поля хлебами, ячменем, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет»³⁸.

Взаимное культурное обогащение народов Сибири происходило интенсивно и по всем сферам жизни. Это был закономерный взаимно полезный процесс для всех народов Сибири. Но он не отличался ординарной русификацией, а в каждом конкретном случае имел свои неповторимые особенности, благотворно влияя на развитие соседствующих народов.

Так, якутский историк пришел к выводу, что без прогрессивного влияния русской культуры якутское «общество развивалось бы настолько медленно, что вплоть до настоящего времени оно оставалось бы исключительно отсталым... Народности Якутии самостоятельно не могла бы пробить окно в цивилизованный мир, в Европу, в Россию...»³⁹

В известной мере мы можем сказать, что именно прогрессивное влияние русской культуры «растопило льды Якутии», сблизило два трудовых народа, а русские крестьяне сыграли выдающуюся роль в приобщении якутов к земледелию⁴⁰.

Как видим, процесс вхождения Сибири в состав России, мирного сосуществования русских с аборигенами края отличается весьма большой самобытностью, оригинальностью и сложностью взаимных отношений. Не случайно в дореволюционной историографии «особые свойства» этого процесса вызывали столь противоречивые оценки: негативные у А.П. Шапова и областников, видящих в смешении русского населения с сибирскими народами только «порчу», «одичание» или утрату их национальной самобытности и культуры; положительное – у П.А. Ровинского, Д.Н. Анучина, А.А. Макаренко.

Так, Д.Н. Анучин писал: «Русская народность в Сибири, несмотря на многие неблагоприятные условия, не только не затерялась, но, удержав все существенные черты своего типа, сделала еще значительные успехи. Множество инородцев, принимая... русский образ жизни, мало-помалу забывают свой родной язык и, вступая в брачные союзы с русскими, принимают и русскую физиономию, хотя и удерживают в то же время некоторые черты своего первоначального типа. Но явление

такого рода не есть потери русскими своей народности...» Далее автор отмечает, что, «принимая образ жизни и мыслей русского племени, инородцы тем самым получают возможность достигнуть просвещения, стать в число цивилизованных людей, которыми они, наверно, и будут к чести и славе русской народности»⁴¹.

Достижения русской цивилизации в Сибири пока еще по достоинству не оценены и слабо изучены, особенно этнографами, хотя отдельные этнографические работы по некоторым регионам появились как кирпичи или блоки будущего стройного здания русской культуры, которое нужно воссоздать, и оно займет достойное место в ансамбле культурных достижений сибирских народов, привлекая своим своеобразием и значительностью.

Русский народ за 400 лет своего проживания за Уралом стал таким же коренным народом Сибири, как и все прочие аборигены. И он заслуживает пристального и серьезного изучения. Без влияния русской прогрессивной культуры мы не знали бы современной Сибири, которая заняла достойное место в летописях мира.

Примечания

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 8. М., 1946. С. 166.

² Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 4.

³ Там же.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 251.

⁵ Шунков В.И. Основные проблемы изучения истории Сибири // Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 202–203.

⁶ Он же. Некоторые проблемы истории Сибири. (К созданию «Истории Сибири») // Там же, с. 231.

⁷ Окладников А.П. Об исторических истоках дружбы русского и бурятского народов (XVII в.) // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 104–105.

⁸ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начало XVIII в. // Там же, с. 64.

⁹ Залкинд Е.М. Иностранные путешественники о Бурятии // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1973. С. 149.

¹⁰ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С. 210.

¹¹ Сибирский вестник. 1818. Вып. 1. С. 9–10.

- ¹² Чураев А. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933. С. 4–5.
- ¹³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. Т. 2. С. 183.
- ¹⁴ Шунков В.И. Некоторые проблемы истории Сибири..., с. 235.
- ¹⁵ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 616–617.
- ¹⁶ Летопись хоринских бурят // Тр. Ин-та востоковедения. Вып. 33. М.; Л., 1940. С. 81–82.
- ¹⁷ Там же, с. 84.
- ¹⁸ Окладников А.П. Об исторических истоках..., с. 104–105.
- ¹⁹ Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 32. С. 500.
- ²⁰ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 334–335.
- ²¹ Ядринцев Н.М. Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 94.
- ²² См.: Азадовский М.К. О Макаренко А.А. // Сибирская живая старина. 1928. Вып. 7. С. 110.
- ²³ См., например: Короленко В.Г. История моего современника // Собр. соч. В 10 т. Т. 7. С. 229–300.
- ²⁴ Полевые записи автора 1977–1979 гг.
- ²⁵ Аполлова И.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 228–229.
- ²⁶ Рыбаков С.Г. Армакские тунгусы Селенгинского уезда Забайкальской области // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. РГО. 1903. Т. 6. Вып. 1. С. 74–75.
- ²⁷ Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772) / подготовил к печати Г. Д. Вербов // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия. 1947. Т. 5. С. 21–23.
- ²⁸ Ядринцев Н.М. Русская народность на востоке // Дело. 1874. № 11. С. 326.
- ²⁹ Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 15.
- ³⁰ Там же, с. 59.
- ³¹ См.: Кудрявцев Ф.А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII–XX веках // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 87; Цыби-ков Б.Д. Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов. Улан-Удэ, 1957; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 205–207; Асалханов И.А. Влияние вхождения Бурятии в состав России на хозяйственное и общественное развитие бурят // Тр. БКНИ СО АН СССР. 1959. Вып. 1; Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии

в XIX – начале XX века // Этногр. сб. Вып. 6. Улан-Удэ, 1974. С. 56–66.

³² Юренский И. Тип забайкальской породы (овец) // Тр. ВЭО. 1854. Т. 2. С. 91.

³³ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Науч. тр. Т. 3. М., 1955. С. 258.

³⁴ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 1. Улан-Удэ, 1972. С. 125–140.

³⁵ Там же, с. 140; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958.

³⁶ Очерки истории культуры Бурятии..., с. 127–128.

³⁷ Записки декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 124.

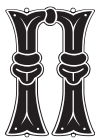
³⁸ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М., 1951. С. 610.

³⁹ Башарин Г.П. Историческое значение вхождения Якутии в состав Российского государства. Якутск, 1957. С. 4–5.

⁴⁰ Башарин Г.П. Из истории приобщения якутов к русской земледельческой культуре. Якутск, 1958. С. 3–50.

⁴¹ Анучин Д.П. Этнографические очерки Сибири. Русско-сибирская народность // Ремесленная газета. 1876. № 14, 15, 21, 22, 24, 25. Под словом «народность» Д.Н. Анучин подразумевает слово «народ» или часть русского народа – его русско-сибирскую ветвь, не принижая достижения русских в Сибири (примеч. мое. – Ф. Б.).

ОСЕДАЛЫЕ БУРЯТЫ И ЯСАЧНЫЕ В РУССКИХ ВОЛОСТЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Проблемы колонизации или хозяйственного освоения Забайкалья, формирование русского населения не теряют своей актуальности и в настоящее время. Встреча культур, цивилизаций – это не только противостояние, но прежде всего установление межкультурных контактов, приводящих к межэтническому взаимодействию в сфере материальной и духовной, а также в семейно-бытовых отношениях. В каждом регионе, где приходят в соприкосновение разные по культуре народы и начинают совместную жизнь, неминуемо происходит двухсторонний этнокультурный процесс во всем его многообразии (хозяйство, быт, семейно-бытовые связи и пр.). Важно изучать не только степень влияния русских на развитие культуры аборигенов, но немаловажно знать о вкладе местных народов в образование специфических для русских Забайкалья черт культуры, выработанных в результате совместного многовекового проживания на одной территории. Давно отмечено, что у старожилов-сибиряков принесенное с их родины культурное богатство «преломилось под влиянием сибирской действительности и вылилось в новые формы, нередко значительно уклоняющиеся от основных»¹.

Словом, русские, пришедшие в Забайкалье, вынуждены были приспособиться к местным природным условиям, пройти адаптацию, испытав хозяйственно-культурное влияние аборигенов края, изучив опытным путем все каверзы местного климата, особенности почв, горно-таежного рельефа и пр. А также познать массу неудобств и неурядиц, связанных с земельными спорами. Но русским, прошедшим «встреч солнца» большую часть Сибири, было не привыкать. Еще П.Н. Буцинский отмечал «необыкновенную способность русского человека к уживчивости с людьми, его взаимную житейскую уступчивость». «Русский человек легко ориентируется в каждой но-

---

* Межкультурное взаимодействие Байкальского региона: сб. ст. Улан-Удэ, 2004. С. 35–55.

вой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и, вместе с тем, умеет ужиться со всякою народностью, будь то самоеды, остяки, вогулы, татары или немцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь всяких сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, чем был до переселения в Сибирь»². Многие положения этой цитаты вполне приемлемы и для русского населения Забайкалья.

В одном архивном документе читаем: «Русское население Забайкалья имеет своеобразные этнографические черты, весьма отличающиеся его от господствующего в Европейской России типа русской народности. Особый физический и бытовой характер забайкальца, очевидно, сложился под влиянием разнообразных исторических и географических причин»³.

Формирование русского населения в Забайкалье еще недостаточно изученный процесс, в котором интерес представляют не только «способы» заселения края, но и происходящие в дальнейшем процессы этнической метисации, образование этнокультурных групп ясачных, карымов и пр.

«Первые русские поселенцы в крае представляли собою уже довольно смешанную... пеструю массу. Здесь были и чистокровные русские и “черкасы”, то есть малороссы и латыши, и донские казаки, и, наконец, потомки русских выходцев от браков с сибирскими инородцами, могли быть даже и иностранцы, уже выславшиеся в то время в Западную Сибирь... Впоследствии, когда правительство избрало Даурию местом ссылки... к отважным, предприимчивым, но может быть вовсе не преступным людям присоединены были и воры, разбойники, душегубцы, которых сажали на пашню или посылали в рудники». Таким образом, здесь сошлись люди различных племен, религий и нравственных понятий. Это не могло не отразиться на религиозных и нравственных понятиях чистокровных русских вольных переселенцев»⁴.

«Влияние инородческого элемента выразилось как в наружном виде здешнего уроженца, который, как говорится, «брацковат», то есть приближается по типу к бурятам, так и в местном наречии, которое все испещрилось чужими примесями»⁵.

Эти архивные материалы прекрасно дополняли как предыдущие наблюдения ученых, путешественников, так и служили подтвер-

ждением последующих исследований. Приведу некоторые характерные примеры.

Врач П.Г. Мацокин в своем этюде «Метисы Забайкалья» выделяет три антропологических типа: представителей старых русских – семейских, бурят и многочисленных метисов, которые невольно обращают на себя внимание наблюдателя. «Наши пионеры-великороссы за отсутствием русских женщин в течение более столетия вынуждены были вступать в браки с бурятами, которые или принимали православие при этом или же оставались ламаитами, особенно в отдалении от прихода, где-нибудь в захолустье или на пограничном посту». Впрочем, и в более крупных центрах метисация была неизбежна. Гмелин (1735 г.), например, отмечал, что «жители города Селенгинска представляют большею частью помесь русских с монголами. Русские жители городов берут себе бурятских женщин... Потомки таких браков составляют помесь (мулатов), у них в лице есть еще монгольские черты». П.С. Паллас в 1772 г. также отметил «великую смесь с мунгальцами в Селенгинске»⁶.

На рубеже XIX–XX вв. П.Г. Мацокин подразделяет население Забайкалья на три главных группы по конфессиональному признаку: православных – 65,2 %, ламаитов – 27,5, раскольников – 6, прочих – 1,3 %. Метисы входят в 65,2 % православных и составляют, по меньшей мере, половину этого числа⁷.

По мнению П.Г. Мацокина, «средний тип метиса Забайкалья является в настоящее время типом еще заметно смешанного характера. Если в некоторых особях оказывается по преимуществу монголоидные свойства... и в такой резкой форме, что кажется, будто имеешь дело не со славянином по фамилии (Корытов), но с чистым бурятом, ошибочно названным русским прозвищем, то после тщательного анализа убеждаешься, что в таких случаях имеется лишь внешнее сходство с монголоидным типом: черные «как смоль» волосы, темно-буровато-желтоватая кожа, косые глаза, темно-коричневая радужница и плоское угловатое лицо. Тогда как глубже лежащие особенности костяка и мускулатуры уже ничего с бурятом общего не высказывают...»⁸

«Попадаются и типы противоположные, – пишет далее П.Г. Мацокин, – то есть такие, в которых с первого взгляда (видится. – Ф.Б.) полный возврат к типу славянскому, но и здесь монголоидность резко прибавляется или в косых глазах или в цвете волос головы, или в какой-

то либо части лица, или, наконец, в пропорциях туловища... Таков тип метиса Забайкалья»⁹.

Вероятно, такой смешанный тип представляли ясачные. Это были крещеные буряты, носящие по святому крещению русские имена и фамилии и женатые на русских женщинах. «В результате смешанных браков здесь появились целые деревни, заселенные метисами, которых местные жители называли карымами»¹⁰. Не случайно в Забайкалье многие села называются карымскими.

Крестьянское сословие в Забайкалье по составу было очень сложным. Государственные крестьяне разделялись на собственно государственных и экономических, отдельную категорию составляли крестьяне из аборигенного населения, а также оседлые инородцы (буряты). Характеристику этих групп крестьянства дал в свое время Л. Львов. Он писал: «Крестьяне из инородцев суть оседлые инородцы, записанные в крестьяне по собственному их желанию. Они пользуются теми же правами и подлежат тем же податям, как и крестьяне государственные, но освобождены навсегда от рекрутской повинности. Взыскиваемая с них оброчная подать передается из государственного казначейства в кабинет его императорского величества, взамен прежнего ясака. За восприятие святого крещения пользуются эти инородцы трехлетнею льготою от всех податей и повинностей.

Под именем оседлых инородцев разумеются такие инородцы, которые обзавелись в крестьянских селениях или в инородческих ведомствах русскими домами и русским хозяйством, но не записаны в крестьяне. Они платят крестьянские подати и отбывают все повинности, кроме рекрутской... По платежу повинностей причисляются они наравне с поселенцами к последнему разряду... Но так как они не производят хлебопашества, а занимаются собственно звериными промыслами, то и остались по-прежнему при платеже ясака»¹¹.

В годовых отчетах волостных правлений, население которых состояло в подавляющем большинстве из русских государственных крестьян, имеются указания и на наличие среди них и других «состояний», или категорий, населения, в том числе крестьян из инородцев, оседлых инородцев, поселенцев, вошедших в число государственных крестьян и проч. Так, например, в ведомости Тарбагатайского волостного правления за первую половину 1847 г. в числе ревизских душ, записанных к 1 июля 1847 г., крестьян из инородцев состояло 52 души

и 4 души к ним прибыло. Оседлых инородцев числилось 114 человек. На «составление капитала для народного продовольствия» они платили наравне со всеми крестьянами по 6 коп. серебром с души. Во второй половине этого года крестьян из инородцев уже числилось 56 душ и к ним прибыло 5 душ. Оседлых инородцев уменьшилось на одну душу¹².

В ведомости № 23 «О состоянии народонаселения Тарбагатайской волости» в 1857 г. из общего числа жителей числилось 5943 м. п. и 5633 ж. п., всего 11576 крестьян, из инородцев – 29 м. п. и 22 души ж. п., всего 51 душа, оседлых инородцев – 98 м. п. и 84 ж. п., всего 182 души. Крестьяне из инородцев и оседлые инородцы посеяли озимое, яровое, картофель. И в среднем урожай составил сам-3¹³.

Интересно, что в констатирующей части отчета в графе «Крестьяне инородцы» сообщается: «Инородцев никакого племени в ведении Тарбагатайской волости нет, а хотя и состоят оседлые инородцы, но они принадлежат уже православной веры. Занятие их состоит в земледелии»¹⁴.

В списке «Оседлым инородцам, состоящим под недоимкою податей и прочим повинностям по Тарбагатайской волости», находим следующих лиц. В с. Тарбагатайском – Федор Орлов. Он умер, но недоимка на содержание земской полиции за ним почему-то сохраняется с 1842 по 1847 г. Она за все годы составляет 30 руб. 26 3/4 коп. Егор Шергин тоже указано, что умер, но недоимка его достигла за эти же годы 37 руб. 34 1/2 коп. Сергей Иванов Орлов, умер, недоимка за ним за многие годы составляет 82 руб. 96 коп. Федор Софонов, тоже умер, но графой выше написано: «доплатить может». За ним числится 2 руб. 60 коп. Гаврила Жданов, умер, должен 22 руб. 97 1/4 коп. Аристарх Орлов – должен 89 3/4 копеек, в солдатах. Общая сумма недоимок по Тарбагатайскому селению составляет 171 руб. 60 1/2 коп.

В с. Куналейском к оседлым инородцам отнесены: умершие Иван Рютин, долг которого с 1842 г. по первую половину 1847 г. составил 31 руб. 3 1/2 коп., Федор Патрахин с долгом 97 руб. 3/4 коп., Иван Ермолаев, недоимки которого составили 63 руб. 28 1/2 коп., Алексей Баженов с недоимками 20 руб. 89 коп. Общая сумма недоимок по куналейским оседлым инородцам составила 212 руб. 20 коп.

Село Новобрянское. Михайло Серебренников, умерший, за многие годы за ним числится недоимки в сумме 108 руб. 40 коп. Василий Пор-

тнягин из-за старости задолжал 17 руб. 45 1/2 коп. Фалилей Ципков «за дряхлостью» должен 17 руб. 45 1/2 коп.

В селении Талицком оседлыми инородцами являются Золотухины: Андрей, дряхл, Сергей, вероятно, находится на золотых приисках и Александр, хром и калека. Их общий долг по недоимкам составил 108 руб. 29 1/4 коп.¹⁵

Как видно из архивных документов, все оседлые буряты в русских волостях носят православные имена и русские фамилии, все занимаются хлебопашеством и остаются в платеже ясака.

О ясаке и ясачной политике царского правительства в Сибири писали видные историки С.В. Бахрушин, В.И. Шунков, В.А. Александров, Е.М. Залкинд, Л.М. Дамешек и другие.

Ясачные привлекали внимание исследователей как группа людей, через посредство которой проходило сближение бурят с русской культурой. Об этом в начале XX в. писал полковник М.В. Грулев, а в советское время – Е.М. Залкинд. Интерес представляют наблюдения А.П. Щапова, П. Головачева. О роли русской культуры в развитии бурятского народа писал Ф.А. Кудрявцев. О хозяйственных и этнокультурных связях русских, бурят, эвенков имеются работы Ф.Ф. Болонева, А.А. Бадмаева и О.В. Бураевой.

Но проблемы межэтнического взаимовлияния народов Байкальского региона еще недостаточно изучены и представляют интерес все возрастающего значения для настоящих и будущих поколений.

Колонизация восточных окраин России и формирование русского населения Забайкалья имели свои особенности, которые, в частности, привели к образованию в Восточной Сибири, по определению А.П. Щапова, «своеобразного туземного поколения сибиряков»¹⁶.

В Забайкалье в результате межэтнических взаимовлияний между пришедшими сюда русскими людьми и бурятами возникла национально-смешанная группа населения метисов, или карымов. Это происходило в результате интенсивного хозяйственного освоения забайкальских земель и возникновения на здешней территории русских заимок и деревень. Такого процесса могло бы не быть, если бы буряты были согнаны со своих кочевий или были сильно стеснены. Так, ряд злоупотреблений, допущенных служилыми людьми, воеводами, собиравшими ясак, находили отпор со стороны аборигенов края, приводили к вооруженным столкновениям. Действительно, в XVII в. из-за «низкого

уровня развития производительных сил ясак сплошь и рядом становился тяжелой повинностью для местного населения, усугублявшийся злоупотреблениями при его сборе. Несмотря на это ясачные люди видели в русском подданстве определенные положительные стороны и в массе своей не желали его лишаться»¹⁷.

Платить ясак русским властям селенгинские буряты стали с 1676 г., выйдя из-под монгольского подданства. Феодалный гнет в Монголии, где правили маньчжуры, был более тяжким. Ясачное обложение там было очень высокое. Особенно от этого страдали эвенки и сойоты. В 1726 г. в Тункинской приказной избе сойотский шуленга Бижигеев заявил: «А от мунгальских людей есть к ним, соетам, несносное озлобление. Берут с них ясак великий, а именно по пяти соболей с человека»¹⁸.

В то время в России с «мунгальских выходцев» ясак брался в минимальном размере, а именно по одному соболю с человека. По другим данным, ясак в XVII в. взымался по два соболя в год, иногда он выплачивался другой пушниной, а позднее – деньгами¹⁹.

Под властью русских жилось спокойнее. Прекратились межфеодалные столкновения и нашествия со стороны монгольских ханов и тайшей.

Трудовое население, русские крестьяне и буряты довольно скоро нашли общий язык, установили многогранные связи, стали жить по соседству, не мешая друг другу, обмениваться опытом, продукцией, взаимодействуя в хозяйственной и торговой деятельности, устанавливая близкие родственные отношения. От смешанных браков появились местные метисы – карымы (от бурятского харым – ушедший от своего народа).

Вопрос о большой цивилизирующей роли России и русского народа на восточных окраинах то бурно возникает, то затухает и подвергается резкой критике. Это происходит от смены ориентиров в политической жизни страны, зависит от роста национального самосознания народов Сибири. Все это влияет на перемену позиций ученых, особенно националистического направления.

В данной работе особый интерес для нас представляют ясачные, т. е. те лица, которые платили ясак (дань) русским властям. К ним относились не только представители аборигенного населения, но и лица, представляющие национально-смешанную часть населения Забайкалья, состоящие из крещеных бурят и русских крестьян. Нами обна-

ружены документы в архивах Бурятии и г. Иркутска (НАРБ и ГАИО), согласно которым данники – ясачные проживают в русских селениях, предками которых были крещенные буряты из разных бурятских родов. Особенно много таких ясачных проживало в деревнях Иволгинского общества и в ведении Тарбагатайской слободы. Все эти ясачные имеют русские старожильческие фамилии и имена. Вероятно, это один из результатов христианизации бурят, результат ассимиляционных процессов, а возможно и то, что часть русских крестьян, породнившись с бурятами, платила ясак в казну. Обложение ясаком было менее обременительным, чем подати, налагаемые на государственных крестьян, которые превышали ясак почти в два раза. К тому же правительство постоянно проводило политику сохранения за ясачными их земельных угодий. Русских людей предписывалось селить на пустых местах, а у ясачных людей угодий не отнимать²⁰, «выбирать от ясашных людей мягкую рухлядь (меха) ласкою, а не жесточью и правежем... чтоб тем ясашных людей от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить»²¹.

В Национальном архиве Республики Бурятия нами обнаружен документ за 1780 г., посланный тайше Иринцееву и в «приказные здешней провинции избы», в котором говорится: «По указу ея императорского величества, присланном сюда из Иркутской губернской канцелярии, велено: ежели в ведомстве здешнем пришлые разных чинов люди ради прииску слюды или других каких промыслов находиться будут, оным всякое звероловство иметь запретить», в противном случае, говоря современным языком, браконьеры без «штрафов не останутся»²².

Несомненно, такая охранительная политика царского правительства преследовала свои цели – сохранить постоянный приток мягкой рухляди в казну, не разорять ясачных, поддерживать мирную обстановку на окраинах, создавая для них благоприятные условия жизни. А все это не могло не способствовать сближению ясачных бурят с русскими и знакомству их с русской культурой. Свою роль играла и миссионерская деятельность, обращавшая бурят в православие: «Входя в более частое общение с русским населением, колонии новокрещенных бурят постепенно подвергались цивилизирующему влиянию русской культуры, охотно переходя от кочевого образа жизни к оседлому и усваивая русский образ жизни, русское мировоззрение, а иногда и русский язык»²³.

Хорошей иллюстрацией к вышесказанному могут служить материалы государственных архивов, обнаруженные нами за последние 2 года.

В Национальном архиве Республики Бурятия в фонде № 119 найдено «Дело о находящихся в селениях родов новокрещенных из братских ясашных» в Иволгинском обществе. Оно датировано 5 июня 1819 г. В нем приведены имена и прозвания новокрещенных из братских ясашных и их семейств, из каких они братских родов и их занятия. Все они проживали в 11 деревнях. Так, в деревне Кибалиной в начале XIX в. проживали Иван Быков, 55 лет, у него сыновья: Иван, Федор, Николай, Матвей. Они ользонова рода. Имеют «домы, скотоводство и хлебопашество производят». Кирило Суслов, 56 лет, у него сыновья: Иона, Андрей, Илья. Из какого рода – не указано. Фома Загузин, 41 год, у него сыновья: Семен, 30 лет, Матвей, 35 лет. Они итигинова рода. Дом не имеют, скотоводство и хлебопашество производят. В деревне Арсентьевой – Михайло Шелкунов, 42 года, Василий Хомяков с сыновьями Иваном и Максимом 11 и 10 лет соответственно. Они из селенгинского харанутского рода, а Ларион Песков, 45 лет, – из бомолгутского (?). У В. Хомякова – дом и скотоводство. Остальные домов не имеют, занимаются частично хлебопашеством и скотоводством.

В деревне Среднебукунской Семен Кокорин, 24 лет, из бабай-харумчиевского рода; Дмитрий Преловской, 33 лет, из селенгинского харанутского рода. Они дом, скот, овец имеют и хлебопашество производят. Иван Тихонов, 34 лет, из селенгинских хори, дом не имеет, скотоводство и хлебопашество производят²⁴.

В рамках этой статьи мы не имеем возможности подробно называть всех ясачных. Но в деле имеются материалы о новокрещенных ясачных по деревням Нижнебукунской, в которой к ним относятся Степан Каленой, Василий Миронов и Сергей Шергин. В деревне Ключевской проживают Николай Астраханцев и Иван Кидаев или Китаев. В деревне Каленовской – Герасим Толстых, Александр Паргачевский, Иван Шергин, первый из селенгинского харанутского рода, Иван Шергин из 1-го табангутского. В деревне Захаровой проживают Алексей Жарких, Кирило Жаркой и брат его Семен из бабайхарухичеевского рода. В деревне Хухановой – Кузьма Шунков и Афанасей Загузин. Первый из бомонгутуйского, второй из харанутского рода. В деревне Краснойяровой – Степан Корытов, Василий Шунков из кударинских четырех родов, Илья Бобылев, галзутского рода, Ак-

сентей Овчинников и Абрам Жаркой из бабайхарумчиевского рода.

В деревне Сотниковой – Андрей Черняев, может быть Черных (кударинских четырех родов), Григорий Налетов, 32 лет, его сын Петр, 4 лет (селенгинского харучаевского рода). В деревне Посольской – Еким Грязной, 19 лет (хоринского галзутского рода), Иван Кручинин, 18 лет (селенгинского харанутского рода), Егор Посельской, 17 лет (бабайхорухичеевского рода). Все в этом селе домов не имеют, последние двое ничего не производят²⁵.

В фонде Иркутской духовной консистории имеются сведения о переходе ясачных в старообрядчество. В 1837 г. в с. Куйтунском ясашный Николай Харлампиев Савинской из иноверцев крещеный уклонился в раскол. В 1839 г. священник Кульской церкви доносил епископу Нилу, что ясашный Ксенофонт Мельгунов уклонился в раскол «по соглашению за себя в замужество девки Варвары Вахрушевой».

В другом документе имеется более подробная информация. В деревне Новокурбинской в Кульском приходе Петр Миронов из Верхних Тальцов и Ксенофонт Мельгунов – вреднейшие из раскольников. Отец Мельгунова из бурят Хоринского ведомства был крещен в Мухоршибири и дети его Савин, Вера, Матрона и Ксенофонт уклонились «в раскол». Он же Ксенофонт в 1826 г., «согласившись убегом от родителей за себя в замуж девицу Варвару, дочь ясашного Адриана Вахрушева совратил от православия».

В числе «сверженных в раскол» оказались семейства ясашных Ивана Мартынова, Семена Занадворова и Павла Бурдуковского. У Мартынова отец из бурят Хоринского ведомства, С. Занадворов из бурят батанайского рода, крещен на 22 году от рождения около 1812 г., Павел Бурдуковский из бурятов, на 10-м году был крещен при воспитателе Никите Бурдуковском, женатом на раскольнице²⁶.

В Национальном архиве Республики Бурятия нами найден документ «Роспись Удинска пригорода Тарбагатайской слободы Зосимо-Савватиевской церкви» за 1765 г. В ней наряду с духовными, казаками, государственными крестьянами, цеховыми приведен список ясашных плательщиков и их домашних. Приведу несколько фамилий: Иван Иванов сын Черниговской, 51 лет, жена ево Пераскевия Андреева, 47 лет, дети их: Алексей, 20 лет, Семен, 10 лет, Татьяна, 17 лет, Марфа, 7 лет. Иван Иванов сын Шадрин, 49 лет, жена

ево Ирина Александрова, 32 лет, дети их: Иван, 15 лет, Мартын, 7 лет.

Далее в списке перечислены еще две семьи Черниговских – Сергея Иванова сына, 61 лет, и Дмитрия Иванова сына, 25 лет. Новокрещеная вдова Васса Васильева, 60 лет, и сын ее Авраам, 17 лет. Курдюковых – 4 семьи: Федот Иванов, 39 лет, жена ево Перискевия Петрова, 48 лет, сын их Никифор, 22 лет, Федот Федоров, 39 лет, жена ево Дарья Иванова, 31 лет, дети их: Фирс, 12 лет, Агрипина, 8 лет, Осип Тимофеев, 43 года, и жена ево Улита Ефимова, 20 лет, у них трое детей. Мирон Тимофеев, 36 лет, жена ево Дарья Гаврилова, 35 лет, Иван Тимофеев, 36 лет, жена ево Кристина Иванова, 21 лет, сын их Иосиф, 8 лет.

И вот еще одна интересная фамилия: Андрей Иванов сын Бурнашев, 39 лет, жена ево Матрена, 39 лет, дети их: Петр, 16 лет, Корнила, 7 лет, теща ево Бурнашева вдова Евдокия Алексеева, 55 лет²⁷.

Кто-то из Бурнашевых основал деревню Бурнашево, которая существует до сих пор, в ней в основном проживают семейские. Вероятно, Бурнашев был оседлый бурят. По преданию, село Бурнашево основано оседлыми бурятами в конце XVII в.

Как видим, все новокрещеные ясачные проживают в русских деревнях, женатые имеют дома, как и крестьяне, они занимаются хлебопашеством и скотоводством и фактически отошли от традиции бурят, переключившись на русский тип хозяйства. Это сближает их образ жизни с русским крестьянством. Начинается сближение и устанавливаются родственные связи ясачных и бурят с семейскими, наиболее консервативной группой русского населения.

Таким образом, на территории Забайкалья при разностороннем хозяйственно-культурном взаимодействии живущих бок о бок народов, в результате активного межэтнического общения, передачи накопленного народами опыта, вследствие адаптации к природной среде пришлого населения, возникновения новых этнических традиций формировались локальные особенности народной культуры. Все это вело к культурному взаимообогащению живущих по соседству народов, к образованию новых этнических групп, хорошо приспособленных к местным условиям. Изучение традиций каждой группы любого народа имеет важное значение для современного сообщества.

Список именной²⁸

Учиненный в Итанцынском волостном правлении, из такового ж присланного приказ Верхнеудинского земского суда, составленного из ревизских сказок о иволгинских ясашных, принадлежащих по распоряжению главного начальства в заведывание сего правления с означением во оном как по прошедшей 6-й, так и по нынешней 7 ревизиям душ. С коих до утверждений вышним правительством ныне производимой народной переписи, все государственные подати и ясак собираются должен с числа душ по 6-й ревизии состоящих. 1816–1819 годы.

Имена, отчества и прозвания по Иволгинскому обществу в деревнях:

Гурульбинской

Старшина Дмитрий Петров Загузин, от роду лет 30, умре в 1815 году, у него сын Егор, 7 месяцев.

Петр Матвеев Загузин, 64 л., умре в 1815 году, у него сыновья: Матвей, 30 л., Михайло, 23 л.

Василей Васильев Загузин, 34 л., у него сын Федор, 6 л.

Василья Васильева брат Дмитрий, 32 л.

Илья Самойлов Загузин, 54 л., умре в 1815 году, у него сыновья: Михайло, 20 л., Матвей, 18 л.

Михайло Самойлов Загузин, 56 л., умре в 1814 году.

Петр Семенов Загузин, 23 л.

Петр Петров Загузин, 25 л.

Афонасий Максимов Загузин, 47 л.

Александр Максимов сын Загузин, 34 л., умре в 1812 году, у него сыновья: Данило, 10 л., Иван, 9 л.

Александра Максимова брат Василей Максимов Загузин, 33 л.

Федор Степанов Калаганской, 18 л., у него брат Егор, 15 л.

Петр Иванов Калаганской, 36 л., у него сын Иван, 10 л.

Петра Иванова брат Иван Загузин, 30 л., у него сын Александр, 3 мес.

Григорей Иванов Калаганской 43 л., умре в 1815 году, у него сын Николай, 13 л.

Гаврила Николаев Астраханцев, 34 л., у него сын Иван, 12 л.

Гавриловы братья:

1. Иван Николаев Астраханцев, 27 л., умре в 1815 году.
2. Александр Николаев Астраханцев, 13 л.
Степан Михайлов Астраханцев, 19 л.
Василей Федоров Протопопов, 71 л., умре в 1812 году, у него сыновья: Егор, 43 л., Николай, 42 л.
Антон Павлов Меринов, 56 л., умре в 1813 году.
Петр Ермолаев Александров, 55 л.
Федор Демьянов Шелкунов, 32 л., у него сыновья: Тимофей, 11 л., Николай, 7 л.
Егор Михайлов Астраханцев, 55 л., умре в 1813 году.
У него сын Яков, 20 л., у Яковы сын Иван, 2 л.
Семен Алексеев Преловской, 53 л., умре в 1812 году, у него сыновья: Иван, 31 л., Иван же, 27 л.
Федул Ильин Рупышев, 33 л., у него сын Григорий, 3 л.
Федулов брат Степан Ильин Рупышев, 26 л.
Иван Афонасьев Москвитин, 24 л. Брат ево Ефим, 18 л.
Иван Симонов Загузин, 69 л., у него сыновья: Григорей, 29 л., Василей, 21 л., Иван, 12 л., Лаврентей, 7 лет.
Дормидонт Николаев Бурдуковский, 34 л.

В Уточкиной деревне

Иван Григорьев Астраханцев, 17 л., брат ево Прокопей, 15 л.
Иван Васильев Астраханцев, 55 л., у него сыновья: Полумен, 15 л., Василей, 10 л., Николай, 5 л.
Александр Васильев Астраханцев, 43 л., у него сыновья: Иван, 22 л., Костантин, 18 л., Иван, 16 л., Егор, 15 л., Григорей, 6 л.

В деревне Сотниковой

Никандр Федоров Скуратов, 36 л., умре в 1819 году, у него сыновья: Матвей, 15 л., из незаконнорожденных воспитанников Василей Романов Реутов, 2 л., Михаил Шыпатов Дружинин, 29 л., у него сын Дмитрий, 2 л.
Михаила Шыпатова брат Петр Никандров Скуратов, 60 л.
Павел Иванов Кручинин, 30 л.
Василей Ильин Шадрин, 11 л.
Андрей Васильев Грязной, 29 л., умре в 1814 году.
Василей Ефремов Казаков, 27 л.

В деревне Глухих

Иван Федоров Клепиков, 54 л., умре в 1812 году, у него сын Фирс, 30 л., у Фирса сын Алексей, 3 л.

Артемей Фомин Бурдуковской, 67 л., у него сыновья: Прокопей, 34 л., Фома, 34 л., Иван, 22 л.

Борис Афонасьев Шипицын, 43 л., у него сын Дмитрией, 19 л.

В деревне Мухиной

Лев Данилов Загузин, 31 л., умре в 1815 году, у него сыновья: Алексей, 15 л., Дмитрией, 7 л., Гаврило, 3 л.

Льва Данилова брат незаконнорожденной Харлампей Загузин, 22 л.

В деревне Красноярской

Иван Михайлов Коротов, 35 л., у него сын Андреян, 4 л. 2 мес.

Иван Миронов Коротов, 59 л., у него сыновья: Дмитрией, 30 л., Петр, 19 л., Семен, 14 л., у Дмитрия сын Иван, 7 л.

В деревне Гильбиринской

Иван Матвеев Кокорин, 58 л., у него сын Тимофей, 19 л.

Прокопей Дорофеев Кокорин, 29 л., сын его Михайло, 9 л.

Петр Андреев сын Кокорин, 46 л., у него сыновья: Терентей, 19 л., Иван, 15 л., Никифор, 12 л.

Орест Андреев Кокорин, 42 л., у него сыновья: Никита, 16 л., Андрей, 12 л., Роман, 5 л.

В деревне Ганзуриной

Василей Ильин Игумнов, 39 л., у него сыновья: Афонасей, 16 л., Николай, 5 л.

Андрей Ильин Игумнов, 32 л.

Прокопий Петров Орлов, 40 л., умре в 1815 году, у него сыновья: Иван, 16 л., Герасим, 4 л.

Федор Иванов Юринской, 55 л., у него сын Иван, 26 л., умре в 1815 г.

Ивана сын Иван же, 1 год.

Дорофей Максимов Веретнов, 53 л., умре в 1812 году, у него сын Афонасей, 10 л.

В Хободольской деревне

Ермолай Яковлев Хомутов, 59 л.

Ермолая Яковлева племянники: Петр, 30 л., Василий, 25 л., Михайло, 19 л., Петров сын Александр, 5 мес.

В деревне Арсентьевской

Филип Никитин Смагин, 70 л., у него сыновья: Козма, 36 л., Григорей, 29 л., Егор, 27 л. У Козмы сын Евдоким, 3 л.

Степан Козмин сын Дружинин, 59 л.

Список составил волостной писарь Алексей Горбунов.

Приложение 2

Миссионерские заметки миссионера Окинско-Мондинского стана священника Александра Грозина за 1892 год*

Окинско-Мондинский стан расположен на Русско-Монгольской границе, по долинам двух притоков р. Ангары – Иркута и Оки. Собственно Мондинский стан лежит на берегу Иркута, в 60 верстах от ближайшего русского поселения, деревни Турана, сообщение с которым, за отсутствием Окинского пути, крайне затруднительно как летом, так и зимой. Улусов в Мондинском карауле считается 10 с населением в 93 чел. крещенных и в 144 чел. буддистов; самый дальний отстоит от стана на 30 верст. Далее к западу, в верховьях р. Оки, лежит Гарганский караул, отстоящий от стана на 110 верст: на этом пространстве ни русских, ни бурятских поселений нет. В Гарганском карауле считается 5 улусов с населением в 32 чел. крещенных и 69 некрещенных; улусы эти разбросаны на расстоянии 50 верст. Затем следует Окинский караул, где расположено 20 улусов с населением в 410 чел. крещенных и 656 некрещенных; эти улусы разбросаны на расстоянии 200 верст, а самый же Окинский стан отстоит от Мондинского на 250 верст. В 100 верстах к северу от Мондинского стана лежат 2 улуса – Ильчирский и Сагон-

---

* Печатается в сокращении. В фонде ГАИО № 50, оп. 7, д. 360. В Иркутской духовной консистории эти «заметки» составляют общий объем 10 рукописных листов. Мы печатаем только наиболее интересный для нас материал, сократив более половины рукописи А. Грозина (Примеч. – Ф.Б.).

Сойярский, населенные бродячим племенем сайтов (сойотов. – *Ф.Б.*), исключительное занятие которых состоит в звероловстве. Сайтов можно считать самыми типичными представителями сибирских номадов, во всей целостности сохранивших свои нравы и обычаи и до которых еще нисколько не коснулась русская культура. Крещено из них 86 чел., язычников 41 чел. Таким образом, в приходе Окинско-Мондинского стана находится 37 улусов, разбросанных на пространстве 400 верст, с населением в 1782 чел., из которых просвещено святым крещением 672 и буддистов 1110...

Далее автор пишет, что окинские буряты и сойоты поставлены в крайне печальное положение: изолированные самой природой от цивилизованного мира, находясь вне культурного воздействия русских, задавленные тьмою языческих суеверий и авторитетом эксплуататоров лам, они, естественно, живут чисто примитивно-животной жизнью, русская культура туго прививается к ним «... и в настоящее время, несмотря на самые неблагоприятные условия для проповеди этим пасынкам природы христианских истин. Христианство тем не менее пробило довольно значительную брешь в вековой стене ламаистских суеверий и шаг за шагом отвоевывает почву у поклонников Будды. Придет пора, когда тьма уступит свету, и христианство, распространяясь между этими добродушными дикарями, внесет новые и свежие начала в их грустную жизнь и сделает их похожими на людей, созданных по образу и подобию Божьему. Утешительно уже и то, что среди бурят есть лица, ясно сознающие силу христианских истин, хотя нужно заметить, что лиц с подобным взглядом очень немного, но в данном случае важно то, что они существуют, хотя со своей незначительной численностью и не могут влиять на массу населения. Религиозно-нравственное состояние крещенных инородцев и особенно окинских бурят и сойотов нельзя назвать удовлетворительным. Двоеверие господствует полное. Сплошь и рядом можно встретить в юрте крещеного инородца наряду с православными иконами и идолов с жертвенными чашечками пред ними. Присутствие их – бурят – объясняет тем обстоятельством, что в его семействе есть и некрещенные, которые им де и молятся. Тайлаганы, справляемые язычниками, посещают и христиане, а на праздник Майдар, празднуемый в июле в Монголии, отправляются все без исключения, где и принимают самое длительное участие в поклонении будущему властителю мира.

Подобное печальное состояние крещеных инородцев, с одной стороны, объясняется отсутствием благотворного влияния русских христианских образованных людей, и с другой – с детства укоренившимися привычками, стародавними традициями, влиянием лам и фанатиков язычников, смотрящих на все христианское с недоверием, если не с ненавистью. Все это долго еще будет служить основательным тормозом для дела христианской проповеди и полного обрусения края. Посещая крещеных бурят с целью утверждения их в вере, я старался им объяснить (объяснить. – *Ф.Б.*), какой великий грех они делают пред Господом, посещая языческие празднества и даже принимая участие в идольском служении; рассказывая им земную жизнь Спасителя, я старался объяснить им великое значение для загробной судьбы человека его крестных страданий, смерти и воскресения. При исправлении треб, а в особенности во время поста, когда бурята говели, я беседовал с ними о христианской, нравственной жизни, о значении постов, о важности и необходимости молитвы и богопочитания. Всюду и всегда сеялось Слово Божие, но принесет ли оно добрый плод, покажет будущее. Дело в том, что бурят, ведя чисто животную жизнь, с большим трудом может возвыситься, да и то при самых благоприятных обстоятельствах, до высших духовных интересов, до понятия о необходимости нравственно-религиозного усовершенствования; ум его, целую жизнь вращающийся в узкой сфере материальных интересов, не может уяснить себе великое значение высоких христианских истин и, тем более, применить их в своей жизни. Требуется продолжительный труд миссионера, чтобы привить христианские принципы к душе здешнего бурята-буддиста и сделать из него христианина не на словах только, но и на деле. В этом отношении громадную и незаменимую услугу может оказать школа.

При выходе из школы он будет иметь самое прекрасное влияние, в смысле обрусения, и на своих братьев, сестер, а потом и на свое семейство. Кроме того, он благодаря своему религиозно-нравственному воспитанию, полученному в школе, и большому умственному развитию будет будить уснувших в этом отношении своих сородичей, что, несомненно, отзовется самым благоприятным образом и на успехах миссии. Чем больше будет обучаться мальчиков в школе, тем дело миссии будет ближе с заветной своей цели, т. е. к полному обрусению края. В Окинско-Мондинском стане школа имеет еще большее значение, большую

важность, чем в других станах, где буряты окружены массою русских поселений, которые все-таки цивилизующим образом действуют на них и служат довольно серьезным противовесом ламскому влиянию и ламской пропаганде; здесь же русских поселений вовсе нет, а единственными представителями культурных понятий и христианских начал служат священник-миссионер и школа.

Для проповеди христианства некрещеным инородцам и для утверждения в вере просвещенных святым крещением я сделал в настоящем отчетном году одну поездку в улусы Окинского и Гаргарского караулов. Вторая поездка, предполагавшаяся в сентябре месяце, не могла состояться вследствие моей болезни. В стане мне сообщили, что в улусах, расположенных по Оке и ее притокам, хворает народ, в чем мне и пришлось убедиться в течение 3-х дней, которые я употребил на объезд этих улусов. Лекарства, взятые мною из стана, как нельзя более пригодились: более половины их было роздано нуждающимся. Хозяин сообщил мне между прочим, что здесь жили двое монгольских лам, занимавшихся лечением, но недели за две до нашего приезда уехали. «Читать-то они видно не умеют, – прибавил хозяин, – потому что никого не отчитывали, а давали только “задачки”».

Монгольские ламы – обыкновенные гости в Окинском крае, куда они наезжают или специально отчитывать или же лечить задачками; в том и другом случае они имеют довольно широкую практику среди местного населения. В прежнее время практикующих монгольских лам можно было встретить на Оке во всякое время года, да еще не одного, а несколько, и все они уезжали восвояси глубоко довольные местными пациентами(?).

В настоящее время посещения эти стали сравнительно редки, что можно объяснить тем, что ламы уже не пользуются прежним обаянием, прежним авторитетом среди бурятского люда, на них перестали уже смотреть как на непогрешимых глашаталей истины, а скорее видят в них бесцеремонных обманщиков, каковыми они и есть на самом деле. Несмотря на крайне неблагоприятные условия для распространения Евангелия между здешними инородцами, тем не менее с помощью Всевышнего просвящено Св. крещением в настоящем отчетном году 17 чел., из которых 6 чел. взрослых буддистов. В школе обучалось 8 чел. бурятских мальчиков, успехи учеников удовлетворительны²⁹.

Примечания

- ¹ Новоселов А. Задачи сибирской этнографии // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. 1916. Т. 38. С. 101.
- ² Бучинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 334–335.
- ³ РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 177.
- ⁴ Там же, л. 178.
- ⁵ Там же, л. 179.
- ⁶ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина 1. СПб., 1788. С. 383.
- ⁷ Мацокин П.Г. Метисы Забайкалья. СПб., 1904. С. 10–11.
- ⁸ Там же, с. 123–124.
- ⁹ Там же, с. 124–125.
- ¹⁰ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М., 1970. С. 148.
- ¹¹ Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 9–10. С. 13.
- ¹² НАРБ, ф. 207, оп. 1, д. 1677, л. 218об.–219.
- ¹³ Там же, д. 1721, л. 120–121об.
- ¹⁴ Там же, л. 108об.
- ¹⁵ Там же, д. 1677.
- ¹⁶ Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 410–411.
- ¹⁷ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 33.
- ¹⁸ Залкинд Е.М. Из истории Западного Забайкалья в конце XVII–XVIII в. // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1949. Вып. 1. С. 230.
- ¹⁹ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX–XX в. Иркутск, 1983.
- ²⁰ История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. С. 68.
- ²¹ Архив РАН (ЛО), ф. 21, оп. 4, д. 29, л. 15.
- ²² НАРБ, ф. 207, оп. 1, д. 3, л. 95.
- ²³ Грулев М. Из прошлого Забайкалья (к истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 221.
- ²⁴ НАРБ, ф. 119, оп. 1, д. 49, л. 3–3 об.
- ²⁵ Там же, л. 3–4.
- ²⁶ ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 160, л. 36, 43, 49–51.
- ²⁷ Там же, ф. 207, оп. 1, д. 1616, л. 193–193об.
- ²⁸ НАРБ, ф. 119, оп. 1, д. 23, л. 29–31об.
- ²⁹ ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 360, л. 2–10.

БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

сложной историко-этнической судьбе старообрядцев Забайкалья, так называемых семейских, выселенных правительством просвещенной императрицы Екатерины II в 60-е гг. XVIII в. из пределов Белоруссии, Украины и Польши в Сибирь, мы уже неоднократно рассказывали¹. Доклады и публикации на эту тему вызвали большой интерес и получили положительную оценку специалистов. Накопление новых материалов, свидетельствующих о тесной совместной жизни русских беглых людей за пределами России с близкородственными народами (белорусами, украинцами), было продолжено. Новые данные дают нам возможность еще раз вернуться к теме взаимовлияния и заимствования старообрядцами отдельных элементов, но только преимущественно в сфере духовной культуры.

Не продуманная, не согласованная с народом церковная реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича расколола русский народ на два лагеря. Одна часть православных христиан признала реформирование церковных обрядов и стала молиться и совершать обряды по новогреческим образцам, другая часть увидела в этом акте посягательство «латынян» на русский обычай, на родную старину, на заветы отцов, на свои права и выступила за сохранение древлего благочестия. Противники реформ Никона во второй половине XVII в. после ряда неудачных выступлений в защиту старой веры, не поддержанных царем и властями, были объявлены вне закона. Начались преследования, пытки, казни. Спасаясь от жестоких расправ за свои убеждения, многие последователи древлего православия, или, как потом их назовут, старообрядцы, бежали на окраины Русского государства, а затем и за его пределы.

Тысячи русских людей, бросив дома, хозяйство, вынуждены были

---

* Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2002.

искать прибежище на неведомых землях. Значительная часть ревнителей старых обрядов направилась к западным рубежам. Там на землях Украины и Белоруссии (Стародубье, Гомель, Ветка, в Прибужье и Подолии) были созданы крупные центры поповщины – одного из главных течений в старообрядчестве. Позднее возникнут и беспоповские толки и согласия. На территории Речи Посполитой за веру никто не преследовал. Староверы получили возможность отправлять свои обряды по старым неисправленным книгам, поклоняться старым иконам. Свобода вероисповеданий была обеспечена. В Заднепровье по берегам рек Сожи, Боха, Днепра, Буга, на землях черниговских, могилевских, гомельских, в Манюках, Хальче, Виннице, Баре, Межибеже, Хмельнике появились островки русских старообрядческих поселений. Многие из беглых «русаков» проживали на землях, принадлежащих польским панам, князьям Черторижским, Халецких, Красинских, Бельских, Манюковских, Андриевских, Покацких и др. Почти все названные выше фамилии до сих пор сохранились и бытуют в Забайкалье у семейских, выведенных «ис поляков» с их семьями и большими партиями численностью от 150 до 260 человек, переселенных под бдительным конвоем в Барабу, Забайкалье и на Алтай. В Забайкалье было сослано более 5 тысяч человек обоего пола. Мужчин и женщин в равном количестве.

В исторической литературе нередко можно встретить мнение – утверждение о консерватизме, обособленности и даже фанатизме староверов, не принимающих ничего нового или иноземного. Наши исследования опровергают надуманность подобных утверждений. Жизнь сложнее книжных догм и теорий. Несомненно, старообрядцы соблюдали заветы своих отцов, были хранителями старины, но они не могли отгораживаться «китайской» стеной от окружающего их населения. Им на новых местах необходимо было присмотреться к местным условиям, занятиям коренного населения и заводить свое хозяйство, строить дома. При земледельческом освоении новых нетронутых земель непременно перенимался или учитывался опыт украинских и белорусских крестьян, заимствовалось все рациональное и передовое. Ряд авторов, хорошо знавших старообрядцев, устраивающих свою жизнь в окружении других народов, отмечают их способность находить общий язык и уживаться вместе с другими народами². Это умение налаживать добрососедские отношения вообще присуще русским людям, но особенно деликатный такт народной дипломатии характерен для

старообрядцев. Это они доказали, проживая ныне в 20 странах мира.

Предки забайкальских старообрядцев прожили на Украине и в Белоруссии почти целый век. И их жизнь не была строго изолированной. Там между новоселами и коренными жителями устанавливались хозяйственные, торговые и даже семейно-бытовые связи. Межэтнические контакты приводили и к возникновению родственных отношений, кое-где появлялись смешанные браки, случались переходы «малороссиян» в веру «капитонскую», т. е. старообрядческую. Об этом сообщает М.И. Лилеев³. Но, судя по некоторым данным, которые имеются в нашем распоряжении, браки с белорусами были редким явлением⁴. Правда, следует отметить, что этот вопрос еще мало исследован. Но нельзя не учитывать этническое родство русских, украинцев, белорусов. В старой исторической литературе можно найти единичные примеры о смешанных браках в то время между названными народами. Пример тому – опубликованное М.И. Лилеевым «дело о совращении в раскол православного малороссиянина Лаврена Иваненка, женившегося на дочери Ардонского раскольника Зябкина»⁵.

В работе М.И. Лилеева опубликован яркий документ «Сказка монахов Феодосия и Филарета о зарубежных раскольничих поселениях». 27 августа 1760 г. они показали, что «в польской стороне, близ границы Российской, под владением старосты Гомельского князя Черторижского имеются населенных великороссийскими людьми до 30 слобод, в которых от 50 до 100 и более дворов в каждой слободе есть. Да под владением подкоморого Киевскаго Халецкого имеется же слобод с 20, в том числе местечко Ветка. Да под владением разных многих польских шляхтичов в княжестве Литовском много населено слобод одними великороссийскими людьми. И, как они слышали, что только по реку Березу имеется слобод до 70, а в других же местах польских по всей великой Полщи даже до границы турецкой, на Подолье и около Волощины весьма многое число слобод населено одними великороссийскими людьми»⁶.

Найденные недавно новые материалы в Государственном архиве Иркутской области подтверждают географию мест проживания в Польше великороссийских старообрядцев, показанную в этом документе⁷. Далее, говоря о свободе проживания староверов в пределах Польши и Литвы, М.И. Лилеев пишет: «Словом, раскольники, их попы и чернцы могли жить здесь, как они и просили, без всякого утеснения

от панов и от ксионзов, и от попов, и от жидов, и от мужиков, и от всякого чина, как они жили на Чонке и на Ветке, без всякого поругания и порицания»⁸. Стремление и желание русских беглых людей получить свободу и жить «без всякого утеснения» было не случайным. Многие крестьяне, убегая от своих помещиков, солдаты со службы, сторонники старой веры, спасаясь от преследования со стороны никонианских попов и от властей, естественно, искали пристанища и селились в тех местах, где их не могла бы достать царская рука и никто не мог бы посягать на их веру и занятия, а также устраивать шинков в их селениях. Причин для побегов было много. Известно, что много русских людей убежало из армии после неудачных азовских походов, после поражения под Нарвой. И вообще, бежали от помещиков, от рекрутчины, от непосильных работ, от гонений за веру, от Петровской переписи, а также скрывались за границей за разные провинности. Таким образом, беглые русские люди, широко расселившиеся на землях Украины и Белоруссии, временно принадлежащих в то время Польше. Выходцы из России, прожившие долгое время в окружении белорусов, украинцев и поляков, не могли не усвоить многие черты материальной и духовной культуры этих народов. В результате этнического взаимодействия в культуре староверов, выведенных из польских пределов, сохраняются некоторые белорусско-украинские влияния. Сложный отпечаток различных этнокультурных напластований придавал особое очарование этноконфессиональной группе русских Забайкалья – семейским и родственной им группе – «полякам» Алтая. Отдельные черты этнического своеобразия семейских и «поляков» наблюдаются до сих пор.

Украинец или белорус, оказавшись в Забайкалье в семейских селениях, найдет нередкие вкрапления стихии родного языка в языке семейских, а в их культурно-бытовом укладе много общих черт, присущих коренным жителям Приднепровья, Присожья, Прибужья. В лексике старообрядцев Забайкалья к основному пласту общерусского языка наслоились элементы белорусского, украинского, польского, а на территории Бурятии – бурятского языков. Это наблюдается в бытовой лексике и в произношении слов: бульба, бульбешник, бульбешня – поджаренная толченая картошка; ланпа, лампа, шашейка, шассе; сравни белорусское – ишовши шашою – идя по шоссе, отборони мене (бел.) – у семейских – оборони меня, господь; яйцо у семейских – кока, огонь – жижа, дитя – ляля, хлеб – папа, болька – вава, колыбель – люлька,

шампиньоны – печерица (укр.) – печерка (польское) – пичурица (семейские). Белорусские заимствования в названии утвари, посуды, продуктов и проч. Целый хлеб белорусы называют бахонь, у семейских – буханка; отрезанный кусок хлеба семейские называют луста, лусточка (бел.), кадушка – водянка (бел.), сельница – ночевка, белорусская ночва, кринка или узкий горшок – макотра, жемчуг семейские Чикоя называют земчуг (земчуг на шеечку).

Встречаются прямые заимствования из верований, обрядности, фольклора белорусов, украинцев, иногда – поляков. Примеры, приведенные ниже и записанные у семейских, почти идентичны текстам устно-поэтического творчества названных народов. Иногда фольклорные тексты подвергались значительной русификации. Например, песня «Ой, ты хмелю, хмелю зелененький», который на «высокий забор похилился» (записана автором в с. Десятниково Тарбагатайского района Бурятии). Песни, вынесенные семейскими с прежних мест проживания, отражают особенности быта и межконфессиональных связей, насыщенные украинизмами и белорусизмами. В Бичурском районе Бурятии записана песня «Ой, за гаем, гаем, гаем зелененьким», а в 70-е гг. XIX в. в Бичуре П.А. Ровинский записал песню «Мне не спится, не ложится, и сон меня не берет». В Белоруссии подобный вариант записала Зинаида Радченко (гомельские народные песни). Песня «Ишли девочки из лесочку, несли в руках по веночку» записана мной в с. Большой Куналей в Бурятии. Идентичный текст опубликован З. Радченко в названной работе. На Чикое мной зафиксировано употребление слова «ён», вместо «он»: «Ён расчету, ён не знае» (бел.)⁹. Интересен вариант песни, бытующей у семейских, «Жил я у пана», несомненно, являющийся отголоском их проживания в польских пределах.

Осенью 1924 г. этнограф А.М. Попова записала следующий отрывок песни, которая, по словам исполнившей ее старушки, вывезена из Польши:

Я – католь, я – католь,
А ты – каталичка.
Я – вилик, я – вилик,
А ты – нивиличка¹⁰.

Профессор А.М. Селищев, исследуя словарный состав говора семейских, выделяет в нем два диалектологических пласта: южнорусский с некоторою примесью заимствований, сделанных на Украине,

и сибирский (северновеликорусский). Для изучения русских говоров Белоруссии много сделала А.Ф. Манаенкова¹¹. В Сибири эту проблему решали А.М. Селищев, Е.И. Тынтуева¹², и огромную работу по изучению лексики говора семейских проделали Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров, А.Д. Болсохоева. Подробную информацию на эту тему можно почерпнуть в их трудах¹³.

Много общего мы находим и в формах обрядового фольклора, например, в заговорах: «Молодик молодой, тебе рог золотой. Тебе на стояние – мне на здоровье». (Запись сделана мной в с. Большой Куналей в 1970-е гг.) Подобный вариант записан у белорусов. На Украине хозяин, выходя сеять, прежде чем бросить в землю горсть зерна, обращает глаза к небу и говорит: «Роди, боже, на всякого долю». Мной у семейских подобное заклинание записано в следующей формуле: «Зароди, боже, на всякую долю – птицам и нам». Известно, что старообрядческие толки, последователи беспоповщины и нетовщины, исповедуя грехи свои, глядят на небо, молятся на восток или припадают к земле¹⁴. У П.П. Чубинского слова: «Роди, боже, на всякого долю – и бедного, и богатого» объясняются следующей легендой: «Когда Христос не ходил еще по земле, колос ржи и пшеницы был во всю длину соломы. Однажды Господь с апостолами Петром и Павлом пришел в виде нищего к одному хозяину. Вместо хлеба хозяйка взяла сырого теста и бросила в глаза Господу. Господь рассердился и сказал, что больше никогда не будет родиться хлеб. Но собаки начали выть. Господь сжалился и оставил на их долю колосок. Поэтому крестьяне говорят: “Мы собачью долю їмо, а колись колос ишов аж до земли”»¹⁵. Вероятно, эта легенда характерна для всего славянства. У семейских эту легенду я слышал несколько раз, в том числе и от своей матери В.Е. Болоневой. К хлебу у матери отношение было особо бережное, трепетное, даже священное. Она ча-сто говорила, что если упадет крошка хлеба со стола, то всех соседей собери, а крошку найди. По общеславянскому выражению «Хлеб – дар божий». Он символизирует отношения взаимного обмена между людьми и Богом, между живыми и предками¹⁶. Любопытна и роль, отведенная в легенде собаке. В народных поверьях и сказаниях собака выступает как хтоническое животное, связанное с культом предков, и как животное, оберегающее человека и его имущество от злых начал. В старых украинских поверьях собака расценивается в качестве посредника между Богом и человеком при появлении земледелия¹⁷.

Роль подательницы урожая, вероятно, играла и Ляля. М.Е. Соколов пишет, что в Белоруссии Ляля представляла богиню весны и урожая. Ее шею, руки и стан девушки перевязывали свежей зеленью¹⁸. У семейских лялей, лялькой называют маленького ребенка, младенца, иногда – куклу.

Ряд тождественных моментов нами отмечен в календарной и похоронной обрядности, в частности связанных с культом предков. Семейские и белорусы отмечают четыре родительских дня в году. Родительские дни связывают с определенным циклом сельскохозяйственных работ. Первобытная основа весенних дзядов в Белоруссии совпадает с началом пахоты и сева. У семейских родительский день на Фоминой неделе тоже служил для весны, урожая¹⁹. Белорусы и семейские одинаково ревностно поминают предков, ходят на могилки, угощают умерших родителей вкусными блюдами. С помощью угощений они пытаются умиловить предков, расположить их к себе, надеясь, что умершие предки, в свою очередь, окажут помощь живущим. В ряде мест Белоруссии плачут по покойникам – голосят. Семейские – тоже. Так, в с. Большой Куналей дочь на похоронах отца причитала, обращаясь к покойной матери: «Ты сустренька, ты сустренька, ой, родная наша маменька...» Белорусы на Сретенье Господне поют первую веснянку:

Зима с летом сустрекалася,
Про здоровейко пыталася...²⁰

Как видим из приведенных материалов, фольклор играет роль интегрирующего компонента традиционных обрядов, он аккумулирует народную память и служит способом межпоколенной трансмиссии культуры, причем у разных, но этнически близкородственных народов, разделенных временем и пространством.

Представленный материал весьма не полон. Но даже это краткое рассмотрение отдельных обычаев, обрядов и верований свидетельствует о давних тесных связях и контактах этноконфессиональной группы русских старообрядцев – семейских Забайкалья с белорусами и украинцами названных выше мест и дает некоторые дополнительные представления о процессе межэтнического взаимообогащения трех восточнославянских народов в период совместного проживания в период XVII–XVIII вв.

Примечания

¹ Болонев Ф.Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. С. 26–31; Он же. Украинско-белорусские элементы в народной культуре семейских Забайкалья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 236–240.

² Салтыков-Щедрин М.Е. Мелочи жизни. М., 1955. С. 5.

³ Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. Киев, 1893. С. 5.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905. С. 205–206.

⁵ Лилеев М.И. Указ. соч., с. 22.

⁶ Там же, с. 16–17.

⁷ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. С. 51–57.

⁸ Лилеев М.И. Указ. соч., с. 16–17.

⁹ Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские) // Зап. ИРГО по отделению этнографии. 1888. Т. 13. Вып. 2. С. 147 и др. страницы.

¹⁰ Попова А.М. Поездка к семейским Забайкалья (этнограф. очерк) // Бурятскоеведение. № 2. Верхнеудинск, 1926.

¹¹ Манаенкова А.Ф. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ, 1973; Она же. Язык Ветки: дис. д-ра филол. наук. Минск, 1974.

¹² Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: дис. канд. филол. наук. Л., 1974.

¹³ Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992; Юмсунова Т.Б., Болхосоева А.Д., Майоров А.П. и др. Словарь говоров старообрядцев Забайкалья. Новосибирск, 1998.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 143.

¹⁵ Чубинский П.П. Календарь народных обычаев и обрядов с соответствующими песнями. СПб., 1872. С. 226.

¹⁶ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 385.

¹⁷ Булатов Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909. С. 373, 415.

¹⁸ Соколов М.Е. Старорусские солнечные боги и богини (Историко-этнографическое исследование). Симбирск, 1887. С. 61.

¹⁹ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 132.

²⁰ Радченко З. Указ. соч., с. 22.

Раздел IV

Материальная культура

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ЗАБАЙКАЛЬЕ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX В.)*

земледельческих народов культура полей определяла их благосостояние. В хозяйственной деятельности русских крестьян Забайкалья земледелие было главной отраслью занятий, одной из основных форм жизнеобеспечения, основой их существования. Но, несмотря на исключительную важность хлебопашества, изучение этой проблемы не соответствует важности этого вида жизнедеятельности. Земледелие в Забайкалье – тема очень обширная и еще недостаточно изученная. На эту тему написано много работ краеведческого характера, в которых затронуты или как-то освещены отдельные вопросы этой отрасли хозяйства. Ссылки на них будут сделаны по ходу изложения материала. Наша работа тоже не претендует на всестороннее освещение данной проблемы, но осветит только некоторые аспекты ее: мы рассмотрим отдельные приемы и виды этого занятия, наиболее характерные для процесса земледельческого освоения Забайкалья, в которых наглядно и ярко проявился «земледельческий талант» русских хлеборобов, освоивших в основном горно-таежные земли этого края. А в этом и заключается одна из основных особенностей и заслуг земледельцев, выходцев из пределов Русской равнины, до этого имевших навыки в равнинном земледелии.

В данной статье мы надеемся на основе собранного нами материала осветить некоторые важные аспекты земледельческого опыта, полученного русскими крестьянами в конце XVII – начале XXI в., не потерявшие своего значения и в настоящее время. Обращение к тем достижениям и приемам может оказать некоторую помощь хлеборобам Забайкалья в начале XXI в. Особенно это ценно для нашего времени,

---

* Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2003. 259 с.

когда крестьяне переходят от командно-административной системы к индивидуальному хозяйству, фермерству, большей самостоятельности. Мы хотим обратить внимание на малоизвестные или совсем неизвестные науке факты земледельческого освоения Забайкалья и на процесс адаптации русского крестьянского населения в этом крае, а также обобщить этот опыт, который, как мы понимаем, не утратил своего значения для последующих поколений. Люди живут землею.

Забайкалье – обширный край на юго-востоке Сибири, отсеченный озером Байкал, заключал в себе Верхнеудинский и Нерчинский округа, он прежде назывался Даурией, Западное Забайкалье – Селенгинской Даурией, а позже – Забайкальской областью, ныне – это территория Республики Бурятия и Читинской области.

Это край степей, тайги, долин и гор. И в такой то степной, то горно-таежной местности (а русское население было поселено именно в такой части Забайкалья) русским выходцам из севера, центра и юга России часто впервые приходилось осваивать новые земли, применять старые земледельческие знания, полученные на прежних местах жительства и вырабатывать новые навыки, искать оптимальные сроки сева и уборки урожая, приравниваться к новым географическим, климатическим и природным условиям. И такую опытную работу мы видим на каждом шагу хлебороба. Постоянно и ежегодно шел поиск путей оптимального хлебопашества. Региональные особенности земледелия, возникшие в специфических природно-климатических условиях, естественно, нуждаются в более тщательном изучении. Очень важны вопросы, связанные с психологией крестьян, с их прилежанием и отношением к земле, своему труду, с накоплением земледельческого опыта, с появлением навыков и установлением и закреплением трудовых традиций. Не меньший интерес представляют способы обработки земли, сроков сева и уборки. Распространение земледелия в Забайкалье в связи с появлением в этом крае русских служилых людей и крестьян – очень поучительный пример. Нам важно понять, как русские крестьяне осваивали вековую целину Забайкалья, как изучали местные почвы, их питательные вещества, годные для произрастания и культивирования на них основных видов злаковых и огородных растений. Света и тепла в летний период в южной части Забайкалья было достаточно, но резкая континентальность климата и большие перепады температур воздуха в течение не только года, но и даже суток, малое количество осадков,

частые засухи заставляли земледельца искать и устанавливать оптимальные сроки пахоты и сева, таким способом избавляться от засухи, ранних заморозков, для этого и были возделаны земли в лесах, на склонах гор и сооружены оросительные системы и пр.

В недавно вышедшей книге читаем: «По-своему уникальный опыт народной агрономии имел существенные региональные особенности»¹. И это верно. Наш поиск расширяет наши представления о той громадной работе, какую проделало русское крестьянство Забайкалья, внося новые культурные достижения в хозяйственную деятельность этого края, где до их прихода господствовали скотоводство и охота и кое-где существовало примитивное земледелие. Со временем Забайкалье стало основным земледельческим плацдармом для уверенного освоения Амура и Приморья и вообще всего Дальнего Востока.

Земледелие развивалось в этом крае в экстремальных условиях. Приведу только некоторые данные об особенностях местного климата. Продолжительность зимы в Забайкалье – 6–7 месяцев, весеннего периода – 40–50 дней, летнего – 3 месяца, осеннего – 30–40 дней. Континентальность климата края выражена гораздо резче, чем на той же широте в Западной Сибири, в европейской части России и Дальнего Востока. Осадков выпадает в Западном Забайкалье от 247 до 402 мм; в Восточном – от 270 до 390 мм и их распределение в течение года неравномерное. Зима крайне малоснежная. Осадков зимой выпадает 7–13 % годовой нормы. Снег местами сдувается ветрами, обнажает землю и совершенно не пополняет запасы влаги в ней. Весна в крае прохладная, часто сухая и ветреная.

Первая половина лета обычно засушливая. Осадки часто ливневого характера бывают во второй половине лета. Эффективность таких осадков невелика. Дождевые воды плохо задерживаются в гористой местности, не проникая в почву, и стекают в низины, в овраги бурными потоками. Осень относительно сухая, но для нее характерны ранние заморозки. Зима не только продолжительная, но и крайне суровая. Средняя температура колеблется от -23 до -33 °С. Минимальная температура в южных и средних районах Забайкалья колеблется от -45 до -55 °С, в северных – от -55 до -60 °С. Земля промерзает на большую глубину, что за лето на части территории не успевает оттаивать. Глубокие реки промерзают до 2,5 аршина, мелкие – до дна². Реки, промерзая, образуют наледи, выходят из берегов. И в таких су-

ровых, экстремальных условиях развивалось русское земледелие.

Ныне благодаря исследованиям В.И. Шункова, В.Н. Шерстобоева и других историков Сибири стало аксиомой, что не подвиги воевод и казаков, а многолетний и упорный труд русского пашенного крестьянина превратил Сибирь, а также Забайкалье в русский край.

Но для Забайкалья были свои особенности. На первоначальном этапе хозяйственного освоения Забайкалья преобладала военно-служилая (казачья) колонизация. В этом крае служилых людей в XVII – начале XVIII в. проживало в 3–4 раза больше, чем крестьян, поэтому перевод с хлебного оклада на службу «с пашни» давал возможность увеличить число хлебопашцев³. В 1714 г. служилые люди в Нерчинском уезде обрабатывали около двух тысяч десятин земли – в 4 раза больше, чем крестьяне⁴. Но уже к 1740 г. служилые люди в Западном Забайкалье «теряют роль лидера» земледельческой колонизации, а «с 1760 годов начинается стремительное падение роли казачества в Забайкальском земледелии»⁵.

До появления русских в Забайкалье здесь земледелия почти не существовало. Буряты кое-где возделывали «ничтожные по размеру посевы проса», их обработка носила примитивный характер и мало отличалась от простого собирательства. Все это не имело заметного экономического значения⁶.

Вот почему, как отметил В.К. Андриевич, «при первоначальном заселении в XVII в. при недостатке хлеба и его дороговизне русские люди питались травой и кореньями»⁷. К этому способу прибегали и в более позднее время, когда не хватало хлеба. Этот же автор пишет, что к 1670–1680-м гг. поселения русских продвинулись за Селенгинск, «украинные города по Селенге», и они оселись настолько прочно в этом краю, что появились заимки, т. е. захваты земель отдельными лицами в свою личную пользу и что, в свою очередь, указывает на существование в этом крае земледелия⁸. Автор близок к истине. Действительно, в 1654 г. казаки во главе с сотником Петром Бекетовым за Байкалом впервые посеяли хлеб в районе устья реки Нерчи «для пробы». Это был первый опыт русского хлебопашества в Забайкалье. Хлеб был потоптан тунгусами⁹. В 1670 г. первый русский хлеб получен и в долине Селенги в двух днях езды ниже Удинска (ныне – Улан-Удэ), возможно, недалеко от д. Брянской, основанной селенгинскими казаками Брянскими (ныне

– Кабанский район Бурятии)¹⁰. В ее окрестностях располагался ряд заимок. Их жители занимались хлебопашеством и рыболовством.

Исследователь П.Д. Лежнин прямо отмечал, что первые посевы в Забайкальской области относятся к 1670 г., когда некий Любим Федоров посеял 10 пудов и собрал 294 пуда. Первая деревня, которая занялась хлебопашеством, была Брянская¹¹. Так ли это было, Бог весть. Источники не всегда указывали населенные пункты. Нам неизвестно, каким источником пользовался П.Д. Лежнин, приводя эти данные. Присланный в Забайкалье в 1673 г. для «досмотра» соратник «старого Даурской земли заводчика» Ерофея Хабарова, тобольский сын боярский Степан Поляков сообщал: «А вниз по Селенге реке от Селенгинского острогу казачей десятник Любимко Федоров на той заимке для опыта и поселения на великих государей спашал 3 осминника, а на 3 осминника посеяно 4 пуда ржи ко 179 (1671) году... А у него же Любимка на его заимке на себя и у служилых людей ко 181 году своей пахоты спашано и посеяно у них на себя 29 десятин и около их казачьи заимки выше и ниже пахатной земли по его Степанову досмотру человек на 60 и больше будет. Да в 180 году у него же, Любимка, спашано и посеяно на великих государей ко 181 году полторы десятины и посеяно полвосма пуда ржи...»¹²

Из документов архивов и уже опубликованных данных видим, что начало русскому земледелию в Западном Забайкалье положил селенгинский казачий десятник, впоследствии пятидесятник Любим Федоров. В поданной им с товарищами челобитной в Енисейскую приказную избу на имя боярина и воеводы князя Константина Осиповича Щербатова, найденной мной в архиве Российской академии наук (Ленинградское отделение), в фонде Г.Ф. Миллера, приведены некоторые интересные факты из жизни этого человека, которые мы приведем довольно полно. И вот как он исполняет службу великих государей Иоана Алексеевича и Петра Алексеевича на земле селенгинской. Судьба связала этого землепроходца с бурятской землей. «В прошлом во 173 (1665) году послан был он Любим от Баргузинского острогу служилыми людьми з Гаврилом Ловцовым да с Осипом Васильевым с товарищи на службу великих государей, на Селенгу реку для прииску и призыву под царску великих государей высокую руку в вечное и неотступное холопство в яшашной платеж вновь мунгальских и от беглых брацких людей, которые брацкие люди отъехали от нижняго Братского и Бала-

ганского острогов в Мунгальскую землю и для прииску же тунгуских людей многих родов, и в прошлом же во 173 году Божию Милостью великих государей счастием пришед же они на Селенгу реку, среди их мунгальские земли на Устье Чикой реки близ мунгальского царя Кука-на и тайшей крепкой острог поставили...»¹³

Далее в челобитной Любима Федорова говорится о его достижениях и заслугах в развитии хлебопашества: «... В прошлом де во 178 году послан был он Любим из Енисейска на службу великих государей Селенгинской же острог и дано же из казны великих государей в Енисейску ему Любиму на строенье в Селенгинском великих государей десятинной пашни десять рублей денег и, будучи в Селенгинском уезде, на те денги напахал он наемными работными людьми двести девяносто четыре пуда ржи и тем де хлебом поселено к Селенгинскому острогу пашенных крестьян дватцать человек, и те же запасы давал он тем пашенным крестьянам на ссуду и на подмоге великих государей на десятинные пашни и ясачным людем и аманатом (заложникам. – Ф.Б.) и новым брацким выходном на кош (слово не разобрано. – Ф.Б.)... В остатке ныне у него Любима в приеме пуд с полтора ста ржи»¹⁴.

Как видим, первые опыты хлебопашества в Забайкалье, произведенные первыми русскими поселенцами, оказались удачными, что не могло не привлечь сюда новых земледельцев. Важно отметить, что казачий десятник Л. Федоров привлекает для хлебопашества не только пашенных крестьян, а также и ясачных, аманатов-заложников и новых «брацких выходцев» с целью развития земледелия, и чтобы они сдавали в казну свою десятину (десятый сноп).

Надо отметить, что русское правительство давно обращало внимание на развитие хлебопашества в этом крае и основную роль в этом важном деле отводило пашенному крестьянину. В наказных статьях царя нерчинским воеводам говорилось: «Пахать десятинные пашни, а выделенного и оброчного хлеба с той их указанной пашни не иметь, чтобы им крестьянам в том тягости лишения не было. Под крестьянские пашни земли давать у Нерчинского города»¹⁵.

Действительно, в конце 70-х гг. XVII в. земледелие стало распространяться и в Восточном Забайкалье. Одним из первых зачинателей «опытовщиков» хлебопашества был сын боярский Никифор Парфентьевич Сенотрусов. Его опыты относятся к 1675 г. Сын Сенотрусова Афанасий в челобитной Сибирскому приказу в 1703 г. писал: «Отец

мой, приехав из Илимска в Нерчинской, хлебной пахоты учинил опыт и хлеб сеял... и по тому опыту хлеб в Нерчинску родился. И на то смотря, тутошние жители учили пашню разводить и хлеб сеять... А прежде сего в Нерчинску хлеба не родилось и пахоты не было». Важно отметить, что инициатива таких пионеров в развитии хлебопашества часто опережала деятельность воевод по учреждению казенной, «государевой» пашни¹⁶.

Сам Никифор Сенотрусов в 1682 г. в «скаске на письме», поданной нерчинскому воеводе Ф.Д. Воейкову, который всячески способствовал развитию земледелия в Восточном Забайкалье, сообщал, что «у него сеяно для опыту, в Даурах по Уюрге (Урульге) речке ко 189 (1681) году ржи двадцать пуд, а родилось по умолоту чetyреста пятьдесят пуд; а яровой хлеб сеял он Микифор по два года, во 183 и во 189 годах, а родилось пшеницы с пуда по одиннадцати пуд, а ячмени родилось с пуда по двенадцати пуд, овса родилось с пуда противу ячмени; конопель сеяно де у него было один пуд, а родилось одиннадцать пуд; гороху сеяно де у него было один пуд, а родилось десять пуд; а репу де он Микифор сеял по два года, и родилась де репа добра гораздо; а к нынешнему де ко 190 году сеяно у него всякого хлеба восемь десятин, и милосердием Божиим идет хлеб всякой гораздо добр, лутше прошлогоднего; а гречихи де он Микифор в прошлом во 189 году сеял пуд, а родилось тридцать пуд»¹⁷.

Из документа видно, что русские первопроходцы на новых землях стараются не только культивировать злаковые культуры, но и огородные и технические (конопля). Причем идут весьма активные опыты по разведению огородных культур. Так, Н. Спафарий видел в садах местных служилых людей и крестьян огурцы, чеснок, капусту и «зелия всякие» и иные огородные культуры¹⁸. В 1681 г. казаки Е. Коркин и Ф. Усолец сообщили в Сибирский приказ, что овощи (капуста, репа, огурцы) родились в Забайкалье только в условиях нежаркого лета. Итак, в результате внимательных наблюдений над состоянием и ростом овощей в условиях жаркого лета уже появилось заключение: овощи не любят жары, получают ожоги, засыхают. Даже в Западной Сибири, где летом не так жарко, специалисты советуют притенять овощные культуры. Инициатором баргузинского хлебопашества был казак Козьма Федоров. Его опыты относятся к 1683–1684 гг.¹⁹

Конечно, это были первые опыты русского хлебопашества, приведшие к появлению первых довольно слабых очагов русской земле-

дельческой культуры. Более основательное земледельческое хозяйство в Забайкалье складывается только к концу XVII в. Но даже примерно спустя столетие после первых успешных опытов земледелия хлеба в Забайкалье производилось мало. Голод был частым гостем забайкальского населения, особенно в засушливые годы. О тяжелом положении горно-заводских крестьян полковник Соймонов, командированный в Нерчинский горный округ в 50-х гг. XVIII столетия, писал: «До приписки крестьян к заводам была скудность, но не совершенная. Без работы могли люди голодом лежать, но работая, голодом жить невозможно. Почитай половина крестьян питается травой и посылается на заводские работы. В истории я не видал, чтобы какие люди могли терпеть такой тяжелый голод, как здесь живущие... Крестьяне и тунгусы от голоду летом умирали в многолюдстве»²⁰.

Подобное положение вещей было нетерпимым и не могло устраивать власти. В интересах скорейшего развития земледелия в Забайкалье, особенно в район Приаргунья, с конца XVII в. стали принудительно переселять пашенных крестьян, уже имевших опыт хлебопашества на берегах рек Ангары, Илима и Лены, где к тому времени сосредоточилось значительное крестьянское население. Первое известие о принудительном переселении хлебопашцев Забайкалья относится к 1697 г. Но, несмотря на эти меры, рабочих рук для развития сельского хозяйства все же не хватало. Тем более все крестьянское население Нерчинского горного округа к 1775 г. было приписано к Нерчинским горным заводам. И начавшееся было набирать темпы развития хлебопашество снова стало приходить в упадок.

Хозяйственное освоение Забайкалья русскими в XVII–XIX вв. основательно рассмотрено в исследованиях В.А. Александрова²¹ и А.А. Лебедевой²². Разработка серебряных и оловянных руд в Нерчинском округе, снабжение продовольствием служилых и промышленных людей, обеспечение торговых трактов рабочей силой – все это требовало развития в крае хлебопашества. И русское правительство постоянно уделяло внимание этим проблемам и принимало часто энергичные меры к заселению края «для промышленных работ и хлебопашества». А в 1703 г. в Нерчинском округе был построен первый в России серебряноплавильный завод. Для увеличения пашенного населения правительство применяет административную ссылку. В наказных статьях нерчинским воеводам 1696 г. говорится об обязанности пашенных крестьян,

поселенных в Нерчинском остроге и уезде, и тех, которые впредь будут присланы, пахать десятинную (государеву) и крестьянскую, чтобы пашня увеличивалась по сравнению с прежними размерами²³.

С конца XVII в. по 1763 г. правительство издает ряд указов, по которым в Забайкалье, в район Нерчинских заводов и рудников, принудительно водворялись государственные, дворцовые, архиерейские, монастырские и помещичьи неугодные крестьяне, отдаваемые в зачет рекрутов (не старше 45 лет), годные к крестьянской и другой работе. Часть крестьян была выселена помещиками «за предерзости» и за прочие провинности, а иногда, пользуясь указами правительства, крепостники избавлялись от неугодных им крестьян и высылали их семьями. В результате население Забайкалья пополнялось из разных районов страны. «В 1714 году в Нерчинском уезде занималось земледелием 193 крестьянских двора и более 200 дворов местных служилых... В 1726 году на Нерчинские заводы было направлено 570 рекрутов из Томска и 300 ревизских душ из других районов Сибири. В 1750-х годах в Забайкалье переселилось до четырех тысяч сибирских крестьян и посадских людей из Тобольска, Томска, Енисейска, Иркутска»²⁴.

Иногда в партиях поселенцев было много стариков и увечных бродяг. Вот свидетельство одного из документов: «... много престарелых и увечных, не имеющих жен и детей, и сущих бродящих по миру и к поселению ни по каким обстоятельствам не годных, а многие из таких дорогою, а другие по прибытию туда померли». Местное нерчинское начальство усмотрело, что «за незаведением от новопоселенных пашен от иных дряхлых и увечных и престарелых бродяг... вместо пользы, в хлебе и харчевых припасах последует пуще ныняшнего дороговизы, а паче опасно и недостатку...»²⁵

Правительство пытается привлечь в восточные окраины новые слои населения. Указом Сената от 14 декабря 1762 г. приглашались возвратиться в Россию «все живущие за границею российские раскольники». Им были обещан ряд льгот, прощение за все их вины, свобода вероисповедания, выбор ими места поселения не только в Сибири, на Барабинской степи, но и в Поволжье, Белогородской и Воронежской губерниях. Но на этот призыв правительства старообрядцы почти не отреагировали. Добровольцев не нашлось. За ними были посланы военные полки... Но поскольку обнаружилось, что «по Хилку-реке... доброта земель за равное с Нерчинским уездом почи-

тается»²⁶, необходимо было эти земли заселить старообрядцами, возвращающимися из Польши.

Указами правительства Екатерины II 1763–1764 гг. предписывалось о поселении на пашню в Нерчинском и Селенгинском уездах тех вывозимых из Польши русских крестьян, которые окажутся негодными для зачисления во вновь формируемые в Сибири пешие и конные полки. Для водворения в Западное Забайкалье «польских посельщиков», или выведенных из Польши старообрядцев, и устройства их быта была создана 1 марта 1766 г. в Селенгинске «Хлебопашеств и поселения Контора», на нее было возложено местное управление земледелием и землеустройством²⁷. Основные партии старообрядцев были поселены с 1757 по 1768 г. в 30 селениях, где и до сих пор проживают их потомки. По нашим данным, их было поселено около 5 тыс. человек²⁸. А.А. Лебедева, ссылаясь на Полный свод законов Российской империи (№ 14242), пишет: «К 1775 году в Селенгинском уезде было поселено 8275 ревизских душ русских государственных крестьян (старообрядцев)»²⁹. Эту же цифру позже будет цитировать В.А. Александров³⁰.

Найденные нами материалы и списки старообрядцев «новопоселенные ис поляков с их семейством» не подтверждают эти цифры. Если учесть, что ревизские души – это только мужские души, учтенные ревизией, то цифру переселенных надо удвоить, если прибавить к ним лица женского пола. В списках, обнаруженных мной в ЦГА (ныне – Национальный архив) Республики Бурятия и в ГАИО Г.Ф. Быконей, мы насчитываем общее число – около 5 тыс. человек поселенных в Забайкалье старообрядцев. По подсчетам Г.Ф. Быкони, всего на начало 1795 г. в двух уездах и трех церковных заказах числилось старообрядцев 2437 муж. и 2578 жен. пола, которые проживали в 709 дворах, расположенных в 30 деревнях³¹. По нашему мнению, по указу 1763 г., цифрами которого оперирует А.А. Лебедева, планировалось вывести из Польши указанное число беглых старообрядцев. В Забайкалье попала только часть этих ревизских душ. Две другие части были поселены на Алтае и Барабе.

В результате всех переселений и водворений население Забайкалья к 1762 г., по сравнению с 1710 г., выросло в 5 раз (с 3946 до 20401 чел. м. п.), а к середине XIX в. достигло 328 тыс. душ обоего пола³². В Западном Забайкалье с 1730 по 1775 г. крестьянское население выросло более чем в 20 раз³³. Стремительный рост крестьянского населения,

объясняет этот автор, происходил не только за счет «окрестьянивания» сельских и городских жителей, но прежде всего в результате переселения сюда большой группы старообрядцев.

Какую помощь оказывали власти переселяющимся в Забайкалье крестьянам? На этот вопрос до сих пор не дано вразумительного ответа. По одним данным, власти ссыльным старообрядцам не помогали. Об этом сообщает С.В. Максимов, побывавший в Бичуре в 1861 г. и записавший яркое предание о поселении семейских в горах и о их скудном житье-бытье. «На 8 дворов одна лошадь приводилась»³⁴. Другой автор сообщает: «Для обеспечения продовольствием вновь формируемых в Забайкалье полков, а также для заселения Нерчинского и Селенгинского уездов *предположено было* (курсив автора. – Ф.Б.) отправить туда из тех же польских выходцев всех лиц свыше 40 лет и увечных, не могущих служить в строю. Этим переселенцам-пахарям назначалось пособие: 1) семена: 15 пудов ржи, 6 пудов ячменю, 6 пудов овса, 1 пуд конопляного семени; 2) земледельческие орудия; 3) по 5 рублей на покупку лошади; 4) на 4 года они освобождались от подушного оклада, после чего записывались на оклад по 1 руб. 75 коп. в год с души. До первого урожая предполагалось содержать их на казенный счет». Плану этому не удалось осуществиться в полном объеме³⁵.

О некоторых подготовительных работах к приему переселяющихся в Хилокский район и Заганские деревни 135 семей сообщает и В. Гирченко. Он использовал «дела» за 1767 и 1769 гг., из которых почерпнул интересные сведения, но ныне этих дел в ЦГА Бурятии исследователи не могут обнаружить.

«В целях снабжения переселенцев семенным и продовольственным хлебом геодезии подпоручик Федоров наметил устройство провиантских складов... при деревнях: Еланской, Троицком Поселье, Сохатое, Кокунской, Мухор-Шибирской и Хонхойской. Семенного хлеба для 135 семей надлежало запасти по 36 пудов на семью, ячменя и овса – по 18 пудов, семени конопляного – по 3 пуда. Продовольственного хлеба (“провианта”), ежели положить в десяти семьях получающих 50 человек по целому пайку, а других 50 по половине, следовало запасти на год для 135 семей 22013 пудов и 5 фунтов». Месячный паек каждого взрослого переселенца составлял 1 пуд 32 фунта, а малолетнего – 361/4 фунта. Кроме провианта переселенцам выдавались «недельные деньги». Размер этих выдач в документах не указан³⁶. Эти все запасы ожи-

дали получить от урожая 1766 г. ... Недостающий провиант намечали закупить у обывателей по сходной цене, не свыше 18–19 коп. пуд. В марте 1767 г. в пригороде Удинске ржаная мука продавалась по 25–28 коп. пуд. «Пахотными инструментами» поселщики должны быть снабжены в Иркутске или Удинске (Верхнеудинске). «Лошадьми переселенцы должны были снабжаться частью из конного запаса стоявшего в Прибайкалье бывшего Иркутского полка (более 300 лошадей), частью из “описных” лошадей Посольского и Троицкого монастырей (около 100 лошадей)», секуляризованных в 1764 г.³⁷ Среди населения сохранились предания и о том, как плац-майор Налабардин, начальник Селенгинской «Хлебопашеств и поселения Конторы» приучал хлебопашцев к труду и лучшей обработке земли, наказывая неисправных и медлительных беспощадной поркой. Вероятно, эти крепостнические методы распространялись и на поселившихся здесь старообрядцев. В одном документе 1769 г. относительно деятельности ретивого майора указывается, что «все оные польские поселщики по отличному в том его *старательству и понуждению* (курсив автора. – Ф.Б.) домашнею экономией, как-то домовым строительством и все к домостроительству принадлежащим обзавелись». Далее говорится, что поселщики «сколько принуждением, отчасти и сами, так сильно стараются в приумножении пахоты, что в каждой семье залогов вспахано у иных по пяти, а у других – и то последних – по четыре десятины»³⁸.

В 1776 г. в составе Иркутской губернии была образована Удинская провинция, обнявшая все Забайкалье, ее создание мотивировалось тем соображением, что за Байкалом «сильное хлебопашество размножается». Для регламентирования и регулирования административной и хозяйственной жизни забайкальских крестьян был разработан документ – «Инструкция Удинской Провинциальной Канцелярии сельским старостам и выборным, 1775 года». Согласно этому своеобразному сельскому уставу, который действовал до 1797 г., местным властям, в частности, предписывалось: «...нерадящих же о земледелии, если не вовремя спажано, посеяно или с поля снято, то таковых позволяется сечь розгами нещадно...»³⁹ А вот совет о содержании скота и об использовании навоза: «В зимнее время, чтоб крестьяне скот старались держать в хлевах или сараях и накопившийся чрез зиму навоз вывозили для унаваживания худых земель пахотных...» Весьма ценной была инструкция о сохранении лесов: «... Всем крестьянам накрепко подтвердить

о сбережении лесов... если кому потребуется его рубить на дрова или на строения, то б рубили к корню поближе и, очистя на дереве сучья, снашивали в кучу, через что молодым от кореньев произрастаниям помешательство происходить не может и прямые деревья расти станут»⁴⁰. Инструкцию подписал воевода, артиллерии майор Иван Тевяшов. Это был суровый документ сурового времени. В нем регламентировались почти все стороны жизни и быта крестьянства Удинской провинции. Отголоски этой инструкции «еще долго сохранялись в общественной жизни забайкальцев, в том числе и у староверов». Но сведений о том, что старообрядцев «за нерадение в земледелии» секли розгами, нам не приходилось встретить ни в публикациях, ни в архивных документах, ни в преданиях.

Напротив, все авторы буквально наперебой хвалят земледельческие способности и «неусыпное» трудолюбие старообрядцев, получивших в Забайкалье название «семейские». Нет нужды повторяться и приводить бесконечные примеры из сочинений П.С. Палласа, А. Мартоса, декабристов, С.В. Максимова, П.А. Ровинского, которые высоко оценивали достижения старообрядцев – семейских в их земледельческой практике. Эти работы оценены нами в различных публикациях⁴¹. Постараюсь привести примеры, наиболее ценные для понимания крестьянского опыта и выдержки из работ забытых авторов, труды и выступления которых еще не известны или малоизвестны нашему читателю.

Уже через 6 лет после поселения русских старообрядцев в Забайкалье П.С. Паллас отметил: «Оне имеют довольное хлебопашество» и их настойчивость и первые опыты по его развитию в суровых условиях края. «Сие место чрезвычайно холодно, то на льду ни коноплей, ни гречухи, ни гороху, ни пшеница никогда не родится, хотя трудолюбивые поляки всего сего сеять не упущали и много раз к новому посеву вновь закупали». Так, уже за первые 6 лет проживания крестьяне с. Куйтун пришли к заключению, что урожай хлеба только можно надежно получить на возвышенных местах, а не в долинах и низинах. Также Паллас сообщает об использовании староверами плуга, которым «гораздо глубже и лучше корни подсекают, нежели русскою сохою»⁴². Таким образом, академик подчеркивает, что старообрядцы – русские колонисты, вывезенные из Польши, применяют в этих местах более совершенное земледельческое орудие – плуг, о

котором в этих местах, да и во всей Сибири до их прихода не знали.

О некоторых опытах хлебопашества, огородничества и садоводства рассказывает И. Сиверс, который побывал в этом крае в 1790–1791 гг. Он в своих «Письмах о Сибири» пишет: «Перевалил значительный Урлущий хребет, вышел на большую плодородную равнину, где было красиво расположено село Урлук, населенное лет 30 тому назад польскими и русскими крестьянами, которые ввели здесь земледелие и фруктовое садоводство. До их же прибытия даже русские – местные уроженцы – вели кочевой или полукочевой образ жизни, с тою лишь разницей, что они жили в деревнях и в постоянных избах. Но так как большая польза, приносимая усердием поляков-хлебопашцев была очевидной, им стали подражать не только местные русские, но даже настоящие монголы...»⁴³ «Поляками» Паллас и Сиверс называют русских старообрядцев, выведенных из польских пределов. «Польские колонисты пытаются разводить чечевицу и лен, но первая не растет совсем, последний же вырастает только коротким. Зато он очень хорошо прорастает у реки Хилок близ д. Акинская». Причем автор сам проводил некоторые агрономические опыты. «Произвел я здесь опыт с кукурузой, причем я поливал произрастающие семена лишь вначале, а потом полностью предоставил ее самой природе, но тем не менее, несмотря на засуху, в августе был собран двухсоткратный урожай». Далее автор констатирует, что «разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха, вызревают здесь довольно хорошо. Много дынь и арбузов выращивается в дер. Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает пять фунтов, но они тем не менее довольно вкусные. Точно так же преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы». Автор отмечает еще и ту особенность кяхтинского климата, которая мешает развитию овощеводства, – это песок, «беспрестанно раздуваемый весенними ветрами». Он «почти засыпает весенние растения»⁴⁴. «Впоследствии многие замечательные достижения первых «опытников»-земледельцев были надолго забыты. В литературе укоренилось мнение о том, что первые опыты выращивания огурцов, репы, арбузов и дынь были делом рук декабристов»⁴⁵. Тем самым искажалась истина и уничижались результаты первых русских овощеводов Забайкалья. Как видим, за 50 лет до появления в этих краях декабристов назван-

ные культуры выращивались в огородах русских крестьян и казаков.

Опыты по культивированию и разведению отдельных сортов и видов культурных растений проводили не только крестьяне, но и энтузиасты-одиночки. Одним из таких увлеченных людей был Григорий Шевелев, житель Верхнеудинска. О своих земледельческих занятиях и о занятиях хлебопашцев Забайкалья он описал в статье⁴⁶. О своем многолетнем опыте он в письме от 30 октября 1831 г. сообщал: «Пшеница обыкновенная родилась у меня сам-десятая. Семиколоска от раннего холода не ушла и разведение оной в здешнем крае считаю невозможным. Трудясь пять лет над разведением сего благословенного хлеба, по неудачам я потерял терпение и отказываюсь от него...» Далее он продолжает: «Замечания, сделанные мною над обыкновенного пшеницею, приобретенные опытностью, суть следующие. Смотря на окружающих меня земледельцев, я сеял ее по восемь пуд на десятину; пшеница, взойдя довольно редко, не могла выдерживать бывших засух; напротив, когда высеяно 12 пуд, то от густоты взошедшего хлеба земля остается под тенью, и он может выдерживать более засух... Лен тоже вознаградил меня за труды... Он был вышиною 11/4 аршина». Обращаясь к редактору «Земледельческого журнала» С.А. Маслову, он просит его «прислать подробное описание, как с ним обходиться по созрении его»⁴⁷.

Г. Шевелев чрезвычайно высоко ценит хлебопашество семейских крестьян, их «необыкновенную деятельность» и бескорыстие. В 1830 г. было сильное наводнение р. Селенги. «Все пашни и покосы у многих крестьян были затоплены; люди лишились хлеба, а скот – сена и подножного корма; к тому же Иркутская округа при неурожае потребовала до 100000 пуд хлеба, которое требование хотя и со вредом себе было исполнено.

Где взято 100000 пуд хлеба при неурожае?

Сей-то хлеб доставили наши, как я уже назвал почтеннейшие *Семейные* (автор это название выделяет курсивом и пишет с большой буквы. – Ф.Б.), которых считается около 9000 душ; они же прокормили следующие два класса земледельцев (т. е. русских старожилов и бурят. – Ф.Б.) и всех, кто сам не обрабатывает, а приобретает хлеб покупкою»⁴⁸. Далее он пишет: «Сии-то земледельцы, имея случай нынешний год возвысить цену на хлеб до неимоверной степени, остановили оную в вольной продаже на двух рублях за пуд, а из угождения к началь-

ству для иркутской округи – по 1 рублю 25 коп.»⁴⁹ А об усовершенствовании ими земледелия Г. Шевелев сообщает: «Судить (об этом) весьма трудно; они заменяют необыкновенной деятельностью свою все машины, все изобретения ума». Также он пишет, что семейские не утратили при переселении ни веры, ни нравов, ни обычаев старинных русских крестьян. О старожилах же он говорит, что они, «приноравливаясь к прежним жителям Сибири, вообще “ленивы и беспечны”, которые занимаются звериными и рыбными промыслами, скотоводство и извоз как легкая работа исполняются ими в самом жалком виде»⁵⁰.

Касаясь же технического усовершенствования орудий земледельческого труда и обработки собранного урожая, автор констатирует: «Все вообще изобретения умов для здешнего земледелия ничтожны, во-первых, потому что в Верхнеудинском и Нерчинском округах не найдете ни одного крестьянина, засевающего 100 десятин, следовательно, завести какую-нибудь машину или что-нибудь другое в сем роде невозможно, в особенности при дешевизне хлеба и работников. (Работник стоил в день 30 коп. на его содержании или лучший стоил 60 руб. в год на содержании хозяина.)»⁵¹. Орудия земледельческие состояли из сохи и бороны. «Сох есть 4 рода, которых описать невозможно. Борон два рода: четвероугольная деревянная с таковыми же 20 зубьями и с железными иногда с 16, иногда с 20 зубьями тож четырехугольная»⁵².

Из этого интересного сообщения видно, что несмотря на самоотверженные усилия крестьян Забайкалья в развитии земледелия, земледельческая техника оставалась довольно примитивной: в усовершенствовании ее не было особого стимула у крестьян, не имеющих больших площадей под пашнями, и они заменяли «необыкновенной деятельностью своею» все машины. О подобном факте, касающемся заведения сельхозтехники и машин, облегчающих труд хлебороба, сообщает и декабрист А.Е. Розен. Он оказался свидетелем разговора Н.А. Бестужева с семейским крестьянином в с. Тарбагатай: «Н.А. Бестужев заметил богатому хозяину, почему в деревне они не заводят у себя машин для облегчения и ускорения работ, например, молотильную и веяльную? Хозяин ответил: «Для молотьбы у нас цепи и сушеные снопы в овинах; случается, что в урожайные годы при дешевизне цен хлеб наш без всякого труда может пролежать в амбаре семь лет и больше; а для веяния хлеба служит нам широкая лопата. Не знаю, сколько ваша машина провеет в день?» – «Четвертей двадцать». – «Так

моя лопата и моя рука провеют не меньше», – возразил он, вытянув сильную руку, коей кисть была шириною в три вершка и, показав нам лопату широкую, взимающую до получетверика зерна»⁵³. Как видим, крестьянин-практик трезво оценивает достоинства машины. Если же машина может провеять не больше, чем один человек лопатой вручную, стоит ли на нее расходоваться и заводить ее?

В 30–40-е гг. XIX в. многие авторы, учитывая все капризы природы Забайкальского края, недостаток «земледельческих рук», примитивную технику, применяемую крестьянами, трудоемкость земледельческих занятий и возможность заниматься здесь скотоводством, охотой, извозом, которые считались более легкими, чем земледелие, утверждали, что хлебопашество в Забайкалье находится еще «в младенческом состоянии». Одним из таких исследователей был Л. Львов, собравший большой материал и давший наиболее обстоятельное описание Забайкальского края. По его мнению, «хлебопашество, составляя вообще главный предмет промышленности крестьян Забайкальского края, далеко еще не достигло той степени улучшения, которая усматривается в некоторых великороссийских губерниях»⁵⁴. Среди причин, которые «препятствуют там успешному земледелию», он видит «нерадение большей части жителей», «недостаточное население края» и «разные естественные препятствия». К последним он относит «бесснежные, холодные зимы и частые засухи во время лета... В засушливые годы, сверх того, появляется там малый род саранчи, называемой *кобылкою* (курсив автора. – Ф.Б.), которая производит большие опустошения». Автор выделяет в качестве хорошего примера 4 волости Верхнеудинского округа, населенные старообрядцами: Тарбагатайскую, Мухоршибирскую, Куналейскую и Урлукскую и селение Николаевское Татауровской волости Нерчинского округа, населенное украинцами.

Л. Львов отмечает «трудолюбие и усиленную деятельность раскольников и николаевских крестьян», которые «вполне обнаруживаются в их избыточном хозяйстве». Их успех в хлебопашестве он сравнивает с достижениями поселян великороссийских губерний, но земледелие крестьян Забайкалья требует больших усилий и большей деятельности при обработке полей. «Исчисленные нами волости служат, можно сказать, житницей для всего Забайкальского края, потому что в прочих волостях хлебопашество стоит на самой низкой степени». Он обвиняет старожилов «в ленности и невежестве», а поселенцев «в небрежно-

сти», так как последние «оставляют хлебопашество в совершенной зависимости от физических условий», которые нередко сопровождаются гибельными последствиями для хлебопашца⁵⁵. А поселенцы не ищут способов противостоять им.

Автор отметил и некоторую особенность расположения пашен, которые находятся «обыкновенно на покатых гор и в перелесьях»⁵⁶. Это защищает их от холода и северных ветров. С целью преодоления естественных препятствий, к которым относятся малоснежность, засуха, саранча, крестьяне Забайкалья выработали свои приемы ведения земледелия в экстремальных условиях, или в зоне рискованного хлебопашества. Многие знания и опыт давались эмпирическим путем, ибо официальная агрономия Забайкалья в то время не существовала. А.А. Кауфман, один из исследователей экономического быта и способов полеводства крестьян Сибири, писал: «В сущности говоря, вся история агрономической помощи до начала 90-х гг. прошлого столетия – это история отсутствия агрономической помощи»⁵⁷. Это было характерно и для Забайкальского региона.

В сложных природно-климатических условиях Забайкалья русские крестьяне в процессе адаптации и накопления опыта народной агрономии проявляли настойчивость, смекалку, творческий подход к приемам земледелия и изобретательность. Причем эти опыты велись с самого начала первых запашек и в продолжение длительного времени. Новые переселенцы-колонисты из разных областей России вносили свои дополнения к усовершенствованию хлебопашества и огородничества. На новых местах крестьянин эмпирическим путем познал особенности почв, вел метеорологические наблюдения, создавал удивительные по верности и наблюдательности приметы, осваивал и выводил нужные сорта зерновых и огородных культур, не имея надежной гарантии в успехе этих мероприятий и опытов. Он сам в одном лице был и пахарем, и агрономом, и естествоиспытателем. «Опыты крестьян явились одной из форм развития народной агрономии – неписанного свода приемов и правил, рожденных в процессе трудовой деятельности»⁵⁸.

Отсутствие государственной агрономической помощи земледельцам Сибири и Забайкалья, а также незнание биологии размножения, например, кобылки и методов борьбы с вредными насекомыми, иногда заставляло местную администрацию привлекать различных искусных людей «с целью определения как, например, размножается кобылка,

как уберечь хлеба от засухи» и пр. Один из таких примеров обнаружил в Читинском областном государственном архиве Е.Д. Петряев: «В 1765 г., — пишет он, — администрация Нерчинских заводов, обеспокоенная гибелью части молодых всходов хлебов, решила “велеть заводскому лекарю с искусными людьми иметь рассуждение: кобылка семена свои в земле зарывает ли, чтоб в земле лехчи не замерзли, а весной бы родились кобылки, или же семена не боятся стужи, или само собой от ветров, или от других движений те семена засеваются и то делается само собой и по рассуждении на чем положиться в здешнюю канцелярию репортовать”...» Через несколько дней местные натуралисты-естествоиспытатели дали следующий ответ: «...Точно утверждать не можно, каким образом оное происходит, но двояко думать должно: во-первых, может статься, что та кобылка осенью в земле или ущелиях каменных находит от стужи и ненастия себе убежище, и тамо во всю зиму недвижима пребывает, весною же, от теплоты и влажности земли оживлена, бросая семена свои — подобных себе производит...; во-вторых, и то статься может, что та кобылка семена свои осенью в удобное, по натуре ей определенное, место кладет, которое весною вышеписанным же образом, т. е. через теплоту зарождается, ибо и мухи, которые обыкновенно в покоех живут, по наступлении стужи пропадають, а весною, хотя семян их не видимо и не примечено, по градусе теплоты больше или меньше появляются. Так, едина теплота в состоянии оных кобылок либо самих оживлять или из их семян новых произвести». Господин заводской аптекарь тоже подтверждает. И вот какой совет дают краеведы-натуралисты: «... Во истребление оных кобылок и семян их следующее за полезное признается, а именно — опалки, которые чинятца весною, учредить осенью, ибо из того троякую прибыль получить можно; первое, осенняя опалка не вредит лесу и не препятствует возрасту его, ибо тогда соки их в кореньях находятца; второе, зола или пепел, оставшиеся от опалки, имеют в себе части соляные, смешавшиеся со снегом весною, хорошую траву произвести могут; третье, вышеуказанные кобылки и семена их чрез огонь истребятца, что однакож от власти канцелярии зависит оную опалку опробовать или отвергнуть...» «Репорт» приняли к сведению, но практически осенние опалки (палы) использовались редко из-за стремления сохранить сухой травостой в качестве корма для скота на зимнем выпасе⁵⁹.

Как видим из приведенного документа, местные крестьяне исполь-

зовали весенние палы как одно из средств борьбы с сорняками и кобылкой. Местные натуралисты, основываясь на крестьянском опыте, рекомендуют администрации опробовать опалки «учредить осенью», и в общем-то дают правильный совет, но, не учтя того обстоятельства, что в Забайкалье скот пасли зимой на подножном корму. Сжигать травы осенью и тем самым лишаться зимних выпасов охотников не нашлось или их было мало. И это несмотря на то, что для русского населения Забайкалья «земледелие было основным занятием, скотоводство, охота, рыболовство, ремесло и промыслы имели подсобное значение, только у части казаков преобладало животноводство, испытывавшее сильное бурятское влияние»⁶⁰.

«В XVIII и в XIX вв. захватное земледелие было господствующим для всего Забайкалья. Закон 1828 г. разрешал каждому крестьянину Восточной Сибири расчистку леса с правом сорокалетнего пользования расчищенным участком. Такие участки (“чертежи”, “росчищи”) крестьяне называли божьей паухой, имея в виду, что свежая земля давала без особого ухода хороший урожай на протяжении многих лет. Крестьяне смотрели на росчищи как на собственность лиц, вложивших в них свой труд. С увеличением населения Забайкалья общество сократило срок пользования расчищенной землей до 12 лет». Это вызвало недовольство старожилов – владельцев таких расчищенных пашен и породило много земельных споров⁶¹. Но это особый вопрос и писать об этом надо в отдельной работе. Раскорчевка и расчистка были очень трудным, тяжелым делом, требующим много сил и труда. Они были под силу только сильной крестьянской семье, которая имела несколько мужчин и несколько лошадей.

В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге обнаружен солидный труд «О поземельном устройстве населения Забайкальской области». В этом документе конца XIX в. на 587 листах представлен очень разнообразный и богатый материал. Готовили его весьма подготовленные люди с широким привлечением законодательных актов о поземельном устройстве Сибири, с обильным привлечением специальной литературы, в т. ч. и этнографической. Поэтому мы к этому источнику относимся с доверием, хотя в нем есть некоторая недосказанность и некоторые данные приведенной информации не всегда бесспорны. Отдельные важные материалы, касающиеся нашей тематики, мы приведем ниже.

В этом деле сообщается, что в конце XIX в. в Забайкальской области «пахотной земли считается 1500000 десятин, несколько более того — лугов и сенокосов и около 9000000 прочей удобной и необработанной земли... Большая часть земель, находящихся под пашнями, расчищена из-под лесов. Такая расчистка представляет значительные затруднения и длится несколько лет (необходимо сначала подрубить деревья, дать им высохнуть, чтобы можно было срубить и сжечь их, наконец, дать достаточно сгнить верхним частям корней). Несколько лет земля, удобренная золою сожженного леса, дает удовлетворительные урожаи, а затем оставляется отдыхать, иногда на десяток лет, чтобы накопить новый запас сил»⁶².

Краткое перечисление всех работ и сроков, необходимых для получения расчищенного участка земли, приведенное в этом документе, не показывает всей трудоемкости процесса расчистки. Для наглядности приведем некоторые литературные и также полевые материалы, записанные нами в селах Забайкалья в 1970–1990-е гг.

Ф.М. Гарнич-Гарницкий, например, сообщает: «Поля разделяются часто из-под леса, для чего сибиряк известную часть леса, по тамошнему выражению, чертит. Очертить лес — значит на известном лесном пространстве, на высоте четверти от земли снять кору с дерева, вследствие чего дерево умирает и таким образом получается целая площадь сухого леса. Тогда этот лес поджигают и следят за тем, чтобы пожар распространился во всей очерченной территории. Пожар распространяется весьма быстро, причем иногда захватывает и здоровый лес... Так подготавливает сибиряк свои поля, которые дают ему такие обильные урожаи»⁶³.

Еще раньше Н. Щукин, известный краевед, писал: «Приготовить новину для пашни — труд тяжкий, особенно для небогатого крестьянина. В первое лето он успеет снять кору с дерев, года в два они засохнут, тогда под каждое дерево кладет огонь, бревно (точнее дерево. — *Ф.Б.*) подгорает и падает. После того пускает общий пал, и лежащие колоды сгорают, удобряя землю пеплом. В следующее лето он поднимает сохой дерн, выдирает оставшиеся корни, камни, словом сказать, пашня идет под посев в седьмое, восьмое или девятое лето, зато урожай бывает по большей части сам-тридцать. В продолжение 10 лет пашня дает не менее сам-пятнадцать, потом ее бросают лет на 10»⁶⁴.

Процесс расчистки лесных площадей под пашню более подробно

описан в «Материалах комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области»⁶⁵. Автор-составитель выделяет два типичных способа расчистки лесных массивов под сельскохозяйственные угодья: медленный «чертеж» и скорый – «сыросека», хотя встречается и смешанный, третий способ, заключающийся в применении приемов расчистки как «чертежа», так и «сыросеки». Медленным способом разрабатывается таежное пространство из-под крупного леса: лиственничного или соснового от 5 до 15 вершков в диаметре, березового или осинового, толщиной в 5–6 вершков. Для того чтобы на предназначенном к освоению участке лес засох, крупные деревья «зачерчиваются», иначе «подсачиваются», т. е. их кора на высоте от 11/5 до 2 аршин от земли снимается широкой полосой (в 5–6 вершков и более). Эта подсочка обычно производилась в конце мая – начале июня, когда деревья особенно чувствительны ко всякого рода повреждениям и раз хорошо зарубленные, зачерченные оправиться уже не могут. Поврежденные деревья увядали; лес высыхал на корню, молодые деревья погибали в сравнительно короткий срок, старые – в более продолжительный. Быстрее других деревьев замирала береза, которая после «чертежа» скоро теряла все соки и через два-три года падала, сосняк погибал через три-четыре года после подсочки, менее поддавалась разрушению лиственница, которая усыхала не ранее 8–10 лет. Еще несколько лет стояла на корню, пока окончательно не подгниет.

Зачерченный лес постепенно превращался в сухостой, который частью вырубался на дрова и на хозяйственные нужды, частью сам валился от ветра. По мере подгнивания корней их извлекали из земли и приступали к полной расчистке участка. Молодые поросли вырубались, а пни и их корни окапывали – подрубали копаницей и выкорчевывали, выворачивали. Уцелевший сухостой валили с помощью веревки, наброшенной на их верхушки. Крупные деревья и те пни, выкорчевывание которых представляло значительную трудность, оставляли на участке и при дальнейшей его обработке опахивали. Весь валежник и негодный к потреблению сухостой собирали в кучи и сжигали. Вся эта работа продолжалась несколько лет исподволь в свободное от других сельскохозяйственных занятий время и обычно по талой земле. Операция всей расчистки была очень трудоемкой и требовала много сил и времени. Подсчитано, что для расчистки путем «чертежа» одной хозяйственной десятины из-под леса средней густоты и возраста затрачи-

валось от 25 до 50 людских поденщин и от 5 до 10 – конских. Больше всего времени требовалось на выкорчевку пней – от 20 до 40 дней⁶⁶.

К такому медленному способу расчистки леса прибегали обычно маломощные хозяева. Стоимость расчистки одной хозяйственной десятины способом «чертежа» обычно оценивалась суммой 20–25 рублей (вероятно, в редколесье), иногда доходила до 100 и более рублей.

Второй, более быстрый способ расчистки участка под пашню, назывался «сыросека». Он чаще всего применялся при мелколесьях, а встречающиеся в лесу крупные деревья извлекаются с корнями, мелкие деревья и кусты вырубаются. Корни их подсекались копаницей и извлекались с помощью лома и лопат. С расчищенной площади вывозили пригодный для хозяйственных нужд материал, а корни, сучья, мелкие деревья складывали в кучи и сжигали. В конце XIX в. в связи с запрещением сжигания оставшихся куч на расчищенном участке из-за опасения лесных пожаров их складывали в стороне от поля. Вся описанная выше операция производилась в течение одного и того же летнего периода и уже следующей весной поднятое поле засевалось или поступало под паровую обработку. Стоимость подготовки пашни таким способом зависела от густоты леса и его возраста, и колебалась между 20 и 150 рублями на одну хозяйственную единицу⁶⁷.

Практиковался и третий – смешанный способ. Он требовал, в отличие от «сыросеки», меньшей затраты труда, а в отличие от «чертежа» позволял ввести лесной участок в хозяйственный оборот, в культуру в значительно более короткий период времени. Расчищенная таким способом площадь иногда поступала под посев уже на третий год со времени зачерчения. Этот способ был доступен, конечно, только зажиточным людям, ибо требовал единовременных значительных затрат труда и денег. В Забайкалье из всех трех приемов наибольшее распространение имела «сыросека». Ввод в культуру лесных площадей изпод мелкого березняка и редколесья не требовал значительных затрат. «Чертежи» применялись там, где наблюдалось утеснение в земельных угодьях (особенно в бассейнах рек Хилка и Чикоя), где в многолюдных старообрядческих селениях возникала острая нужда в увеличении запашки⁶⁸. Как видим, в исторической литературе и в описаниях некоторых краеведов и путешественников мы часто встречаем некоторые схематические описания «чертежа». При прочтении подобных описаний создавалось впечатление, что весь лес на участке, подготовленном к

расчистке, сжигался. Но в работе М. Бутовича все расставлено по своим местам, наглядно показано, что крестьянин, прагматик и реалист, рачительно подходил к выкорчевке леса: все то, что могло пригодиться в крестьянском хозяйстве, не уничтожалось, не сжигалось, а срубалось и вывозилось заблаговременно. Сжигали на новой пашне все то, что не представляло особой ценности для хозяйственных нужд. Это подтверждал и в беседе со мной потомственный крестьянин с. Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии Иван Андреевич Рыжаков, 1907 г. р., который, рано оставшись сиротой, сам с детства познал многое из крестьянской жизни: ему пришлось расчищать лесные участки под пашню в местности Барка, где выходцами из названного села был образован новый поселок. Рыжаков рассказывал: «Строевой лес и деловую древесину вырубали заранее и вывозили обычно зимой, мелкие деревья и кустарники под корень срубали весной, часть леса сгнивала, особенно березняк. Большие деревья и камни не убирали с пашни, их опахивали. Раскорчевка длилась несколько лет. Оставшиеся пни уже при пахоте окапывали копаницей. Пахарь шел за сохой, а за поясом, иногда тканым, иногда за кушаком – была копаница. Подъезжая к пню, обычно соха цепляла за корень, умный конь останавливался или его останавливал хозяин, и пахарь начинал окапывать пень, окапав, продолжал пахать дальше. Так, постепенно пашня освобождалась от пней, корней, камней⁶⁹. Зато в будущем эти лесные пашни оправдывали себя, так как даже в засушливые годы на этих лесных угодьях получали неплохие урожаи хлебов.

Важно отметить, что при выборе участка для расчистки крестьяне отдавали предпочтение таким землям, в которых была хорошая толщина почвенного слоя и меньшее присутствие в нем дровесы и камней. Обычно расчищали участки, поросшие березами, так как почва под ними богата перегноем. Особенно благоприятны были земли из-под «черноберезника», встречающегося в бассейнах Газимура и Унды. Также пригодными для расчистки считались лиственничные леса: почвы под ними содержала много гумуса. Менее плодородными считались земли из-под осинника и особенно из-под сосняка. При этом боровые места обычно не расчищали, так как почва на них была малопригодной для выращивания хлебов и не окупала расхода, затраченного на обработку⁷⁰.

Долголетний опыт подсказывал крестьянину, как и где выбирать участок – на возвышении ли, на солнцепеке ли и с какой толщиной

почвенного плодородного слоя. В каждом отдельном случае земледелец учитывал массу самых разнообразных, подчас мельчайших обстоятельств, знания которых ему были крайне необходимы, и они были подсказаны ему близким знакомством с естественным состоянием своей местности и постоянной практикой. Вот почему нам кажется несколько поспешным и неверным утверждение авторов книги «Опыт народной агрономии в Сибири», которые опрометчиво пишут: «В Забайкальской области урожаи хлебов нередко больше зависели от метеорологических условий и рельефа местности, чем от доброты почвы»⁷¹. Качество и доброта почвы имели большое значение. Урожаи хлебов зависели от всех указанных факторов.

Так, благодаря постоянному тяжелому труду русских крестьян росли посевные площади в горно-таежной местности, а также валовые и товарные сборы хлебов в Забайкалье. Благодаря полеводству развивались народная агрономия, мукомольная промышленность, ткацкие крестьянские промыслы, активно развивалась обрабатывающая промышленность, торговля, расширялась горнодобывающая промышленность.

О господствующей системе земледелия в Забайкалье у ученых нет единого мнения. Н. Бутович таковой считал залежно-паровую, при которой посевы чередуются с парами и залежью. Этот автор утверждал, что залежь (перелог) в значительной части области играет в системе местного полеводства первенствующую роль, так как является одним из наиболее распространенных способов восстановления производительных сил почвы⁷². И.А. Асалханов, исследуя системы земледелия в Забайкалье, пришел к выводу, что в Сибири «не было единой системы полеводства» и что только в Восточном Забайкалье была развита залежно-паровая система, в Западном Забайкалье, как и во всей Восточной Сибири, господствовала двухпольная паровая система земледелия⁷³. Архивные материалы подтверждают точку зрения И.А. Асалханова. В одном из документов читаем: «В Забайкалье во второй половине XIX в. официально существовал 15-десятинный размер надела на мужскую душу. Кроме того, на родившегося мальчика наделяли 3 десятины. 3 десятины выделяли и на ссыльнопоселенца». «В трех округах – Баргузинском, Верхнеудинском и Селенгинском, в которых была расположена основная масса крестьянского населения, отношение количества паров ко всей площади мягкого поля колебалось от 44,1 % до

48 %, т. е. система земледелия у большинства крестьянского населения приближалась к двухпольно-паровой. На одну наличную душу приходилось земли 3,25 десятины в среднем»⁷⁴.

В Государственном архиве Читинской области в деле «Землевладение и хозяйство в Забайкальской области», относящемся к 1917 г., читаем: «Техника полеводства не ушла далеко. В трех волостях Западного Забайкалья, где о земельном просторе не может быть и речи, держится до сих пор двуполье. В Восточной же части области двуполье еще медленно сменяет господствующую залежную систему полеводства. В малоземельных волостях, расположенных по низовью реки Селенги, население с давних пор практикует удобрение полей навозом. Здесь упрочилось трехполье, а в Кабанской волости многие хозяева перешли к четырехпольной системе полеводства с применением травосеяния»⁷⁵. Как видим, с введением в оборот всех пригодных для земледелия площадей, с нарастанием малоземелья пар становится одним из главных приемов восстановления и повышения плодородия почв. Пар был не только одним из способов восстановления плодородия почвы, а являлся еще и накопителем влаги. А это свойство пара и было подмечено земледельцами засушливого Забайкалья. Посев хлеба по пару всегда оправдывал надежды крестьянина.

Приемы повышения плодородия почв, применяемые в Забайкалье, мало отличались от приемов и способов, выработанных крестьянами Сибири, за исключением отдельных особенностей, характерных для засушливых мест. Об этом некоторое представление дает архивный материал: «Обработка полей и способ хозяйства в Забайкалье, — говорится в документе, — разнообразны, на что оказывает влияние как качество земли и искусственное орошение, так и род возделываемого хлеба и даже племенные (т. е. этнические. — *Ф.Б.*) особенности земледельцев. Так, например, в Баргузинской округе господствует залежная система, причем пашни чередуются через три-четыре года; в Нерчинско-Заводской округе благодаря лучшей почве пашней пользуются до десяти лет сряду, после чего дают отдых на год или на два и затем распахивают заново; в Верхнеудинской и Селенгинской округах паровые земли до посева перепашивают два-три раза, а где есть орошение, сильно увлажняют. В остальных округах практикуется частью двухпольная, частью переложная система. Инородцы при необходимости переменить пашню запахивают обыкновенно новые участки, что

представляется для них доступным, т. к. в их пользовании находятся обширные пространства»⁷⁶.

Крестьяне Забайкалья опытным путем установили в каждой местности сроки и способы обработки земли под пар. В этом краю первая вспашка земли под пар велась обычно с 1 по 29 июня по старому стилю⁷⁷. В Бичурском районе М.И. Афанасьев мне рассказывал: «Если заготовишь хороший пар – и полоть не надо». На первый ряд пары поднимали в июне, обычно до Петрова дня и боронили их через 10–15 дней, а на второй ряд пахали с Прокопьева дня и боронили двойные пары в августе. В Новой Бряни (ныне Заиграевский район Бурятии) пары начинали поднимать с 1 июня (ст. ст.), двоить их (пахать на второй раз) начинали с Петрова дня (29 июня ст. ст.)⁷⁸.

И.А. Рыжаков, уроженец с. Большой Куналей, сам прошедший «школу» хлебороба, знаток старины, рассказывал: «Если не успел вспахать пар к Петрову дню, то хоть метлой замети или, если не успел сохой вспахать, то вершинкой (ветвистая вершина березки, которую крестьяне использовали в качестве метелки. – *Ф.Б.*) замети, и в этом случае земля будет называться паром, будет париться, паров, пару-влаги наберет, улучшится структура почвы, земля обогатится. Двоили пашню к Ильину дню. Это был настоящий пар. Троили редко. Или только под особые сельскохозяйственные культуры (например, под картошку), которые требовали рыхлой, отдохнувшей, обогащенной влагой почвы. Вообще-то не троили, а просто пар боронили. Это был “законный” пар. Если в первый год пар был хорошо промочен дождем и по нему проросла трава, то на будущий год пар хотя бы взборони – все равно урожай будет»⁷⁹. Такова была уверенность крестьянина, подготовившего пар для нового урожая.

Подобный способ обработки паровой земли был зафиксирован уже в конце XIX в. Н. Бутович сообщает, что в Забайкальской области боронованием часто заменяли лишнюю пахоту, так что вместо двоения и троения паровых полей их только проборанивают⁸⁰. В сырую же погоду старались избегать бороны поле, так как размешенная бороною грязь легче затягивается коркой.

Крестьянами Забайкалья также было замечено, что «если пары двоить после последних чисел июля, то они будто теряют силу»⁸¹. Поэтому в ряде мест с пахотой старались управиться к 20 июля (к Ильину дню). На август ее переносили лишь при сухой погоде.

Бороньба в Забайкалье в общем цикле сельскохозяйственных агротехнических работ имела существенное значение: от способа ее выполнения в значительной мере зависела способность поля противостоять вредному действию засухи и сорных трав. С помощью бороньбы очищали поля от корней, сучьев и поросли после расчистки и поднятия залога.

Чистый пар являлся лучшим предшественником для сельхозкультур, он поддерживал плодородие почвы и продлевал сроки эксплуатации пашни, обеспечивал получение высоких урожаев. «Приемы и способы обработки земли, выработанные многолетней практикой народной агрономии, исходили из местных условий»⁸². Этот вывод современного исследователя применим и для Забайкалья.

В рамках изучаемого нами периода основным занятием русского населения Забайкальского края было земледелие. Оно определяло благосостояние русского крестьянства. Правда, исследователи XIX в., учитывая все географические, природные условия этого региона, отмечали, что «хлебопашество в области является занятием рискованным, требующим неусыпной бдительности, опытности и много трудолюбия»⁸³. Это действительно так. Русские крестьяне Забайкалья обладали этими качествами. Только благодаря их трудолюбию, наблюдательности, терпению, предприимчивости, сноровке и опытности русское земледелие росло, развивалось и давало относительный достаток крестьянским семьям, несмотря на суровые, часто неблагоприятные условия местного климата.

Одна из особенностей забайкальского климата – его резкая континентальность и засушливость. Засухи – бич местных земледельцев и скотоводов. Одна засуха может свести на нет все круглогодовые хлопоты, а то и труд нескольких лет крестьянина, уничтожив его урожай и подкосив животноводство. Но в этом неустойчивом в погодном отношении крае русские крестьяне, я полагаю, не без опыта местных бурят, нашли превосходный способ, как уберечься от суховея, от засухи. Они стали устраивать оросительные системы, заимели поливные пашни и покосы, что позволило им получать хорошие, устойчивые урожаи хлебов, овощей и трав даже в самые неблагоприятные засушливые годы. Такие оросительные системы в Западном Забайкалье действовали, прежде всего, в бассейнах рек Баргузин и Селенга, в долинах Иволги, Оронгоя, по Хилку, в Бичуре. Меньше – по берегам Ингоды, Аргуни⁸⁴.

История появления в Забайкалье поливного земледелия, ирригационных систем уходит в глубь веков. Древние ирригационные сооружения в Забайкалье называют «баргутскими канавами». Но свое возрождение мелиорация переживает в связи с развитием русского земледелия. Это было одно из эффективных средств воздействия на плодородие земель (пашен и лугов). При орошении в засушливые годы урожайность сельскохозяйственных культур увеличивается в 2–3 раза. Если пшеница в неблагоприятное засушливое лето дает урожай в Южной Сибири 5–7 центнеров с гектара, то на поливных пашнях ее собирают по 35 центнеров с гектара⁸⁵. В с. Новая Брянь Заиграевского района Бурятии известный полевод С.К. Киселев в 40–50-е гг. XX в. получал на поливных пашнях по 46–54 центнера с гектара⁸⁶.

Поливы пашен из-за частых засух были вынужденным, но эффективным способом. Вероятно, одними из первых прибегли к этому приему повышения урожайности своих хлебов старообрядцы. В генеральном отчете об управлении Иркутской губернией за 1840 г. отмечено: «К улучшению полей еще заведены в Верхнеудинском уезде у раскольников и частью у инородцев тамошних и с недавнего времени в уезде Нерчинском между поселенными там с 1811 года кавказскими переселенцами (украинцами, выходцами с Северного Кавказа. – *Ф.Б.*) так называемые поливные пашни»⁸⁷.

Декабрист Н.А. Бестужев считал применение оросительных канав бурятским изобретением: «буряты первые начали поливать свои луга и пашни отведенными горными речками. Они выучились у русских пахать землю; за то, в свою очередь, русские теперь переняли у них искусство орошения...»⁸⁸ В Бурятии в ряде мест сохраняются заметные остатки древних оросительных систем, но принадлежали ли они бурятам, сказать трудно. Можно согласиться с мнением Е.М. Залкина, утверждавшего, что «буряты лишь возродили давние традиции поливного земледелия, существовавшего некогда в Забайкалье вплоть до долины Баргузина»⁸⁹. Буряты орошали сенокосные угодья, утуги – унаваживаемые и орошаемые участки лугов.

Архивные материалы тоже свидетельствуют: «Климатические особенности этих мест вынуждали забайкальских крестьян прибегать к следующему приему. Многие из них завели две пашни: одну – в степи, на открытом месте, где хлеб поспевал быстрее, другую же – в «пади» (в ложине между гор), в лесу, на поливных полях, так как здесь урожай

был обеспечен от засухи. Часто такие поля оказывались на значительном расстоянии от селений, в таком случае крестьяне строили жилища (юрты, дома), в которых проживали в период пахоты и сева, прополки и уборки урожая⁹⁰.

«Было распространено заимочное владение землей. Все пахотные земли были распределены между крестьянами, казаками и бурятами. Нормы надела были разные для всех этих групп населения. Меньше всего удобной земли было у крестьян, но зато каждому по силам его предоставлялась полная свобода расчищать любое пространство из-под леса и кустарников или иначе образовывать для себя заимку»⁹¹. Причем расчищенным участком крестьянин пользовался в течение 40 лет.

Но с увеличением народонаселения и массовой вырубкой лесов, с проведением железной дороги резко сократились возможности охоты. Это привело к сокращению выпасов. Наступившее малоземелье не способствовало развитию скотоводства в русских селениях Западного Забайкалья. Вот почему здесь получает свое развитие орошение полей как надежная гарантия получения устойчивого урожая хлебов. В Верхнеудинском уезде в начале XX в. орошение имелось в 54 селениях, а в Селенгинском – в 37. На первом месте по числу десятин орошаемых пашен и лугов стояло с. Ново-Брянское, где орошалось 1136 десятин пашни и 1704 десятины сенокоса. В других же селениях орошалось примерно от 100 до 500 десятин, а в небольших селах – от 10 до 50 десятин. Общая площадь орошаемых угодий не превышала 15000 десятин⁹². Лугов орошалось больше, чем пашни, которые обычно поливались один раз в год перед посевом и редко два раза: перед посевом и в июньскую жару. Луга орошались не менее двух раз, а в иных местах и три раза.

Ирригационные сооружения или каналы устраивались натуральным трудом всех общественников или отдельной группы лиц под руководством опытных людей из своей же среды. Хотя подобные оросительные устройства не всегда удовлетворяли последнему слову техники. Устройство примитивных на первый взгляд оросительных систем состояло в следующем. В верховье реки, речки, ручья устраивалась запруда или плотина из камней, леса вперемешку с землей, от пруда отводилась канава к пашне или лугам, подлежащим орошению. Канава, как правило, проводилась выше этих угодий. Перед поливом плотину

закрывали и вода направлялась по главной магистральной канаве, в которой ее задерживали запрудой из дерна или специальными щитками, иногда просто досками, напротив полей, которые намечено было орошать. От магистральной канавы проделывались канавы поменьше, которые называли распределительными, ими могли служить и борозды, по ним поступала вода на поля и луга, равномерно распределяемая по всему полю или лугу. Малые канавки тоже назывались оросительными. Трудоемкость проведения и устройства такой канавы зависела от ряда условий: рельефа местности, назначения канавы в зависимости от ее длины и орошения планируемых угодий. Для пашен, например, требовалась более капитальная канава, для лугов неглубокая, в виде обыкновенной борозды, проделанной сохой.

Привожу подробное описание такой оросительной канавы, сделанное одним из путешественников и опубликованное в газете «Сибирь» за 1910 г. (№ 204). «...Миновали долину Иволги, едем по Оронгою. Везде бурятские места с редко вкрапленным русским населением. Казалось бы, среди каменистых гор, среди инородческого скотоводческого населения земледельческая культура должна стоять ниже, чем в остальной Сибири с преобладающим русским населением, сжившимся с “пашенным делом”, а между тем, наоборот, здесь земледелие стоит выше уж по одному тому, что местное население сумело устроить поливные пашни и покосы и тем обеспечить себя от засухи, а следовательно, от неурожая. Просто диву даешься, когда видишь оросительную канаву, ползущую в гору как будто наперекор здравому смыслу. Но это только так кажется на первый взгляд. Когда приглядишься, то станет понятна та смекалка, с какой велась нивелировка канавы, по которой течет вода, заведенная с вершины речки за десятков и больше верст. Надо удивляться умению местного населения, которое без всяких нивелиров и других инструментов сумело провести воду среди горного характера местности, изрезанной падами и подушками (балки). С замечательным умением эта вода распределяется между поливными полями и покосами. Тут выработана целая система поливного хозяйства и создан целый ряд правовых отношений, как в отношении участка пользования водой, так и в отношении устройства оросительных канав. В этом районе полный неурожай возможен лишь в том случае, если только вследствие засухи пересохнут речки, питающие оросительные канавы»⁹³.

Другой автор тоже пишет: «Территория инородческой Барун-Хар-

ганатской волости (Хоринское ведомство) со всех сторон тесным кольцом охвачена землями крестьян многочисленных старообрядческих волостей: Куналейской, Никольской, Мухоршибирской и Ключевской. Население этих волостей чисто земледельческое, весьма энергичное и трудолюбивое, превратившее вековую тайгу в житницу Забайкалья. Долина реки Тугнуя была предоставлена для кочевков бурятам еще указом царя Алексея Михайловича. Крестьяне на нее не посягали до тех пор, пока была возможность расширять запашки за счет таежных пространств. Крестьяне расчищали тайгу, проводили оросительные каналы, осушали болота, весьма тщательно возделывали землю, получали прекрасные урожаи и достигли известной степени благосостояния. Сориться с инородцами не было причин. Соседи уживались мирно...»⁹⁴

Устройство такой оросительной канавы мне удалось проследить в 1968 г. недалеко от с. Калиновка Мухоршибирского района Бурятии, недалеко от тугнуйской степи. Канавы прорыта по западному склону отрога хребта. Исток ее находится в тайге. Вода ключа перепружена и направлена по канаве, длина которой не менее трех километров. Она проложена по ровному склону, то спускается в естественные низинки, образуемые неровным рельефом каменистого горного края. Перебираясь через каменное ложе скалы, щели которой плотно заделаны кошмой и шерстью, и затем чудом ползет в гору и выбирается на южный пологий склон, обширная подошва которого образует прекрасный луг, который орошается водой этой удивительной канавы, проведенной так искусно неизвестным мелиоратором местного улуса.

Проведение канавы было делом трудоемким и ее устройство было под силу нескольким хозяевам. «Так, например, в селении Надеинском при устройстве канавы глубиной три четверти аршина и шириной полтора аршина было затрачено 50 поденщин на одну версту, а в селе Куйтунском почти такая же канава потребовала 162 поденщины на одну версту». Существенные затраты общества обычно с лихвою окупались. В упомянутом с. Надеинском оросительная система обошлась в 200 рублей. Орошается 20 десятин, т. е. на десятину затрачено 10 рублей, в Куйтуне на десятину падает 8 руб. 70 коп., а в селении Архангельском – 30 рублей⁹⁵. В этом селе «орошение существует 25 лет и орошается 150 десятин и с самого начала по настоящее время на него затрачено 4500 рублей. Таким образом, в год на одну десятину затрачивается 1 руб. 20 коп. В селе Куйтунском орошение существует

30 лет и устройство его обошлось в 8 руб. 70 коп. на одну десятину. Следовательно, годовой расход на одну десятину выражается всего только в 29 коп. При поливе покосов урожай трав резко повышался. Обычно за лето луга поливали два-три раза, с 20 апреля до первых чисел июля. В сел. Бичурском магистральная канава... обошлась в переводе затраченного труда на деньги не дороже 50 руб. за версту, но в других русских селениях затраты были значительны. В с. Малетинском сооружение заградительных плотин и магистралей (длиною свыше 6 верст) потребовало усиленного 8-летнего труда и исчисляется населением свыше 6000 рублей. В с. Николаевском устройство ирригации на 130 десятинах при магистрале глубиною до 1 аршина и шириною в 1,5 аршина оценивалось населением свыше 2000 руб.»⁹⁶ Но все затраты оправдывались. В деревне Пестеревой орошаемые луга давали 175 пудов сена, а неорошаемые – 70 пудов⁹⁷. Словом, польза от орошения была существенной.

Дело с орошением полей успешнее шло там, где за него принимался «сельский мир» – крестьянская община. Привожу свидетельство читканского волостного головы Калмыкова: «В некоторых селениях, где только была возможность, устроили водопроводные каналы местами через скалистые горы; устройство этих водопроводов крестьянских обществ стоит значительных затрат единовременно и особо каждогодне на расчистку употребляют до 10 и более дней всем селением крестьян, которые занимаются посевом хлеба, ибо они, зная, что если им не полить перед посевом хлеба землю, то она вследствие песчаного грунта и существующих каждогодне бездождей не принесет никакой пользы и только будет лишь бесполезная затрата работы и семян». Вот как серьезно относились крестьяне к поливу пашен. В ряде мест «из-за невозможности поливать пахотные земли крестьяне сокращали хлебопашество до минимума, терпя недостаток и нужду», – сообщал автор⁹⁸.

В Забайкалье применялся и такой искусственный способ орошения полей, какой мог зародиться только в горной местности. Его особенность состояла в том, что крестьяне в этом крае орошали почву методом накопления наледи на своих полях в течение зимнего периода. Они на зиму перепруживали горную речку. Вода разливалась и замерзала на полях толстым слоем льда, который весной таял и увлажнял землю⁹⁹. Для Забайкалья это был неплохой способ. Почва впитывала влагу

и меньше высушивалась весенними суховеями, которые были бичом забайкальского земледельца. Один из исследователей Забайкальского края Н.С. Щукин писал: «Неурожаи происходят преимущественно от весенней засухи... Осенью губит хлеба другое зло: снега падают поздно, в декабре, январе; пашни с озимями остаются без крыши и подвергаются выдувкам. За всем тем плодородие почвы изумительное. Пашня никогда не удобряется навозом, но поддерживается лет двадцать трехпольным хозяйством, а потом бросается лет на десять. Обыкновенный урожай сам-8, сам-10, хороший – сам-15»¹⁰⁰. В 1880-х – начале 1890-х гг. в Забайкалье начинают орошать поля и с помощью насосных станций. Так, предприниматель Н.И. Голдобин, арендуя солеваренный завод Министерства государственных имуществ, соли не вываривал, а занимался сельским хозяйством и занимался успешно. В докладе Ф.М. Гарнич-Гарницкого в общем собрании Императорского вольного экономического общества «Из поездки по Восточной Сибири» 12 ноября 1893 г. говорится: «Он (Голдобин. – *Ф.Б.*) устроил замечательное орошение своих полей, для чего воспользовался не только теми речками, которые имеют течение выше уровня полей, но также и теми, которые текут ниже, из которых воду он поднимает насосами, и таким способом он поливает все 13 тыс. десятин, которые он эксплуатирует самым замечательным образом»¹⁰¹. Развитие ирригации, вероятно, зависело от условий местности. Так, в Брянской волости, расположенной в бассейне Уды, искусственное орошение практиковалось в трех селениях. В Старо-Брянском оно занимало 75 %, в Ново-Брянском – 33, в Нижне-Талецком – 10 % всей возделываемой крестьянами площади¹⁰².

Из всего сказанного можно заключить, что искусственное орошение пашен и лугов являлось на территории Забайкальского края «могучим средством борьбы против засух». В архивном документе Читинского областного архива сказано: «Условия забайкальского рельефа предоставляют населению возможность пользоваться этим средством без возведения дорогих и сложных гидротехнических сооружений. По сведениям статистического отдела забайкальской переселенческой организации, в 1915 году было орошено пашен 17862 десятины, покосов – 51972 десятины»¹⁰³. Площадь эта невелика и далеко не исчерпывает возможности широкого развития дела орошения области, ибо под посевом в этом году было занято в Забайкальской области 677879 десятин¹⁰⁴ и, по данным переписи 1917 г.,

в земледелии Забайкальской области было занято 75 % населения¹⁰⁵.

Забайкалье было крестьянским краем. Важной отраслью хозяйства русских крестьян Забайкалья было огородничество. Особенно сильно оно было развито у старообрядческого населения области. Но эта тема требует особого рассмотрения. В данной статье хотелось бы вкратце осветить особенности полива огородов у разных групп русского населения и в разных селениях. Еще в самом начале зарождения русского земледелия казаки и крестьяне, прибывшие в Забайкалье, стали заниматься выращиванием овощей. Огородничество в Забайкалье имело подсобное значение. Оно служило в основном для личных нужд и потребностей. Капуста, брюква, морковь, укроп, бобы, горох, огурцы, репа, редька, редис, свекла (бураки) – все это потреблялось в крестьянской семье. Для этой продукции не было особого рынка сбыта. Но в ряде мест Забайкалья выращивали лук, чеснок (Бичура, Новый Заган), бахчевые – арбузы, тыквы (Селенгинск, Усть-Кяхта и др.). Значительная часть этой продукции шла на рынок. Богатыми огородами славилась Бичура. Там выращивали много лука и других культур, но отдаленность села от городов и рынков сбыта (200 км от Верхнеудинска, 100 км от Кяхты) сдерживало развитие огородничества. Выращенный лук (некоторые хозяева собирали по 40–50 мешков) до Верхнеудинска сплавляли на плотах по рекам Хилок и Селенга. Обычно плыли 8–9 суток. Выращиванию лука способствовали хорошие природные условия и трудолюбие русских крестьянок. Село расположено по берегам полноводной речки Бичурки и на ровной местности. Это позволило устроить ряд оросительных канав и пустить воду по улицам села и огородам. В огородах воду запускают между гряд, протяженностью иногда до 50 и более метров.

Гряды с овощами и луком поливали удобными поливальными деревянными ковшами с длинными ручками. Чаще всего ковши изготавливают из кедра. Они легки и прочны. Там, где на пути канавы встречался овраг, воду через него подавали благодаря устроенным лоткам, лоточкам. Они состояли из нескольких выдолбленных колод, ровно пригнанных концами по диаметру друг к другу и уложенных прочно на опоры из столбиков и перекладин между ними. В некоторых селах, где невозможно было строить канавы, огороды поливали из речек и колодцев. Теплолюбивые и требующие большого вегетационного периода культуры выращивались в рассадниках и парниках, которые устраи-

вали мужчины, но основная работа и уход за огородными культурами лежала на женщинах (посадка, полив, прополка, обработка и др.).

Полагаясь на опыт бичурских крестьян-старообрядцев и учитывая благоприятные природно-климатические условия, при с. Бичура Куналейской волости компанией кяхтинских первой гильдии купцов Трубочанинова и Верещагина в 1854 г. устроен Бичурский свеклосахарный завод. Он был освобожден на 10 лет от всякого платежа в казну акциза¹⁰⁶. Завод просуществовал более 100 лет.

Весь огромный опыт создания и развития хлебопашества и огородничества в Забайкалье, опыт выживания в суровых условиях местного климата и природной среды пригодился русским крестьянам и в их дальнейшей еще более удивительной практике земледельческого освоения Якутии, Приамурья, Дальнего Востока, Камчатки. Необходимо отметить, что именно Забайкалье послужило тем надежным плацдармом для развития сельского земледельческого хозяйства в названных регионах. О решающей роли забайкальских переселенцев в развитии хлебопашества в Якутии писал Д.П. Давыдов, который отметил «благодетельный пример», «отличное трудолюбие к возделыванию земли и полное знание этого дела» русскими крестьянами, которые сильно подействовали на якутов-земледельцев Батурусского и Намского улугов¹⁰⁷. Яркие описания развития русского земледелия в Якутии даны в дорожных заметках И.А. Гончарова в его книге «Фрегат “Паллада”» и у И.И. Майнова¹⁰⁸, а также некоторые материалы приведены в нашей книге¹⁰⁹. В них же сообщены отдельные факты земледельческого освоения Амура и Дальнего Востока. Об этом же еще раньше писали А.А. Лебедева и В.А. Александров в указанных выше работах. После заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) трактатов к России отошли Амурские и Приморские области. Освоение Амура и Дальнего Востока русскими людьми хорошо прослежено А.И. Алексеевым¹¹⁰, Б.Н. Морозовым¹¹¹, Ю.В. Аргудяевой¹¹² и Ф.Ф. Болоневым¹¹³.

Примечательно и то, что русские крестьяне, осваивая свободные земли, не замыкались в своих узкосословных или националистических рамках, не противопоставляли себя местному коренному населению, а наоборот, всячески старались приобщить аборигенов к хлебопашеству, поддерживали их стремления к новому виду занятий. Буряты, якуты, эвенки видели их неустанный труд, целеустремленное упорство в достижении целей, их навыки и смекалку и постоянно корректируемый

земледельческий опыт (не без участия местных жителей) в новых природно-климатических условиях и перенимали его, постепенно переходя от кочевого и полукочевого образа жизни к полуседлому. Они под непосредственным влиянием русских крестьян стали возделывать землю, сеять рожь, пшеницу, ярицу, ячмень, овес и просо, приобщились к сенокосению, строительству домов русского типа¹¹⁴. Кстати, по данным РГИА, у хоринцев в конце XIX в. было более 9000 домов, зимних же юрт насчитывалось 1700. Агинские буряты еще держались кочевого традиция и проживали преимущественно в юртах. У них числилось не более 800 домов¹¹⁵.

По свидетельству бурятского летописца Вандана Юмсунова, «к 1790 годам хоринский народ продолжал жить в войлочных юртах, еще не строил дома русского образца, но в отдельных местностях Тугнуя и Хилка у зажиточных людей появились зимовья... Начиная примерно с 1820 г. стали строить русские дома и зимовья во множестве... С 1850-х годов началось массовое строительство таких домов. Были освоены способы согревания и освещения»¹¹⁶.

Как видим, из приведенных фактов под непосредственным влиянием русских крестьян забайкальские буряты все более приобщаются к русскому образу жизни, осваивают крестьянские орудия труда, хлебопашество, строительство домов, загонов, сенокосения и постепенно отходят от кочевничества. Расширяется сфера их хозяйственной и культурной деятельности. Об этом подробно написано в моей работе¹¹⁷.

Необходимо несколько слов сказать и об адаптации русских крестьян к местным географическим условиям, к природной среде. В прежние времена, по нашим наблюдениям, полевым записям, русские крестьяне никогда не селились в местности, открытой ветрам, подверженной холодным течениям воздуха или вблизи болот, а чаще выбирали место на южном склоне какого-нибудь отрога, на берегу речки, реки или озера, где вблизи было достаточно свободной земли для хлебопашества. Такие открытые места назывались еланями или красным яром. Дома и хозяйственные постройки ставили так, чтобы они окнами смотрели на юг. Сарай, загоны для скота тоже своей открытой частью были обращены к югу. Таким образом, русские люди максимально старались использовать световой день, солнечную энергию в свою пользу. Северные и западные стены домов обычно были без окон, а в хозяйственных помещениях (стайках, сараях) скот мог греться на солнце в холодное

время. Глухие стены или изгороди с северной и западной стороны, а иногда и с той, откуда чаще дули холодные резкие ветры, надежно защищали скот. Кстати, в бурятских юртах дверь делалась только на юг. Лес для постройки домов заготавливали обязательно на южных склонах гор. Такие бревна были хорошо пропитаны смолой и в строении не подвергались скорому гниению, стояли целые столетия. Крестьяне сохраняли источники, в пади, где был ключ, лес не вырубали.

Исключительно большое значение русский пахарь уделял культивируемым в Забайкалье культурам. Известно, что матушка-рожь кормит всех сплошь. Этому злаку в Сибири выходец из европейской части России, естественно, уделил самое большое внимание. Но неблагоприятные климатические условия в Забайкалье (малоснежье) заставили крестьянина отказаться от посева озимой ржи. Посевы этого злака вымерзали, поэтому в этом крае предпочтение было отдано преимущественно яровым хлебам. Из культивируемых в области зерновых культур наибольшую площадь занимала ярица. В архивном документе начала XX в. о ней и о других сельскохозяйственных культурах сказано: «Ярица местного происхождения по своему качеству, по отзыву агрономов, почти безукоризненна. Это наиболее приспособленное к местным и климатическим и почвенным условиям растение. Сорта остальных местных хлебов значительно уступают по качеству ярице. Натура забайкальской пшеницы довольно высока, но засоренность полей значительно ухудшает ее качества. Местный овес невысокого качества и среди некоторых хозяев замечается стремление заменить его шатиловским. Гречиха имеет больше распространения в Восточном Забайкалье, нежели в Западном. Натура и качество забайкальской гречихи заслужили одобрительные отзывы специалистов.

Из числа культивируемых в области хлебных растений наиболее урожайным является гречиха, за нею следует овес, затем ярица и ячмень... Последнее место занимает пшеница»¹¹⁸. Об этом же писал в свое время и Г. Шевелев.

Местные условия заставили крестьян отдать предпочтение яровым культурам. Значительное преобладание посевов яровых хлебов в крестьянских посевах свидетельствовало о развитии народной агрономии, о сознательных поисках крестьянами более приспособленных к природно-климатическим условиям Забайкалья хлебов, стимулировала рост посева яровых и большая потребность в них.

Опытным путем были установлены крестьянами и сроки сева, которые свидетельствовали о том, что хлеборобы в своей земледельческой практике учитывали изменившиеся природно-климатические условия.

Основной заслугой крестьянства Забайкалья явилось заселение и освоение им значительных целинных, горно-таежных и степных мест; развитие стихийно-агрономических знаний, определение метеорологических условий, установление сроков земледельческих работ, поиск и культивирование таких культур, которые необходимы были как крестьянскому хозяйству, так и развивающейся промышленности. Благодаря тяжелому крестьянскому труду росли посевные площади, валовый и товарный сбор хлебов, развивалась мукомольная промышленность, ткацкие крестьянские промыслы.

Первоначальное освоение природных богатств Сибири принадлежало аборигенам этих обширных пространств. Затем с присоединением Сибири к России, в том числе Забайкалья, началось интенсивное земледельческое освоение этих мест русским народом.

Земледелие было основой жизнеобеспечения русского населения Забайкалья. Его развитием определялся и уровень жизни, и облик культуры аграрного производства. Оно самым колоритным образом отражало и использовало совокупный опыт русского крестьянства, который накапливался непосредственными производителями к смене поколений в виде обеспеченной череды достижений и ошибок, удач и промахов в сельском хозяйстве. И эти трудовые традиции, навыки, приемы наглядно закреплены в земледельческой практике русских крестьян. Об этом свидетельствует их опыт, зафиксированный исследователями и очевидцами. Традиции, обычаи, обряды входят в состав народно-земледельческой культуры, определяют ее состояние, уровень, специфику. Иногда консервативно влияют на практику земледелия, тормозят ее развитие. Но суровая необходимость применения передовых методов и приемов земледелия, использования лучших сортов в полеводстве заставляла русского пахаря прибегать к более прогрессивным формам ведения сельского хозяйства. Это, в частности, наблюдалось в земледельческой практике семейских и украинцев, использовавших наиболее совершенные орудия труда.

Несмотря на то что природно-климатические условия Забайкалья были не везде пригодны для развития хлебопашества, русские крестьяне нашли оптимальные возможности для производства хлеба. Полу-

ченный ими опыт земледельческого освоения Забайкалья пригодился и для освоения других восточных территорий (Якутии, Амура, Дальнего Востока).

В настоящей публикации нами рассмотрены только некоторые региональные особенности русского земледелия. Многие важные приемы, обработки земли и повышения урожайности пока остались без внимания. Еще не рассмотрены такие слагаемые опыта народной агрономии, как севообороты, применение органических удобрений, системы обработки почв, селекционная работа, оценка народом своих наблюдений, своего опыта и труда. Но без них представления о творческом подходе к своему производству, о культуре земледелия русских крестьян являются неполными. Важность и актуальность рассмотрения названных вопросов очевидна и их изучение будет продолжено.

Примечания

¹ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1993. С. 3.

² Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 18–19.

³ Машанова Л.В. Роль служилых людей в освоении Забайкалья // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII – начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 16–17.

⁴ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. М., 1956. С. 226.

⁵ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1994. С. 112–124.

⁶ Петряев Е.Д. У истоков земледелия // Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 21.

⁷ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887. С. 43.

⁸ Там же, с. 55; Петряев Е.Д. Указ. соч., с. 22.

⁹ Андриевич В.К. Указ. соч., с. 28

¹⁰ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. А.П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951. С. 179–180.

¹¹ Лежнин П.Д. Дальний Восток (Богатства Приамурья и Забайкалья). Чита, 1922. С. 12.

¹² Петряев Е.Д. Указ. соч., с. 22.

- ¹³ Архив РАН ЛО, ф. 21 (Герарда Фридриха Миллера), оп. 4, д. 29. л. 1.
- ¹⁴ Там же, л. 1об.
- ¹⁵ Андриевич В.К. Указ. соч., с. 69.
- ¹⁶ Шунков В.И. Опыт в сельском хозяйстве Сибири XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М.; Л, 1952. С. 239.
- ¹⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VIII. М., 1862. С. 346.
- ¹⁸ Милеску Спафарий Н.Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 109–110.
- ¹⁹ Сборник документов по истории Бурятии. XVIII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 269–270.
- ²⁰ История Бурят-Монгольской АССР..., с. 220.
- ²¹ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 17–58.
- ²² Лебедева А.А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в. // Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 50–68; Она же. Русские Притоболья и Забайкалья. М., 1992. С. 16–25.
- ²³ Она же. Русские..., с. 16–17.
- ²⁴ Александров В.А. Заселение Сибири русскими // Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 47–48; Он же. Россия на дальневосточных рубежах..., с. 233.
- ²⁵ Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 17.
- ²⁶ Гирченко Вл. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 3.
- ²⁷ Там же, с. 4.
- ²⁸ Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1992; Он же. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. Новосибирск, 1994.
- ²⁹ Лебедева А.А. Из истории заселения Забайкалья..., с. 114 (сноска).
- ³⁰ Александров В.А. Заселение Сибири русскими..., с. 47–48; Он же. Россия на дальневосточных рубежах..., с. 233.
- ³¹ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья..., с. 55
- ³² Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах..., с. 233.
- ³³ Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья..., с. 18.
- ³⁴ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. С. 323.
- ³⁵ Васильев А.П. Забайкальские казаки (исторический очерк). Т. II. Чита, 1916. С. 168–169.
- ³⁶ Гирченко Вл. Из истории переселения в Прибайкалье..., с. 5.
- ³⁷ Там же, с. 6.
- ³⁸ Там же, с. 9.

- ³⁹ Известия кафедры Прибайкальеведения. № 1. Верхнеудинск, 1921. С. 27.
- ⁴⁰ Там же, с. 29–31.
- ⁴¹ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 23–45; Он же. Семейские...
- ⁴² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 1. СПб., 1788. С. 225–226.
- ⁴³ Сиверс И. Письма о Сибири (рукопись машинописная; пер. с нем. В.В. Завалишина). Новосибирск, 1964. С. 50–51.
- ⁴⁴ Там же, с. 45–46.
- ⁴⁵ Петряев Е.Д. Указ. соч., с. 25.
- ⁴⁶ Шевелев Григорий. О хлебопашцах забайкальских и их хозяйстве // Земледельческий журнал. 1831. № 4.
- ⁴⁷ Там же, с. 609.
- ⁴⁸ Там же, с. 604–606.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же, с. 606.
- ⁵¹ Там же, с. 607.
- ⁵² Там же, с. 608.
- ⁵³ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 253.
- ⁵⁴ Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 9–10. С. 54.
- ⁵⁵ Там же, с. 54–55.
- ⁵⁶ Там же, с. 58.
- ⁵⁷ Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России: историко-статистический очерк. СПб., 1915. С. 4.
- ⁵⁸ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Указ. соч., с. 53.
- ⁵⁹ Петряев Е.Д. Указ. соч., с. 26–27.
- ⁶⁰ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 1. Улан-Удэ, 1972. С. 185.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 181об–182.
- ⁶³ Гарнич-Гарницкий Ф.М. Из поездки по Восточной Сибири // Тр. ВЭО (Вольного экономического общества). 1894. № 1. С. 97–98.
- ⁶⁴ Щукин Н.С. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 13. С. 30.
- ⁶⁵ Бутович Н. Земледелие в связи с характеристикою естественных условий пахотных угодий // Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Вып. 11. СПб., 1898.
- ⁶⁶ Там же, с. 129–130.
- ⁶⁷ Там же, с. 130–131.

- ⁶⁸ Там же, с. 131–132.
- ⁶⁹ Полевые записи автора, 1986 г.
- ⁷⁰ Бутович Н. Указ. соч., с. 133.
- ⁷¹ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Указ. соч., с. 83.
- ⁷² Бутович Н. Указ. соч., с. 75.
- ⁷³ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 137.
- ⁷⁴ РГИА, ф. 1274, оп. 1, д. 3, ч. 1 (4), л. 427–428; Там же, д. 3а, ч. 1, л. 228.
- ⁷⁵ ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 23, л. 4.
- ⁷⁶ РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 184.
- ⁷⁷ Крюков Н.А. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1896. С. 59.
- ⁷⁸ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья..., с. 81.
- ⁷⁹ Полевые записи автора, 1980 г.
- ⁸⁰ Бутович Н. Указ. соч., с. 136.
- ⁸¹ Крюков Н.А. Указ. соч., с. 59.
- ⁸² Пронин В.И. Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 104.
- ⁸³ Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 66.
- ⁸⁴ Бутович Н. Указ. соч., с. 106–109.
- ⁸⁵ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Указ. соч., с. 134.
- ⁸⁶ Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985. С. 80.
- ⁸⁷ Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 205.
- ⁸⁸ Бестужев Н.А. Бурятское хозяйство // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 59.
- ⁸⁹ Залкинд Е.М. Указ. соч., с. 205.
- ⁹⁰ РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84. л. 182 об.
- ⁹¹ Там же, л. 183.
- ⁹² Банщиков А. Искусственное орошение и его значение для области // Забайкальский хозяин. 1912. № 1. С. 31.
- ⁹³ Даурский Дм. По Забайкалью // Сибирь. 1910. № 204.
- ⁹⁴ Григ. Аграрный вопрос в Верхнеудинском уезде // Забайкальская новь. 1910. № 797. 12 марта.
- ⁹⁵ Банщиков А. Указ. соч., с. 32.
- ⁹⁶ Там же, с. 33.
- ⁹⁷ Бутович Н. Указ. соч., с. 104.

⁹⁸ Михайлов К. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири // Русская мысль. Кн. 12. М., 1888. С. 18–19.

⁹⁹ Щукин Н.С. Указ. соч., с. 27.

¹⁰⁰ Там же, с. 25.

¹⁰¹ Труды ВЭО. № 1. СПб., 1894. С. 104.

¹⁰² Бутович Н. Указ. соч., с. 107.

¹⁰³ ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 23, л. 5–5об.

¹⁰⁴ Лежнин П.Д. Указ. соч., с. 5.

¹⁰⁵ Там же, с. 32.

¹⁰⁶ РГИА, ф. 1265, оп. 6, д. 48, л. 3–3 об.

¹⁰⁷ Давыдов Д.П. О начале и развитии хлебопашества в Якутской области // Зап. СО РГО. 1858. Кн. V. С. 20–21.

¹⁰⁸ Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области // Зап. РГО по отделению статистики. Т. XII. СПб., 1919.

¹⁰⁹ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья..., с. 69–79.

¹¹⁰ Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982.

¹¹¹ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока конец XIX – 1917 г. М., 1989. С. 141–180.

¹¹² Аргудяева Ю.В. Семья и быт старообрядцев Приморья (конец XIX – начало XX в.) // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв. Владивосток, 1992. С. 161–166; Он же. Старообрядцы: история и современность // Россия и АТР. № 2 (4). Владивосток, 1993. С. 111–123.

¹¹³ Болонев Ф.Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках переселения старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – начало XX века). Новосибирск, 2013.

¹¹⁴ Он же. Взаимовлияния культур русского и аборигенного населения Восточной Сибири // Изв. СО РАН СССР. Сер. истории, филологии, философии. 1985. Вып. 3. С. 37–43.

¹¹⁵ РГИА, ф. 396, оп. 1, д. 220, л. 43 об.

¹¹⁶ Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 86.

¹¹⁷ Болонев Ф.Ф. Русско-бурятские этнокультурные контакты и взаимовлияния в Западном Забайкалье в XIX – начале XX века // Этнография народов Сибири и Монголии. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. С. 41–63.

¹¹⁸ ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 23, л. 5 об.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ – ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕМЕЙСКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)*

истории изучения старообрядцев Забайкалья слабее всего рассмотрены аспекты экономического развития крестьянской семьи, хозяйственной деятельности отдельных селений и волостей с их совокупными доходами и расходами. Основным занятием русского крестьянина было земледелие. Особенно успешно оно развивалось в старообрядческих селениях. По исследованиям М.М. Шмулевича, удельный вес крестьян, занимающихся только хлебопашеством, «способных владеть сохой», в Западном Забайкалье составлял 91,4 %¹.

История насильственного переселения старообрядцев довольно хорошо освещена в отечественной исторической литературе (см. работы А.М. Селищева, В.П. Гирченко, Ф.Ф. Болонева).

Но отдельным моментам их дискриминации царскими властями в их экономической и правовой жизни следует уделить внимание. О них менее всего известно даже многим любознательным читателям.

Старообрядцы, поставленные в России в самые неблагоприятные экономические условия, выживали в самых экстремальных обстоятельствах, и их общины становились образцом хозяйственного преуспевания. Это происходило вопреки жестким мерам властей. По указам Петра I требовалось: «... записных раскольников в двойном окладе содержать». То есть они должны были платить налог в двойном размере и платить налог за ношение бороды. «А к тому же с них же раскольников, которые женятся тайно не у церкви и без венечных памятей, наложить особый сбор, а именно: рубли по 3 с человека мужеск и женска полу на обе стороны поровну, а с богатых и больше». По Указу от 8 февраля 1716г. «...с раскольников... брать вдвое и им раскольникам по прежним же его Императорского величества указам ни у каких дел начальниками не быть, а быть токмо в подчиненных...»²

---

* Историко-экономические исследования. Т. 11. № 2. Иркутск, 2010. С. 16–27.

Как видно из приведенных выше законодательных актов, старообрядцы были поставлены в унижительное положение по сравнению с другими гражданами России. Их правовое положение было много хуже католиков и протестантов, мусульман и буддистов. Но система гонений за то, что они свято хранили веру своих отцов, сохраняли национальный быт, обычаи и дух предков, сплотила старообрядцев, выработала в них черты трудолюбия, предприимчивости, трезвости, здравомыслия, надежности в слове, взаимопомощи и терпеливости. Из этой среды вырастали крупнейшие предприниматели, промышленники и меценаты, творческие личности, прославившие Россию. В данной статье пойдет речь об одной этноконфессиональной группе – о старообрядцах Забайкалья – семейских.

При переселении их из-за рубежа указом Сената от 14 декабря 1762 г. было обещано: «... с начала выхода их раскольников при поселении каждому дается от всяких податей и работ льготы на шесть лет... и показано б было им при том новом поселении все удобь возможное вспоможение»³.

Нам известно, какая помощь была оказана старообрядцам при их поселении в Забайкалье. Их снабдили пахотными инструментами: сошниками, косами, топорами, серпами; выделили семена на посев и какое-то количество лошадей. По воспоминаниям крестьян-старообрядцев, на 8 дворов приходилась 1 лошадь. Так записал в 1861 г. у семейских С.В. Максимов⁴.

П.С. Паллас, посетивший деревни семейских в 1772 г., отмечает их необыкновенное трудолюбие и неутомимую борьбу с природой в обработке земли, в подготовке ее для посева. Причем семена для посева в некоторых селах получают от жителей Иркутской губернии по 2 пуда на каждую десятину ежегодно⁵. Можно сказать, что через 10–12 лет старообрядцы уже приноровились к местным природным условиям и стали получать первые хорошие урожаи и обзавелись «домашнею экономией и домовым строительством». Польские поселщики «сколько принуждением, отчасти и сами, так сильно стараются в приумножении пахоты, что в каждой семье залогов вспахано у иных по пяти, а у других, и то последних по четыре десятины»⁶.

Вообще у семейских постоянно и ежегодно шел поиск новых приемов оптимального хлебопашества. Впоследствии, в 1808 г., иркутский губернатор Н. Трескин отметит: «Пример редкого трудолюбия

и прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы». По его словам, «они и камень сделали плодородным»⁷.

До 1773 г. крестьяне Прибайкалья (Забайкалья. – *Ф.Б.*) платили подушных денег по 2 руб. 30 коп. в год с каждой ревизской души. Но с каждым годом сумма налога увеличивалась. Так, в 1783 г. крестьяне платили с ревизской души уже 3 руб. 77 1/2 коп. Это была большая тяжесть для крестьянской семьи, ибо цена пуда хлеба была на уровне 16–25 коп.⁸

При раскладке налога существовали весьма сложные расчеты. Согласно одного из документов 1780 г., «... с выведенных из Польши поселщиков с 466 душ (собирается подушная подать в сумме. – *Ф.Б.*) семигривенные 163 руб. 10 коп.; четырехгривенные – 93 руб. 12 коп.; шестигривенные – 139 руб. 18 коп.; кажные накладные семь рублей девяносто две копейки счетов в двухрублевый оброк, однорублевый – 233 рубли 83 копейки с половиной. 29 месяца июня дня 1780 года»⁹.

Общеизвестно, что старообрядцев в значительном числе переместили из польских пределов (вернее, из белорусских и украинских земель) в Забайкалье с основной целью развития хлебопашества в этом слабо-заселенном крае, также и для обустройства границ на востоке России, а для этого требовалось развить земледелие. Огромные незаселенные просторы Сибири и в то время (XVIII в.) были притягательные не только для России. На них часто претендовал Китай. В хлебе нуждались рабочие железоделательных и серебродобывающих предприятий, построенных при Петре I, и позже – служилые люди, регулярные войска и разные чиновники.

До появления русских в Забайкалье здесь хлебопашества почти не существовало. Буряты кое-где возделывали «ничтожные по размеру посеvy проса», а их обработка полей носила примитивный характер. Все это не имело заметного экономического значения¹⁰. Старообрядцы, поселенные в горно-таежной местности с суровым резко континентальным климатом, вынуждены были пройти обстоятельную адаптацию в новых природно-климатических условиях. Привыкшие к ровному мягкому климату Могилевщины, Гомельщины и Черниговщины с их богатым снежным покровом, русские старообрядцы стали приспособляться к суровым условиям Забайкалья с его малоснежьем, с поздней весной, с ранними осенними заморозками. Из-за этого они

отказались от посевов озимой ржи, а стали сеять ярицу – яровую рожь. Методом проб и ошибок стали выращивать гречиху на склонах гор, о чем хорошо поведал П.С. Паллас¹¹.

Труды «польских колонистов», как их именует Паллас, не пропали даром. В хозяйственной деятельности русских крестьян в Забайкалье земледелие является основой их жизнеобеспечения, играет основную роль в их экономической жизни. Вообще у земледельческих народов культура полей определяла их благосостояние. Уже через 10–15 лет семейские стали производить зерна и круп столько, что начали их продавать. В частности, поставляли хлеб для регулярных войск, на Петровский железодельательный завод и в другие места.

В Национальном архиве Республики Бурятия недавно удалось найти документы о том, как русские крестьяне, а большее их число было из старообрядцев, поставляют состоящим в деревнях Тарбагатайской и Куналейской при полевой артиллерийской команде артиллерийским мастеровым и фурштацким служителям, в числе 175 человек» провиант в виде муки. Причем на каждого рекрута полагалось получить на ноябрь месяц муки по 3 четверика (четверик – около 26,239 литра) одной четверти и четыре четверика круп по 1 гарнцу (3,28 литра). За четверик казна платила по 1 руб. 45 коп.¹²

В ноябре 1780 г. семейские крестьяне разных селений выделили из своих запасов 324 пуда 12 с половиной фунтов муки для содержания солдат. За пуд получено ими по 20 коп. Небезынтересно, у кого именно закуплено¹³.

Имена	Пуд	Фунт
Емелиана Баланева	50	
Афонасия Кирилова	55	27/2
Анкудина Кошелева	30	
У Макара Афонасьева	25	
Гордея Литвинова	25	
У Михаила Чебунина	20	
Петра Бутковского	20	
Устина Медведева	20	
Степана Еманакова	20	

Козмы Калашникова	20	
Ерасима Ефимова	20	
Ерасима Ефимова	20	30
Семена Гордеева	17	
<i>Итого</i>	324	17/2

В январе 1781 г. для «выдачи состоящим в деревнях Тарбагатайской и Куналейской артиллерийской команды служителям» у крестьян Тарбагатайского ведомства куплено круп. Денег уплачено 4 руб. 2 коп. с деньгою. Рапорт подписал сержант Слободчиков¹⁴.

Имена	Пуд	Фунт
Романа Васильева	20	
Парфена Лощенкова	3	
Фомы Матвеева	34	
Тимофея Григорьева	20	
Симона Патрахина	65	30
У Самсона Кравцова	20	25
У Мирона Ковалева	42	10
Степана Шитина	18	
У Макара ж Ковалева	98	27
<i>Итого</i>	323	9

В январе 1787 г. в Куналее стояла команда, состоящая из артиллерийских мастеровых и фуражирских разных чинов служителей, из 206 чел. Тарбагатайская мирская изба на запрос Верхнеудинской комендантской канцелярии сообщила, что хлеб ржаной в минувшем ноябре оказался в продаже в 40 коп., крупа ячная – 50 коп.¹⁵

Большее число крестьян в приведенных списках относится к селениям Куналейскому и Тарбагатайскому. Несколько крестьян из деревни Десятниковой и Куйтуна. Основной провиант закуплен у куналейских крестьян, главным образом у старообрядцев. Из крестьян-старожилов в списке только два человека – Степан Еманаков из Тарбагатая и Симон Патрахин из Большого Куналея.

Высокую оценку «земледельческий талант» и достаток семейских

получили у декабристов¹⁶. Путешественник Алексей Мартос, посетивший семейских Тарбагатай в 1824 г., писал: «Благодетельное искусство земледелия здесь в краю, отдаленном страшной Сибири, дало зашедшим домашний кров и поселило самое дружество к соседям»¹⁷.

Чем же вызвано семейское дружество к соседям? Об этом мы узнаем из малоизвестной работы Григория Шевелева, который сам проводил опыты по разведению и культивированию культурных растений. Г. Шевелев чрезвычайно высоко ценит хлебопашество семейских крестьян, их «необыкновенную деятельность» и бескорыстие. В 1830 г. было сильное наводнение р. Селенги. «Все пашни и покосы у многих крестьян были затоплены; люди лишились хлеба, а скот сена и подножного корма; к тому же Иркутская округа при неурожае потребовала до 100000 пуд хлеба, которое требование хотя и со вредом себе было исполнено.

Где взяты 100000 пудов хлеба при неурожае?

Сей-то хлеб доставили наши, как я уже назвал, почтеннейшие *Семейные* (автор это название выделяет курсивом и пишет с большой буквы. – Ф.Б.), которых считается около 9000 душ; они же прокормили следующие два класса земледельцев (т. е. русских старожилов и бурят. – Ф.Б.) и всех тех, кто сам не обрабатывает, а приобретает хлеб покупкою». Далее он пишет: «Сии-то земледельцы, имея случай нынешний год возвысить цену на хлеб до неимоверной степени, остановили оную в вольной продаже на двух рублях за пуд, а из угодения к начальству для иркутской округи по 1 рублю 25 коп.». А об усовершенствовании ими земледелия Г. Шевелев сообщает: «Судить (об этом) весьма трудно; они заменяют необыкновенной деятельностью своею все машины, все изобретения ума». Также он пишет, что семейские не утратили при переселении ни веры, ни нравов, ни обычаев старинных русских крестьян. О старожилах же он говорит, что они, «приноравливаясь к прежним жителям Сибири вообще “ленивы и беспечны”, которые занимаются звериными и рыбными промыслами, скотоводство и извоз как легкая работа исполняются ими в самом жалком виде»¹⁸.

Процесс хозяйственного освоения Амура и других новых земель Восточной Сибири не обошел стороной и семейских. Когда при графе Н.Н. Муравьеве началось активное продвижение русских на восток и заселение левого берега Амура, то и в данной эпопее семейские

не остались сторонними наблюдателями. Их опыт и экономический достаток были востребованы властями. Писатель и этнограф С.В. Максимов писал: «С 1857 г. в течение 9 лет семейские неустанно, беспрекословно и без особых ущербов для себя своим хлебом кормили Амур и не только отдавали муку и хлеб даром, но и приплачивали еще по 10–20 на пуд за доставку до Читы вольным вощикам (казна давала за пуд 60 коп., доставка из Тарбагатая, например, стоила 70–80 коп.)»¹⁹. Вероятно, этому бескорыстию семейских благоприятствовали урожайные годы, а, возможно, сказывались трудности сбыта полученного урожая. В любом случае, эти два примера свидетельствуют о хорошем развитии хлебопашества у старообрядцев, об их экономическом благополучии и достатке и, естественно, свою роль играла психология русского человека: помогать своим, делиться своим богатством, ибо богатство, как «неправедная корысть, впрок не пойдет». Стяжание богатства свыше своих потребностей не приветствовалось в русском старообрядческом обществе. То же самое мы наблюдаем в старообрядческих селах Забайкалья.

Примечательные сведения мы обнаруживаем из ведомости о составе населения, земледелии, сборе повинностей в Тарбагатайской волости за 1841–1843 гг. Из нее видно, какие выгоды получает население от своих занятий²⁰.

	Число ревизских душ, количество земли и денежного сбора
<i>Тарбагатайская</i>	
а) Количество людей:	
крестьян государственных	3558
крестьян и инородцев	37
поселенцев в окрестностях	115
оседлых инородцев	86
<i>Итого</i>	3796
б) Земель:	
пашенной	2128 3/4
сенокосной	2513
скотского выпуска	5218

лесных угодий и неудобной земли	204687
звероловных мест	не имеется
в) Сборы в истекшем 3-х летии определяемы были и производили: казенные	35607-60
земские	10561-14
Жителями Тарбагатайской волости приобретено выгод: В 1841 г. от продажи хлеба	20000
мерлушки и скотских кож	4570
соболей и прочих звериных шкур	850
кедровых орехов	500
<i>Итого</i>	25920
В 1842 г. : от продажи хлеба	8570
мерлушки и скотских шкур	6000
соболей и прочих звериных шкур	800
кедровых орехов	200
<i>Итого</i>	15570
В 1843 г. по примеру прошедших лет ождается выгод: от продажи хлеба	15000
мерлушки и скотских кож	5000
соболей и прочих звериных шкур	800
кедровых орехов	500
<i>Итого</i>	21300
Объяснение: 1. Главной промышленностью жители Тарбагатайской волости считают хлебопашество 2. Других же промышленных кроме выше изъявленных по Тарбагатайской волости вовсе нет	
Общественные расходы в капитал народного продовольствия	1877-6 3/4
	339-69
в хозяйственный капитал	679-38

на межевание	339-69
Натуральное отправление всех внутренних повинностей стоило всего в три года	79268-56 3/4
один год	26422-85 1/2

Из отчета Тарбагатайского волостного правления о состоянии сельского хозяйства в волости за 1860 г. (с. Тарбагатай, не ранее 1 января 1861 г.): «...Хлебопашество составляет главную важнейшую часть сельского хозяйства и сбыт произведения можно считать выгодным. Климат здешней волости позволяет снять хлеба: ржи, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречу, которой высеивает скоро. Посадка картофеля составляет по успеху сего дела важную отрасль в продовольствии. Обработки льна здесь нет, по случаю песчаного грунта земли. Жители имеют скотоводство, из которого кроме употребления в собственную пищу или продажи рогатого скота в Верхнеудинске и прочих местах в частные руки 255 шт. в сложности по 9 руб. на 2275 руб.; мясом 828 пудов на 120 руб.; масло коровье 8 пудов на 55 руб. 60 коп.; скотских сырых кож до 118 штук на 236 руб.; овец на ногах до 460 штук на 328 руб., мясом до 220 пудов на 264 руб., бараньих шкур до 530 шт. на 318 руб., мерлушки белой и черной до 2300 штук на 7380 руб. Снятие овечьей шерсти до 1135 пуд., которая употреблена жителями на собственные свои домашние потребности, как-то для сукон крестьянских, войлоков и проч. Изделий из того же числа продано в город Верхнеудинск и Кяхту на ярмарках и в частные руки до 1000 аршин на 200 руб. Всей же выгоды от скотоводства, кроме употребления на собственное продовольствие, получено на 6757 руб. 60 коп. Скота: конного и рогатого и баран в промене за границу не было, свиней променяно через Кяхтинскую таможню в настоящем году до 20 штук. На китайские товары: чесучу, полушелковницу и кирпичный чай, которые употребляются для домашнего быта...

Полагая крестьянскую семью в 4 душах мужского и женского пола, на каждое хозяйство придется по 2 лошади, до 3 скотин рогатого и 7 мелкого скота.

Разведением конной породных (? – Ф. Б.) заводских лошадей здешние жители не занимаются, а имеют лошадей мелкой породы, но до-

вольно крепкой и потому испытания лошадям в скачках и перевозках тяжестей не производится по неопытности жителей, воза же кладутся при перевозках тяжестей обыкновенные в 25 пудов»²¹.

Отчет Брянской волости за 1892 г.²²

Урожай. Ярица дала сам-8, пшеница – сам-3 8/11, овес – сам-4, ячмень – сам 3 3/8. Всего собрано хлеба на душу до 32 пудов.

Как оплачивался труд. За пахоту 1 десятины – 3 руб. За жнитво – 7 руб. За молотьбу 1000 снопов – 15 руб.

Хлеба сбывается до 2000 пудов. На золотые прииски уходят ежегодно до 60 человек. Задаток от 20 до 40 рублей.

Крестьяне в Брянской волости	Муж.	Жен.	Обоего пола
Крестьян	1616	1723	3339
Поселенцев	184	36	220
Казаков	19	24	43
Иностранцев оседлых	4		4
Отставных	74	89	163
<i>Всего</i>			3769
Православных	430	438	
Раскольников	1451	1428	
Жилых дворов	455		
Церковь	1		
Часовен	2		

Распределение земель в Брянской волости в десятинах

Усадебной	Садов и огородов	Пахотной	Лугов и покосов	Проч. земли	Лесов	Всего удобной	Неудобной
460	40	2866	1830	3805	4830	5196	8635

Скотоводство

Лошадей	Рогат. скота	Овец	Свиней	Коз
1163	1335	1374	874	62

Приведенные архивные материалы о Тарбагатайской (за 1860 г.) и Брянской (за 1892 г.) волостях показывают годовые достижения жителей, как-то: получение ими разного рода продукции, об урожае хлебов и как оплачивался труд за основные виды деятельности земледельца. Показана прибыль от проданного хлеба, кожи, мехов, мяса, от добычи орехов. И все же основной доход получен от продажи хлеба. Хотя хлеб в Забайкалье ни одного крестьянина не сделал богачом из-за его дешевизны. Наживались на перекупке хлеба перекупщики. Они в урожайные годы покупали его по низкой цене, а в неурожайные продавали в 3–4 раза дороже.

После 16 апреля 1905 г., когда старообрядцы получили относительную свободу вероисповедания, начался, по словам крупнейшего старообрядческого мыслителя и писателя Ф.Е. Мельникова, «золотой век старообрядчества». Наряду с легализацией церковной жизни, идет техническое переоснащение производственных процессов, появляются новые сельхозмашины, развивается экономика крестьянских хозяйств, растет благосостояние сельских жителей. Все это благотворно повлияло на демографическую ситуацию в семейских селах. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы, которые удалось обнаружить в Национальном архиве Республики Бурятия. Среди данных о толках и согласиях по Верхнеудинскому уезду имеются сведения о числе рождений, смертей и браков в Тарбагатайской, Куйтунской, Куналейской и Ключевской волостях. В этих четырех волостях, которые ныне территориально почти соответствуют Тарбагатайскому району, наблюдалась следующая демографическая картина²³.

Год	1907	1908	1909
Количество родившихся	564	591	608
Количество умерших	303	382	431
Количество браков	87	109	126

Из таблицы видно, что количество браков и естественный прирост населения в названных волостях с каждым годом возрастает. По дру-

тому отчету, представленному куйтунским волостным старшиной Борисовым, в этой волости за названные три года родилось 635 детей, а число умерших составило 312 чел.²⁴ Разводы в отчетах не указаны. Их до революции 1917 г. фактически не было, или они у старообрядцев не допускались.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что устойчивость экономического положения семейских крестьян основывалась на хлебопашестве, которое постепенно и неуклонно совершенствовалось, и это позволяло старообрядцам поставлять на рынок достаточное количество хлеба. Хлеб для крестьян был, поистине, всему голова. Другие отрасли хозяйства имели подсобное значение. Благодаря материальному достатку, рост численности семейского населения был выше, чем у их соседей-сибиряков.

Среднегодовой прирост у староверов составлял 17,7 на 1000 жителей. С 1782 г. (4-я ревизия) по 1850 г. их численность увеличилась с 4400 до 17900 чел. В 1897 г. они составили уже 41242 чел. Эти цифры относятся только к Верхнеудинскому округу²⁵.

Таков краткий экскурс в историю экономического состояния крестьян-старообрядцев ряда волостей Западного Забайкалья.

Примечания

¹ Шмудевич М.М. Некоторые вопросы развития сельского хозяйства русского населения Западного Забайкалья в I пол. XIX в. // Тр. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. Вып. IV. Улан-Удэ. 1965. С. 152.

² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 44, д. 34, л. 6.

³ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 2–3.

⁴ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1. СПб., 1871. С. 323.

⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 1. СПб., 1788. С. 225–226.

⁶ Гирченко В. Указ. соч., с. 9.

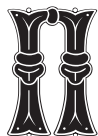
⁷ Там же, с. 14.

⁸ Там же, с. 10.

⁹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 207, оп. 1, д. 1, л. 106–106об.

- ¹⁰ Петряев Е.Д. У истоков земледелия // Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 21.
- ¹¹ Паллас П.С. Указ. соч., с. 225–226.
- ¹² НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 251, л. 1.
- ¹³ Там же, л. 40б.
- ¹⁴ Там же, л. 22–22об.
- ¹⁵ Там же, д. 473, л. 1.
- ¹⁶ Болонев Ф.Ф. Декабристы о семейских // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 89–104.
- ¹⁷ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 120–121.
- ¹⁸ Шевелев Г. О хлебопашцах забайкальских и их хозяйстве // Земледельческий журнал. 1831. № 4. С. 606.
- ¹⁹ Максимов С.В. Указ. соч., с. 324.
- ²⁰ НАРБ, ф. 180, оп. 2, д. 6514, л. 129–130.
- ²¹ Там же, ф. 207, оп. 1, д. 1015, л. 83–84.
- ²² Там же, ф. 337, оп. 1, д. 5760, л. 94, 95, 97, 102, 103, 106, 107, 123.
- ²³ Там же, ф. 333, оп. 2, д. 1564, л. 3–4.
- ²⁴ Там же, 50.
- ²⁵ Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX в. (Семейские Забайкалья). Новосибирск, 1996. С. 42.

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧ. XIX В.*

пахотным сельскохозяйственным орудиям русского народа посвящено несколько научных трудов. Наиболее полно они исследованы в обобщающем труде «Русские»¹. Но в этом историко-этнографическом атласе не все локальные группы русских были достаточно представлены. К тому же некоторые виды пахотных орудий, бытовавших у старообрядцев Забайкалья, авторам атласа не были известны. Из сибирских авторов по данной теме выделим работы И.А. Асалханова², Ф.Ф. Болонева³, В.И. Пронина⁴. В их исследованиях даны описания отдельных видов пахотного инвентаря, которые широко использовали забайкальские крестьяне, учитывая природно-климатические условия края и сельскохозяйственный опыт прежних мест проживания в европейской части России.

Наиболее распространенным пахотным орудием у семейских была соха с рассохой. Рассоху делали из естественно согнутой березы, из одной плахи с изгибом к сошникам. Их устанавливали наклонно. Рассоха соединялась с обжами (оглоблями). Ручки были вместе с рогалем. Вспахивали землю два раза. Обычно сплошь на второй ряд не пахали, а старались провести борозды на небольшом расстоянии друг от друга. Вероятно, это делалось с целью задержания влаги, осадков и против эрозии почвы. Меньше разламывало потоками дождевой воды.

Фабричные сохи-красули появились у семейских в начале XX в. По воспоминаниям Евлампия Степановича Кравцова (1902 г. рожд.): «Красули появились в Куйтуне примерно в 1912 г. Я только учился пахать, а было мне лет 10. Малоимущие иногда к оглобле сохи привязывали лошадь, запряженную в борону. Это делали для экономии или тогда, когда некому было боронить».

В Новой Бряни в 1912 г. было 465 хозяйств, из них 17 кулацких. Сох

---

*Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 423–428.

было 460, фабричных красуль – 75 (сообщено С.И. Жерловым, 1888 г. рожд.).

Иван Иванович Юрьев, 1906 г. рожд., из Большого Куналея тоже подтверждал: «Из вязками-подтяжками регулировалось направление рассохи. А ширина отрезанного пласта земли была не больше 20 см.

Глубина тоже была невелика. Сошники были перовой формы. Их насаживали на рассоху и заклинивали. Сошники имели свои названия: орудий пахоты преобладала деревянная соха. Она состояла из рассохи с двумя железными сошниками. Отвал деревянный, прямоугольная доска – называлась шебала. Обжи-оглобли забивались в рогаль и скреплялись «мужичок» и «женка». «Мужичок» насаждался ребром. Он отрезал пласт земли. «Женка» шла плашмя по низу, к ним привинчивалась шебала-отвал. Лошадь запрягали в оглобли.

Сохи изготавливали мастера, специализирующиеся на этом деле. Более легкой сохой оралкой двоили, т. е. пахали на второй ряд, это делалось для облегчения работы.

То же самое сообщил Илларион Макарович Вишняков из с. Десятниково, 1901 г. рожд. В этом селе соха с рассохой была с двумя сошниками. Один из них поднимал землю и назывался «женкой», а тот, который приваливал землю, назывался «мужичком». К «мужичку» привязывали небольшой отвал, который в Куналее называли «палицей».

Сошники насаживали на рассоху мастера. Они делали это, рассчитывая, чтобы сошники хорошо поднимали пласт земли и отваливали. Правильно построенная соха легче шла и легче управлялась. Такой сохой могли пахать дети с 10-летнего возраста. Так, в Большом Куналее Влас Трофимович Иванов начал пахать оралкой – сохой с одним сошником с 10 лет. Весеннюю вспашку производили деревянной сохой с двумя железными сошниками, а оралкой двоили пар. Коню легче было. Сошники к нам привозили с Петровского железоделательного завода и из Енисейска (сообщено Е.К. Сластиным в с. Большой Куналей).

В исторической литературе сохраняется устойчивое мнение о том, что плуг как более совершенное орудие для вспашки поля был завезен в Сибирь старообрядцами, высланными из пределов Украины, Белоруссии, Польши. До их прихода во всей Сибири подобного земледельческого орудия не было. Первым об использовании старообрядцами плуга сообщил П.С. Паллас, который во время своих путешествий по

Сибири через 6 лет (1772 г.) после водворения старообрядцев в Забайкалье посетил места их поселения и отметил: «Поляки, чтобы лесистые и кустоватые места сделать пахотными, с чрезвычайным успехом употребляют плуг, коего сошники сделаны наподобие в их земле употребляемой и здесь по опытам, пригодною найденной косули, в две припряжки на колесах или без оных. Коею орют гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою». Паллас даже дает важное описание устройства и особенности этого плуга, применяемого в Забайкалье староверами, которых академик Паллас называет поляками или польскими колонистами.

«Сошники у плуга, – пишет он, – треугольные, шириною в ладонь и весьма вывострены... Стоячий или косой оный сошник наиболее служит для подрезывания попадающихся кореньев и еще от старых русских мужиков в Польских лесистых местах поселившихся выдуман»⁵.

В историко-этнографических изданиях о способах вспашки плугом у семейских и из каких частей он состоит данных не обнаружено. О более позднем появлении и использовании плугов в Забайкалье мы имеем следующие сведения. Так, А.П. Васильев пишет, что «переведенные из Польши пахали плугами, а местные крестьяне – сохами. В плуги запрягали по 4 лошади, в соху по одной. Землю вспахивали 2 раза, а боронили 5 раз». Уже в конце XVIII в. Верхнеудинский уезд не нуждался в привозном хлебе. Также он сообщает, что «плуги и пашни на быках в Цурухайтуевском отделении введены не ранее 1850 года»⁶. Фабричные плуги в семейских селах появились позже.

И.И. Юрьев рассказывал, что в Большом Куналее железные плуги стали использовать с 1905 г. Обычно это был однолемешный плуг – сабан брянский. Хотя известно, что в ряде семейских сел (Бичуре, Куйтуне) плуг использовали с самого начала земледельческого освоения Забайкалья старообрядцами, т. е. сразу же после их водворения в этом крае. Об этом писал и П.С. Паллас.

Другой информатор Василий Иванович Семенов, 1890 г. рожд., сообщил, что плуги завели в Куналее в 1912 г. Назывались они лебгартовские плуги. Некоторые хозяева (крестьяне Сучковы) завели охтинские плуги. Они были хуже. Словом, крестьяне в забайкальских селеньях использовали орудия земледелия, изготавливаемые на разных предприятиях России. Плуг был более совершенным орудием пахоты. При

вспашке им «так поле взбурют», что сорняков меньше стало. Сохами пахали плохо, травы выросло много.

Что же представлял из себя плуг семейских в исторических исследованиях, до сих пор подробного описания нет. Мне в результате экспедиций в 1970-е гг. удалось записать некоторые данные о плуге в с. Бичура.

В этом селе старый плуг использовали до 30-х гг. Вот что об устройстве плуга рассказал мне Андрей Калистратович Белых, 1918 г. рожд.: «В Бичуре основным пахотным орудием был плуг. Его завезли с собою или знали как его сделать наши предки. В его состав входила чапега (это как бы рассоха с сошником), внизу был корень. Топорня – в нее втыкали топор для подбития клиньев, таким образом регулировали глубину вспашки. В плуг впрягали двух коней. Впрягали в посторонки, которые зацепляли за вальки, связанные с коромыслом. Целину распахивали тремя конями, впряженными в плуг. Дополнительный третий валеk шел по центру возле борозды, правый конь шел по борозде.

В Бичуре работал российский мужик Дмитрий Зацепин. Он пахал сохой, над ним смеялись, это для бичурцев было непривычно».

Материалы о земледельческих орудиях у семейских я стал целенаправленно собирать в 1970-е гг. В районных музеях Бурятии и у отдельных крестьян еще хранились отдельные виды пахотных орудий. Некоторые из них удалось зарисовать, сфотографировать и сделать их подробные описания. В рамках данной статьи можно только обозначить составные части бичурского плуга. В с. Бичура удалось найти знающего человека Григория Прокопьевича Тюрюханова, 1899 г. рожд. В с. Десятниково повстречал мастера Ф. Натальина, он признался, что в молодости делал деревянные бороны. Я заказал ему сделать такую борону. Он исполнил. Сейчас его плетеная борона находится у нас в музее.

По рассказу Григория Прокопьевича Тюрюханова, бичурский плуг состоял из чапеги, деревянного состава с сабаном или с железным сошником, к нему крепились шебала для отвала пласта земли, глубину вспашки регулировали клиньями, с чапегой был соединен грядель, который крепился к оси с колесами, это как бы было дышло, его продолжала стрела, которые соединяли сабан с припрягом, состоящим из коромысла или топорни, к которым были присоединены вальки, к валькам привязывали посторонки или веревки, в которые они впрягали

лошадей. Из-за неправильно посаженного сабана плугом трудно было управлять. Он шел неровно, весь тряся, кидало в сторону. Еле в руках удержишь. При правильно посаженном сабане пахать было легко. Плуг держали за ручки.

Для разрыхления вспаханной земли для заделки семян в почву и с целью очищения поля от сорных трав применяли бороны. У семейских они были двух видов. Деревянная плетеная борона и рамочная четырехугольная борона с деревянными зубьями, позднее стали применять зубья из железа.

Плуг у семейских более всего сохранился в лесостепной полосе, например в Бичуре. Он хорошо был приспособлен к такой местности. Это было более совершенное сельскохозяйственное орудие, чем соха. Может быть поэтому районы семейских, производившие большее количество зерна и огородных культур, назывались житницами Забайкалья.

Примечания

¹ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX – нач. XX века). М.: Наука, 1967. С. 33–59.

² Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. С. 156–157.

³ Болонев Ф.Ф. Земледельческий опыт русских крестьян в Забайкалье (конец XVII – начало XX в.) // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII – XX вв. Новосибирск, 2003. С. 4–47.

⁴ Пронин В.И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начало XX в. // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1978. С. 80–98.

⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 1. СПб., 1788. С. 226–227.

⁶ Васильев А.П. Забайкальские казаки (исторический очерк). Т. II. Благовещенск, 2007.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ БЛЮДА СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

а территории Бурятии ныне проживает 112 национальностей. 73 % ее народонаселения составляют русские. В этнической пестроте республики заметно выделяется своей самобытностью группа русских старообрядцев, насильственно поселенная здесь семьями и получившая название «семейские». По примерным подсчетам, они составляют 1/6 часть населения Бурятии. История их появления за Байкал-морем связана с расколом русской право-славной церкви, происшедшем в середине XVII в. Инициаторами раскола были патриарх Никон и царь Алексей Михайлович Романов, прозванный Тишайшим.

Отмена старых обрядов в церковной богослужебной практике, принятых на Руси еще при утверждении христианства и окончательно закрепленных Стоглавым собором при царе Иване Грозном, замена их новогреческими образцами вызвали недовольство и неприятие почти у половины православного российского населения. Приверженцы старой веры, старых обрядов не могли понять, для чего меняли двуперстие на трехперстие («на щепоть»), почему отменили хождение посолонь, т. е. по солнцу, вокруг алтаря или аналая, почему стали исправлять богослужебные книги по новогреческому образцу, искажая их смысл. Слово Иисус стали писать с двумя «и» – Иисус. Изменили количество поклонов и т. п. Естественно, они не могли безоговорочно принять подобные изменения и выступили против такой реформы, нарушающей традиции древнеправославия. Защитников старых обрядов объявили «раскольниками», еретиками и стали сурово преследовать. Начались ссылки, казни всех противников реформы Никона. Многие из них бегут из центра России на окраины государства, часть из них уходит за рубеж, в Польшу, Украину, на территорию Белоруссии и Прибалтики.

---

* Публикуется впервые.

Именно в этих местах и оказались предки будущих семейских, где они прожили примерно 100 лет. И там они строго соблюдают свои обычаи и обряды, свои традиции, в том числе и в культуре питания. Кое-какие блюда они заимствуют у белорусов и украинцев: например, бульбишня – толченая поджаренная картошка, политая конопляным маслом, клецки, галушки, сало. В Сибири только семейские, как и украинцы, и белорусы, картошку называют бульбой.

Основу пищи семейских составляют общерусские блюда. Но в силу жизненных обстоятельств, вызванных как историческими, так и природно-климатическими условиями, их культура питания пополнялась от соседствующих народов (украинцев, белорусов, бурят), с которыми им выпала судьба жить бок о бок, и, естественно, заимствовать некоторые полезные вкусные блюда. Своеобразие еды семейских способствовало их этноконфессиональное положение. Они сохраняли древнерусские обычаи и в культуре питания, этикете, поведении за столом, бытовом обиходе, в какой-то мере руководствуясь правилами «Домостроя» – удивительного памятника русской культуры XVI в. В нем была отражена вся жизнь русского православного человека. Как жить по-христиански, рационально вести хозяйство, как заготавливать продукты питания и как питаться в мясоеды и посты и пр. Это наставление отца сыну Анфиму, написанное современником царя Ивана Грозного священником кремлевского Благовещенского собора отцом Сильвестром, на многие века стало руководством по ведению домашнего хозяйства всему православному люду России.

Это практическое руководство по обустройству домашней жизни, сохранению благочестивых обычаев, системе питания русского человека, соблюдению духовных и нравственных начал в семейном быту не обошло и предков семейских. Они в той или иной мере выполняли наставления, изложенные в этой живой, наполненной мудростью книге.

Пища семейских – локальный вариант системы питания этой группы русского народа и к тому же один из самых слабоизученных элементов, хотя она является одной из важнейших частей в системе жизнеобеспечения группы. Вообще кухня семейских – важнейший элемент их этнической идентичности, их народной культуры, их физической и духовной крепости. Пища является одним из главных стимулов их прилежания к труду. Это отражено в их пословицах и поговорках. Се-

мейские говорят: Походишь рабой, поешь госпожой. Как потопаешь, так и полопаешь. Без хорошего труда нет и плода. Поле полоть, руки полоть, а поле не полоть, так и хлеба не молоть. Труд кормит – лень портит. Хорошая работа и старика молодит.

Вот и трудятся все от мала до велика в поте лица ради хлеба насущного. Это трудолюбие помогало им выживать в самые неблагоприятные периоды в их жизни. О пище старообрядцев Бурятии мало известно. О ее пользе, о ее влиянии на здоровье, о вкусовых качествах вы ничего не найдете в печати. Но именно староверы сохраняют те старинные рецепты русской кухни в силу преданности старине и старорусским обычаям. А о семейском хлебосольстве писали многие путешественники, ученые, чиновники.

Кухня семейских (вообще старообрядцев России) менее всего подвергалась влиянию западных и восточных кулинарных традиций. Она с XVIII в. сохраняет истинно русские блюда и способы их приготовления. Это было заповедано предками и освещено религией; в старину жестко исполнялись все старообрядческие запреты. Но обстоятельства иногда вносили свои коррективы в систему питания. Появление в их земледельческой практике новых продовольственных культур (картофеля, морепродуктов, например) тоже дополняло их кулинарный опыт.

Своеобразие народной кухни семейских (старообрядцев) Забайкалья состоит как в способе приготовления блюд в повседневном рационе, так и в особенности их питания в скоромные и постные дни, праздничной и обрядовой пище. Все это ярко характеризует традиционное хлебосольство и бытовой уклад жизни.

Семейские – природные земледельцы. Основу их хозяйственной деятельности составляло зерновое земледелие и огородничество. В основном выращивали ярицу (рожь), пшеницу, овес, просо, гречиху, ячмень, из технических культур – коноплю; получали семя, из него – масло и волокна.

Важно отметить, что семейские крестьяне Верхнеудинского округа в основном занимались обработкой земли. Например, в с. Большой Куналей в 1908 г. было 782 хозяйства. Все занимались хлебопашеством. Во всех хозяйствах насчитывалось 4694 едока и, кроме того, в селе проживало 157 приписанных ссыльных. Все хозяйства вместе засевали 3650 десятин яровой рожью, 510 – яровой пшеницей, 210

– овсом, 20 десятин – картофелем. Ежегодно в этом селе получали товарные излишки хлеба более 100 тыс. пудов, которые вывозили за пределы округа¹.

В селах старообрядцев было развито и мукомольное производство. Так, в с. Большой Куналей в 1908 г. зерно мололи на 27 водяных мельницах, расположенных по речке Куналейке. А в самом крупном семейском селе Бичура, по рассказам жителей, было около 90 мельниц. Дореволюционные авторы в один голос признают, что волости, где проживают и трудятся не покладая рук семейские, являются житницами всего Забайкалья. По данным переписи 1917 г., в Забайкальской области земледелием было занято 75 % населения. В семейских селах этот процент превышал 95 %. Земледелие составляло основу жизни русских этого края. В среднем для прокормления одного едока в Забайкалье требовалось 16,8 пудов хлеба на год. У крестьян и оседлых бурят для этой цели расходовались от 16 до 22 пудов, для кочевых бурят требовалось в среднем 7,5 пудов².

Животноводство и свиноводство являлись подсобной отраслью хозяйства. Поэтому в основе питания семейских были мучные и крупяные блюда. Хлеб в их рационе играл основную роль. Не случайно крестьяне говорили: «Хлеб – всему голова», «Хлеб на стол – и стол – престол». Вместо приветствия семейские говорили «Хлеб да соль», что означало пожелание достатка, благополучия, здоровья. Хлебом-солью русские встречают почетных гостей, зерном осыпали жениха и невесту, их тоже встречали хлебом-солью. С особой выпечкой навещали роженицу. Словом, от самого рождения и до смерти крестьянина сопровождал хлеб. Ни одно важное событие в жизни человека не обходилось без хлеба. Он составлял основу благополучия и богатства, был символом плодородия. Каравай – круглый хлеб, блины, калачи символизировали небесные светила, Солнце и Луну. Хлеб как важнейший продукт питания русских (и восточных славян вообще) является источником жизненных сил. Предпочтение семейские отдавали ржаному хлебу, для этого в основном выращивали ярицу (яровую рожь). Озимая рожь в условиях Забайкалья из-за малоснежья вымерзала. Пшеничный хлеб пекли на праздники. Ржаной хлеб в виде круглых ковриг пекли из «кислого» теста, для этого изготавливали опару, наковаску.

Преснушки – изделия из пресного теста с добавлением яиц и ма-

сла пекли к праздникам. Это были лепешки, смазанные яйцом, маслом, булки, булочки, калачи, крендели, тарки, сметанные калачики, коржики и т. п.

Для выпечки кислого хлеба готовили накваску (закваску) – остатки хлеба предыдущей выпечки, употребляли дрожжи – специальные смеси с хмелем, квасную или пивную гущу – готовили опару. В квашне замешивали тесто, заквашивали его и ставили в теплое место, где оно подходило до степени готовности. Тесто поднималось, и хозяйки подбивали его специальной лопаточкой – веселкой. Делали это несколько раз (чаще 2 раза). Хлеб выпекали в русской печи на поду, чисто выметенном помелом из сосновых веток, обычно раз в неделю. В больших семьях пекли чаще. Отсюда название – подовый хлеб. Это был очень вкусный и полезный хлеб.

Исключительным вкусом обладают семейские пироги: с рыбой, ягодами, капустой на сметане, грибами, творогом, морковью. Семейские женщины любили готовить лепешки с ягодами, особенно с брусникой, тарки с начинкой из ягод земляники, смородины и конфет, пирожки с молотой черемухой, с морковью, хворост, стружки, пончики, пампушки и пр. Причем для пирогов рыбу разрезают и запекают целиком.

На родины, крестины, свадьбу, поминки готовили ритуальные, или обрядовые, блюда. Для рожениц пекли сгибни (сдибни), оладьи, блины. Оладьи и блины у семейских – поминальная еда. Их ели со сметаной, с маслом, медом, икрой, толчеными кедровыми ядрами. Готовили курники для свадебного пира, начиняли их курицей, говядиной, бараниной. Иногда в период сельскохозяйственных работ готовили толокно из овсяной муки, саламат. Последнее готовили в период уборки хлебов: «Отожнемся да саламат есть», – говорили женщины. Семейские саламат готовили из прожаренной муки, заваренной кипятком. Полив маслом, парили (тушили) в русской печи. Буряты это блюдо варили из сырой муки на сметане.

Большое распространение в кулинарии семейских имели блюда из теста, сваренные в кипящей воде: суп-лапша, галушки, затирка. Для лапши крутое тесто замешивали на яйцах, тонко раскатывали скалкой, нарезали мелкими узкими полосками, подсушивали и отваривали в бульоне или на молоке. Затирку в виде мучной крошки заваривали кипятком.

Готовили семейские изделия из теста, отваренные в кипящем жиру (хворост, или стружки – так их называли в Бичуре).

Большой популярностью пользовались блюда из пресного теста с начинкой из мяса – это пельмени. Тонким слоем на всю площадь стола накатывалось тесто, замешанное с достаточным количеством яиц. стаканом нарезали кружки и лепили вручную пельмени, вложив в каждый кружок рубленое мясо с луком, загибали полукольцом и соединяли края. Это было одним из любимых блюд зимой. Особенно они были любимы ямщиками, которые перевозили грузы на дальнее расстояние и долго не были дома. Не случайно говорят: «Готов упасть я на колени пред тем, кто выдумал пельмени». Сотворили это чудо финно-угорские народы. «Пель» на языке коми-пермяков означает «ухо», «нянь» – «хлеб». В русском языке произносится как «пельмень» – «хлебное ухо».

Мясные блюда семейских: жаренина, сало, студень, разные похлебки с мясом, супы, щи с мясом, лапша с мясом, картошка с мясом. Это были общерусские традиционные блюда.

Ячница с салом (яишня), бульбишня тоже были в постоянном рационе семейских. С конца XVIII – начала XIX в. начали применять в пищу картофель, позднее ставший вторым хлебом. И только у семейских Сибири картошку называют белорусским словом «бульба». Как уже было отмечено, сказывается их проживание на территории Белоруссии и Украины. Также это один из примеров взаимовлияния культур славянских народов.

Широко и повсеместно употреблялись блюда из круп. «Шти да каша – пища наша», – говорят в селах. Обычно варили каши из гречихи, овса, проса, ячменя – в посты на воде, в скоромные дни на молоке. Вообще я предполагаю, что предшественницей хлеба была каша. Кашу проще было изготовить из зерен пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, проса, очистив и раздробив зерно и опустив в воду. Печеные изделия появляются позже, с изобретением мельниц, зернотерок и печей.

Археология свидетельствует, что хлеб – продукт древнейших цивилизаций, когда люди научились возделывать землю и выращивать хлебные злаки. Ученые считают, что примерно 8 тысяч лет назад хлебопечение было известно жителям долины Нила.

О физическом состоянии семейских декабрист А.Е. Розен писал: «... народ сильный и здоровый. Поддерживает свою крепость, свое

здоровье прилежным трудом и здоровою пищею. В мясоед каждый день имеют говядину или свинину, в пост – рыбу... Они не употребляют ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарств, все это почитают за грех»³.

Исследователь быта народов Забайкалья Г.М. Осокин в начале XX в. отметил: «Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»⁴.

Н.В. Паршин, совершив путешествие от Верхнеудинска до Урлука, в 1866 г. писал: «О здоровом сложении старообрядцев можно заключить из того, что, скушав несколько кусков свиного сала, они выпивают ковш холодной воды или кваса и с ними не бывает курьезных последствий»⁵. Он подметил, что кухня семейских не отличается утонченностью вкуса – было бы сытно.

Итак, постоянный размеренный труд, здоровая пища, правильная жизнь, отсутствие вредных привычек – вот основа здоровья семейских. В таком гармоничном развитии семейского не последнюю роль играла натуральная здоровая пища. От этого у семейских богатырская «силушка по жилушкам огнем бежала».

В каждой деревне были люди, обладающие недюжинной силой. Легенды о своих силачах бытуют в каждом селе. Нет, это не былинные богатыри, а свои мужики. В Бичуре вспоминают об удивительных делах крестьянина Кудряша, в Десятниково и окрестных селах до сих пор живут рассказы о силаче Нефёде Степанове, который завозил возы с сеном на Барской хребет. В Большой Куналее комбайнер Андриан Евстафьевич Болонев перетаскивал на руках мотор комбайна «Коммунар» в МТМ без всяких приспособлений и блоков.

Яркие заметки о семейских опубликовал В.Л. Дедлов. Он совершил путешествие по Забайкалью в 1896 г. О семейских мужиках деревни Беклемишевской он писал: «Великолепные люди, громадного роста, сухощавые, плечистые, с небольшой головой, с небольшими пронизательными серыми или большими огненными черными глазами... Мужики в последнее время излюбили работу на золотых приисках, и там семейский, обладающий лошадиной силой, работает за троих обыкновенных смертных. Когда он ломает замерзшую землю колоссальным железным ломом, говорят, даже жутко на него смотреть...»⁶

Писатель и этнограф Сергей Васильевич Максимов, посетивший в 1861 г. семейских, писал: «Сами себя эти старообрядцы называют

также поляками, но у русских сибиряков более известны под именем семейских, так как пришли сюда семьями в разные годы... при сытой и обеспеченной жизни и при некоторой свободе ея (в последнее время) эти семейские выродились в людей замечательно крепкого и красивого телосложения; женщины поражают красотой лиц и дородством тела»⁷.

Пища – одна из основ в системе жизнеобеспечения любого народа. Без нее невозможно существование человечества. Народная кухня семейских во многом самобытна и отличается некоторым этническим своеобразием, на которое повлияли преданность старине и особенности сохранения древлеправославия. Это свидетельствует о глубинных русских традициях в их питании.

Пища как один из основных элементов материальной культуры зависела от хозяйственной деятельности человека, природно-климатических и географических условий. Семейские – исконные земледельцы, основу их питания составляла растительная пища. Зерновые культуры и овощи занимали в ней первенствующее значение. Современная пища семейских Забайкалья – результат адаптации к природно-климатическим условиям региона. Здесь они, оказавшись в новых условиях, наряду с традиционным для них земледелием, получили дополнительный импульс – занялись разведением скота, овец, лошадей, свиней, рыболовством и охотой, приручением диких животных – разведением изюбрей.

С.В. Максимов сообщил, что за Байкалом самая лучшая пшеница, называемая «полька», а у семейских-староверов – «кубанка», выписанная впервые из Польши, хотя семейские предпочтение отдавали ярице⁸.

Значительную роль в их питании стало играть огородничество. Лучший лук, чеснок, капусту, брюкву, огурцы, морковь, бураки выращивали семейские. Сбор дикоросов тоже влиял на их культуру питания. В основном собирали грибы, ягоды, кедровые орехи, черемшу, выкапывали луковицы сараны, если молодые пучки, произрастающие в лесах и лугах Забайкалья. Позже появилось пчеловодство.

Все это благотворно влияло на культуру питания старообрядческого населения.

Декабрист А.Е. Розен писал: «Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами. Хозяйка наша Пестимья Петровна угостила нас на славу щами, ветчиною, осетриною, пирожками и кашами из всех возможных круп от гречневой до манной и рисовой».

Этот же автор дает следующую характеристику качеству тарбагатайской пшеницы и пекарскому искусству семейских женщин: «Почва родит славнейшую пшеницу, коей белизна муки не уступит белизне крупчатой муки московских калачей, а кроме того, я находил приятный вкус и запах пшеничный, чего не найдете в лучших французских булках».

О земледельческом прилежании тарбагатайцев Н.В. Паршин писал: «В Тарбагатае малейший клочок земли, способный к возделыванию, засеян. Тут вы видите: рожь, пшеницу, гречу, ячмень, овес, конопле и просо. Тарбагатайская пшеница славится белизною, что приписывают песчаному грунту... Семейские снабжают Верхнеудинск хлебом. Не будь этих трудолюбивых крестьян, что было бы с нашим городом. На сибиряков надежда плохая...»⁹

Правила поведения за столом

«За едою смеяться нельзя. Всякий, кому бы пришла фантазия рассмеяться, выходит из-за стола и лишается обеда. Насытившийся не ломает стол. Хлеб щипать или крошить – грех». Эти правила народного этикета и отношение к ценности хлеба, к его святости были определены народной нравственностью, суровостью дедовских нравов и совершались не только формально. «Если крошку уронил – семь соседей собери и крошку найди».

Отношение к хлебу у семейских видно из их поверий и пословиц. По поверью семейских, когда солнце сядет, хлеб из дома никому не давай и сам не бери. Будут в доме неприятности. Грех куском макать в соль. Ковригу хлеба резать можно только с головки, с выпуклости на ковриге, с нее начинай резать, а не режь его под сердце. Таким образом, по мировоззрению семейских, к хлебу нужно относиться как к живому существу.

По старинному обычаю семейских, человека, кто бы он ни был, нужно встретить и угостить. Пусть только картошкой, чаем, хлебом, но обязательно угости и проводи. Богатого проводи, чтоб не упал, бедного проводи, чтоб не украл.

Никакой посуды с едою не держать без покрытия. Нечистая сила поселится. Иногда пищу накрывали лучинками крест на крест.

Гостю почет – хозяину честь. Хочешь есть калачи, не лежи на печи. Чужим хлебом да чужим умом недолго проживешь. На чужой кусок не пяль роток, а свой припаси, да в рот понеси. Хлеб за брюхом не ходит.

Семейский хозяин смекал: денег много – мельницу строй; хлеба много – свиней заводи. Дом вести – не бородой трясти. Про харчи нынче молчи. Был квас, да не было вас, перестали квасить, вас стали черти носить. Кяхтинский чай да бичурский калач возлюбил богач.

П.А. Ровинский в 1871 г. исследовал быт и культуру семейских. О пище этой группы населения он пишет: «Мяса они едят, однако, немного, а больше всего мучное и овощи, в чем у них никогда нет недостатка и отказа... Различные печенья из муки у них плоховаты. Крупчатка употребляется весьма не у многих... В посте и вовсе плохая пища: больше всего они едят особенно в поле ботвинью или баланду. Это белый квас, очень жидкий, в роде суровца, но вовсе не перебродивший с накрошенными в него репчатым или зеленым луком. Главным образом при этом поедается множество хлеба. Иногда является картофель, каша ячневая и гречневая, бруквишник из брюквы с картофелем и с луком, отчасти это присыпают мукой и с маслом запекается в лоточке или плошке. Зато в пост они едят чуть не целый день, на грабке сена. Кроме еды в присест, они то и дело вытаскивают краюхи хлеба и тут же едят, чуть ли не на ходу. Нередко появляются рыба, пироги с рыбой, с морковью. Лакомятся они разного рода шаньгами, солодухой или кулагой (соложеное тесто). На зиму они припасают достаточное количество не только домашних овощей, но и ягоду разного рода: брусники, голубицы, яблочек сибирских и проч. В огородах у них после капусты и картофеля первое место занимает лук разных сортов. Летом они жуют его поминутно и зеленым и луковичами... Это, на взгляд женщин, бравый на вкус – словно пирог с омулем»¹⁰.

Пища была одним из важнейших компонентов воспроизводства самого крестьянского хозяйства. Крестьянской семье важно было получить максимум пользы в минимум затраченного времени¹¹.

Вот почему пища русских крестьян была далека от изысканности приготовления. Их блюда отличались простотой и суровостью. Готовить еду по иному не было у женщин времени. Обремененная хозяйством, огромным количеством дел, детьми, женщина не имела времени и возможности в будние дни готовить изысканные блюда. Зато к праздникам готовили вкусную привлекательную еду, на приготовление праздничной пищи, естественно, затрачивалось больше времени. Добрый повар стоит доктора.

Семейские любили разнообразить пищу. Часто готовили кисель,

бурдук, квас, ботвинью, солодуху. Бурдук готовили из пшеничных, ржанных отрубей, заквашенных на дрожжах, на накваске. Солодуху делали из солода, пророщенного зерна, которое на русской печке проращивали, затем сушили и мололи. Из такой муки получали солодуху.

Из овощей, как уже было сказано, выращивали капусту, огурцы, лук, чеснок, морковь, брюкву, репу, горох, укроп, свеклу (буряки). Капусту квасили, огурцы солили, на зиму заготавливая целые бочки и бочонки. Лето припасиха – зима подбериха. Лук, чеснок сушили и хранили до весны. Также солили на зиму черемшу.

Из репы и брюквы парили паренки. Очистив от кожуры, нарезали пластами и, поместив в горшок, ставили в русскую печь. Иногда целую неочищенную брюкву забрасывали в печь, и там она парилась целый день. Ели паренки как лакомство... Сладостей семейские знали мало. Есть сахар считали за грех, говорили, что он изготовлен из костей животных.

Китайский чай семейские долгое время не употребляли. Действовал запрет: кто пьет чай, тот от бога отчаен, или была и другая часть этого запрета, звучащая: кто пьет чай, тот отчаётся в спасении. Чай на Руси появился в царствование царя Михаила Федоровича, первого из Романовых. Знатные люди употребляли его как лекарство. Старообрядцы вместо чая заготавливали следующие дикорастущие травы: скрипень (кипрей, или более известный как иван-чай), турусульник (курильский чай), листья брусничника, бадана, чагу... Лекарственное значение этих растений общеизвестно.

Собирали ягоды – лесную благодать: землянику, бруснику, голубицу, чернику и, конечно, грибы: маслята, рыжики, грузди, обабки, белянки, печерицу (слово заимствовано на Украине и Белоруссии), ныне – шампиньоны. Предпочтение отдавали рыжикам и груздям.

Любили кедровые орехи, для этого уходили в тайгу бить шишки после Успенья – 28 августа. Топили серу из лиственничной коры и жевали. Это помогало сохранять зубы.

С начала XIX в. семейские начинают выращивать картофель, к которому сначала относятся настороженно, называя его «земляным», или «чертовым яблоком». Но он постепенно становится в значительном употреблении. На наш взгляд, картофель был известен старообрядцам раньше, в период их проживания в пределах Белоруссии, Украины, Польши. Вот почему только семейские в Сибири называют картофель

бульбой, а толченную картошку, поджаренную в сковороде и политую конопляным маслом, – бульбишной. Употребляли картошку, печенную в мундире, круглую, со сметаной, с салом, маслом.

В большом употреблении были молочные блюда: молоко, творог, сметана, простокваша, сливочное масло, удивительное по вкусу. Заготавливали масло и для длительного хранения, для этого топили его, т. е. долго кипятили на легком жару.

Осенью квасили капусту, заготавливали ее целыми бочками. В подполье оставляли кочаны, чтобы из свежей капусты печь пирожки и пироги с капустой и сметаной. Огурцы солили. Заготавливали много лука и чеснока, просушивая его. Чеснок иногда солили. Он терял горечь и был очень хорош и приятен. Из дикорастущих заготавливали черемшу и ели в сыром виде, а также ее солили. Собирали бруснику, голубику, черемуху, смородину, готовили варенье, черемуху сушили и мололи, затем пекли пирожки с черемухой.

Кухня старообрядцев Забайкалья – это во многом допетровская эпоха. Она сохранилась благодаря консервативности быта, верований и религиозных запретов этой группы населения. У семейских существовали многие запреты на употребление в пищу мяса ряда животных, птиц, зверей. Так, семейские не ели давленины, конины, медвежатины, мяса лебедей. Запрет на них был узаконен еще при Иване Грозном Стоглавым собором в 1551 г.

Своеобразие и вкус блюдам семейских придавала технология их приготовления в русской печи, этого уникального домашнего очага русского народа. Печь служила не только для обогрева и освещения жилища, но и для приготовления пищи. В ней пекли хлеб, жарили, тушили, томили разные пищевые продукты. На печи солодили зерно, на ней спали, избавлялись от простуды. Она во многом была одним из важнейших мест, с которым были связаны многие поверья, поэтические предания и обряды русского человека. Но об этом нужно говорить отдельно.

Семейские печь украшали, расписывали, особенно опечье. Для приготовления еды в русской печи требовалась посуда особой формы: латки, сковороды, противни, горшки, чугуны. Приготовленная долгим томлением в печи пища принимала неповторимый вкус и аромат. Богатый ассортимент первых и вторых блюд и закусок, выпечек, самобытность их и разнообразие принесли семейской кухне известную

славу. И эту славу заслужили семейские женщины, умеющие не только готовить отменно вкусный хлеб, «лучше французских булок», разные блюда, а во времена постов изобретательно разнообразить пищу. Вот как об этом читаем в романе И. Чернева «Семейщина»: «Великий пост вернул на деревню обычную строгую тишину.

Замолкли звонкие девичьи голоса. Песни, гармошки, шумные игрильные посиделки – куда все это делось вдруг.

И вся природа кругом уныла и тускла, ровно и она великий пост справляет...

Великая бабам забота: чем и как прокормить семью целых семь недель, прокормить постным да пресным так, чтобы не прискучило, не приелось, чтоб мужик не заворчал, не заругался. Тут бабе приходят на помощь летние огородные и полевые припасы да изобретательный бабий ум. У нерадивых баб постные щи подпирает картошка с конопляным маслом, – с души воротит, не глядел бы на эту еду к концу первого же месяца. Соленая капуста, лук да огурцы – вот и вся пища. А много ли проку в огурцах и капусте, в квашенине? Не то у домовитых баб. Припасливые хозяйки с лета о великом посте думают, в петровки, отправляют мужиков в хребты за черемшой, солят ее целыми кадками, в сенокосную пору заботятся о ягодах – о бруснике и голубице, посылают мелкоту за околицу собирать на назьмах печерицу – сладкий да жирный гриб. Связки сушеных грибов, – вот когда они пригодятся, в пост. Объяденье печеричный суп: скользкие разопревшие грибные ломотки словно куски бараньего мяса. Объяденье! Но что печерица – умелые хозяйки томят в печи репу и брюкву, и паренки, мягкие и сахаристые, – вот настоящая услада для детворы. А еще слаще паренок солодуха: парят днями на печи ячмень, зерна прорастают, мшистая коричневая каша, перевитая нитками стебельков, издает духмяный запах и тает во рту как леденец. Готовую солодуху отжимают, нитки выкидывают, получается темное тесто, его выносят в казенку, подмораживают, – хороша к чаю морожена кулага. У иных же в большой чести толокно, тарки с молотой черемухой, у иных – кедровые орешки, запасенные осенью, из них вытапливают густое масло. У иных... да мало что кто придумает. Изобретателен бабий семейский ум!»

Известно, что с XVIII в. кухня господствующих классов в России утрачивает свой национальный характер. Времена перемен, возникших в период Петровских реформ, в период бироновщины и царствования

Екатерины II, ее сына Павла, перенимающих западный образ жизни и заимствование иноземных блюд с иной технологией приготовления, не прошли даром. Немецкие бутерброды, французские соусы и салаты, немецко-голландские сыры, шницели, бифштексы, сосиски, омлеты, муссы и другие кушанья стали вытеснять исконно русские блюда. Только у семейских они сохраняются вплоть до нашего времени.

Именно в системе питания традиции русского крестьянства более всего сохраняются в среде старообрядцев. Этому способствовали не только этнические традиции, но и еще сильнее сказывались их религиозные правила, каноны и установления в отношении пищевых запретов, которые исполнялись старообрядцами неукоснительно. Природные условия тоже давали возможность развивать хлебопашество, огородничество, скотоводство. Наличие своего собственного хозяйства облегчало соблюдение постов.

Сохранению традиционных особенностей в системе питания также в значительной степени способствовали способы ведения натурального хозяйства и повсеместное распространение и бытование русской печи с ее жаром, теплом, которая являлась одним из лучших очагов для приготовления пищи «в вольном духу».

Многоотраслевое хозяйство было основой питания семейских. В их пище преобладали мучные и крупяные блюда. Основную роль играли хлеб и мучные изделия. Каши широко использовались в повседневной жизни и обрядах семейских, связанных с рождением, свадьбой, похоронами и поминками. В обрядовой практике у семейских блины и оладьи из кислого теста часто заменяли хлеб. Из-за простоты приготовления эти блюда считаются древними кушаньями, консервируемые и освященные обрядом, они стали ритуальной едой.

Известно, что региональные отличия в системе питания какой-либо этнической общности накладывают заметный отпечаток на характер и особенности ее культуры. Чередование поста и мясоеда лежало в основе народного питания семейских на протяжении столетий.

Кулинария поста

Существенная часть круглого года в русском церковно-народном календаре отведена постам. Количество постных дней составляет более 200 (примерно 7 месяцев). Слово «пост», как полагают многие специалисты, происходит от слова «пуст». Сравним церковное название кануна Масленицы «мясопуст», т. е. период или день пустой на мясо,

когда еда из мяса запрещена. Щи без мяса тоже называются «пустыми». Следовательно, пост – это избавленное от скоромной пищи время. Телесное воздержание тоже являлось обязательным требованием поста. Тело должно быть свободно и «пусто» от утех. Обряд поста не ограничивался запретами телесной жизни, но еще более влиял на духовную жизнь людей. Великий пост был временем проповедей и великого покаяния. Он служил ступенькой для возвышения души человека, его целомудрия и покаяния перед всеми униженными и обиженными, перед природой.

Кулинария поста – это особая область в искусстве приготовления пищи. Тут наблюдается неограниченность фантазии и способов использования растительной пищи. Семейские хозяйшки имели необходимые для проведения поста припасы. Тут и овощи, крупы, мука, грибы, ягоды, благодать садов и огородов, рыба и икра, их необычные комбинации и составы для приготовления постных блюд.

Старообрядцы особо ревностно и строго соблюдали посты. Для них пост – подготовка к достойному вхождению в царство небесное, вечное стремление к совершенству тела и духа.

Русские в течение года соблюдают 4 многодневных или продолжительных поста. Сроки их проведения приурочены к большим христианским праздникам и распределены по сезонам.

Первый Великий пост продолжался (весною) 7 недель перед Пасхой. Второй летний – Петров пост (петровки-голодовки) и третий осенний – Успенский пост, близкий по строгости исполнения к Великому посту. Петров пост начинается через неделю после Троицына дня и продолжается до дня памяти св. апостолов Петра и Павла, до 29 июня (12 июля н. с.). Успенский же пост длился с 1 (14) по 14 (27) августа. В народе говорят, что он оторван от Великого поста. И четвертый, зимний пост, называется Рождественским, или Филипповым. Он продолжается 40 дней: с 15 (28) ноября по 24 декабря (6 января).

Постные дни распределены на каждую неделю. Однодневные посты в среду и пятницу были установлены в связи с воспоминанием предания Иисуса Христа Спасителя на страдания и смерть Иудой Искариотским. Пятницу постовали ради самих страданий и смерти его. Но не все среды и пятницы являются постными. Нет поста в сплошные недели. Их 5 в году.

В посты благочестивые старообрядцы говели. Не ели не только ско-

ромное, но и сладкое и усердно молились. После поста в первый раз вкушали скоромное – разговлялись. В последний день мясоеда накануне поста заговлялись, устраивали заговены, ели скоромную пищу.

Как видим, старообрядцы Забайкалья неукоснительно соблюдают все религиозные установки и правила питания в течение года, не отступая от традиций, сохраняемых со времен принятия христианства, регламентируемые и охраняемые общественным мнением.

Пища постами самая скромная: хлеб ржаной, щи с грибами, каши на постном (конопляном) масле, ягоды, кисели, бурдук, солодуха, картофель. В Лазареву субботу под Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи) едят заранее припасенную рыбную икру. В Вербное воскресенье обязательно едят рыбу. Некоторые набожные старухи принимают пищу 1–2 раза в день в течение всего поста, а последнюю неделю один раз в день, и только хлеб и воду.

В последнюю неделю поста постятся особенно строго. Некоторые из постящихся за весь день выпивают только стакан воды. В старину доходили до изуверства: в посты уменьшали дозу кормления грудных детей. Кормили их постной «жеванкой» (разжеванным хлебом), что приводило часто к плохим последствиям.

Даже на поминках в посты существовали у семейских ограничения в пище. Блюды готовили не больше трех. Оладьи (ритуальное блюдо) пекли на сковородке, которую подмазывали огарком восковой свечи, и, обмакивая их в черемуху с медом. Сахар в пост есть было нельзя. Его считали поганым. Вместо чая пили навар кедровых орехов. Староверы были охотники до меда. Лучшие пасеки в Сибири – у старообрядцев.

Старообрядческая книга «Устав» гласит: «Пост убо братие обновление есть души, житию целомудрие... Пощение хранит младенцев, целомудрит юныя, честны творит старыя, ко совокуплению брачному есть сохранение, свирепствующим есть обуздание, девству есть питатель, женам украшение благолепное; пощение – очищение и освящение есть душам. Елико бо внешний нам человек изнемогает, толико внутренний обновляется».

Далее «Устав» наставлял: «Пост же истинный яко божественные писания показывают нам не обращен токмо, сиречь пищи и пития удалитися, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися и от великого греха всегда храните себя».

О проведении Великого поста семейскими П.А. Ровинский писал, что «... настал великий пост. Конец гулянкам и песням. Гудят по вечерам веретена и самопрядки, идут рассказы о былях и небылицах на скромных посиденках, пока не придет великий день – красная неделя. А семейскому трудно без песни, да еще и без работы. У него, впрочем, есть и постные песни¹². Так они пели стих про Ноев потоп и другие духовные стихи. Великим постом, по моим записям, староверы в гости не ходили.

С давних времен русские (в том числе и семейские) славились хлебосольством. Оказывали посильную помощь людям разного ранга, от бродяг и нищих до сосланных в Сибирь дворянских революционеров (декабристов, например). Многие путешественники, побывавшие в семейских семьях, отмечали разнообразие блюд, приготовленных для угощения гостя: хлеб семейских был лучше французских булок, их избы «красны углами, но и пирогами», славились бичурские калачи. Особенно богата была праздничная еда.

Семейские до революционных преобразований не злоупотребляли ни вином, ни водкой, не курили табак: табакурить и бражничать запрещалось. Все трудились от зари до зари – некогда было думать о выпивке.

Старообрядческое население было крепким и здоровым. Женщины отличались «красотой лиц и дородством тела». Мужчины обладали недюжинной силой, и большинство из них годились бы в гвардейские «правофланговые». Это позволяли их рост и стать.

Рецепты приготовления блюд семейскими для широкого круга потребителей неизвестны. Они передаются в семьях от поколения к поколению. Их народная кухня многое скажет о характере народа, его истории, культуре питания, самосбережении народа, его гигиене, а также о межнациональном взаимодействии с культурой питания других народов, живущих бок о бок с этой группой русского народа.

Но вопрос взаимовлияния русских и бурят в сфере питания изучен пока недостаточно. Хотя известно, что дополнительно к традиционной хлебно-мучной пище в Забайкалье расширяется ассортимент мясных блюд. В обиход входят такие бурятские слова, как бухалёр, шуля (бульон) от бурятского шулэн, мыцыгун (костный мозг) от бурятского сэ-мгэн, тарак (простокваша) от бурятского тараг, турусульник (курильский чай).

Постепенно входит в привычку и употребление чая. Это, несомненно, усилилось с развитием кяхтинской торговли в связи с перевозкой из Кяхты китайского чая на запад страны. За провоз купцы платили ямщикам и извозчикам натуральным продуктом – чаем.

По берегам Байкала и рек большое значение придается ловле рыбы и блюдам из местных рыб. Так, омуль становится основным продуктом питания жителей прибайкальских и приселенгинских деревень. Ни один сибиряк-забайкалец не садился за еду без омуля. «Рыба сия, как свежая, так и соленая, здорова, приятна вкусом, по дешевизне своей она составляет для жителей в здешнем климате подобную же пищу, как картофель на севере»¹³.

Семейские употребляли рыбу в свежем, вяленом и соленом виде, варили уху, поджаривали, а женщины пекли пироги с омулем и другими родами рыб.

В современном состоянии питания русского населения произошел сильный имущественный разрыв у разных групп. Одни жируют, другие горюют. У подавляющего большинства жителей Бурятии питание резко ухудшилось, несмотря на обилие продуктов питания в магазинах, а у меньшей части улучшилось. Особенно страдают многодетные семьи. Удовлетворение в белках и жирах резко упало в связи с падением поголовья овец, коров, лошадей. Их количество сократилось за последние 20 лет в десятки раз. В колхозе «Маяк», куда входили 3 села Десятниково, Бурнашево, Хандагатай Тарбагатайского района до 1991 г. было около 3700 голов крупного рогатого скота, осталась десятая часть, в совхозе им. Калинина того же района было 800 дойных коров и 3 тысячи крупного рогатого скота, 2,5 тысячи овец. Теперь ничего не осталось! (сообщено Осипом Герасимовичем Хомяковым, 1928 года рождения). Он был одним из управляющих отделением совхоза (села Верхний и Нижний Саянтуй). Несмотря на все провалы, население семейских не теряет надежды на возрождение достойной жизни.

Рост или убыль народонаселения зависят от социально-экономического состояния общества. Это наглядно видно из приводимых ниже фактов, происходящих в старообрядческой среде. При благополучных условиях развития, наступивших после указа царя Николая II о свободе вероисповедания (1905 г.), в общинах семейских, которые были уравнены в правах наряду с никонианами, наступил подъем. Наблюдается развитие в хозяйственной, культурной и церковной жизни. Улуч-

шилось материальное и духовное обеспечение народа. Это привело к значительному росту населения во всех селениях.

Приведу данные за 1907, 1908, 1909 гг. о числе рождений, смертей и браков в Тарбагатайской, Куйтунской, Куналейской и Ключевской волостях, которые ныне территориально почти соответствуют Табагатайскому району. В них суммарно наблюдалась следующая демографическая картина.

Год	1907	1908	1909
Количество родившихся	564	591	608
Количество умерших	303	382	431
Количество браков	87	109	126

Разводы в отчете не указаны. Их фактически не было. Как видим, естественный прирост населения ежегодно возрастает. Рождается больше, чем умирает.

Современная демографическая ситуация в Тарбагатайском районе выглядит следующим образом.

Год	Количество родившихся	Количество умерших	Количество браков	Количество разводов
1991	268	172	140	41
И через 5 лет реформ				
1997	154	205	66	23
1998	148	212	82	17
1999	140	251	82	22

Таким образом, вплоть до 2010 г. статистические данные по району дают неблагоприятную картину; умирает жителей больше, чем рождается. Резкое понижение уровня жизни населения старообрядческих сел привело к удручающим показателям: рождаемость уменьшилась почти в 2 раза, смертность возросла в 1,5 раза¹⁴. И это происходит с одной из самых трудолюбивых и самобытных групп русского народа. Таковы результаты насаждения бандитского капитализма и предательских реформ.

Все многоцветье культуры семейских, разнообразие их блюд, под-

линные предметы быта и обихода представлены в уютной, блистающей чистотой «Семейской горнице» в ресторане «Ургы» (генеральный директор Т.В. Сыланова) в г. Улан-Удэ, ул. Тобольская, 40. Там готовятся блюда кухни старообрядцев по рецептам, записанным от жителей семейских сел, и из местных продуктов, полученных в Бурятии.

Подлинными натуральными блюдами кухни семейских, приготовленные местными поварами-кулинарами из местных продуктов, давно оценили их качество и вкус проезжающие путешественники, шофера-дальнобойщики, туристы, да и жители окрестных сел. Все посетители гостеприимного Центра старообрядцев, что находится в известном с. Тарбагатай, о котором оставили свои восторженные воспоминания декабристы А. Мартос, а великий русский поэт Н.А. Некрасов воспел его в поэме «Дедушка». В центре под названием «В гостях у семейских» (директор Любовь Федоровна Пластинина) большое внимание уделило народной кулинарии.

Центр ежегодно посещают сотни туристов из России и зарубежных стран. Они знакомятся со своеобразными обычаями и обедами староверов, с их уникальным многоголосным пением, культурой и бытом старообрядцев, их хозяйством, росписными домами и хозяйственными постройками (подводьем). И естественно, с удовольствием получают представление о вкусе и полезности старообрядческой кухни.

Генетический опыт многих кулинарий мира наглядно показывает, что всегда лучше отдавать предпочтение тому блюду, которое приготовлено из местных зерновых культур и продуктов. Все вкусное, полезное, родное всегда рядом, а не привезено из-за моря, экзотических стран. Опыт народных умельцев, овощеводов, производящих сельхозпродукты, активно и умело пропагандирует доктор сельскохозяйственных наук, местный уроженец А.Г. Кушнарев, ныне депутат Народного Хурала Республики Бурятия. Его опыт успешно используют местные овощеводы, огородники, картофелеводы. И, судя по отзывам, получают хорошие результаты на своих участках и дачах. И они благодарны ему за науку.

Надо благодарно поклониться и семейским женщинам, их изобретательности в приготовлении пищи, отдать должное их кулинарному мастерству, доведенному до высокой степени искусства.

Представленный для читателя историко-этнографический очерк весьма неполон. По нашему разумению, в понятие «культура питания» входит не только простое употребление продуктов питания. Это особая сфера жизнедеятельности и жизнеобеспечения любого народа. В это понятие мы включаем добывание пищи, состав потребляемой пищи, способы ее приготовления с использованием всего набора предметов домашнего обихода (посуды и утвари), правила приема пищи, поведение за столом, особенности семейной трапезы, хранение продуктов, их заготовление и консервация; различные временные ограничения в приеме пищи, связанные с мировоззрением, с религиозными верованиями, со своеобразием обрядовых действий, ритуалов, так как обрядовая еда непосредственно связана с семейной и календарной обрядностью. Словом, система питания относится не только к материальной культуре, но является важной частью духовной культуры. Все это определяется яркой самобытностью и спецификой жизнедеятельности этнографической или этнокультурной группы, в том числе и в культуре питания.

Автор осознает, что представленные исследования и материалы по пище семейских всего лишь первый опыт, который нуждается в совершенствовании и существенном дополнении.

При востребованности книжки, возможно ее переиздание, для совершенства которого автор надеется получить от компетентных читателей замечания, советы, предложения, а, возможно, и редкие рецепты, завещанные их бабушками.

Примечания

¹ Цит. по: Лебедева А.А. Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 132.

² Лежнин П.Д. Дальний Восток. Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922, С. 41.

³ Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 252–253

⁴ На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 65.

⁵ Иркутские губернские ведомости. 1867. № 29.

⁶ Панорама Сибири (путевые заметки). СПб., 1900. С. 167–168.

⁷ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Т. 1. СПб., 1871. С. 218.

⁸ Там же, ч. 3, с. 56–57.

⁹ Иркутские губернские ведомости. 1867. № 29.

¹⁰ Известия СО РГО, июнь 1873. Т. IV, № 3. С. 127. Материалы для этнографии Забайкалья. Бичура.

¹¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 355.

¹² Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Изв. СО РГО. Т. IV. № 3. 1873. С. 131.

¹³ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 130.

¹⁴ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ, 2004. С. 228.

ОРУДИЯ СЕНОКОШЕНИЯ И УБОРКИ ХЛЕБОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Сновою жизнеобеспечения русского крестьянства Забайкалья в названное время было земледелие. Хлеборобы выращивали ярицу, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, просо и огородные культуры. В течение года выполняли несколько циклов сельскохозяйственных работ. Весной производили вспашку полей, посев, боронование. На летне-осенний период приходилось два цикла работ: сенокос и уборка урожая. Лето – припасиха, зима – подбериха. Именно в этот период крестьянину приходилось работать не покладая рук, в прямом смысле – в поте лица своего. Нужно было успеть заготовить корм для животных, вовремя скосить и убрать сено, ибо, по народному присловию «Сено и покойник не ждут». Заготовка сена была ежегодной заботой русского крестьянина. Поэтому старались использовать каждый погожий день. К тому же в то время не было почти никакой техники: основными орудиями труда были коса и серп, грабли и вилы.

Знакомясь с литературой о том, как в Забайкалье убирали зерновые, мне не удалось найти публикаций об уборке зерновых и о способе кошения трав. В отдельных работах встречается только краткая справочная информация типа: «Хлеб снимали серпами и нередко косами. Молотили, где было можно, на льду или на особо устроенных токах (ладонях). Мололи на водяных мельницах простейшего устройства, а во многих местах на мельницах, устроенных во дворах и приводимых в движение лошадьми»¹. Подобные описания не дают достаточного представления о крестьянском сенокосе и о его страде – времени и способе уборки хлебов.

Некоторые данные по нашей теме имеются в статье А.А. Лебедевой². Она со ссылкой на Центральный государственный архив СССР приводит материалы о наиболее распространенных культурах в Забайкалье, которые распределялись следующим образом: «Яровая рожь

* Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 422–426.

– ярица занимала 54 % общей посевной площади, затем по площади посева – яровая пшеница (17 %), потом – овес (14 %) и гречиха (9 %). Совсем незначительны были посевы озимой ржи, ячменя и гороха». Озимые при малоснежной зиме вымерзли³.

О способе уборки зерновых А.А. Лебедева сообщает: «Созревший хлеб жали серпами, а овес, гречиху и полегший хлеб косили косами литовками с грабками. Серпы и косы привозили в село для продажи купцы из Нерчинска»⁴. «Для скашивания низкой травы употребляли косу с длинной ручкой – литовку»⁵.

Как видим, при натуральном хозяйстве орудия уборки трав и хлебов не отличались новизной, а были известны и использовались с незапамятных времен. Так, при сборе урожая с развитием земледелия человек использовал серп с каменными вкладышами, а для сенокошения – косу. Древнейшие косы для обеих рук относятся к II–III векам новой эры. Орудия и технология сбора урожая тщательно рассмотрены С.А. Семеновым⁶. Описание технологии древнерусских серпов сделал Б.А. Колчин⁷. Он исследовал 23 древнерусских серпа с 12 различных памятников и пришел к заключению, что «древнерусский серп имел вполне современную конструкцию и подобная конструкция существует уже в IX веке»⁸. По его измерениям, средний размер серпа по длине лезвия (по прямой) равняется 275 мм, по ширине 25–30 мм и толщине 3–4 мм. Иногда лезвие древнего серпа насакалось. На черенок серпа надевали деревянную рукоятку⁹.

Образцы серпов европейской части России описаны М.Д. Торен¹⁰. Серпы, находящиеся в музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, привезенные из Забайкалья, датированные началом XX в., имеют размеры длины рукояти 12–14,5 см. Длина лезвия 33 см, ширина 3 см, общая длина составляет около 45–48 см. Серпы изготовлены из железа и дерева. Нож или клинок дугообразной формы кован из железной полосы.

Мной в экспедициях в Забайкалье (1969–2012 гг.) собран значительный вещественный материал, в том числе и орудия уборки зерновых и кошения трав. В данной статье даю описание косы и серпов и их использование в сельскохозяйственной практике.

Серп – орудие жатвы. В Забайкалье с Успенья (28 августа) начинали жать хлеб. Жали серпом. Удалые 6 человек за день выжинали 1 десятину, т. е. примерно по 20 соток ярицы. Пшеницу жать было труднее она

короче, росла гуще и жали ее чище. Ни одного колоска не пропускали, не оставляли на поле. О жнице, нерадиво жнущей, оставляющей колоски при жатве, крестьяне говорили: «Кума сама себя бьет, коль нечисто жнет».

Серпом-горбатиком выжинали по 15 соток. Ярицу ставили в суслоны следующим порядком: 4 снопа внутри и по 3 снопа по их сторонам. Всего в суслоне ставили по 10 снопов. Сжатую пшеницу же ставили по 3 снопа в ряд, по 2 снопа сбоку и 3 снопа накладывали сверху для предохранения от осенних дождей. Снопы в суслоны ставили для просушки зерна.

В Большом Куналее Верхнеудинского округа Забайкальской области считали: «Если с суслона (10 снопов) намолачивали 2 пуда ржи (ярицы), то урожай хороший».

Детей приучали жать с 9–10 лет. Жали девочки и мальчики. Косить учили только мужчин. Семейские, начиная жать, срезали несколько колосков (сколько в руку попадет) и затыкали их за спину, говоря: «Как пшеница к земле преклоняется, так и спина моя (имя рек) приклоняйся». 3 раза повторяли это присловье-заговор и начинали жать. Это делалось для того, чтобы не болела спина. После жатвы серпы наряжали, обвив их солодкой с колосками и повесив на плечо, шли домой. Серп, обвитый колосом, наряженный на плече, означал – отжались, идут со сжатого поля.

Конец жатвы называется отжинками. А их отмечали следующим образом. Жарили до красна муку в латке, заваривали ее кипятком и доливали свиного жиру – получался саламат. Всей семьей садились за стол и отмечали отжинки. Ели саламат, иногда пили вино и говорили: «Слава богу, зародил господь, а мы отжались». Словом, совершали обряд, посвященный окончанию жатвы. Саламат – обрядовая еда.

За жнитву 1 десятины в Забайкалье в конце XIX века платили от 6 до 9 рублей мужчинам и женщинам поравну.

За молотьбу 1000 суслонов – 45 рублей.

За косьбу 1 десятины луговой травы – 3–3,5 рубля¹¹.

В Забайкалье, как уже было сказано, была распространена коса-литовка. Она состоит из изогнутого стального ножа, из деревянной березовой рукоятки – косьевища – косовища (по местному), на котором крепится ручка, огибающая древко, и поэтому называется огибкой. Эта

ручка крепится на косовище на уровне пупа косаря, если косу пяткой поставить на землю.

Хлеба похуже косили косами с грабками. Косою обычно убирали низкорослые культуры (горох, гречиху) или редкую пшеницу, ярицу, ячмень, овес. В таком случае к косе крепили грабки с тремя или четырьмя рожками. Таким образом скошенная зерновая культура ложилась рядком. Ее легче было собирать.

Уборка хлебов косами была результативнее, шла быстрее. Иногда переспевшее зерно осыпалось. Это вело к потере урожая. Представляет интерес названия частей ножа косы. Они имеют следующие названия: полотнище, или полотно, представляет всю режущую часть косы, пятка – эта часть прикрепляется к косьевищу. Полотно имеет лезвие или жало, обух – спинку и носок – острие. Переход от полотна к пятке называется шейкой, а конец пятки – бородкой.

При косьбе задействованы две руки.левой держат за верхний конец косовища, правой – ручку-огибку. Взмахом косы от правой руки к левой подрезали растения. При правильной установке лезвия коса касается земли только спинкой ножа, т. е. тупой тыльной стороной, а лезвие приподнято. После прохождения прокоса косу правят оселком или брусом. Также притупившуюся косу отбивали на широкой бабке отбойным молотком с узкой ровной полоской. Иногда на самой бабке крепилась металлическая узкая полоска, и тогда косу били ровным обухом молотка, поставив лезвие косы на эту полоску.

В южных районах Бурятии начинали косить травы с Прокопьева дня 8 (21) июля. Основной сенокос начинали с Ильина дня (2 августа). Скошенное сено сушили, большие ряды разбивали или переворачивали граблями. Затем сухое сено собирали в валы и складывали в копны. Копны свозили на возвышенное место и ставили стог или зарод. Сено метали на зарод большими трехрожковыми вилами. Кто-либо опытный, находясь на стогу, подхватывал граблями охапки сена и ровно укладывал по площади зарода, суживая его к вершине. Сметанный стог огораживали жердями или плетнем. Зимой возили сено на санях домой.

Таков был способ уборки урожая и заготовки кормов в хозяйстве русских крестьян-старообрядцев, проживающих в Забайкалье. Они, используя несложные орудия, непрерывным трудом, благодаря физической крепости, добывались своего относительно благополучного существования, часто в экстремальных условиях.

Примечания

¹ Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Издан Забайкальским областным статистическим комитетом. Иркутск, 1891. С. 69.

² Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 136–137.

³ Там же, с. 134.

⁴ Там же, с. 136.

⁵ Там же, с. 145.

⁶ Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974. С. 245–267.

⁷ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 89–95.

⁸ Там же, с. 90.

⁹ Там же, с. 91.

¹⁰ Торен М.Д. Способы уборки хлебов // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). М.: Наука, 1967. С. 60–63.

¹¹ Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. Очерки истории и культуры. Т. 1. Улан-Удэ; Иркутск: Медиаинформ, 2012. С. 60; ГАРБ, ф. 303, оп. 1, д. 24, л. 3об.

РУЧНЫЕ ЖЕРНОВА И СТУПЫ В ХОЗЯЙСТВЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАБАЙКАЛЬЯ*

ручные мельницы (жернова) и ступы и связанные с ними рушение и помол появились так же рано, как собирание и потребление злаков. Археология располагает фактами о существовании в палеолите каменных ступок и цилиндрических пестов. Эволюцию древних зернотерок, ступ, мельниц проследил С.А. Семенов¹.

Некоторые вопросы получения круп при помощи зернотерок и ступ в лесной полосе Восточной Европы затронул Ю.А. Краснов².

Как древние орудия для получения муки и круп, они отражены в сказочной традиции и связаны с образом Бабы Яги. В сибиреведческой литературе, посвященной русскому хлебопашеству, эта тема не нашла должного освещения. Небольшое сообщение о ручных мельницах и ступах находим только у томского этнографа П.Е. Бардиной³.

Даже в специальной литературе, посвященной земледелию и ручным мельницам, о них сказано весьма скупо и неверно названо время их бытования. Так, в историко-этнографическом атласе читаем: «В крестьянских хозяйствах ручные жернова как пережиток продержались вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции»⁴.

Но, по нашим наблюдениям, в Забайкалье ручные жернова использовали в семьях колхозников даже в начале 50-х гг. XX в. Еще в 70-е гг. XX в. ряд образцов ручных мельниц нам удалось собрать и привести в Музей Института археологии и этнографии. То же самое можно сказать и о деревянных ступках, зернотерках, которые имелись почти в каждом крестьянском дворе Забайкалья.

А.А. Лебедева пишет: «В некоторых семьях имелись ручные жернова, которые стояли за печкой, около двери, иногда – даже в подполье. На ручных жерновах размалывали для выпечки хлеба пудполпуда просушенного в печке зерна. Для “обрушивания” зерна пользовались и деревянными ступами»⁵.

* Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 372–377.

М.М. Громыко в своей капитальной работе заметила: «В XVIII в. отмечены в Западной Сибири крупяные мельницы. Крестьяне умели вырабатывать из зерна крупу и толокно»⁶.

Подобные сообщения не дают наглядного описания названных предметов домашней утвари, а вернее, орудий для получения круп и муки. Принцип работы ручных жерновов основан на растирании, а ступы – на толчении пестом или толкачом (в Забайкалье принято второе название).

«С самого начала расселения русские в Сибири стремились восстановить здесь традиционную хлебно-мучную основу питания»⁷. Но известно, что в начале хозяйственного освоения Сибири доставка хлеба-провианта была весьма затруднительна. И русские первопроходцы страдали от его недостатка. Водяных мельниц тоже вначале не было. Только через десятки лет колонизации этого огромного края строятся первые мельницы. Так, в обширном Енисейском уезде в 1628 г. было всего четыре мельницы. Население испытывало затруднение при помоле зерна, отчего «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьею и едят»⁸.

Подобное приготовление еды из злаков было обусловлено отсутствием мельниц. Но долгое время такое состояние не могло удовлетворять служилых и крестьян. По мере развития русского хлебопашества в Сибири основным продуктом становится ржаной хлеб и крупы из овса, гречки, проса, ячменя. В связи с этим одним из главных видов пищи становятся каши.

Каши – одно из древнейших блюд русского народа. В ранние времена она являлась заменой хлебной пищи. Каша – мать (кормилица) наша (В. Даль).

Первоначально каши готовили из целых зерен. В частности, таковой едой была кутья. У семейских до сих пор это обрядовая еда. Ее готовят из разваренных зерен пшеницы с сытою да с медом.

Кутья прежде была главной принадлежностью постного обеда, затем стала обрядовым поминальным блюдом. Такой же обрядовой едой являлась каша, широко используемая в семейной и календарной обрядности русского народа.

«Примитивные формы приготовления еды консервируются обрядом, становятся ритуальными»⁹. Зерна пшеницы в кутье и крупы в кашах служили символом нескончаемого кругооборота жизни.

Для выделки крупы существовали ступы и ручные жернова. По мере развития земледелия возросла потребность в этих орудиях труда. Старый крестьянский опыт, приобретенный еще в европейской части России, и смекалка пришли на помощь и в Сибири, и в Забайкалье. Изготовление доступных примитивных орудий для размола зерна повсеместно началось в русских поселениях. Изготовить ступу из обрубка дерева, а также и песта труда не составляло и умения не требовалось. Со временем эти предметы стали принадлежностью каждой крестьянской семьи. Без описания этих важных для крестьянского хозяйства предметов труда восстановление картины материального быта и народных верований русских крестьян Забайкалья будет неполным.

Ручные жернова могли быть каменными и деревянными. В Забайкалье XIX–XX вв. они были деревянными. Изготовление их было очень простое: из толстого дерева твердой породы (березы, лиственницы) отпиливали два отрезка 30–35 см высотой и 40 см в диаметре. В рабочую поверхность вбивали куски чугунной сковороды, которые от центра расходились лучами. В нижний неподвижный жернов в центре вбивали металлический стержень. На этот осевой стержень надевали верхний жернов с проделанным посередине отверстием для засыпки зерна, к нижней части которого прибавляли металлическую пластину с дырой посередине. Верхний круг изготавливали с ручкой на одной стороне. За эту ручку вращали жернов и получали муку или крупу.

Ручные жернова в крестьянских семьях появлялись чаще всего в годы бедствий, в годы войны, засухи, когда сбор урожая хлеба был скудным или его катастрофически не хватало. Ведь несколько килограммов зерна не понесешь на мельницу, а ручные жернова всегда были в доме, под рукой. Для семейных нужд быстро можно было получить муку и крупу. Известные нам типы ступ изготавливались из дерева, чаще из сосны, толкачи или песты – из лиственницы или березы. Углубление в ступе было около 40–50 см. Размер ступки из с. Большой Куналей равнялся 82х30 см. Длина толкача была около одного метра и меньше. Посередине песта делалось утоньшение – перехват для удобного держания в руке. Ударом толкача подсушенное или поджаренное зерно избавляли от оболочки или плевел.

Деревянные ступы были двух типов. Первый – это была деревянная колода в виде сосуда на мощном круглом основании, верх кото-

рой по форме напоминал фужер или рюмку. Для каждой ступки изготавливали толкач с округлыми концами.

Бытовали ступы и более усовершенствованного типа. У многих в крестьянских дворах ступы были вкопаны в землю, а пест крепился к длинной березовой жерди (очепу), которая с другого конца была прикреплена к столбу с прорезом и соединялась осью, через прорез которого сверху была продета жердь. Получался перевес на длинном отрезке жерди с толкачем с ручкой. Длина песта равнялась 2,5 м. Таким способом легко было толочь крупу, пеньку. Благодаря гибкости очепа можно было не применять большой силы, и обрушением зерна могли заниматься дети. Ступа, кроме толчения зерна, имела ряд других функций: в ней толкли волокна льна, конопли, соль, кору.

Ступа и толкач как одни из древних орудий для получения круп, из которых готовили каши, стали принадлежностью обрядов. Каши стали ритуальной едой, связанной с идеей плодородия и возрождения жизни.

В славянской сказочной традиции Баба Яга ездит в ступе, пестом погоняет, помелом замечает или себя побивает. В.Я. Пропп, анализируя образ Бабы Яги, выявил его двойственный характер. В эпоху охотничьего хозяйства она руководила церемонией инициаций и была благожелательной колдуньей, иногда помогала герою советом и делом. Ее образ восходит к тотемному предку по женской линии. С падением матриархата женщина лишается власти. Остается только материнство как одна из общественных функций¹⁰. С ее образом связывают идею плодородия.

Ступа и толкач не только орудия для толчения зерна, но и эротические символы. В русском фольклоре ступа является воплощением женского лона, а толкач – мужской эротический символ¹¹. У семейских мной записана песенка фривольного содержания: «Приходи, кума, на ночь, будем семя мы толочь. Твоя ступка, мой толкач, я з-ну, ты не плачь».

Ступка, олицетворяя женское лоно, – ипостась материнства. Баба Яга как магическая покровительница плодородия с изменением условий жизни и быта, появлением земледелия оказалась ее хозяйкой, но она не может выполнять свои функции без мужского начала. Его роль отведена толкачу.

С развитием земледелия ее функции трансформировались. Текущая историческая действительность видоизменяет или создает новые яр-

кие образы, которые вытесняет старые сказочные персонажи. «Сказки сохраняет в своих недрах следы древнейшего язычества, древних обрядов и обычаев»¹².

Подобное произошло с образом Бабы Яги. С наступлением земледельческого хозяйства хозяйка леса предстает владелицей иных аксессуаров – ранних орудий земледельца, которые взяты из леса и ими рушат зерно. Все это имеет отношение к идее плодородия, чадородия и бессмертия.

Толчение в ступе – умерщвление зерна, а поедания его в кашах дает новую жизнь. Таков ее вечный круговорот. Образ Бабы Яги, оказавшейся в ступе, предстает в своей сказочной двойственной роли, выявление которой нуждается в другом, более обстоятельном исследовании.

Примечания

¹ Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974. С. 275–283.

² Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. С. 82–85.

³ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 95–96.

⁴ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. 119 с.

⁵ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 137.

⁶ Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. С. 66.

⁷ Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. С. 184.

⁸ Там же, с. 186.

⁹ Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957. С. 82.

¹⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 76–78.

¹¹ Славянская мифология. М., 1995. С. 306–307, 369.

¹² Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. С. 79.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ БЫТУ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

Данная публикация посвящена производству и бытованию изделий из бересты в селениях Восточной Сибири. Рассмотрены будут расписные туеса и солонки с пожеланиями, инициалами мастера и датой изготовления.

Кульť березы хорошо исследован в календарной обрядности русских и белорусов, но использование ее древесины и коры для хозяйственных нужд в русских селах Сибири еще недостаточно освещены в научной литературе. А между тем хозяйственную деятельность и быт русского крестьянина трудно представить без поделок из березы. А к ним относятся орудия земледельческого труда, транспортные средства (сани, телеги, дуги), разнообразная посуда, инструменты, утварь, детские игрушки – все это изготавливалось в крестьянских хозяйствах из крепкого надежного дерева – березы. Для поделочного материала в столярном деле особенно ценились березы, срубленные в возрасте 60–80 лет и более. Для многих изделий посуды и утвари использовался березовый кап, шишкообразный нарост на дереве, используемый при вырезке и выдалбливании чашек – ладок, объемных глубоких посуды для рубки капусты. Особенно излюбленным материалом для сельских мастеров служила береста. Присутствие в коре березы смолистого вещества наделяет бересту особой прочностью. Изготовленные из нее предметы долго служат для переноса и хранения полезных напитков.

Из бересты крестьяне изготавливали многие предметы хозяйственно-го, домашнего и личного обихода: севалки, лукошки, футляры для оселков, короба, солонки, манки для призыва изюбрей, игрушки, святочные личины и пр. Наибольшим спросом у русского населения пользовались туеса, туески, туязья или северорусские бураки и солоницы. Туес – это цилиндрический сосуд с плотно закрывающейся деревянной крышкой,

---

* Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 334–337.

изготовленный из легкого и прочного природного материала, в котором хорошо хранится молоко, квас, ботвинья в течение всего летнего дня.

В каждом крестьянском доме неотъемлемой принадлежностью быта, культуры питания была солонка или солоница. Хлеб да соль были в основе питания русской семьи. Хлебом и солью русские встречают почетных гостей. Вместо слова «здравствуйте», говорят хлеб да соль. Таким образом желали богатства, ибо хлеб – это основное богатство в любом доме, а соль служила, по русским поверьям, защитой от темных сил. Говоря хлеб да соль, желали богатства, благополучия и здоровья хозяевам.

Производство посуды из бересты в разных регионах Сибири имело свои особенности. Декабрист Д.И. Завалишин в статье «Кустарная промышленность в Забайкальской области» отмечал, «что многие виды (кустарной промышленности. – Ф.Б.) были сильно развиты, доведены до высокой степени совершенства... Резьба по дереву, позолота, лакировка и выделка кожи и прочее, все производилось в собственных мастерских. Жившие отдельно по домам в деревнях поселенцы делали ложки и трубки из корней березы, эти ложки и трубки стирались от долгого употребления, но не раскалывались, как привозимые из внутренней России. Делалась всякая деревянная, глиняная и берестяная посуда, не нуждаясь в привозной железной с Урала...»¹ В данном случае речь идет о развитии кустарного производства в Забайкальском крае. Иное положение с развитием и состоянием промыслов или получением дополнительного заработка, кроме земледелия, наблюдалось в Иркутской губернии. В старое время нужды крестьянского хозяйства удовлетворялись домашним производством. Крестьянин сам был мастер на все руки. Он выращивал хлеб, ухаживал за скотом, пас его, готовил лес для строительства, мастерил орудия труда, вырезал посуду, в зимнее время занимался извозом, по мере надобности становился плотником, тележником, кожевником. Так, жители Буринского селения Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в основном занимались земледелием и скотоводством, «они для себя делают: сани, телеги, сохи, бороны, сбрую для лошадей, выделывают кожи для чирков, но работы эти все не изящны, и для себя работают невольно, потому что с базару покупать не на что, достать денег негде», – констатирует корреспондент этого сообщения, – хлеб родится плохо, а если и родится, то цена на таковой низкая»².

Из-за трудности сбыта крестьянину в селе приходилось изготавливать разные изделия, в том числе и туески для своих нужд или для дарения близким и родным. Так, в с. Шебарта Нижнеудинского уезда в 1899 г. «один крестьянин сделал 30 берестяных туязьев и послал сына в Тулун, за 56 верст от деревни, ибо на месте сбыта не нашел, т. к. каждый крестьянин делает их для себя. Туязья были проданы за 3 рубля 28 копеек. Более крестьянин не повторял опыта»³.

То же самое, но в иных условиях наблюдалось и в Забайкалье, в семейских селениях. Изготовлением изделий из бересты занимались крестьяне, иногда молодые люди между делом, не бросая основной работы, связанной с земледелием и скотоводством. Иногда туески изготавливали, угоняя коней пастись в ночное. Так, туесок из резной бересты, наклеенной слоями, принадлежал Елисею Никитовичу Сластину, крестьянину с. Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятия. Он умер в 1959 г. в возрасте 92 лет. Всю жизнь оставался одиночкой, в колхоз не зашел. Туесок делал мастер Михаил Филимонович Назаров, лет 100 назад, на память сестре Секлетины Филимоновне, Сластиной в замужестве. Изготовил он его, когда пас коней, гонял их в ночное, там в лесу и сделал. В туеске хранили ягоды, мед, яйца и т. д. Понятие о добре было сформировано «силой родственного внимания». Туески семейские изготавливали следующим образом. Бересту располагали таким образом: комлевая часть бересты со снятой березы располагалась вверх, в нижнюю часть туеса вставляли дно, сосуд получался ровный. Бересту распаривали в кипятке, заворачивали, и дно не выпадало.

Некоторые данные об изготовлении туесков находим в монографии Г.И. Ильиной-Охрименко. Она эти берестяные изделия называет «универсальной посудой», и в прошлом их мастера – туесочники делали в большом количестве для продажи⁴. В Забайкалье был спрос на туески, ибо население в этом крае было более зажиточным.

Заготовка бересты для туесов производилась весной, когда дерево бывает в соку. Цельную бересту для внутренней стороны снимают со спиленного чурбана, поверх этой готовой формы накладывают внешнюю сторону внутренним слоем наружу и скрепляют в одном месте «замком». На нижнюю часть туеска накладывается третий слой для прочности сосуда, который тоже скрепляется «замком». Верхний край туеска закрепляется внутренним цельным слоем, который расположен комлем вверх, он распаривается в кипятке и загибается на наружный

слоем. Низ бересты тоже распаривается и вставляется деревянное точно подогнанное выструганное дно. Таким же образом вставляли крышку с ручкой в форме дужки. Такие туески отмечаются замечательной прочностью и служат хозяину до 25–30 лет. Берестяные стенки сосуда не пропускали тепло даже в жаркую погоду, даже молоко в нем оставалось холодным в течение дня. Вот почему молоко, квас, ботвинью возили на поле, сенокос в берестяных туесках.

Туески семейских двух типов. Первый представляет собой сосуд с наклеенными слоями зубчатой бересты (всего 11 слоев), расширяющимися посередине туеска. Окрашен по окружности в четыре цвета (голубой, зеленый, красный, желтый). Вероятно, подобный туес лучше сохранял налитые в него молоко или квас.

Второй тип – расписной туес. Стенки и крышка его покрыты слоем зеленой масляной краски и на этом фоне мастер написал цветы удивительной яркости с тремя красными бутонами и с четырьмя распустившимися на четыре стороны синими листьями с бурыми ободками и белыми и бурыми полосками. Такими же цветами расписаны и крышки. Встречались туески и с геометрическим орнаментом. Росписи относятся ко второй половине XIX в. Семейские, находясь в постоянном гонении, не падали духом, украшая предметы быта и обихода, создавали красоту вокруг себя, которая радует не одно поколение.

Таково краткое предварительное описание туесов и солонок, применяемых в хозяйстве и быту русских крестьян Восточной Сибири.

Примечания

¹ Завалишин Д.И. Кустарная промышленность в Забайкальской области // Московские ведомости. 1886. № 210. С. 5.

² Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? Иркутск, 1904. С. 7.

³ Там же.

⁴ Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX–XX веков. Резьба и роспись. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972, С. 43.

ПРЯДЕНИЕ, ТКАЧЕСТВО И ВЯЗАНИЕ У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX В.)*

основу настоящей статьи положены материалы полевых исследований, проведенных автором в селениях семейских Забайкалья в 1966–1977 гг., многочисленные собранные им орудия и предметы обработки конопли и шерсти, прядения и ткачества и вещи семейских домашнего ручного вязания и ткачества (ныне хранятся в Музее Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР). Некоторые из них представляют интерес не только как орудия и вещи домашнего производства в прошлом, но и как предметы народного искусства, в котором отразились эстетические и религиозно-магические представления семейских. Нами также использованы архивные и литературные материалы.

Разработке этого вопроса на материалах расселения восточных славян в Европе посвящена работа Н.И. Лебедевой¹.

Менее изучены такие широко распространенные виды хозяйственной деятельности, как прядение, вязание и ткачество у русского населения Забайкалья, в частности у семейских, хотя отдельные процессы обработки конопли, шерсти и ткачества рассматривались в этнографических работах².

Материалов дореволюционного периода по этому вопросу почти не сохранилось³. Г. Осокин писал о выработке грубого крестьянского холста «почти исключительно семейскими». Сукна же из бараньей шерсти в деревнях по Чикою и Хилку получают, как он отмечал, «довольно порядочного качества, но в небольшом количестве». Они «исключительно употребляются самими крестьянами и на рынок почти не поступают»⁴.

В исследованиях советских этнографов вопросам прядения и ткачества у семейских уделялось внимание главным образом в связи с изучением одежды. Так, М.Г. Тарусская, не обнаружив в селах семей-

---

* Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 139–163.

ских домотканых рубах и сарафанов и ссылаясь на работу М.И. Лилеева, высказала предположение, что до переселения в Забайкалье, из Ветки и Стародуба семейские пользовались домоткаными вещами⁵. Действительно, такая одежда была в широком обиходе у старообрядцев, прибывших по повелению Екатерины II в Забайкалье. По мнению А.А. Лебедевой, на новых местах «русским переселенцам приходилось самим обеспечивать себя всеми продуктами питания и одеждой»⁶. К тому же, по указу Сената от 14 декабря 1762 г. старообрядцам разрешалось носить «указанное платье по их обыкновению». Не могли они сразу расстаться с привычной одеждой.

Утверждение А.А. Лебедевой, вероятно, нельзя распространять как на все группы переселенцев, так и на разные периоды. По другим данным, семенами прибывших переселенцев-староверов должны были снабдить местные власти. В частности, делами обеспечения и устройства переселенцев во второй половине XVIII в. ведала «Хлебопашеств и переселения Контора», которой «надлежало запасти» на семью по 36 пудов семенного хлеба, ячменя и овса – по 18 пудов, семени конопляного – по 3 пуда⁷.

Необходимо отметить, что такую помощь местная администрация оказывала только на первом этапе обоснования сосланных в Забайкалье старообрядцев. В дальнейшем они должны были целиком и полностью положиться на свой сельскохозяйственный опыт, знания и умение, которые помогли им в нелегкой борьбе за существование на новых местах. П.С. Паллас, побывавший 6 лет спустя в селениях «польских колонистов» (так он называл русских старообрядцев, высланных с польской территории), вникает в их хозяйственные заботы и занятия. Он отмечает, что наряду с пшеницей, рожью, гречихой, горохом выращивали коноплю⁸. Многие сельскохозяйственные навыки и трудовые традиции ими были вынесены с прежних мест жительства. В частности, использование косого сошника у плуга для подрезания корней, орудия, несомненно, очень важного в условиях Забайкалья⁹. Опыт подсказывал, что без такой технической культуры, как конопля, трудно будет продолжать привычные традиционные занятия: ткачество и шитье одежды, изготовление мешков, ниток, вервов (от старославянского вервь – шнур, дратва), вожжей, посторонок, поводов, пакли и т. д. Поэтому опыты по выращиванию хлебов и технических культур начали сразу же. Первые результаты не всегда были обнадеживающими. Но,

вероятно, метод проб и ошибок, а также прирожденная наблюдательность и настойчивость вековых земледельцев позволили русским крестьянам, стихийным агрономам и практикам, выявить важную особенность местного климата – ослабление заморозков или даже их отсутствие на возвышенных местах. Поэтому стали возделывать пашни и сеять хлеба, технические культуры не на низменностях, не по долинам, а по увалам, на склонах гор, сопок, а для ослабления влияния частых засух – и в лесистых местностях.

Конопля на холодных землях прививалась (проходила акклиматизацию) плохо. Тканей же фабричного производства первоначально не хватало или же их трудно было купить вновь поселенным колонистам, что и вынуждало заниматься домашним производством холста в условиях крестьянской семейной общины. Не случайно крестьяне настойчиво продолжали высевать коноплю, и хотя последняя не давала урожая (замерзала или высыхала), староверы «к новому посеву вновь закупают»¹⁰. Это делалось без принудительных мер, к которым со временем прибегнет царское правительство. А.А. Лебедева, ссылаясь на архив Географического общества, писала: «Крестьяне привозили иногда с собой для посева различные культуры, которые до переселения выращивали на родине, но не все они могли успешно произрастать в Бурятии. К числу последних относился лен. Но по высочайшему указу 1787 года крестьяне обязаны были и здесь засеивать льном и коноплей по 0,5 десятины на каждую ревизскую душу»¹¹. Насколько были успешны меры властей, сказать трудно, ибо уже к XX в. лен в здешних местах перестали разводить¹².

Выращивание же конопли в семейских селах продолжалось до 1950-х гг. Некоторые процессы обработки этой культуры автор еще мог наблюдать. Прядением и ткачеством занимались бабушка Е.Е. Болонева (1860–1947 гг.). Мать В.Е. Болонева дома ткала «пояска» до 1954 г.

О разведении льна и его обработке упоминается в фольклоре семейских. Так, в песнях с. Урлук Красночикойского района Читинской области «Земелюшка, чернозем» (запись автора) и «На горочке, на горе» (запись Н. Лисина¹³) говорится, что посев и обработка льна были чисто женским занятием. В первой песне: «...пахал парень огород, оставил он уголок, красным девкам на ленок»; во второй:

На горочке, на горе.

На крутенькой, на крутой

Посеяли девки лен...
Посеяли, пололи...
Белы ручки скололи¹⁴.

Семейские Красночикийского района наиболее длительное время сохраняли этот традиционный вид занятий по производству домашнего холста, что нашло отражение в их песнях:

Под окошечком сидела,
Да пряла беленький ленок...¹⁵

В них говорится об этом чисто девичьем (женском) роде занятий, истоки которого уходят в далекую старину, где в недрах родового материнского строя славян зародился женский промысел, вызванный, вероятно, вынужденным разделением труда.

Вероятно, у семейских, проживавших на территории нынешней Бурятии, изготовление холста не имело широкого распространения¹⁶. Зажиточность семейских, соседство с Кяхтой, Верхнеудинском (ныне Улан-Удэ) – этими крупнейшими торговыми центрами Забайкалья, значительное участие в извозном промысле – «ямщине»¹⁷ позволили им перейти на яркие покупные ткани отечественного фабричного производства и ввозившиеся из Индии и других стран.

А.А. Лебедева «сравнительно быстрый переход от домотканины к фабричным тканям» объясняет суровыми климатическими условиями Забайкалья, которые «позволяли выращивать не лен, а лишь коноплю. Конопля, как известно, требует хорошо удобренной почвы, и поэтому ее выращивали лишь в небольшом количестве»¹⁸. Именно в этом и сказался здравый смысл, практицизм русских крестьян, проживавших вблизи от торговых центров и путей и отказавшихся от трудоемкого производства домотканины. У купцов имелись красивые фабричные ткани, которые они были уже в состоянии купить и шить из них одежду, сохраняя традиционный старинный покрой. Экономические условия играли доминирующую роль.

В иных условиях оказались семейские, жившие в долине Чикоя, в стороне от торговых путей, за труднопреодолимым хребтом. Они вынуждены были обеспечивать себя всем необходимым. Поэтому и производство домашних тканей (холста, сукна, дорожек и т. д.) там было развито в значительной степени. Там же, вероятно, выращивали и лен, о чем говорится в «Статистическом обозрении Сибири»¹⁹.

Ткачество на Чикое сохранялось до 30-х гг. XX в., как пишет

Г.С. Маслова²⁰. Необходимо отметить, что кое-где оно еще бытует и в наше время. Правда, ткут теперь главным образом половики, дорожки, скатерти и другие вещи, традиционно применяемые в их быту.

Коноплю сеяли, вероятно, только с целью удовлетворения нужд своей семьи, своего хозяина. Это подтверждают архивные материалы и материалы собирателей того времени. Вот что сообщал А. Добромислов, побывавший в семейских селениях в верховьях Ингоды в 1920-е гг.: «Конопля сеется мало, от 1/8 десятины и менее. Волокно идет на поделку различного рода холста, скатертей, ниток, веревок, мешков. Худший сорт на рынок для конопатки зданий. Ткачество хотя и уменьшилось в сравнении с прошлым временем, однако практикуется почти в каждом доме. Всякого рода холста ткется в год аршин (к сожалению, количество производимого холста не указано. — *Ф.Б.*)». Далее автор отмечал: «При малом количестве привозимой в деревни мануфактуры означенное собственное производство служит громадным подспорьем и его, конечно, нужно поощрять. Даже при наличии фабричной продукции собственная продукция не будет лишней, дающая материал более прочный (как сукно из овечьей шерсти)»²¹.

Вероятно, для домашнего ткачества семейские крестьяне не во всех селах обеспечивали себя достаточным количеством сырья. Несмотря на то что посев конопли производили почти во всех семейских волостях, в селах Западного Забайкалья, находящихся ныне на территории Бурятской АССР, его высевали и получали мало. Так, в отчете Мухоршибирской волости за 1888 г. говорилось: «Коноплю, пакли, веревки не только не продают... но и сами покупают... льна и прочих (вероятно, технических. — *Ф.Б.*) произрастаний вовсе не сеют»²². В Тарбагатайской волости в 1899 г. получен урожай конопли сам-5²³. В целом урожай неплохой. Но здесь, кроме того, из овечьей шерсти выделявали крестьянское сукно, войлок, вязали варежки, чулки²⁴. В отчете Брянского волостного правления за 1888 г. указывалось: «Из конопли приготавливается пакля, веревки и прядутся нитки, а из семян выбивается масло... и сбывается на Верхнеудинском рынке и окрестностях его»²⁵. В отчете за 1899 г. уже отмечалось, что «коноплю и лен не сеют»²⁶. В Большом Куналее, согласно подворной (похозяйственной) книге за 1913 г. (хранится в архиве сельского совета), крестьянин Г.И. Краснобаев высевал всего 0,01 десятины конопли.

Сырьем для изготовления тканей у семейских служили шерсть,

конопля, лен, конский волос (из гривы, хвоста). Поскольку наиболее распространенной технической культурой была конопля, то на ее получении и обработке следует остановиться подробнее. Для этого нами использованы материалы краеведа А. Добромыслова. Им в 1920-е гг. совершено несколько поездок в семейские села и собраны интересные данные по культуре и быту семейских. Он так описывает сев и выращивание конопли: «Семена на посев отбирались лучшие (местные). Высеваются зерна из расчета 12 пудов на одну десятину. Посевы (на крестьянское хозяйство составляли. – *Ф.Б.*) до одной восьмой десятины. Землю унавоживают. Она должна быть питательной. Сеются на усадьбах и в поле. В поле родится лучше, не кустится. Однако и там она требует удобрение».

В июле выдергивается «посконь», по местному «замашка»²⁷. Это мужские стебли, которые не замачивают в воде, а расстилаются по увалам на росу²⁸. Далее, как отмечала А.А. Лебедева, их «держали до тех пор, пока стебли становились серого цвета»²⁹. В Тарбагатайском районе (Большой Куналей, Куйтун, Надеино, Десятниково) замашки получали следующим образом. Как только конопля зацветала, ее выдергивали и ровными тонкими рядами расстилали на пригорках, где она выдерживалась на солнце. Затем ее собирали в снопы, привозили на усадьбу и после страды сушили в жарко натопленных банях и мяли на мялках, трепали трепалками (мечеобразными дощечками) для удаления костры. Затем пряли на самопрялках суровые нитки – вервы. Последние получились очень крепкими. Из поскони ткали холст более тонкий и лучшего качества.

Пенька же получалась из конопли, снятой после созревания семечек. Ее выдергивали, привозили на ток, вымолачивали семечки. После этого коноплю складывали в кладь. Зимой она лежала. После вешней пахоты коноплю спускали в пруды или озера, где она месяц мочила в воде. Затем ее вытаскивали, сушили и в петровки (Петровский пост) начинали мять на мялках. Мяли в жаркие дни. «Мнешь, мнешь, да с мочи выйдешь», – вспоминают женщины. Но особенно трудоемкой была обработка крупных стеблей конопли, которую старались дольше держать в воде. Хорошо вымоченная конопля мялась и трепалась несколько легче. Пеньку пряли, из пряжи ткали подстилки, мешковину, вили веревки, ткали подпруги, грубые холсты и т. д.

У семейских с верховьев Ингоды в процессе получения конопли

в некоторых деталях прослеживаются свои особенности. У них, выходцев из причикойских сел, где ткачество, как известно, было более развито, сохранились старые традиции и в процессе обработки названной технической культуры. Там коноплю выдергивали в конце августа по старому стилю, вязали в снопы и, закрыв их верх, чтобы ворообы не выбивали семян, сушили. Если ощущалась нужда в пеньке, то коноплю обмолачивали в сентябре, стараясь вымочить ее до зимы. Если же оставляли до весны, то обмолачивали семя зимой. Из семян готовили конопляное масло. Обмолоченную коноплю мочили в озерах в разное время года в зависимости от потребности. Причем осенние вымочки считались самыми хорошими. Мочили в апреле-мае, иногда и позже. Сроки мочения зависели от температуры воды. Осенью – месяц, летом – 15–20 дней. Для мочения коноплю или пеньку «паромили». Делали это следующим образом: укладывали на берегу две длинные жерди концами в воду, на них – конопляные снопы, а сверху еще жерди. Концы нижних и верхних жердей скрепляли кольцами из таловых прутьев. «Паром» сталкивали в пруд, положив на него камни, чурки так, чтобы он целиком погрузился в воду.

Вымоченную коноплю сушили возле прудов или озерков на козельках или возле дворов, расставив ее у заплотов, у изгородей, чтобы продувало. Высушенное сырье сначала мяли на специальных мялках, изламывая стебли, а затем в мялках, в которых обыкновенно мнут кожи. Затем кострицу от волокон отбивали трепалкой и чесали их самодельными щетками из щетины кабана. Очески называют куделью, а хорошо вычесанные – пенькой или кужелью.

Пряли двояким способом на веретенах и на самопрялках. Из хороших ниток ткали холсты для рабочей одежды, мешков и т. д. Из худших сортов конопли вили веревки. Коноплю низших сортов молотили цепами, полученное сырье вывозили на рынок или использовали для конопачения зданий.

О некоторых деталях обработки конопли сообщил автору информатор из Бичурского района Бурятской АССР М.И. Афанасьев: «Вымоченную коноплю в жаркое время сушили на солнце или прожаривали в бане, мяли мялкой или терли на терке. После терки трепали трепалами, затем чесали на гребне гребенкой и щеткой из свиной щетины. Тщательно обработав волокна конопли, избавив их от костры (кострики – кострицы), пряли разнообразные нитки, из которых вязали невода,

сети, ткали мешковину, попоны. Их применяли во время кормежек лошадей на посевной и на подъеме паров. Изготавливали заездки и морды, вили веревки, посторонки».

Нередко при выполнении таких работ, как мятье конопли, прядение, тканье сукна и катанье его, устраивали помоча, т. е. помощь прях (супрядки, попрядухи, попрядохи и т. д.), на которые женщины приходили со своими самопрялками и прялками, гребнями и другими необходимыми для данного рода занятий инструментами. Каждая женщина знала и выполняла свое дело. Так, баранью шерсть одни расчесывали на гребне, как говорят шиньгали, другие пряли, третьи – вязали варежки, чулки, ткали зипуны и т. д. Если у девушек из этой семьи имелся жених, то верх варежек и чулок обвязывали гарусом разного цвета, чаще всего красным, зеленым, синим или голубым. Вот что писал об этом А. Добромыслов: «Взаимопомощь сильно развита у семейских, помочи устраивают по всякому случаю. Во время сельскохозяйственных работ – по женской линии – прасть, катать сукно. На помочах хозяева должны хорошо кормить и почти всегда угощать водкой»³⁰.

Шерсть получали главным образом от овец и лишь незначительную долю от крупного рогатого скота. Известно, что овцеводство и скотоводство являлись традиционными видами занятий местного бурятского населения. Однако они не получили широкого распространения у семейских, исконных хлеборобов. К тому же ограниченные земельные наделы и пастбища не способствовали развитию животноводства. Но в тех местах Забайкалья, где русское население имело обширные земельные площади, там было развито овцеводство³¹.

У семейских в XIX в. семейная община (средняцкое хозяйство), состоящая из трех-четырех неразделенных семей, иногда держала до 75 овец и 15–20 дойных коров. Бедняки – и того меньше. Настриг шерсти был небольшой. Получали ее не так уж много. И она шла в основном на нужды своего хозяйства, своей большой семьи. Стригли овец специальными пружинными и обыкновенными ножницами два раза в год – весной и поздним летом.

Для зипунов, например, заготавливали только поярковую шерсть с молодых барашков. Ее пряли, как и коноплю, на самопрялках с прялкой. Это был самый распространенный способ прядения, хотя бытовал, но не так широко, и другой способ прядения – на веретене. Иногда для изготовления на скорую руку какой-либо вязки или шнурка прибегали

к такому способу прядения, как верчи руками.

О значимости рассматриваемых занятий свидетельствует фольклор: рано встали, да мало напряли, – говорят о напрасно потраченном времени, о нерациональном его использовании. В 1905 г. у семейских записана загадка:

Пять и пять овечек
Зарод подбивают,
Пять и пять овечек
Труху подбирают (т. е. прядут)³².

Трудолюбие семейских, их уверенность в качестве своей работы нашли отражение в поговорке: про нашу пряжу плохо не скажут³³.

Основным орудием прядения была ножная самопрялка (самопрядка, как называли семейские). У старообрядцев Забайкалья бытовали самопрялки двух типов: лежак и стояк. Преобладала самопрялка более древнего типа – лежак, называемая русской³⁴. Но на Чикое встречаются самопрялки типа стояк, колесо и катушка которой расположены в вертикальной плоскости и которые в России были известны под названием немка, чухонка³⁵. Вероятно, этот тип самопрялки видел в 1871 г. у семейских П.А. Ровинский: «Семейская прядет не веретеном, а на самопрядке, которая у нас в России называется саксонской, следовательно, того же западного изобретения»³⁶. Самопрялки, несомненно, были завезены с их прежних мест жительства. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Г.И. Ильиной-Охрименко, считающей, что самопрялки типа лежак первоначально в большом количестве привозили с ярмарок из Иркутска, Томска, Омска и что семейские мастера освоили их производство по привозным образцам³⁷.

Самопрялка типа лежак состоит из веретена и колеса с крючком. Оно укреплено на рожках с пропилями. Колода – корпус – установлено на трех ножках. Две ножки соединены намертво проножками, а последние подвижно петлями шарнирного типа. К одной проножке прикреплен конец ремня, который связан другим концом с крючком колеса. При равномерном давлении ступней ног при посредстве махалки (ремня) через крюк колесо приводится в движение, а при вращении колеса благодаря натянутым струнам, изготовленным обычно из бараньих кишок, приводится во вращение и цевка (цевница), и разлука с набором проволочных крючков. При помощи крючков регулируется равномерное наматывание пряжи на цевье (катушку). Цевье укреплено на рож-

ках подвижно. Оно при помощи деревянного точеного винта с резьбой подтягивается, регулирует натяжение струн. От кудели, привязанной к прялке, руками оттягивается ровной «струйкой» шерсть или волокно, скручиваясь ровной ниткой, проходит через трубку цевки к крючьям разлуки и наматывается на катушку. Цевье укреплено на толстых кожаных ушках. На самопрялке пряли по солнцу или ходу часовой стрелки, а скручивали пряжу в две нитки против хода часовой стрелки.

Детали для самопрялки не только вытачивались, как пишет Г.И. Ильина-Охрименко³⁸, иногда детали просто выстругивали, вырезали. Такова, например, самопрялка типа стояк, приобретенная нами в с. Урлук Красночикойского района Читинской области (хранится в Музее Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР).

В большинстве своем самопрялки семейских ярко расписаны или украшены резьбой, но встречаются и без всяких украшений (на Чикое). Самопрялка с прялкой имелись в каждом доме, а иногда и по несколько штук, так как каждая невестка обычно вместе с приданым приносила и самопрялку с прялкой.

Прялки семейских обычно украшены яркой росписью или древней трехгранно-выемчатой резьбой. Делали их в основном из целого обрезка комля дерева, вырубленного с корнем, расположенным почти под прямым углом относительно ствола. Донце – из корня, лопаска – из ствола. Они описаны Г.И. Ильиной-Охрименко³⁹, но орнаментика семейских прялок значительно шире сюжетов, рассмотренных этим автором.

Еще плохо изучены прялки семейских причиковских сел. На них, как правило, резной орнамент с очень древними мотивами. Наряду с солярными кругами встречается изображение коня, а на расписных прялках из с. Большой Куналей – изображение уток, символика которых, как известно, имеет очень древнее происхождение. Она связана с культом солнца и вообще небесных сил, якобы оказывавших благотворное влияние на свадебную обрядность и семейную жизнь многих народов мира. Прялки, как уже отмечалось, входили в состав приданого невесты, и в символике их орнамента, несомненно, нашли отражение древние верования, связанные со свадебной обрядностью, идущие из языческих глубин славянской старины.

Почти полунатуральное хозяйство с примитивной техникой семей-

ских общин требовало много рабочих рук. Экономика и благосостояние патриархальной семьи часто зависели от работоспособности и дисциплины, установленной главой семейства или общины. Даже на посиделках развлечения сочетали с трудом. Один из авторов XIX в. писал об этом так: «В ноябре, декабре по вечерам бывают посиделки. Девушки собираются, прядут нитки или шерсть, чешут коноплю или лен, поют и песни. Потом являются молодые парни побаловать...»⁴⁰ Женихи, как правило, жгли над лоханью лучину каждый перед своей избранницей, а последняя получала задание – связать за вечер три варежки или носок. Обычно же вечером, когда по хозяйству уже ничего нельзя было делать, занимались мелким ручным трудом, так как днем на него не оставалось времени. А посиделки сохраняли форму супрядок. Конечно, это было характерно не только для старообрядческого населения Забайкалья. Длинными зимними вечерами у очагов при свете жирников (в плошки наливали жир и опускали туда самодельные фитили) из грубого домотканого полотна женщины шили на швейках необходимую одежду, ткали холсты, пряли пряжу.

Для постоянных крестьянских работ на дворе в зимнее время требовалась теплая удобная одежда. Таковой являлись теплые варежки (варьги), носки, чулки без пятки, связанные в одну иглу, известные под названием «русские».

Использовавшаяся для вязания «русская игла» представляет собой двухконечную иглу, утончающуюся к концам, с отверстием, обычно четырехугольным на широкой середине. Для вязания такой иглой пряжу скручивали в две нитки, вдевали ее в ушко иглы. На большой и указательный пальцы набирали по пять петель и вязали «со дна» до нужной ширины, затем набирали по две петли и т. д.

Вещи, связанные в одну иглу, толстые, теплые и крепкие, при носке были необходимы в условиях суровой зимы. В этом их преимущество по сравнению с носками и варежками, связанными в пять иглоков. Обычно вязкой в пять иглоков изготавливали праздничные вещи, ибо такая вязка была более тонкая и аккуратная. Менее был распространен способ вязки крючком.

«Вязать, пряхть, вышивать, ткать девочек приучали с 8–10 лет...»⁴¹ Причем делали это очень тактично. Пример такого деликатного обращения приводит П.А. Ровинский. Аннушке, двенадцатилетней девочке, хочется по огороду погулять или с подружками поиграть. «И никог-

да к ней мать не относится с упрёком, а начнет так: “Что это, доченька, давно не вижу твоего чулка? Уж не выбросили б его? Ты, что думаешь, Аполлоныч, ведь она у меня неблыкущая какая, а уж домоседочка, сама себе все сделать умеет”»⁴².

Варежки и чулки, предназначенные для свадеб или свадебных подарков и праздников, украшали сверху тремя-четырьмя рядами цветной пряжи. При носке такие чулки загибали на голенища ичиг, чтобы цветные ряды были видны. Свадебные чулки столетней давности из разноцветной пряжи хранятся в Музее Института истории, филологии и философии. Они приобретены автором в с. Большой Куналей. Бытование же подобных чулков у «поляков» Алтая отмечает М. Швецова⁴³.

Вообще чулки, носки и варежки вязали в одну иголку, позже стали вязать и крючком. При вязанье крючком, чтобы варежки или чулки были «пухлатее», т. е. пушистее, или, как теперь говорят, с начесом, и теплые, к пряже добавляли шерсть. При этом использовали только чистую шерсть: перед прядением ее промывали и сушили. В старину для того, чтобы варежки были прочнее и дольше носились, в шерсть добавляли пеньку и все вместе расчесывали на деревянном гребне.

Приготовленные нитки или пряжу сновали обычно на стене и затем из них ткали необходимые в хозяйстве вещи. Бытовало примитивное тканье на бердечках и ткацких станках. Тканье на бердечке описано Н.И. Лебедевой⁴⁴.

Ткацкие станки для изготовления холста, дорожек, сукна были массивные, широкие (на Чикое их называли кросна), для поясов – более аккуратные, но на них тоже ткали и холст, и дорожки, и мешковину, поставив дополнительно бердо. Обычно ткацкие станки имелись почти в каждой семье. Вот их описание. Ткацкий станок, или кросны, состоит из стана, который соединяют колода (на нее наматывается основа) и пришва, на которую наматывается сотканное полотно. Для натяжения и крепления пришвы служат притугальник (с. Урлук), или притужальник (с. Большой Куналей), и рябуха (дощечка эллипсовидной формы с отверстиями). Основа проходит через два нита (при тканье поясов) и еще дополнительно через бердо, сидящее в набивках, при тканье холста, сукна, мешковины. Ниты соединены с проножками, или подножками, которые привязаны к палке, лежащей за ножками стана, и упирающимися в них. На подножки давят ступни ног, и нит приподнимает ряды основы. Нит крепится на по-

кателках, привязанных на палку, лежащую на кронштейнах стана.

При помощи этого устройства ряды основы попеременно чередуются: то приподнимаются, то опускаются, образуя так называемый зев. В зев между рядов продевается руками уток (при тканье пояса) или челнок (при тканье холста, сукна), и нитки прибиваются или притыкаются прибивальником или при тканье дорожек – бердом. Основу разделяли цены⁴⁵ в виде тонких лучин – дощечек. Стан соединялся одной или двумя расколотками.

Не случайно процесс ручного и ножного тканья нашел отражение в загадке: пупом тру, ногами мну, как раздвинется, так приткну⁴⁶.

При тканье дорожек пряжа из тряпок разного цвета или из разноцветной шерсти наматывается на цевки (шпульки) из бересты и вставляется в челнок, который, как уже отмечалось, продевается руками между рядов основы и притыкается бердом, укрепленным в деревянные набивки, которые, как и нит, укреплены на кронштейнах стана. Узор набирается ткачихой при помощи перебора ниток. Мешки и сукно ткут в четыре ряда и с четырьмя нитами. Ткань в таком случае получается как бы в елку. Основа снуется на стенах на кольях или на гвоздях, на 1 м основы расходуется два катка ниток. Из 5 м один «утыкается». Основу на 50 м сновали на 10 стенах (записано автором от мастерицы Е.Г. Матвеевой в с. Урлук в 1970 г.). Основу пояса сновали на стене на гвозди, чередуя нитки по цвету. Сняв основу со стенки, наматывали на колоду и продевали через два нита, потом ее привязывали к пришиве. Пояса ткут без челнока, через основу просто продевается уток, состоящий из пяти-шести ниток. От количества нитей в утке зависела и толщина поясов. Чем толще уток, тем продолжительнее носится пояс, тем он крепче. Но узоры в таких случаях менее красивы. Проножками поднимают нит попеременно в образуемый зев, продевая уток и прибивая его прибивальником. Сотканный холст, сняв со стана, опускают в бочку или кадку квасить примерно на неделю. Квасящий состав следующий: картофель, капустный рассол и прочие вещества, необходимые для того, чтобы холст квасился, а в кадке было кисло. После квашения холст полощут на речке, бьют его вальками, сушат. После этой процедуры бучат⁴⁷, т. е. кладут в деревянную посуду без дна солому, на солому – холст, засыпают пеплом, предпочтительнее тополевым, затем заливают горячей водой и набрасывают туда раскаленные камни, чтобы вода в посудине кипела. Сверху полотно закрывают, хорошо пробу-

ченную холстину выжимают, полощут на речке и снова бьют вальками. Так повторяется раз 5–6 при хорошей золе, а при золе худшего качества – до 10 раз. Просушенный холст складывают пополам вдоль и свертывают в трубку.

О белении холста и производстве ниток для него Л.Е. Иванов (1889 г. рождения) из с. Архангельское (Кочон) вспоминал: «Дратву пряли из лучшего волокна конопли, называемого “кужель”. Из кужеля же пряли нитки и на холст. Затем холст отбеливали, “бучили” в растворе золы в печи и расстилали на траву на солнце весною. Великим постом его развешивали на морозе. Холст делался белым». Образцы тканей местного производства хранятся в Кяхтинском краеведческом музее имени академика В.А. Обручева. Ткань собрана в с. Урлук в 1904 г. М.И. Моллесоном. Вышитое полотенце из местного холста нами приобретено в том же селе и хранится в Музее Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Из холста местного производства имеется в этом Музее и станушка с рубахой, приобретенные в с. Архангельском Красночикоийского района Читинской области. Зипуны из домотканины, изготовленные местными семейскими мастерицами, тоже представлены в Музее названного института. Имеется здесь и большой набор домотканых ярких поясов, закупленных в основном в селах Бурятской АССР, многие из которых сотканы в конце XIX – начале XX в. Пояса семейских, техника их изготовления и орнамент описаны Г.И. Ильиной-Охрименко⁴⁸, здесь же дается толкование орнаментов. Любопытно, что из полученной пеньки староверы делали и «смерётную» одежду, и гайтан для креста, что свидетельствует о каких-то древних дохристианских верованиях. Так, в Большом Куналее жил старик Иван Прокопов. По рассказам информаторов, он никакой веры не признавал (имеются в виду общепринятые старообрядческие течения – поповщина, беглопоповщина и беспоповщина), не расставался с лестовкой. Молился на восток и матери-земле, из праздников особо почитал только дни поминовения родителей. Он укочевал на Барку (место заимок большекуналейцев, в восьми верстах от села). Там жег уголь, из кудели вязал чулки и калишки (тапочки смерётные).

В прошлом в больших семьях, а они не редкость в семейских селах, когда несколько женатых братьев жили вместе, существовало половозрастное разделение труда. Так, невестки понедельно трудились по до-

машинному хозяйству. Одна сеет муку, печет хлеб, готовит завтрак, обед и ужин; другая невестка носит воду, моет полы, метет, доит коров; уход за скотом считался мужским делом. И для детей находилась посильная работа, обычно помогали родителям по хозяйству. Старушки пряли пряжу на зипуны. Сотканное из шерстяной пряжи сукно обваривали кипятком и катали его. Сукно получалось настолько плотным, что летом дождь был не страшен.

Шили обычно на руках, швейках. Швейные машины появились у семейских в период русско-японской войны в 1904–1905 гг.⁴⁹ Некоторые процессы обработки шерсти, изготовления сукна, потников и войлоков русскими крестьянами Забайкалья нашли отражение в работе А.А. Лебедевой⁵⁰. Дополним их новыми материалами, собранными у староворов Чикоя в верховьях Ингоды. Обычно для изготовления сукна применяли вперемешку старицу (шерсть со старых овец) и поярку (шерсть с молодых овец) обязательно черного цвета. Ее не мыли, но тщательно просушивали. Для очистки шерсть «шиньгали», т. е. теребили руками или на гребне, многие били лучком или луком. Это приспособление для битья шерсти состоит из круглой палки длиной до 210 см. Она ремнями прикрепляется к стене, а струна из высушенных бараньих кишок в шесть прядей при помощи кобылок или вкладышей с желобками натягивается очень туго на концах этой палки. Деревянным березовым крюком (30 см) – катеринкой⁵¹ – она приводится в колебание и с силой бьет по шерсти. Для разрыхления шерсть укладывается на решетку из деревянных палочек или планок (размеры ее 110х90 см).

Нитки для тканья сукна прядут некрутые, ровные, с клубков они наматывались на вьюшку, с вьюшки – на вбитые в стену особые колышки. Сняв их с колышек, «наряжали» (оснащали) стан, т. е. ткацкий станок. Ткут сукно в четыре проножки, а не в две, как холст. Сотканное сукно катают в теплой воде, а не в кипятке.

Для катания сукна собирали помочь, или по местному, «пособиху». Обычно приходили родственницы или соседки. Женщины на деревянной решетке из лиственничных прутьев катали сукно до тех пор руками, смачивая его теплой водой, пока оно не укорачивалось, не оседало на одну треть и затем, облив сукно горячей водой, еще раз катали на решетке, а потом хлопали по нему, чтобы стекла лишняя вода. Подсушив, сшивали оба конца и подвешивали сукно повыше, а сверху клали тяжелую чурку, чтобы оно выровнялось.

Во время работы женщины пели песни. По окончании работ тех, кто помогал, сытно кормили и угощали вином.

Надо отметить, что обработке конопли, получения замашек (так в некоторых селах называют посконь), ткачеству, белению холстов было отведено определенное время в году. Так, в с. Архангельском холсты белить начинали с 20 апреля или с 1 мая, иногда со дня Дарьи (19 марта). В Бичуре к отбеливанию холстов приступали тогда, когда пускали воду по канавам. Обрабатывали посконь в период бабьего лета, ткали в Великий пост⁵² и т. д. Все – от стрижки овец, от уборки (дерганья) конопли, обработки сырья до получения сукна или холста делали исключительно женщины. Действительно, трудолюбие, кажется нечеловеческая работоспособность, выдержка и терпение русских крестьянок, обремененных семьями, были поразительны. Наиболее ярко эти качества проявились в процессе домашнего примитивного прядения и ткачества: «Чтобы перепрясть 1 пуд (16 кг) кудели, нужно было затратить 955 часов»⁵³.

***

Хозяйственное освоение Забайкалья происходило в сложных (для новых колонистов) климатических условиях. Но трудолюбие, выдержка и наблюдательность русских крестьян, сохранение прежних земледельческих традиций позволили им адаптировать многие сельскохозяйственные культуры к новым природным условиям. Тем самым создать известное благосостояние и привнести новые элементы культуры на новых местах поселений.

Ткачество в различных районах расселения забайкальских старообрядцев было распространено неравномерно и имело свои особенности, вызванные природными и социально-экономическими условиями. Наибольшее развитие оно получило в причиковских селениях, удаленных от городов и торговых путей, где крестьяне при полунатуральном ведении хозяйства вынуждены были обеспечивать себя всем необходимым, в том числе и одеждой. Капиталистические отношения там развивались слабее. В селах, расположенных в Западном Забайкалье, семейские домотканые холсты и одежду заготавливали в меньшей степени. Здесь рано перешли на использование фабричных покупных тканей, чему способствовала близость торговых центров (Верхнеудинск, Кяхта и др.). Но зато широко было развито тканье поясов из покупных ниток.

При обработке конопли, шерсти, изготовлении сукна бытовала древняя форма взаимопомощи (супрядки, попрядохи, попрядухи и т. д.), сохранялся у семейских и обычай посиделок с обязательным рукоделием. Возможно, начало этому обычаю было положено еще при материнском родовом строе, и он является отголоском прежних производственных отношений.

Отдельные элементы прядения и ткачества, их терминология, орнаментальные мотивы семейских указывают на связь с их прежними местами жительства (Брянщиной, Могилевщиной, Черниговщиной, Вологодщиной и др.). В ткачестве и орудиях труда прослеживаются как севернорусские традиции (например, лопатообразная прялка вологодского типа), так и южнорусские (применение струны при битье шерсти, вертикального гребня и др.), а также генетическая связь с аналогичными занятиями старообрядцев Бухтармы и «поляков» Алтая.

Все производство пеньки, пряжи, тканей в основном шло на удовлетворение внутренних потребностей семьи, своего хозяйства и лишь незначительная часть – на рынок. «Живя в основном натуральным хозяйством, засельщики безбоязненно селились в самые отдаленные места, не особенно заботясь о связях с внешним миром. Их потребность была настолько ограниченной, что они сводили к минимуму обращение к посторонней помощи»⁵⁴.

Примечания

¹Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. Т. 31. М., 1956. С. 461–542.

²Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 151–153; Ильина-Охрименко Г.И. Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения // Там же, с. 192, 203–207; Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 49–51, 60, 64.

³См. об этом: Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Изв. СОРГО. 1873. Т. 4. № 3. С. 115, 124, 126, 131.

⁴Осокин Г. На границе Монголии. СПб., 1906. С. 67.

⁵Тарусская М.Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского насе-

ления // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 73; Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубе XVII–XVIII веков. Киев, 1893. С. 144–145.

⁶ Лебедева А.А. Русские // Очерки истории культуры Бурятии. Т. 1. Улан-Удэ, 1972, С. 184.

⁷ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 5.

⁸ Паллас П.С. Указ. соч., с. 225–226.

⁹ Там же, с. 226–227.

¹⁰ Там же, с. 225–226.

¹¹ Лебедева А.А. Русские..., с. 187.

¹² Она же. К истории формирования русского населения Забайкалья..., с. 151.

¹³ Лисин Н. Поет урлукский хор. Иркутск, 1966. С. 38.

¹⁴ Полевые записи автора за 1971 г.

¹⁵ Фольклор семейских. Улан-Удэ, 1963. С. 91.

¹⁶ Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья..., с. 49.

¹⁷ Извозный промысел у забайкальских крестьян был наиболее распространенным. В Забайкалье им занимались во второй половине XIX в. 15,2 % общего числа хозяйств (см.: Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исследования Сибири. 1921. № 6. С. 78.

¹⁸ Лебедева А.А. Одежда из локальных групп русского населения Забайкалья (старообрядцев) // Из культурного наследия народов России. МАЭ. 1972. Т. 28. С. 141.

¹⁹ Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 390.

²⁰ Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья..., с. 49.

²¹ Добромыслов А. У семейских (верховья р. Ингоды) // ЧОКМ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 15, с. 6.

²² ЦГА БурАССР, ф. 337, д. 4038, л. 75.

²³ Там же, д. 7769, л. 1.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, ф. 337, д. 4038, л. 8.

²⁶ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 420, л. 5.

²⁷ Это название характерно и для Брянщины, где старообрядцы Забайкалья проживали до их выселения в Сибирь (см.: Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян..., с. 492).

²⁸ Добромыслов А. Указ. соч.

²⁹ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья..., с. 151.

³⁰ Добромислов А. Указ. соч., с. 8.

³¹ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья..., с. 152.

³² Станиловский А.М. Записки // Тр. ВСОРГО. 1912. № 7. С. 121.

³³ Фольклор семейских..., с. 331.

³⁴ Лебедева Н.И. Указ. соч., с. 485.

³⁵ Там же.

³⁶ Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья..., с. 124.

³⁷ Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1972. С. 41.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 39–41, 77–81.

⁴⁰ Паршин. От Верхнеудинска до Урлука // Иркут. губ. ведомости. 1867. № 29.

⁴¹ Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 17.

⁴² Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья..., с. 126.

⁴³ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. СОРГО. 1898. Кн. 26. С. 33.

⁴⁴ Лебедева Н.И. Указ. соч., с. 506–508. Ареал бердечек – Смоленщина, Могилевщина, Псковщина, Вологодщина – родные места забайкальских старообрядцев.

⁴⁵ На Чикое и Ингоде ряды основы называются цынами, а лучинки, разделяющие ряды, – цыновками. Без них нельзя ткать.

⁴⁶ Записано автором в с. Большой Куналей.

⁴⁷ Бучение холста применяется в южной Белоруссии и на Черниговщине, где проживали старообрядцы до высылки их в Забайкалье (см.: Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян..., с.533).

⁴⁸ Ильина-Охрименко Г.И. Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения..., с. 203–207.

⁴⁹ Записано автором в 1968 г. от Н. И. Горбатовых (1905 г. рожд. в с. Большой Куналей).

⁵⁰ Лебедева А.А. Указ.соч., с. 151–153.

⁵¹ Название, характерное для Брянщины (см.: Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян..., с. 472).

⁵² Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (XIX – нача-

ло XX в.). Новосибирск, 1978. С. 69, 74, 101 и др.

⁵³ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян..., с. 462.

⁵⁴ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 2. Народные предания. Улан-Удэ, 1960. С. 158.

ПЛАНИРОВКА, ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО И ОБСТАНОВКА ЖИЛИЩ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX В.) *

илище – один из центральных комплексов в истории изучения культуры и быта любого народа. Крестьянскому жилищу Забайкалья уделено значительное внимание в трудах путешественников, этнографов и исследователей народного зодчества¹.

Данная статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в Восточной Сибири (в Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областях), с привлечением литературных и архивных данных.

Русское народное жилище в сибирских условиях прошло те же этапы эволюции, что и в европейской части России: от изб, отапливаемых по-черному, до типов жилищ, широко распространившихся во второй половине XIX в.² В Восточной Сибири на формирование русского народного жилища оказали влияние различные факторы – этнические, природные, социально-экономические, временные, а также окружение или соседство того или иного народа. Так, на Индигирке, в Якутии и на Колыме встречались и однокамерные жилища полуземляночного или даже земляночного типа, как у албазинского населения, что выявили раскопки Албазина на Амуре (археологи С.В. Глинский и В.В. Сухих), и разнотипные крестьянские дома.

В описываемый период преобладали следующие типы жилищ: круглая четырехстенка, пятистенка, изба «клетью» и «связью» – шестистенки, состоящие из избы, горницы и сеней между ними³. Дома в подавляющем большинстве были деревянными одноэтажными. На одной усадьбе строили иногда несколько домов. Только у богатых крестьян встречались дома в два этажа, их было, как правило, два-три на всю деревню. В больших богатых селах встречалось и больше⁴.

---

* Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 70–86.

Так, в описи имущества семейского крестьянина с. Большой Куналей Т.А. Ковалева за 1911 г. перечислено 27 предметов, в том числе два новых деревянных одноэтажных четырехстенных дома, крытых тесом «на два ската о 7 постройках», с казенкой и крыльцом, срубленных на одной усадьбе⁵.

В Забайкалье бытовали жилища промысловиков, охотников, земледельцев и пастухов на заимках, среди них землянки, полуземлянки, избушки, зимовейки, юрты (вероятно, заимствовано бурятское название жилища, но в отличие от бурятских шести- или восьмистенных юрт, у русских юрты четырехстенные, в них жили временно, только в определенные сезоны). Постановка проблем культуры русского населения Сибири в работе В.А. Александрова дает направление дальнейшему сравнительно-историческому изучению материальной и духовной культуры русских Сибири, ибо, по глубоко верному замечанию автора, «бытование наиболее типических и своеобразных черт народной культуры, их развитие и распространение на протяжении всех трех веков можно последовательно проследить на элементах, характеризующих как материальную, так и духовную сторону жизни сибиряков»⁶.

Этнографы и историки архитектуры обычно рассматривают предметы материальной культуры как вещи, выполняющие в быту крестьянина определенные утилитарные или эстетические функции, отрывая их от духовной атмосферы – поверий, обрядов, табу. Между тем духовная жизнь человека немыслима без этих предметов. Чтобы получить полное представление о том или ином элементе культуры, необходимо досконально представлять культуру народа во всех ее проявлениях, к тому же знать об изменении вещей, их модификации.

Планировка крестьянской избы в Забайкалье со времени появления первых русских поселений оставалась традиционной. Она отражала основные миграционные потоки, ее главные элементы были принесены из европейской части России русскими людьми, потомки которых стали старожилами Сибири. Преобладали северо- и среднерусские элементы планировки⁷, но встречались и южнорусские. Это обуславливалось не только миграционными процессами, но и климатическими социально-экономическими условиями, иногда этническими связями. Северо- и среднерусская планировка отличается удобством в расположении компонентов, включает широкую массивную русскую печь, устье которой располагается не у порога, а направлено к фасаду или передней

стенке. При этом удастся выделить передний чистый угол или чистую часть избы и удобной теплой кути (кухни). Вероятно, с учетом этого, а также наличия богатых лесных массивов дома, как правило, ставились на высоком подклете. Все это вместе взятое заставило сибиряка-старожила отдать предпочтение названной планировке. Но в исследуемом регионе она не могла быть везде одинаковой, как не были одинаковы потоки, прибывающего сюда населения, его социальный состав.

Интерьер избы русского сибирского крестьянина – не новинка в отечественной этнографической литературе. Но описание внутреннего убранства жилища сибиряка и расположения архитектурных, бытовых и художественных компонентов носит в литературе, как правило, чисто описательный характер. Исключение составляет работа М.М. Громыко⁸.

В настоящей статье делается попытка интерпретировать интерьер русского дома на материалах русского жилища Забайкалья с привлечением сведений о духовной культуре.

Внутреннее убранство дома тарбагатайского крестьянина Ф.И. Заиграева описал А. Мартос: «Мебель красного дерева, со вкусом выработанная, полы покрыты коврами, большие зеркала в нарядных рамах, в третьей комнате часы с музыкой... Хороший сервиз, свечи, газеты и журналы из Петербурга, собрание географических карт»⁹ и т. д. Ему вторят декабристы А.П. Беляев, И.Д. Якушкин и А.Е. Розен. «Старообрядческие селения... имели большие и хорошо устроенные дома даже с некоторым крестьянским комфортом»¹⁰. А.Е. Розен пишет, что избы крестьян «красны углами»¹¹.

Попробуем определить, в чем выражался комфорт избы забайкальского крестьянина.

Основные элементы внутреннего убранства жилища были ориентированы, как правило, относительно печи. В крестьянском быту печь выполняла целый комплекс различных хозяйственных и бытовых услуг¹²: обогревала жилище, служила лежанкой, лечила от простуды, в ней варили пищу, пекли хлеба, на ней сушили зерно, кедровые, орехи, солодили зерно для солода. Главное утилитарное назначение печи – давать тепло и варить пищу, столь важное для человеческого существования, и послужило основой освящения и даже одухотворения ее, способствовало обрастанию ее многими поверьями и обрядами.

Из старого дома в новый из прежней печи переносили угли. У семейских выпавший зуб ребенка бросали через печь со словами: «Мышка, мышка, возьми себе репяной, а дай мне костяной». В старину в с. Тарбагатай, по сообщению А.К. Думновой (1898 г. рожд.), к устью печи клали острием нож для того, чтобы скот с пастбища возвращался домой в сохранности. Вернувшись с кладбища, стояли у печи, чтобы не занести в дом смерть¹³. Вероятно, в данном случае печи приписывались очистительное и охранительное свойства. Огонь как одна из очистительных стихий входил основным элементом в охранительные обряды – свадебные и погребальные.

Если современные печи, в том числе русская, берут свое начало от каменки, от простого очага, обложенного камнями, находящегося в яме, под навесом, в пещере¹⁴, то понятна загадка: «Чертова матка вся в заплатках» (каменка), записанная автором в с. Пестерово. В русских сказках герои не расстаются с печью (Емеля). В печи очищаются и избавляются от нечистой силы (сжигают бабу-ягу) и пр. Печь угощали свежениной: во время топки бросали в огонь кусочки мяса, свежей рыбы. В древней Руси огнище и печь служили для жертвоприношения: и «молятся огневи под овином» – упоминается в русских летописях.

Возможно, печь, домашний очаг были местом обитания духа – покровителя рода, предка, отсюда и выражение «сидел как чура в печуре (или на печуре)». Возле очага или в нише очага (печурки) могли находиться в древности идола, чурки, чурбаны – покровители домашнего очага. Это древнее слово «чур» (прародитель рода) осталось в слове «пращур» (прапрадед). Одухотворение печи связано со святостью огня, на который, по представлению семейских, нельзя плевать, вообще совершать над ним какую-либо скверну – значит святотатствовать над огнем.

Вероятно, древнее обожание печи прослеживается в ее украшении изразцами, в постоянной побелке, росписях. В расписных избах и горницах ярче, наряднее всего расписывался опечек. Действительно, не отголосок ли это древних представлений, связанных со святостью очага как домашней святыни. После принятия христианства родовые божества отошли на второе место, а украшать стали передний «красный» угол, расположенный противоположно от печи, в нем ставили иконы.

Когда били русскую печь, то внутри свинки (глинобитной печи)

в пустоту помещали бутылку или чайник с водкой. Завершив битье печи, печник вырезал в ней отверстие, доставал и выпивал этот горячительный напиток. Видимо, этим заранее старались расположить мастера, чтобы он сбил печь на совесть. При плохой оплате или плохом угощении печники были мастаки до всяких выдумок, от которых хозяевам становилось не по себе. Печь от их манипуляций могла пугать, шуметь, скрипеть, плохо греть¹⁵.

Как правило, печь располагалась справа или слева от входной двери и занимала примерно четверть избы¹⁶. Напротив по диагонали находился передний угол. «Красный», чистый, передний, или святой, угол располагался не только противоположно печи, но часто к востоку (восходу солнца) или на так называемый «благовещенский восток», как располагали и церковь.

В переднем углу обязательно стоял стол. У зажиточных крестьян во второй половине XIX – начале XX в. он был окрашен, а нередко и расписан растительным орнаментом, имел резьбу или другие точеные украшения¹⁷.

Стол у русских – почетное место. За ним принимают гостей. Не посадить гостя за стол – страшно обидеть. Обиду так и высказывают: «В гостях была – за столом не сидела, вина не пила, какое гостевание – одно расстройство». Но стол и священное место. За ним освящали свадьбу – обходили вокруг стола. За столом усаживались в определенном порядке, учитывая старшинство. Во время еды нельзя было смеяться. В древней Руси князья устраивали пиры-беседы за столами дубовыми, за скатертями бранными. Эти пиршества назывались «столованьице – почестен пир». Наличие хлеба на столе возвышало его. «Хлеб на стол, и стол престол. Хлеб со стола и стол – доска». Словом, стол в быту крестьянина не только служил для принятия пищи, но и выполнял некоторые важные функции общесемейного и общественного значения.

С двух сторон стола у стен обычно стояли широкие массивные лавки. Над столом в углу находилась божница, вся заставленная иконами старинного письма, которые очень ценились староверами. Пространство стены от божницы до потолка за иконами затягивалось цветастой тканью. Чаше всего встречались иконы с изображением Богоматери, Николая Угодника (Николы), Георгия Победоносца на белом коне, убивающего чудовищного змея. Иконы писаны на досках и без риз. На иконостасах были укреплены восьмиконечные кресты

с распятым Христом, мелкие складни. Иконы бережно хранились и передавались из поколения в поколение как семейная реликвия. Обычно у богатых вся божница с киотом или с иконостасом в переднем углу была заставлена иконами. Преобладали иконы XVI–XVIII вв. на деревянных досках. Еще древнее были иконы меднолитые. Мне встречались иконы XV в. Таков, например, отлитый образ Иисуса Христа, датированный 1492 г. В XIX – начале XX в., учитывая спрос на иконы старого письма (а за ними семейские ездили даже на Макарьевскую ярмарку под Нижний Новгород), суздальские мастера-иконописцы привозили их в села старообрядцев и продавали там за хорошую цену. Были в селах и свои мастера-богомазы, например Григорий Сазонов в Большом Куналее, какой-то ссыльный богомаз в Бичуре.

Под божницей висели лестовки (старообрядческие четки), «подружники» – подручники (принадлежность культа, четырехугольные подушечки, сшитые из лоскутков, применялись при земных поклонах), к божнице были прикреплены свечи. Иконостас и божницу украшали цветами. По чистым стенам под божницей и по косякам окон в праздничные дни вывешивали яркие разноцветные «карманныцы» (стенное украшение, сшитое из обрезков шелка, кашемира, атласа на подкладке длиной до 80 см и шириной 25–30 см). Недалеко от порога стояла кровать, чаще всего раскрашенная, с точеными ножками. Днем на нее укладывали потники и подушечки. Над кроватью под потолком делали полати (настил из досок), на которых спали члены семьи, в основном ребяташки. Часть же домочадцев, расстелив потники и шубы, спала на полу. Излюбленным местом семейских стариков и старух пыла обширная русская печь.

Цветы в горшочках или деревянных кадушках были обязательной принадлежностью дома семейских.

Часть избы перед устьем печи называлась «куть». Она отделялась заборкой (деревянной перегородкой) или же цветной занавеской из ситца, а иногда ничем не отделялась. В кути, как правило, стояли кухонный стол и шкаф для посуды. Иногда посуду ставили на полочки в углу, которые занавешивали или же закрывали дверцами. Собственно куть можно назвать кухней. Тут готовили пищу, стряпали хлеба, мыли посуду. Небольшой коридор между стенкой и печью служил для хранения посуды и домашней утвари: ухватов, клюки, лопаток для загребания «жара», противней, горшков. Там же на зиму

устанавливали курятник. Иногда кур держали под печью. Видимо, не случайно в русских народных сказках лиса упрямивает хозяев оставить курочку под печкой. За печкой под потолком, примерно на уровне с полатями, устраивали другой дощатый настил, который назывался «голубцы» (вероятно, искаженное «голбец»), где хранились сельница, скалки, которыми раскатывали тесто для коржей и лапши, веселки для размешивания теста в квашне, сито и решето, здесь же осенью сушили лук. В кути в зимнее время стояла и кадушка с водой. Тут же за печью была устроена лазейка в подполье, закрываемая крышкой, которая называлась западней, где хранилась часть посуды, овощи, всевозможные соленья. На полках в чисто прибранном подполье была расставлена посуда «молочная», «постная», ибо семейские не ели из одной и той же посуды скоромную и постную пищу.

В стене прорубалось отверстие – душник для проветривания помещения. В кути же висела зыбка-люлька, в которой спал ребенок, стояли «самопрядка» и «швейка».

Дома, построенные примерно 100 лет назад, со старинной обстановкой зафиксированы автором в с. Окино-Ключи Бичурского района Бурятской АССР в 1967 г. Дома связевого типа в этом селе построены старым способом, рубки в угол или в «обло» с выступающими концами бревен. Они стоят торцом в улицу. Такие постройки характерны для северных районов России.

Стариной веет в доме уставщика А.В. Полякова. Русская массивная печь побелена и находится слева от входа, к ней пристроена плита и над плитой железная печка, для более быстрого нагревания выстуженной избы. Наискосок по диагонали от печи – передний угол. Вдоль стены – деревянные массивные скамейки. Стулья тоже очень старинные, крепко сбитые, словно сделаны на века, там же стол. В переднем углу на божнице (специальная полка для икон) образа, медный крест и три иконы старинного письма. В середине Никола, слева от него распятие, Паисий и справа Богородица. В углу возле икон цветы – желтые гвоздики, засушенные с осени. На лавке в углу под божницей лежат религиозные старопечатные книги: псалтырь, часовник, минея праздничная, откровение Иоанна Богослова и еще пять книг, которые мне не показали, вероятно, приготовленные для богослужения. Напротив печи у порога раскрашенная кровать. Пол, стены, потолок некрашенные, но чисто выструганные и вымытые. Кухня отгорожена

деревянной перегородкой с редкими планками наверху. Заборка завешана красным цветастым пологом.

Много суеверных представлений связано с порогом. Через порог не здоровались – поссоришься. «Ты на порог, а черт поперек». На пороге лечили от утина, пресекали топором через веник застойную кровь в мышцах спины. Под порогом закапывали петуха при постройке дома, туда клали деньги и даже текст апокрифической молитвы «Богородицын сон». Н.А. Ключев, знаток старообрядческих поверий, писал: «Под порогом зарыт «Богородицын сон», от беды-худобы нас помилует он»¹⁸. Вероятно, порог служил границей некоторых пространственных представлений, определенным рубежом. За порогом был уже другой мир. Изба – крепость, в ней свои духи, главный хозяин – домовый, дедушка, букаседка. На дворе – другие. Домовой обитает под порогом. Он-то и может поссорить не соблюдающих определенных обычаев. Много обрядов было связано с матицей (потолочной балкой), или брусом¹⁹. При строительстве дома соблюдали некоторые запреты и обряды. Так, на четном венце нельзя класть матицу, ее принято класть на 9-м или 11-м венце. Под нее нужно положить деньги. После укладки матицы хозяин дома угощал плотников. То же делали при завершении над домом князька. Укладкой князька заканчивалось возведение дома.

При переселении в новый дом бытовал следующий обычай. Кто-то из родственников или соседей, обязательно женского пола, переносил из старого дома в новый квашню, ночевку с мукой и мутовку (веселку), чтобы в новом доме всегда водился хлеб, был достаток. Это рассказал в с. Архангельском Красночикийского района Читинской области М.П. Иванов. С.А. Худяков из того же села добавил: «Когда положат оклад (первые бревна), то бабушка или хозяйка сыпет по углам пшеницу и бросает по монете в каждый угол».

Каждый предмет домашнего обихода занимал свое место. Под-самоварник в крестьянском доме служил в качестве подставки под самовар. Это было удобно и практично. На четырех точеных ножках, окрашенный масляной краской, он обычно стоял сбоку от печного устья. На стене висело зеркало в резной раме, завешанное вышитым полотенцем – рушником. Напротив печи зимой, обычно до Пасхи, стоял ткацкий стан. Шкапы, комоды, стулья тоже располагались в кути в углу.

К началу XX в. неподвижная мебель заменяется подвижной. В

описании имущества уже упоминавшегося крестьянина Т.А. Ковалева из с. Большой Куналей за 1911 г. перечислено: два стола крашенные с точеными ножками, комод, самовар медный в одно ведро, диван, кровать, шесть стульев, дробовое ружье²⁰. В зимнее время у порога за печкой висел рукомойник.

Обстановка в доме была сделана иногда руками самого хозяина, но чаще мебель заказывали мастерам – плотникам, столярам. Расстановка ее была рациональной и до мелочей продуманной, что создавало уют и удобства для занятий, хлопот по хозяйству и отдыха нередко многочисленной семьи. С появлением масляных красок мебель стали окрашивать в различные цвета, на столах и шкафах появилась яркая сочная роспись, радующая глаз домочадцев и гостей.

Основной красотой и достоинством жилища русские крестьяне Забайкалья (а в особенности семейские) считали чистоту. М. Геденштром писал: «В строении домов и селении, пище и одежде, в наречии они имеют совершенное сходство с русскими внутренних губерний, которых в чистоте и опрятности даже превосходят»²¹. Чистота достигалась ежедневной уборкой. Вся мебель и полы натирались с песком. Чтобы полы меньше пачкались, в большинстве крестьянских изб их посыпали дресвой, речным песком, иногда песок пережигали, т. е. накаливали докрасна, и он принимал красновато-бурый оттенок. Вероятно, это делалось не только для красоты, песок поглощал пыль, принесенную на обуви, пыль не поднималась в воздух. Песок часто промывали, к тому же 2 раза в год перед Пасхой и Покровом у старообрядцев Забайкалья было принято мыть дом внутри и снаружи полностью. Причем потолки и стены промывали с мылом, наружные стены шоркали (терли) с песком так, чтобы сосновые венцы бревен отливали янтарным блеском.

В приचीкойских селах Читинской области в преобладающих количественно пятистенных домах русская глинобитная печь на деревянном опечье расположена почти посередине избы. По половицам пола, расположенным вдоль от порога, застланы тканые собственноручно на кроснах из разноцветных тканей полосатые яркие, как радуга, половики или дорожки. На Чикое ими обычно застилают весь пол избы, иногда только «залу». Добавим к этому яркие ситцевые занавески, заменяющие перегородки, домотканые и вышитые поло-

тенца, рушники на зеркалах и скатерти на столе, крашенные обычно светлой краской потолки, стены и темно-бордовый или коричневой – полы, и внутренность избы заиграет веселым многоцветьем. Не забудем расписанную мебель: столы, шкафы, кровати, лавки. Все это придает внутреннему убранству избы праздничный вид.

У староверов Бурятии половики представляли собой вязанные круги из разноцветных тканей. Рисунок круга всегда яркий, броский, как говорят сами жители, «чтоб браво было». Убранство жилища подчинено одной задаче – создать красоту в ее крестьянском понимании, а тем самым создать хорошее настроение у всех живущих в этом доме и у гостей. Таким образом, убранство жилища имело не только утилитарное назначение, но и эстетическое.

Во второй половине XIX в. в быт крестьян Восточной Сибири широко входит роспись по дереву. Особенно яркую роспись полюбили семейские. В селениях расписывали не только утварь, мелкие предметы быта и обихода (туески, ночевки, прялки, швейки, самопрялки, гребни, кадки для воды, кровати), яркая роспись масляными красками на олифе из конопляного масла, которую готовили крестьянки, украшала потолки изб, передние углы, заборки, ставни, двери, печки, наличники; расписывали полностью внутренние стены горниц, сеней, крылец.

«Характерной особенностью применения росписи в интерьерах крестьянских изб являлось стремление художника органически связать ее с архитектурой жилища. Роспись печье, матицы, дверного проема, простенка, потолка или верхних венцов сруба выявляла важнейшие конструктивные элементы постройки, подчеркивала внутренние габариты помещения»²².

Лучшей росписью отличались дома в селах Десятниково, Большой Куналей, Куйтун, Бичура. О бичурской росписи и о ее мастерах Ю.Д. Талько-Грынцевич писал: «Иногда стены, печи и потолок, столы и скамейки раскрашены разными узорами. В Бичуре лучшим красильщиком считается немолодая вдова Лукерья Павлова, дающая своим искусством содержание детям. Мы видели у Прохора Егоровича Павлова весь дом и мебель, раскрашенную ее рукою, разноцветные узоры весьма напоминают старинный русский стиль. Полы покрыты коврами домашнего изделия»²³.

Один из знатоков старинного быта семейских Бичуры М.И. Афанасьев писал автору этих строк: «Внутри дома на стенках и на потолке

вырезали круги с разными фигурами и окрашивали яркими красками, посудные шкафы с разными вырезками и точечная обводка с разной раскраской. Стулья своей работы, точеные ножки, спинки с разной окраской. На полы сыпали речной песок ровным слоем, а некоторые пережигали его для красоты. Мебель изготавливали с расчетом для удобства и вместительности, при этом она не должна занимать много места».

Яркая полихромная роспись широко входила в быт семейских. Расписывали не только свои мастера из крестьян, но и лица, специализирующиеся на этом ремесле. В с. Десятникове расписывал избы-горницы поселенец Черников по прозвищу Боровок. В том же селе занимался росписью столяр Л.П. Матвеев, местный мастер. Им был расписан стол, привезенный в наш музей. Самопрялки в Большом Куналее делал и расписывал местный мастер Е.П. Ковалев. Рубил избы и занимался росписью у семейских Тарбагатайского района бурятский плотник и художник из Оронгоя Зунхарян. Им, например, в Большом Куналее раскрашена изба у известного певца Ф.Ф. Рыжакова и горницы у П. Иванова. Роспись опечье в доме Е.К. Сластина сделана в начале XX в. В с. Десятникове у Чистяковых раскрашивала местная мастерица Акулина Семеновна. «Она очень красиво раскрашивала избы, — вспоминает У. К. Чистякова. — К Пасхе вымоешь, не налюбуеться... Бывало увидит на товаре (ткани) цветок и обязательно нарисует его». Так, у Чистяковых в Десятникове печь была расписана большими зелеными листьями и черными маковками.

Обстановка в избе часто характеризовала занятия ее хозяина. Особенности во внутреннем убранстве имели дома сапожников, шорников, ткачих. Инвентарь, необходимый для их занятий, различные предметы ремесла во всем их разнообразии вписывались в интерьер жилища. Например, с большой таинственностью обставлял свою избу колдун, ловко используя невежество населения: в его доме бросались в глаза лошадиные черепа, крылья совы, причудливой формы деревья, высушенные летучие мыши, бурятские ходаки²⁴.

Обстановка в избе зависела от степени достатка хозяина. Внутреннее убранство дома бедного крестьянина не отличалось большим разнообразием: «Типичная крестьянская изба представляла одну комнату, и ее меблировка состояла из полатей или одной деревянной кровати,

на которую укладывали скудные постельные принадлежности и кучу верхней одежды. Почти вся семья на отдых и сон располагалась на полу, застлав его потниками, укрываясь зипунами или шубами. Вдоль стен стояли длинные деревянные скамейки. К этому надо добавить еще один или два стола – вот и будет вся обстановка в русской крестьянской избе»²⁵.

Несомненно, русское крестьянство достигло высокой культуры в рубке домов, в отделке интерьера, наружного убранства, приспособив жилище к суровым климатическим условиям Сибири. Но нельзя идеализировать русское жилище сибиряков. Большинство сибирских крестьян жили в стесненных условиях. Первоначально дома строили с маленькими окнами, затянув их рамы кто брюшиной, кто рыбьим пузырем, а иногда и тонкой холстиной, пропитанной древесной смолой. Ткань натягивали на раму и укрепляли посредством берестяных полосок деревянными колышками. До XX в. сохранились избы с низкими потолками и с неуклюжими массивными глинобитными русскими печами на высоком опечье. В такой печи расходовалось много дров, и все равно помещение оставалось прохладным. Полы в избе были холодными, так как нижнего подогрева от печей не было. Теплый воздух циркулировал главным образом в верхней части жилища. Учитывая это, крестьяне и делали полати под потолком, где спали дети, подростки. Для этой же цели строили нары. Под ними в зимнее время содержали кур, ягнят, телят.

В заключение отметим, что отдельные регионы Сибири когда-то были признанными этнографическими заповедниками, кладовыми, сохранявшими многие традиционные народные формы культуры. Ныне же в Сибири не осталось старых патриархальных гнезд, которые в старину называли «медвежьими углами».

Все труднее собирать этнографические материалы. Все меньше остается народной традиционной одежды, утвари, совсем исчезли орудия труда (соха, серп, деревянная борона и др.). Словом, в нашу стремительную эпоху научно-технической революции не только быстро исчезают памятники культуры, долго служившие нашим предкам, но и забываются их назначение и даже названия. Поэтому неотложной задачей этнографов, работников музеев, краеведов, школьников и всех истинных ценителей старины является сбор этнографических и

фольклорных материалов. Нужно успеть зафиксировать то, что еще сохранилось.

Создание общесибирского историко-архитектурного музея под открытым небом обязывает этнографов, археологов и других специалистов усилить сбор этнографических материалов по народному зодчеству, искусству, ткачеству, которые еще сохранились у населения и представляют ценность как музейные экспонаты, как памятники истории народа.

Примечания

¹ Сравнительно полная история изучения народного жилища русского населения Сибири дореволюционного времени дана в очерке, помещенном в книге «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири» (М., 1974. С. 59–76). Это избавляет нас подробно рассматривать историографию данного вопроса. Но необходимо дополнить названную сводку работами, вышедшими в советское время, а именно: Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; Охрименко Г.И. Русская домовая роспись Забайкалья // Советская этнография. 1966. № 1. С. 127–141; Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953; Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 168–188; Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Вып. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 33–47 и др.

² Лебедева А.А. Материалы по этнографии, русского населения Сибири в архиве Географического общества СССР // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. Л., 1977. С. 40.

³ Ащепков Е.А. Указ соч., с. 67–98; Охрименко Г.И. Резьба по дереву у семейских // Этногр. сб. БКНИИ. 1961. Вып. 2. С. 72–73; Маковецкий И.В. Архитектура крестьянских построек у семейских // Этнограф. сб. Вып. 3. Улан-Удэ, 1962. С. 140–141.

⁴ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья..., с. 176.

⁵ ЦГА БурАССР, ф. 52, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁶ Александров В. А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII – начало XX в.) // Проблемы

изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 17–18.

⁷ Народы Сибири. Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 173; Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский сборник. Тр. Ин-та этнографии. Т. XXXI. М., 1956. С. 239–250; Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища Забайкалья..., с. 35–37.

⁸ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX века). Новосибирск, 1975.

⁹ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 110–116.

¹⁰ Беляев А.П. Воспоминание о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. Т. XXX. Т. 819–820; Якушкин И.Д. Записки декабриста // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973. С. 232.

¹¹ Записки барона А.Е. Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. Ч. II. С. 411–412.

¹² Бломквист Е.Э. Указ. соч., с. 262–263.

¹³ Осокин Г.М. На границе Монголии. СПб., 1906. С. 106.

¹⁴ Слово «печь (пещь)» происходит от слова «пещера» – наиболее древнее и естественное место расположения очагов древними людьми.

¹⁵ Записано автором на Чикое.

¹⁶ Неуклюжесть и массивность русской печи, пожирающей много дров, были замечены Н.А. Бестужевым. Он предложил свою конструкцию печи, которая имела широкое распространение в Забайкалье и получила у местного населения название «бестужевской». См.: Максимов С.В. Николай Александрович Бестужев (по его письмам) // Наблюдатель. 1883. № 3. С. 110–111.

¹⁷ Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1972. С. 31–34.

¹⁸ Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 2. Пг., 1919. С. 31.

¹⁹ См.: Бломквист Е. Э. Указ. соч., с. 78–79.

²⁰ ЦГА БурАССР, ф. 52, оп. 1, д. 1. л. 2.

²¹ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, с. 62.

²² Маковецкий И.В. Архитектура крестьянских построек у семейских // Этнограф. сб. Вып. 3. Улан-Удэ, 1962. С. 143.

²³ Талько-Гринцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. Кяхта, 1894. С. 26.

²⁴ Осокин Г. М. Указ. соч., с. 112.

²⁵ Бичурский хлебобоб. 1967. 7 апреля.

ТИПЫ РУССКИХ ПРЯЛОК В СИБИРИ: СПОСОБЫ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ*

*Искусство и техническое мастерство
в крестьянском творчестве представляют
неделимое целое.*

(В. С. Воронов. О крестьянском искусстве)

данной статье впервые приводятся сведения о способах и приемах изготовления прялок корневых или цельных из одного ствола дерева с корнем и составных – из разных деревьев.

Обычно прялку искусствоведы и этнографы описывают как предмет художественного значения, а как создавалась эта рукотворная вещь, столь необходимая в повседневном быту русского крестьянина, о технике ее изготовления в литературе говорится мало. Нами предпринята попытка показать некоторые технические приемы изготовления разных форм прялок в Сибири.

Ключевые слова: русские прялки в Сибири, их типы и конструктивные особенности, способы их изготовления.

Русская прялка не обойдена вниманием искусствоведов и этнографов. Ей посвящено много работ. Надо отметить, что искусствоведы, занимающиеся народно-прикладным и художественным искусством, большее внимание уделяли не самой прялке как орудию прядения, а украшению прялки (лопаски, ножки, донца), резьбе, росписи, которым щедро украшалась эта важная «рукотворная вещь», необходимая в повседневном быту русского крестьянина.

О конструкции прялки некоторые сведения имеются в работах небольшого числа авторов. Наиболее верное представление об конструктивных особенностях прялок и их отдельных частей мы находим в

---

* Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН Т. XX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 340–343.

трудах В.С. Воронова, Н.И. Лебедевой, О.В. Кругловой. Вот описание разных видов русских прялок, сделанное В.С. Вороновым: «Деревянная ручная прялка состоит из двух главных частей: вертикальной части (лопaska, ножка), куда привязывали кудель и горизонтальной (донце), где сидит пряха. Вертикальная часть прялки вставляется (втыкается как, например, в прялках ярославского типа или ввинчивается, как в прялках тверского типа) в возвышение или подножку, «гнездо», сделанное в одном конце донца. В некоторых типах прялок (например, в вологодских или ярославно-костромских) горизонтальная и вертикальная части вырезаются из одного цельного дерева, из той нижней части ствола, где он вместе с корнем дает прямой или приблизительно прямой угол». Такие цельные прялки в народном быту северных русских губерний назывались копылами. Позднее это название стало синонимом слова прялка¹.

О.В. Круглова по конструкции прялки разделяет на сплошные, или корневые, сделанные целиком из одного корня и «прямызны» (ствола дерева), разъемные или составные, состоящие из гребня с шейкой (ножкой), т. е. лопаски и донца².

Об изготовлении прялок семейскими мастерами автор этих строк писал: «Делали их в основном из целого обрезка комля дерева, вырубленного с корнем, расположенным почти под прямым углом относительно ствола. Донце – из корня, лопаска – из ствола»³.

Ряд работ по изучению русских прялок опубликовала искусствовед Н.В. Тарановская. В статье, опубликованной в 1981 г., она дала следующее определение: «Русская прялка – это стоячок в виде лопасти, гребня или развилки, крепящейся под прямым углом к подставке – донцу, на которую садится пряха. Делали прялки из единого куска дерева – пня с корнем. Их называли “копани”, “копылы”, “кокорицы”»⁴. Через 20 лет она пишет: «Прялки вырубались из пней березы, ели с корнями или делались составными, где стоячок крепился в выступающую голову донца или в “шип” или ввинчивался»⁵.

В Сибири собранные учеными и хранящиеся в музеях прялки в большинстве сделаны из пихты, ели и кедра, реже – из березы. Из березы прялка тяжелая. Из кедра и ели, пихты более легкая и проще поддается обработке. Вот почему эти деревья широко используются в производстве прялок.

Этнографическое описание прялок, их функциональное назначение

– большая редкость в научной литературе. В этом плане следует отметить работу Н.И. Лебедевой⁶. Она выделяет 4 типа прялок: лопатообразные, гребнеобразные, вилкообразные и палкообразные, которые вставляются в приспособление для сидения (донце)⁷ и указывает областные территории их распространения. Она же выделяет локальные элементы приемов и способов прядения, характерные для великорусского населения⁸.

Рассмотренные Н.И. Лебедевой типы прялок во многом меняют представление о прялке как орудии прядения и отрезвляет горячее воображение некоторых этнографов-искусствоведов, видящих в росписях прялок то изображение райского сада или царства небесного и другие сюжеты.

Типы и формы прялок появились в разных территориальных провинциях в связи с их особыми климатическими условиями и наличием лесных пород деревьев, а также в связи с хозяйственной потребностью сделать процесс прядения более удобным и рациональным.

Для изготовления прялок вырабатывались особые технические приемы, навыки и сноровки, а в целом – мастерство, применялись разного рода инструменты: топор, копаница, лом, пилы, долота, нож. Изготовление такой прялки – процесс трудоемкий и сопряжен с целым рядом действий: поиском дерева с нужным корнем, годным для донца, с его выкорчевкой из земли, его обработкой. Иногда нужные для прялки деревья обнаруживали во время корчевания леса под пашню. Это было трудное занятие.

Подсчитано, что для расчистки путем «чертежа» одной хозяйственной десятины из-под леса средней густоты и возраста затрачивалось от 25 до 50 людских поденщин и от 5 до 10 конных. Больше всего времени требовалось на выкорчевку пней – от 20 до 40 дней⁹.

Во время полевых экспедиционных работ в селах Забайкалья мне удалось записать способы корчевания пней. Корни обычно подсекались копаницей и извлекались с помощью лома, лопаты и ваги. Потомственный крестьянин из с. Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии Иван Андреевич Рыжаков, которому пришлось расчищать лес под пашню в местности Барка, где впоследствии был образован новый поселок, рассказывал: «Строевой лес и деловую древесину вырубали заранее и вывозили обычно зимой, мелкие деревья и кустарники срубали весной, часть леса сгнивала быстро, особенно березняк. Большие

деревья и камни не убирали с пашни – их опахивали. Раскорчевка длилась несколько лет. Оставшиеся пни уже при пахоте окапывали копаницей. Пахарь шел за сохой, а за поясом, иногда тканым, или за кушаком – была копаница. Когда соха цеплялась за корень, пахарь останавливал коня и начинал окапывать пень...» Если пень был высокий, больше метра и с хорошим толстым корнем, расположенным почти перпендикулярно к стволу дерева, то корень этот откапывали и обрубали так, чтобы он был годен для донца, а лишнюю толщину стесывали. Пень раскалывали или аккуратно расщепляли, оставляли остов для будущей прялки, вывозили в деревню и там стесывали лишнюю древесину, придавали прялке нужную форму.

У старообрядцев каждый мужик владел топором. Рука крестьянина, привыкшая к любой работе, в своем хозяйстве всегда находилась в постоянной связи с деревом: валила лес, рубила, пилила, строгала, тесала, мастерила что-то по хозяйственной надобности. Этот постоянный труд мало известен исследователям искусства, уделявших основное внимание украшению прялок, но не их производству в различной форме от рогульки, гребня до корневой прялки с мощной лопаской вологодского типа, стояк которой был в высоту до 1 метра. Такие цельные богатырские прялки мы встречаем в Забайкалье, которые готовили из столетних кедров. Не каждому мужику было дано сделать прялку произведением искусства. Изготовить, вытесать цельную природную корневую прялку мог только мастер, который, подобно скульптору, откалывал все лишние куски дерева, приближаясь к нужной форме прялки. Так мастер по дереву из массивного комлевого ствола дерева с умело вырубленным корнем примерно под прямым углом готовил нужные в хозяйстве приспособления для прядения. И только после этого наносил резьбу и роспись.

Составная же прялка состояла из лопаски и ножки (которую иногда называют шейкой) и донца или большого деревянного гребня и донца. В таком случае на зубья большого гребня напояли грубо обработанные волокна или свалявшуюся шерсть и расчесывали небольшим ручным деревянным гребнем.

В Сибири были распространены прялки двух типов: корневые и составные. Корневым в старообрядческих поселениях отдают предпочтение. Так, у семейских по конструктивной форме прялки определяли прилежание и трудолюбие семьи. По изделию прялки судили о хозя-

ине. Девушкам, выходящим замуж, было принято давать в приданое корневую прялку или швейку, что свидетельствовало о трудолюбии и достатке семьи. Если прялка была не корневая, а составная, то над невестой смеялись: «Какие твои родители ленивые, нерадивые, даже не могли найти корня на прялку»¹⁰.

Нужно отметить, что древнейшей формой прялки является прялка из копани, т. е. корневая. Подобная прялка была найдена в свайном неолитическом поселении на р. Модлоне (Вологодская обл.) в торфяном слое начала II тысячелетия до н. э. вместе с семенами культурного льна¹¹.

Мастерство плотников, резчиков, живописцев часто передавалось по наследству и было занесено в Сибирь переселенцами из разных областей доуральской России. Сюда перенесли они и традиции изготовления прялок. В Сибири преобладают формы прялок, характерные для Русского Севера (вологодского, карельского, каргопольского типа). Это отражает процесс первоначальной колонизации Сибири русскими из Вологодской, Архангельской губерний. Позже в Сибирь хлынули волны переселенцев, из центральных и южных областей Европейской России. Отсюда следует и разнообразие способов обработки дерева, нанесение резьбы и особенности росписи.

Русские прялки этнографами Сибири изучаются то как народное традиционное изобразительное искусство¹², то как народное художественное творчество¹³. Нами предпринята попытка показать способ технической обработки дерева с целью получения орудия прядения.

Примечания

¹ Воронов В.С. О крестьянском искусстве. Избранные труды. М.: Советский художник, 1972. С. 204.

² Круглова О.В. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1974. С. 11.

³ Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX – начала XX в.) // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 150.

⁴ Тарановская Н. В. Русские прялки // Добрых рук мастерство. Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Л.: Искусство, 1981. С. 93.

⁵ Она же. Русские прялки // Альманах. 2001. Вып. 7. С. 1.

⁶ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев, белорусов в XIX – начале XX в. Тр. Института этнографии. Т. 31. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 461–540.

⁷ Там же, с. 487.

⁸ Там же, с. 587–590.

⁹ Бутович Н. Земледелие в связи с характеристикою естественных условий пахотных угодий // Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Вып. 11. СПб., 1898. С. 129–130.

¹⁰ Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975, С. 93.

¹¹ Она же. Прядение и ткачество..., с. 486.

¹² Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 5–6.

¹³ Фурсова Е.Ф. Народное художественное творчество крестьян Западной Сибири: северорусские и уральские традиции в орнаментации прялок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 103.

О ГОНЧАРСТВЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

ончарство было одним из самых нужных промыслов в хозяйстве и быту русского населения Забайкалья. Но оно все еще слабо изучено. Мысль об актуальности и необходимости такого исследования красной нитью проходит через немногие работы, посвященные этому занятию крестьян. Таких работ на материалах Сибири пока только две¹. Упоминания об изготовлении посуды гончарным способом имеются в ряде других работ, посвященных этнографии русского населения Сибири, где, однако, лишь констатируется факт домашнего производства керамической гончарной посуды. Поэтому трудно по таким сообщениям проследить связь материальной культуры тех или иных групп русского населения Сибири с культурой в местах их прежнего проживания (до переселения в Сибирь). Перечисленные обстоятельства, а также исчезновение гончарного промысла в Сибири (в Забайкалье, например, им уже никто не занимается), в связи с чем усугубляется трудность сбора материалов по этому виду занятий, – все это вызывает необходимость уделять самое пристальное внимание исчезающему промыслу, ибо его в недалеком будущем едва ли удастся описать. А между тем керамика способна «хранить в себе различные сведения из истории человеческой культуры и общества, с нею едва ли могут соперничать другие находки»². К тому же она является «одним из наиболее доброкачественных источников, позволяющих без особых погрешностей сравнивать между собой как различные области, так и различные эпохи»³.

К настоящему времени в Забайкалье не осталось ни мастеров, ни инвентаря, ни знающих это дело людей, хотя гончарное производство существовало здесь до 50-х гг. XX в. Так, гончарством в с. Шаралдае занимались и в послевоенное время. Там была создана артель гончаров «Прогресс», просуществовавшая восемь лет⁴. Изделия мастеров этой артели продавали в магазинах сельпо. Появление в торговле широкого ассортимента фабрично-заводской посуды вытеснило древний вид ремесла: гончарный промысел стал невыгоден. Гончарство в Забайкалье

---

* Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1984. С. 30–39.

было примитивным, трудоемким и мало доходным, но оно имело важное значение в хозяйстве местного населения.

Наши материалы о гончарном производстве собраны в различных селах Забайкалья во время полевых этнографических экспедиций 1969–1980-е гг. Они показывают, что в одних селах промысел носил эпизодический характер в хозяйственной деятельности крестьян и посуду там изготавливали местные мастера только для нужд отдельной крестьянской семьи или же по просьбе своих родных или близких; в других – гончарное производство было поставлено на широкую ногу, а изделия тамошних горшечников, пользовавшиеся большим спросом населения, шли на продажу.

Как правило, гончарный промысел зависел от наличия в том или ином селе хорошей вязкой тягучей глины. А поскольку глины разного качества в Забайкалье распространены почти повсеместно, то горшечники были чуть ли не в каждом большом селе. Об этом нам рассказывали в деревнях Десятниково, Большой Куналей, Бичура, Куйтун, Новая Брянь и др. При этом показывали изделия местных мастериц и мастеров. Наши материалы позволяют уточнить некоторые особенности техники и технологии русского забайкальского гончарства – приемы сушки и обжига керамики, выявить специфику спроса у разных групп населения на эти изделия и бытовавшие способы товарообмена, связанные с продажей гончарной посуды.

Словом, в данной статье затронут круг вопросов, которые не были освещены прежними исследователями. Материал о гончарстве, собранный нами, конечно, не так полон, как хотелось бы, поэтому сообщение не может претендовать на подробное изложение всех аспектов, связанных с гончарным производством.

Менее всего удалось собрать материала по лексике, связанной с названием того или иного этапа подготовки сырья, формовки изделия и наименованием отдельных частей гончарной посуды, поскольку подлинных мастеров-горшечников не осталось в живых. Наши записи сделаны от членов их семей, частично позабывших производственные особенности и терминологию, связанную с гончарством.

В быту семейских этому традиционному промыслу всегда уделялось много внимания. Известно, что староверы очень ревностно относились к посуде, подразделяя ее на чистую и нечистую, на постную и скоромную («молосную»). Широкое распространение имели религиоз-

ные запреты, не разрешающие старообрядцам иметь общение с мирскими, т. е. не старообрядцами, «в ядении, питии и любви». Для мирских (табакуров, ссыльных и людей другой веры и национальности) была своя особая посуда. Определенной формы горшки и кринки применялись знахарями в народной медицине. Тут имелся набор горшков для «поднятия живота», для правки «сорванного пупа», для лечения при простуде (на спину в старину ставили нагретые кринки – предшественницы современных банок). Кроме посуды в широком обиходе были кадилницы из керамики, применяемые при похоронах, и т. д. Для детей изготавливали игрушки, птички-свистульки, а в годы советской власти в связи с электрификацией сел даже делали керамические ролики для электропроводки.

Широкое использование керамических изделий в хозяйстве и быту крестьян объяснялось доступностью и почти повсеместным производством их в русских селах. Но прежде всего до революции гончарное производство в значительной мере обуславливалось самим ведением сельского хозяйства, в котором значительную роль играло скотоводство. Особенно это было характерным для Восточного Забайкалья, где богатые крестьяне имели целые стада крупного рогатого скота, много овец, лошадей. Для переработки молока требовалось много посуды. Не случайно у семейских в избе целые полки отводились для хранения глиняной посуды, которая была очень разнообразна: горшки для варки щей, каши, множество кринок для отстаивания сметаны, мокитры (макотры) для розлива и кипячения молока, просто молочники, подойники, муравленные чашки и миски, латки, даже имелись керамические тарелки и рюмки. Все они были местного производства. Учитывая недолговечность сосудов и значительное количество бывших тогда неразделенных семей, достигающих иногда от 20 до 40 чел., можно представить, сколько же требовалось этой посуды только для одной семьи. Из всего вышесказанного можем заключить, насколько важным было гончарство в быту русского населения.

Несмотря на то что керамическую посуду изготавливали почти во всех крупных селах, по всему Западному Забайкалью особой известностью пользовались изделия гончаров с. Шаралдай (ныне Мухоршибирский район Бурятской АССР). В окрестностях этого большого старинного села, возникшего, по всей вероятности, в XVIII в., были большие запасы качественной глины (Шаралдай в переводе с бурятского – желтая

глина или песок). Население с. Шаралдай состояло в основном из старообрядцев (семейских) и в незначительном числе из сибиряков (так местные жители называют русских старожилов – православных нико-нианского вероисповедания).

В селе было много мастеров гончарного производства, целые семьи занимались этим ремеслом, изготавливая посуду на продажу. Причем возили ее шаралдайцы продавать по всему Западному Забайкалью. Повозки с шаралдайской керамикой можно было увидеть на Чикое, в Бичуре, Тарбагатае, Жириме, Верхнеудинске, Джиде, Кяхте, на Петровском Заводе, в Бряни. От Байкала до Яблонового хребта простиралась территория, на которой торговали своими изделиями шаралдайские мастера-горшечники.

Торговля производилась посредством обмена гончарной посуды на продукты питания. Ее выменивали на хлеб, мясо, сало, лук, пеньку, кедровые орехи, добыча которых была широко развита в причикийской тайге. Обмен производился чаще всего «мера на меру». За каждую посудину крестьяне платили гончару ту меру зерна или орехов, которые в нее вмещались. Изделия, отличающиеся сложностью изготовления, с необычной конфигурацией (молочники, подойники с носками, графины и т. п.), естественно, ценились дороже. Продукты сельского хозяйства до революции стоили в Забайкалье очень дешево, поэтому такой товарообмен был выгоден для крестьян. Часть приобретенных продуктов шла на рынок, остальное привозили домой. Иногда посуду продавали за деньги.

Славились своими изделиями гончары Шаралдая: Макар Тихонович Иванов (бывший батрак), Кузьма Назарович Каспаров, Харитон Григорьевич Евдокимов, братья Демьян и Фома Васильевичи Ананьины, Иван Леонтьевич Ребягин и др. Для многих семей этот промысел стал наследственным: передавался от отца к сыну. Иногда информаторы отмечают два-три поколения гончаров, что свидетельствует о давнем существовании этого промысла в семейских селах.

Посуда старообрядцам потребовалась сразу же по прибытии за Байкал. Привезти горшки за 6 тыс. верст они не имели возможности, а обходиться без значительного количества посуды не могли. Возможно, что первоначально семейские приобретали ее у русских старожилов⁵, но затем, разведав необходимые для изготовления посуды глины, наладили свое производство. В частности, косвенным доказательством

наличия примитивного гончарства в Шаралдае являются сведения об изготовлении здесь в прошлом черной посуды⁶.

Объяснить появление и широкое бытование гончарного промысла у семейских только заимствованием было бы очень рискованно. Не исключено, что примитивный способ изготовления гончарной посуды налепом был занесен в Забайкалье самими же сосланными старообрядцами, так как он бытовал у староверов Ветки и Стародубья и известен старообрядцам Алтая и Бухтармы⁷, выселенным одновременно с семейскими из одних мест. Старообрядцы с их культом чистоты и чистой посуды не могли не владеть гончарным мастерством еще до переселения их в Сибирь.

Вероятно, первоначально мастера занимались гончарством «в свободное от сельскохозяйственных работ время, главным образом “великим постом”»⁸. Причем этим промыслом владели 15 семей только в одном с. Буй (ныне Бичурский район Бурятской АССР), где изготовлением посуды занимались три поколения⁹. Такая же картина могла быть и в других селах. По архивным данным, в конце XIX в. уже выделяются мастера-ремесленники, постоянно и профессионально занимающиеся гончарным промыслом в течение года. Так, в отчете Мухоршибирской волости, куда входили села Мухоршибирь, Новый Заган и Шаралдай, в 1888 г. значились 222 мастера и 64 рабочих по 21 специальности. Из них горшечников было шесть, а рабочих, помогающих им, – четыре. В отчете той же волости за 1889 г. отмечены ремесленники 17 специальностей, из них 208 мастеров и 47 работников. Причем количество горшечников возросло до 15 чел.¹⁰ По архивным данным, горшечники имелись в Брянской волости и др.

О производстве керамической посуды в Шаралдае нам рассказывала Ф.К. Ребягина (67 лет). Глину брали в логу за деревней около кирпичного завода. Выбирали черную или серую, так как белая и песчаная для производства не годились. Белая глина была жирной – посуда растрескивалась, а песчаная – не схватывалась, черная же обладала всеми необходимыми свойствами для изготовления гончарных изделий. Она вязкая, тягучая, легко поддается формовке и хорошо обжигается. Эти качества были изучены опытным путем. До всего крестьяне доходили сами. Глину привозили домой, воз-два, кому сколько требовалось. Размешивали в ящике полужидко, чуть пожиже кирпичного раствора, «выквашивали» ее несколько дней, чтобы не было комочков. Глина де-

лалась мягкая, как густая сметана. Затем ее выкладывали на специальный помост или на пол и месили, топтали босыми ногами, получался нетолстый слой глины в виде потника или большой лепешки. Потом ее скатывали или сворачивали в рубец толщиной слоев в пять («она как кабан лежала») и снова начинали растаптывать босыми ногами, выбирая комочки или инородные тела, попадавшие под ноги. Таким образом глину перемешивали 12 раз, скатывали в рубец и проволокой разрезали на части. Каждая часть предназначалась для изготовления определенного сосуда: горшка, кринки, подойника и т. д. Кусок несли на гончарный круг, броском прилепляли к верхнему гончарному кругу, и начиналось чудодейство: из бесформенного куска гончар творил сосуд какой ему хотелось формы.

Мастер И.Л. Ребягин в день выделявал по 60 посуды (кринки, горшки, подойники, чашки, латки, молочники, рюмки и пр.). Иногда же он с сыном (помогала и жена) производили за двое суток до 200 изделий. Забегая вперед, следует отметить, что в печь для обжига входило ровно 200 сосудов крупного размера, а мелкой посуды – до 300 шт. Поэтому мастера старались изготовить данное количество посуды, чтобы обжечь их за один прием и таким образом экономить дрова и время.

В русских селах Забайкалья отмечено три типа гончарства: 1) изготовление посуды кольцевым налепом, без гончарного круга; 2) кольцевым налепом на ручном гончарном станке; 3) вытяжная техника на ножном гончарном станке или круге¹¹. В конце XIX – начале XX в. преобладал третий тип гончарства, так как он был более производительным. Поэтому из среды крестьян выделяются мастера, которые занимаются этим ремеслом не только в свободное от сельскохозяйственных работ время.

В с. Шаралдай посуду делали вытягом на ножном круге. У Касперовых, например, круги были укреплены на подшипниках: большой – прибит к шестерне, малый верхний – укреплен на оси и соединен ею с большим. Круги должны были плавно и ровно вращаться, не дребезжать и не качаться. Мастер приводил их в движение, вращая нижний круг ногой.

Вот как происходила формовка гончарных изделий у Ребягиных, рассказ о которых мы уже начали выше. Прилепив кусок к верхнему малому кругу, ногами крутили нижний большой круг, а руками выводили, вытягивали нужную форму глиняного сосуда. Когда сосуд был

вытянут снаружи, его выглаживали особой палочкой или дощечкой и концом палочки наводили «вилюшки», а внутри разглаживали и выправляли дощечкой. Затем сосуд обрезали проволокой по самому дну и очень осторожно снимали, ибо он был, как резиновый. Потом сырую посуду ставили на пол и сутки выдерживали. Она немного подсыхала и на следующие сутки ее расставляли на полках, где посуду сушили летом три дня, а зимой в доме топили железную печку и сушили на полках под потолком по четверо суток. Когда посуда немного подсыхала, поправляли ее форму. Затем изделия «муравили». Женщины приносили чистого дегтя, выгнанного из березы, и смазывали посуду. А мастер посыпал ее порошком, изготовленным из пережженного свинца, стекла и серого камня, вероятно, кварца. Все это предварительно перемалывали на ручной каменной мельнице, просеивали через частое медное сито. Иногда стекло толкли в железной ступке. Причем стекольный порошок и порошок из свинца и камня смешивали в равных долях. Полученный состав наносили на поверхность изделий таким слоем, чтобы вся она покрылась ровной «муравой». Затем посуду обжигали в горнах (горень).

Печи (или горны) были специально устроены где-либо на усадьбе подальше от строений. Размер их обуславливался, по-видимому, планируемым производством. У Ребягиных печь была солидного размера: длина почти 2 м, а высота нёба – 1,5 м. Муравление гончарной посуды продолжалось на огне при определенной температуре в печах. Поэтому печь имела особое устройство. Внизу под сводом была топка, а сверху устраивалась решетка из кирпича, через которую проникал огонь, на нее устанавливали сосуды для обжига. Ставили посуду в печь кверху дном, на первый ряд – второй и т. д. Таким образом помещалось рядов десять, по двадцать сосудов в каждом. Чтобы просушить и обжечь всю посуду, сжигали по два воза дров. Печь нагревали до такой температуры, что кирпич становился алым. Посуда, обожженная при такой температуре, становилась довольно прочной и красивой. Она приобретала красный или темно-зеленый цвет. Гончарством первых двух типов занимались в основном женщины. А при гончарстве третьего типа наблюдается разделение труда: мужчина-гончар выполняет всю основную ответственную работу (занимается формовкой, следит за сушкой, муравой и т. д.), женщина – подсобные (мнет гли-

ну, заготавливает порошок, обмазывает горшки чистым дегтем и т. д.).

В заключение можно сказать, что гончарный промысел имел широкое распространение в русских селах Забайкалья. Вероятнее всего, он был занесен в своих примитивных формах из прежних мест проживания русских и отражал способы или типы производства керамических изделий разных местностей (наблюдаются северорусские и южнорусские традиции в приемах труда и способах налёпа). В дальнейшем гончарство совершенствовалось, этому могло способствовать появление в забайкальских селах ссыльных мастеров.

Примечания

¹ Маслова Г.С. Гончарство русского населения Восточной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1962. С. 12–25; Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования Института этнографии. М., 1980. С. 38–46. Несколько страниц гончарному производству Сибири отведено и в монографии Е.И. Соловьевой (Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 251–254).

² Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С. 3.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 163.

⁴ Маслова Г.С. Указ. соч., с. 21.

⁵ Старожильческое русское население, проживавшее в Забайкалье до прихода семейских более 100 лет, тоже не обходилось без гончарной посуды. Среди русских сел имелись свои центры по производству керамических изделий (Сухой Ручей, Буй, Малета, Куналей. Бахта и др.), и жителей некоторых из них так и называли «горшечниками» (см.: Маслова Г.С. Указ. соч., с. 17–18).

⁶ Маслова Г.С. Указ. соч., с. 21 (сноска).

⁷ Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 180–187; Липинская В.А. Указ. соч., с. 43.

⁸ Маслова Г.С. Указ. соч., с. 18.

⁹ Там же, с. 17–18.

¹⁰ ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 1, д. 4038, л. 64–65; д. 4100, л. 34.

¹¹ Маслова Г.С. Указ. соч., с. 15.

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА И РЫБНОЙ ЛОВЛИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В. *

В последние годы историками уделено большое внимание промыслам русского населения Сибири. Опубликованы монографии, статьи¹. Но такой важный аспект, как способы, приемы и традиции в охоте и рыбной ловле русского населения Забайкалья освещен в печати недостаточно. Специальной обобщающей работы на эту тему по Восточной Сибири нет. В работах М.М. Громыко исследованы приемы феодального периода, хотя охота и рыболовство в Восточной Сибири имели очень древние традиции и важное промысловое значение не только в это время. Русское население, пришедшее сюда, сразу же занялось этими видами промысла. Известно, что пушной промысел очень быстро давал ощутимые результаты для пополнения казны. И не случайно утверждение А.П. Шапова, что «соболь довел русские колонии до Камчатки»². А в восточно-сибирском регионе водились соболи наиболее ценных пород (баргузинский, нерчинский, витимский). Словом, пушнина играла большую роль в первоначальном освоении Сибири. Природные условия Забайкалья с его богатой флорой и фауной, несомненно, привлекали внимание новых поселенцев и определяли в известной мере их хозяйственную деятельность. Русские люди принесли сюда свои способы и приемы земледелия, охоты и рыболовства, но принаравливались к условиям края, усвоили и местные традиции, нередко усовершенствовали их.

Богатые природные условия Забайкалья – леса и степи, реки и озера (нередко с чистейшей целебной водой) – поражали и удивляли путешественников обилием зверей, птиц, рыб. Только промысловых животных тут обитало свыше 20 видов. А это не могло не служить стимулом к занятиям охотой и рыбной ловлей. При относительно малой населенности края (в Нерчинском уезде в 1710 г. числилось 6964 русских³) эти виды промысла на первых порах были весьма успешными. В XVII–

---

* Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 163–186.

XVIII вв. озера и реки, по воспоминаниям очевидцев, кишели рыбой. Стада диких копытных животных (изюбры, лоси, косули, гураны) паслись в степях и лесах. Об этом пишут почти все путешественники, побывавшие в Забайкалье. В 1753 г. у одной из деревень, расположенной в 25 верстах от Нерчинска, 25 охотниками в один день за один загон было поймано 4027 косуль. Так писал Ф.И. Соймонов, один из администраторов края, в статье «Древняя пословица – Сибирь – золотое дно»⁴.

Забайкалье в XVIII – XIX вв. являлось важным районом развитого пушного и рыбного промысла не только для Сибири, но и для всей России. Но уже в XIX в. в результате роста населения, совершенствования орудий лова и хищнического истребления флоры и фауны количество промысловых животных в Забайкалье резко сократилось.

С поселением русских людей на сибирских землях начинается их широкое хозяйственное освоение. В Забайкалье русское население осваивало в основном горно-таежную местность. Причем царское правительство, заинтересованное в получении полноценного ясака, постоянно оберегало земли и охотничьи угодья аборигенного населения, которое платило ясак шкурками соболей, белок, красных и черных лисиц, рысей и пр. Неоднократно на протяжении XVII–XVIII вв. издаются указы воеводам и местной администрации о том, чтобы по отношению к коренному народу они действовали «не жесточью», а ласкою и их угодья «не пустошили». Нами найдены в архивах документы, в которых последовательно прослеживается эта позиция царского двора и государства, большое внимание уделялось качеству пушнины и полноте сбора.

В инструкции из Селенгинской воеводской канцелярии за 1733 г. приказано: «Збирать соболями добрыми, а именно соболи некопченые, а за безпромыслицею соболей лисицами черными и чернобурыми, и бурыми, и сиводушками, и красными, и рысями с лапы и с хвосты и протчая мяхкой рухлядью доброю, а те б ясашные иноземцы в ясашной платеж приносили мяхкую рухлядь самую добрую и объявляли без всякой утайки, платили в казну ея императорского величества по окладам своим сполна...»⁵

По отношению к коренному населению правительство рекомендовало воеводам: «Ясак и пошлины с ясашных людей брать, смотря по людям и по промыслам... давать в ясаке сроки, насколько пригоже...

выбирать с ясашных людей мягкую рухлядь (меха) ласкою, а не жесточью и правежем... чтоб тем ясашных людей от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить»⁶.

В Центральном государственном архиве Бурятской АССР нами обнаружен документ за 1780 г., посланный тайше Иринцееву и в «приказные здешней провинции избы», в котором говорится: «...ежели в ведомстве здешнем пришлые разных чинов люди ради прииску слюды или других каких промыслов находиться будут, оным всякое звероловство... запретить, дабы через те ясашные не могли терпеть недостатка в звере и через то происходит в несостояние в казну ясак платить». В этом же указе губернской канцелярией предписывалось Иркутскому губернскому магистрату, в чьем ведении находились промышленники, купечество, мещане и цеховые, «чтобы они... когда находиться будут в урочищах, ясашным принадлежащих зверей опромышливать запретить, в противном случае, ежели за сим подтверждением, что вблизи ясашного улусу зверя под видом каких-либо промыслов опромышливать будут, оные подобранные того опромышленного зверя без штрафа не останутся»⁷. Конечно, местные чиновники не всегда руководствовались подобными наставлениями.

Несмотря на запреты, русское население вскоре занялось охотой. Так, о семейских – старообрядцах с. Тарбагатая А. Мартос, отмечая их большое прилежание к хлебопашеству и скотоводству, писал: «Сверх того местные жители, отважные и прилежнейшие охотники, бьют сохатых (лось), зубрей, диких коз, медведей, волков, лисиц, зайцов»⁸.

Следует отметить, что охотничий промысел давал возможность русским в Забайкалье иметь весьма богатую одежду, головные уборы. Жены служилых людей и крестьян щеголяли в разнообразных мехах. В 1697 г. стольнику и воеводе Глебову была отправлена грамота, в которой говорилось: «До правительства дошло, что многие служилые люди делают себе, женам и детям портища золотые и серебряные... а иные на собольих и на лисьих черных, других мехах, чего им по чину своему носить не довелось...»⁹

Указом от 30 ноября 1796 г. подтверждалось, «чтоб соболей и соболиной рухляди и черных лисиц никто из торговых людей не покупал и у кого таковые есть, чтоб представил в казну за установленную плату. А плата в то время на соболя была такова: за иркутский полный – по 2–3 руб., а за самый лучший – 5 руб., средние – по 1 руб., плохие – по

20 алтын и в полтину, пупки соболя хорошие – 3 алтына 2 деньги, плохие – 2 алтына, хвосты соболя хорошие – 2 алтына, плохие – 1 алтын» (т. е. 3 коп.)¹⁰.

О богатой одежде русских (семейских) женщин в Забайкалье писали декабристы. Н.А. Некрасов в поэме «Дедушка» так описывает достаток крестьян с. Тарбагатай:

Высокорослы, красивы,
Жители бодры всегда,
Видно – ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка –
Из соболей воротник!¹¹

В хозяйственной деятельности русского населения Забайкалья наряду с земледелием и скотоводством (это основные виды занятий) существенное место занимали охота и рыбная ловля. Для ряда районов, где земледелие и скотоводство по природным условиям были невозможны, охота и рыболовство являлись одним из основных средств существования.

Приемы и способы охоты в Сибири нашли довольно полное отражение в работах М.М. Громыко. Наша статья построена на архивном, литературном и полевом материале, собранном автором во время экспедиций в Забайкалье в 1966–1986 гг. Она дополняет некоторые данные, опубликованные М.М. Громыко, вводит в научный оборот новые, ранее неизвестные или малоизвестные факты, показывает некоторую специфику приемов охоты и рыбной ловли, характерных для Забайкалья.

Распространение охотничьего промысла в Забайкалье было неравномерным, хотя в исследованиях XIX в. мы находим утверждения, что «весь край занимается звериными промыслами»¹².

Для середины XIX в. такое утверждение, пожалуй, было близко к истине. Особенно славились нерчинские, витимские и баргузинские соболя, шкурки которых считались превосходными и по своим достоинствам высоко котировались на международном рынке. В среднем результат добычи шкурок Н.С. Щукин определяет следующими цифрами: соболей ежегодно добывалось до 2500, лисиц – 3500, белок – 900 тыс., медведей – 350, волков – 2000, колонков – 30 тыс., кабарги – 25 тыс., изюбра – 1000, косуль – 10 тыс., кабанов – 200, рысей – 15 и столько же степных кошек¹³.

Всю прибыль, получаемую ежегодно от зверопромышленности, автор оценивает в 500 тыс. руб. серебром, включая сюда и «домашнее употребление звероловов», т. е. использование шкур и мяса диких животных на нужды семей охотников. Думаю, что приведенные Щукиным данные несколько завышены. Л. Львов десятью годами раньше приводил иные цифры¹⁴.

В отчете за 1853 г. указано количество добытого зверя по двум округам (табл. 1) на общую сумму 51141 руб. серебром, из них на 41622 руб. 921/4 коп. – в Верхнеудинском округе и 9518 руб. и 1 3/4 коп. – в Нерчинском¹⁵.

Таблица 1

Промысловый зверь	Округ		
	Верхнеудинский	Нерчинский	Всего
Сохатый	113	81	194
Изюбр	140	342	482
Кабан	52	-	52
Коза	4008	3256	8164
Кабарга	880	147	1027
Медведь	43	29	72
Волк	405	162	567
Лисица	629	106	735
Соболь	121	11	132
Белка	210769	46341	257110
Хорек	1664	-	1664
Заяц	5051	920	5971
Рысь	8	-	8
Нерпа	20	-	20
Горностай	1	-	1

Мы не имеем возможности показать общее число охотников в Забайкальской области в середине XIX в. Но по отдельным селениям такие материалы есть. В ЦГА БурАССР нами найден документ за 1844 г., относящийся к селениям Тарбагатайской волости (табл. 2).

В 90-х гг. XIX в. охотой в Забайкальской области занималось свыше 4 тыс. чел., или 4,5 % хозяйств. Охотились в основном на белку, добывая за сезон от 50 до 200 шт.¹⁶

Но у земледельческого населения охота и рыболовство не пользовались особым вниманием, к ним крестьяне относились даже с некоторым предубеждением. «Стрелять да удить – ничего не будет», – говорили они. И для отдельных сел это замечание было справедливо. Так, крестьянин с. Надеино Куйтунской волости С.В. Трифонов охотился на волков и коз, добывая мехов и мяса на 20 руб. в год.

Таблица 2

Росписание, сколько потребно порознь каждому селению пороха и свинца и какое число в селениях звероловцев¹⁷

Наименование селений	Число звероловцев в каждом селении	Какое количество нужно в 1845 г.				Место приложения печати старшинами*
		пороха		свинца по 3 фунта		
		пуд	фунт	пуд	фунт	
Тарбагатайском	30	1	20	2	10	
Жиримском	25	1	10	1	35	
Десятниковском	12		24	1	8	
в Барском селении желающих не оказалось						
Куналейском	60	3		4	20	
Куйтунском	50	2	20	3	20	
Старобрянском	20	1		1		
Новобрянском	80	4	-	-	-	
Талецком	14		28	1	10	
Надеинском	12		24	1	8	
Саянтуевском	2		5		10	
Бурнашевском	12		24	1	8	
Всего	317					

* Указаны все старшины.

В с. Куйтун за панты получали по 31 руб.¹⁸ По представлению крестьян, рыбная ловля и охота – легкие промыслы, занятия ленивых лю-

дей, не желающих трудиться с полной отдачей в хлебопашестве¹⁹. Казаки на охоту в какой-то мере смотрели как на молодецкую забаву, в особенности при ловле волков, о чем будет сказано ниже. Но истинные охотники и рыбаки, чей хлеб зависел от промысла, удачи, опытности, вложенного труда на охотничьих и рыбных угодьях, серьезно относились к этим промыслам. А в иных местах Прибайкалья ничем иным, кроме охоты или рыбной ловли, заниматься не было возможности. И даже у крестьян, земледельцев и скотоводов охота составляла важное подспорье в хозяйстве. Так, в Баргузинском округе в конце XIX в. соболя добывалось до 2 тыс., лисиц – до 5 тыс., белок – до 400 тыс. Кое-где на Чикое была прибыльной добыча пантов – рогов изюбра, которые продавали в Китай и получали до 300 руб. за пару или по 100 руб. серебром. Но и в этом богатом пушными зверями округе промысловые ресурсы иссякали, зверя становилось с каждым годом меньше²⁰.

Вдумчивый и наблюдательный П.А. Ровинский писал о тункинских жителях, занимающихся охотой: «Пара собак, бычок или телушка на веревке, кусок кирпичного чая, соль, масло и немного муки, винтовка вроде дубины с подсошниками и с приличным запасом пороха и свинца – вот все, с чем сибирский охотник отправляется в лес недель на 6 и более – в ту пору, когда у нас собираются по домам, закупориваются от холода и непогоды. Охота для сибиряка – тот же хлеб: он говорит об урожае белки как об урожае хлеба... орехов, овощей. Без белки плохо его существование»²¹. Следует добавить, что каждый охотник имел охотничий пояс, или натруску. Она состоит из ремennого пояса и прикрепленных к нему круглой деревянной пороховницы, кожаного мешочка для дробы и картечи, формочки для отливки дробы и картечи, пестонницы из коровьего рога, мерки для пороха, которую на Чикое называют «ценык», и приспособления в виде молоточка для набивания патрона. Обычно пороховницею служил бычий рог с хорошо закрепленным донышком и плотной пробкой.

В некоторых местах Забайкалья было принято охотиться артелями в составе от 3 до 10 человек. Члены артели объединялись на основе равного труда и равного дележа добычи, каждый охотник должен был иметь свое ружье. Члены такого объединения обязаны были взаимно поддерживать друг друга во время охоты.

Артели охотников представляли очень интересные вольные союзы. Н.С. Щукин писал: «На промысел зверя собирались артелями, и там в

лесу между охотниками устанавливался совершенный коммунизм – до окончания ловки никто не имеет собственности. Беда тому, кто захотел бы утаить хотя бы одну шкурку белки... Каждый уверен, что утай по добыче портит счастье в промысле». Артели разделялись на соболинные и беличьи, одна говорила: «Мы ходили соболевать», другая: «Мы ходили белковать»²².

Соболя ловят кулемами или плашками. Около Байкала промышленяют соболей куркавками. Подрубают на берегу речки сосну или кедр так, чтобы дерево упало поперек ручья, сучья обрубаят и на самой середине бревна ставят деревянную решетку с отверстием посередине, в это окно укрепляют петлю из белых конских волос. К основанию решетки привязывают веревкой камень.

Куркавка стоит вертикально. Соболь, перебегая по бревну на другую сторону речки, встречает на пути решетку, видит в ней широкое отверстие, прыгает в него, попадает в петлю, роняет ловушку, и в то же время камень падает с бревна в глубокую речку, увлекает за собой решетку, а с нею и соболя. Куркавки осматривают 2–3 раза в неделю, иначе утонувший соболь портится в воде²³. Этот способ – хитроумное изобретение местных охотников. Он надежен и верен, к тому же безвреден. Надо отметить, что охотники – весьма опытный наблюдательный народ.

Н.С. Щукин отмечает: «Зверовщик в лесу, что киргиз в степи, он не заблудится, не собьется с пути, хотя бы совсем не видно было солнца или звезд. Кора на кедрах и сосне заменяет ему компас; на каждом дереве сторона, обращенная к югу, обыкновенно загорает от солнца, по этому указателю находит свое зимовье»²⁴.

В степных районах Забайкалья казаки, кроме обычных средств, применяемых повсеместно в России, используют и такой способ ловли волков, как облава. «Пятьдесят, иногда и более казаков верхом на конях обходят огромным кругом в просторной и ровной степи стадо волков. Сближаясь постепенно к середине и уменьшая между собой расстояние, охотники начинают гонять зверя до совершенной его усталости и изнеможения; все вооружены луком и стрелами и не позволяют зверю выйти из круга невредимым. При этом надобно удивляться способности и понятливости лошади: во время преследования, несколько не управляемая всадником, она несется как стрела, пущенная рукою ее смелого хозяина, – несется вровень со зверем и всегда держится пра-

вой стороны его. Ловкий удар стрелою пронзает волка насквозь, но не всегда повалит его на землю»²⁵.

Облавы – древний способ охоты. Существует со времен неолита. Широко бытовал в древней Руси, у монголов, бурят и других народов с незапамятных времен²⁶. У забайкальских казаков с их полувоенным бытом он был особенно любим: тут проявлялись удаль, сноровка, молодечество, столь необходимые в ратном деле.

В ряде мест Забайкалья распространена была охота и в одиночку. Настоящий охотник избирал для себя место охоты, этот участок для промысла зверя назывался хребтом, а сам хозяин этого урочища – хребтовщиком. Сначала охотник отыскивал в тайге участок, или, по выражению Аносова, «благонадежную местность», где много водится зверя и, следовательно, много звериных следов и тропинок. Обычно он выбирал ключевой разлог, окруженный скалистыми горами с кедровым лесом (поэтому и местность называлась охотничьим термином кедристою, или рассыпистою). Недалеко от этой пади рубил зимовейку (зимовье) и от нее по одной стороне разлога прокладывал «обходную зверовую тропинку». Последняя устраивалась так, что, обойдя весь разлог, охотник возвращался той же тропинкой к зимовью. Недалеко от тропинки хребтовщик в укромных местах, на звериных тропах устанавливал «разного рода ловушки на мелкого зверя», причем располагал их так, что они образовывали подковообразную линию, соответствующую конфигурации распадка. Если падь или разлог были большими, то охотник делал несколько таких линий (2–3, иногда и более).

В местах, где устраивались ловушки, зверопромышленник делал на деревьях засеки, чтобы по ним легко находить настороженные и расставленные орудия лова. И наконец, чуть повыше входа в разлог поперек его строилась загородка с несколькими воротами, а при самом входе в них выкапывались довольно глубокие ямы, которые покрывались незаметным помостом из прутьев, застланных мхом. «Зверь (сохатый, изюбрь, коза и др.), идущий вдоль забора, невольно заходит в ворота, проламывает настил и попадает в яму». Только медведю такая яма не страшна. Он из нее легко вылезает. Но для него охотник «устраивает в окрестностях разлога особого рода ловушки гигантских размеров, называемые пастями: для этого делаются сплотки из толстых бревен, настороженных как в мышеловках. От малейшего сотрясения

палки, на которых навешано мясо, бревна падают и придавливают зверя. Озорника-медведя охотники тех мест не любят и не жалеют трудов для устройства пастей»²⁷.

В Забайкалье весьма распространена была охота на солонцах. Солонцами называются места, насыщенные минеральными солями. Это может быть минерализованный суглинок, который лижут животные, низменная местность, где находятся ключи, выносящие соль на поверхность земли из ее недр. Соль могла оставаться после ледяных напелей, образованных в зимние морозы. И наконец, это могли быть проявления хужи́ра (глауберовой соли) на поверхности земли. Иногда солонцы создавали сами охотники, посыпая солью слой глины. Такие места особенно любят копытные животные (сохатые, изюбры, косули, гураны), выходящие полакомиться на солонцах на утренней и вечерней заре; в это время их и подкарауливает охотник в специальной засаде. Она представляла собой квадратное помещение, сложенное из бревен, или срубленного колодника, укрепленного колыями или стягами. Размер засады позволял свободно лежать там и двигаться, не производя шума и треска, для чего дно ее было застлано мхом. На нем лежать тепло, удобно и мягко. Все в засаде подогнано было плотно и надежно, чтобы не нарушить ночной тишины и тем самым не испугать чутких и осторожных животных, пришедших на солонцы (особой чуткостью отличаются сохатые).

В передней стене засады, обращенной к солонцам, проделывались специальные щели для наблюдения и стрельбы. А для защиты входа засады от медведей на него клали несколько матерых колод²⁸. В таком сооружении терпеливый охотник проводил несколько часов в ожидании прихода на солонцы животных. Его терпение, выдержка и меткость обычно вознаграждались добычей.

Наряду с охотой, большое значение в хозяйственной деятельности забайкальцев имела рыбная ловля. На территории Забайкалья много озер и весьма разветвленные системы рек. Только в Байкале вылавливалось 40 % рыбы, добываемой в Восточной Сибири. Славилась своими рыбными богатствами и Гусиное, Еравнинские, Баунтовские, Арахлейские и другие озера.

Большое значение для рыбного промысла имели Селенга и ее крупные притоки (Чикой, Хилок, Уда, Джиды и др.), а также реки Баргузин, Турка, впадающие в Байкал. В Восточном Забайкалье к таким ре-

кам относятся Шилка, Аргунь, Онон, Нерча, Витим с их притоками. Обилие рыбы, чистота воды и красота водных источников Забайкалья поражали и удивляли путешественников. Только рациональное хозяйское, бережное отношение может вернуть былую славу рекам и озерам Восточной Сибири.

На второй сельскохозяйственной и промышленной выставке в Забайкалье 1899 г. в отделе рыболовства экспонировалось более 100 предметов, относящихся к средствам и орудиям лова²⁹. Число рыбаков в тот период в области превышало 3 тыс. чел., из них 2/3 приходилось на Селенгинский округ. Старожилы округа помнили еще то время, когда рыба шла в Селенгу таким «руном», что на реке был слышен «необыкновенный шум от ее хода».

В последней четверти XIX в. уловы омуля резко уменьшились. За десятилетие (с 1884 по 1894 г.) его добыча сократилась более чем в 3 раза: с 1136 до 382 тыс. пудов. Сказались хищнические способы добычи. В это время, по заключению Г.А. Бочановой, «рыбный промысел носил капиталистический характер с широким применением наемного труда. Только на ловле рыбы было занято до 2 тыс. чел.»³⁰

Омуль, как и хлеб, был основным продуктом питания жителей прибайкальских деревень. Ни один сибиряк-прибайкалец не садился за еду без омуля. «Рыба сия, как свежая, так и соленая, здорова, приятна вкусом, по дешевизне своей она составляет для жителей в здешнем климате подобную же пищу, как картофель на севере»³¹. На Байкале омули водились в таком множестве, что в период их рунного хода 27 августа 1735 г. в устье Селенги каждый раз из сети вынимали до 4 тыс. омулей³². Ежегодный улов омулей во всей Забайкальской области в середине XIX в. Н.С. Щукин определяет в 13 млн. шт.³³ В 70–80-е гг. XIX в. во время промысла с 6 августа по 20 сентября на островах Селенги собиралось от 1000 до 2000 чел. В период рунного хода саком добывали вдвоем до 1000 омулей, «ловдыгами» (род небольших редких сетей) – по 150–200 омулей³⁴.

По свидетельству старожилов, в середине XIX в. особенно много добывалось рыбы в Гусином озере – до 20 тыс. пудов в год, к началу XX в. добыча сократилась до 2 тыс. пудов. Главные добытчики и потребители рыбы в крае – семейские. Не довольствуясь рыбой из рек и озер Забайкалья, они заезжают в соседнюю Монголию. Ловят неводами и вершами³⁵.

Интересные материалы по рыбной ловле в Баргузинском округе собрал известный врач и исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Н.В. Кириллов в 1886–1887 гг. Он писал: «Всего собиралось до 10 неводов морских, то есть для неводьбы в Байкале. Устройство такого морского невода стоит около 1500 рублей. Неудивительно поэтому, что все невода на паях. Богачи обыкновенно не заводят отдельного невода и участвуют сразу в нескольких, где пятью, где 10-ю и более пайками (весь невод – 40 паев). Такой способ для богачей представляет важные удобства, как бы страховку от случайностей промысла. Дело в том, что рыбная ловля – лотерея, где сегодня много рыбы, там завтра ничего; один и тот же невод в одном году дает по 150 рублей и более на пай, а другой раз чуть ли не по 3 рубля. Если богач потерпит убыток на одном неводе, то получит выгоду на другом. Бедняку гораздо тяжелее: он рискует сразу всем: может получить “много” и “ничего” (а “много” бывает один раз в 7 лет)... Конечно, богачи одолжат и хлеба, и соли; для них такие пайщики выгоднее наемных рабочих; ибо если годом заработают много, то вернут все кулакам же с процентом (резкий пример сибирской общины)»³⁶. Как видим, на рыбных промыслах Байкала уже существует классовая дифференциация. Принимая доленое участие почти во всех неводах, богачи прибрали неводные промыслы к своим рукам. Беднякам оставалось только уповать на фарт, на рыбацкую удачу в промысле или же попадать в кулацкую кабалу.

Далее Н.В. Кириллов сообщает об уменьшении рыбы в Байкале и в реках, впадающих в него, связывая это с ростом народонаселения. «Были времена, – пишет он, – когда в одну ночь можно было простым сачком начерпать бочку омулей около 1500 штук. Между тем как ныне этим способом не поймать и трех штук. “Размножился народ, стал умен, стала и рыба хитрее”, – говорят крестьяне»³⁷.

Чаще всего для ловли рыбы организовывали артели. Одно из лучших описаний рыбного промысла артельным способом находим у забытого ныне Ксенофонта Капустина, автора очень насыщенной разнообразным материалом статьи о хозяйстве Ильинской волости, опубликованной в 1867–1868 гг. в «Иркутских губернских ведомостях»: «Промышленники собираются артелями от 30 до 40 человек. Каждая артель имеет своего распорядителя, называемого башлыком, который назначается или хозяином, если артель одного хозяина, или артелью, если артель сборная. Впрочем, башлыки эти от ловкости и

знания дела, а главное — от старания, незаметным образом выдвигаются на сцену сами по себе. Лениость и нерадение, а также разные шалости на рыбном промысле наказываются без всякого постороннего суда самим башлыком, на этот случай всегда у него имеется ленок (1/2 аршина веревка с узлом на конце), который носится башлыком постоянно за поясом»³⁸. Рыбачий промысел требовал строгой трудовой дисциплины, и всякие нарушения ритма работы, «шалости», могущие привести к человеческим жертвам, строго пресекались артелью и ее руководителем, хотя с его стороны нередко в этом было прямое самоуправство.

К. Капустин описал и промысел рыбы на Байкале неводами. «Промышляют рыбу конопляным неводом длиною до 400 и более сажений, вышиною от 6 до 12 аршин, в середине вшивается конусообразный куль, называемый матня; на концах невода (на крыльях) длинные побежники или спуски (веревки) до 500 и более сажень; так что когда нужно закинуть невод, то сначала из неводника* выбрасываются по мере удаления от берега лодки левый побежник, затем невод, и наконец, сделавши неводом дугу, опускают правый побежник. Таким образом, при закидке невода описывается полукруг до 3 верст. Правое крыло у невода называют река, а левое — пята, и когда башлык остается на подъездке (небольшой лодке, на которой перевозят гребцов к неводнику, т. к. он обычно стоит на якоре и близко к берегу не может подойти) около матни (регулирует. — *Ф. Б.*), чтобы правильной дугой подходил к берегу невод, то обыкновенно на отставшее крыло покрывает: «пята, тяни» или «река, тяни». Каждое крыло невода вытаскивали из моря воротами, устроенными на бабках (кольях). Для этого чередуются на две перемены. Сначала одна половина народа вертит ворота, а после другая, а когда выйдут побежники, то за невод принимают все совокупно.

Если в артели есть малолетние, то для них одна только работа, чтобы вертеть побежники в круги, подобные тем, в каких обыкновенно веревка находится у продавцов на базаре»³⁹.

Для промысла омуля на р. Селенге невода употреблялись такие же, только размером менее — от 50 до 150 сажений длины и от 4 до 10 аршин вышины⁴⁰.

---

* Неводником называют большую лодку, которая поднимает невод с побежниками и до 15 чел. гребцов (Прим. авт.).

Во время рунного хода (т. е. когда омуль шел на нерест), с 1 августа до 20 сентября, строго запрещалась ловля омулей в устье рек, особенно Селенги, до 15 верст от Байкала любыми ловушками и снастями, это делалось с целью не помешать ходу рыбы на места нерестилищ. Нарушителей запрета ждала суровая кара. У них отбирали все снасти, лодки и ловушки и продавали с частного аукционного торга. Вырученные деньги отсылали в Иркутский приказ общественного призрения. Сети как наиболее вредные ловушки жгли в присутствии самих хозяев⁴¹. Занималось этим специально учрежденное временное сельское управление из волостных членов и сельских старшин. Их рыбоохранная деятельность одобрялась и поддерживалась населением. Народ понимал пагубность браконьерских методов ловли рыбы, осуждал и искоренял их доступными средствами.

Автор прекрасно знал местные условия. Он тщательно и подробно описывает способы ловли рыбы, снасти и орудия лова, характеризуя их достоинства, способы изготовления и применение этих орудий в различные сроки и для разных видов рыб. Так, им описана целая серия рыболовных принадлежностей и снастей, наиболее применяемых в промысле рыбаков прибайкальских селений (Посольского, Речинского, Истоцкого, Степновдворецкого, Дубининского, Шерашевского и Оймурского): сети и их разновидности, сак, кривда, фитиль, верша, или морда, уда, или крючок, корчага, яз, или выколотка, и пр. Всего он описывает около 10 видов орудий и связанные с ним способы рыбной ловли. Вот, к примеру, описание рыболовной сети: «Сети вяжутся из тонкого конопляного мотауза, тонких ниток и из конского волоса, смотря по надобности. Ячейки их соразмеряются с величиною рыбы. Сети бывают одностенные и трехстенные. Одностенными волосяными промышляют одних только осетров зимою, а летом конопляными трехстенными. С последними в реке плавают в двух лодках, поперек, переметывая реку, и, проплыв известное пространство, вынимают обратно один конец сети в одну, а другой – в другую лодку и таким образом, соединяясь на середине, всю сеть перекидывают в одну лодку и уплывают к берегу. Осетровую сетью с двумя лодками управляют 4 человека. Одностенные сети ставят в тихих местах реки или в озерах и перегораживают небольшие протоки или проточки, посматривая по временам, не попалась ли рыба»⁴². Этот способ ловли рыбы автор считает самым удобным, особенно при ловле коргинских омулей.

Сак приготавливается из мотауза, ячейками вяжется в виде куля, оканчивающегося тупообразно. Расширенный в устье обручем, он опускается с лодки на длинном шесте в воду, как бы черпая ковшом рыбу. Сакom промышляют рыбу в мутной воде. При закидывании его в воду и при управлении шестом требуются сила и ловкость.

Кривда – тоже куль, вязанный ячейками, прикрепленный к двум шестам, опускается в воду с берега на заводях, где вода от выступающего мыска заворачивает и как бы имеет обратное течение. К такому способу ловли рыбы прибегают только старые, бедные и рыбаки-одиночки. Сакom и кривдой промышляют одних только селенговых омулей во время рунного хода.

Фитиль вяжется из мотауза ячейками и представляет собой мешок, натянутый на четыре обруча, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. От устья вовнутрь вяжется конусообразный язык с небольшим отверстием, в который заходит рыба.

Для ловли осетров изготавливали из толстых длинных прутьев вершу, или морду. Ее устанавливали в реке на двух плотках, крепко укрепленных с берега на древесных снастях, между которыми и опускается в воду матка-верша. Верша имеет сверху палати, которые нагружаются камнями общим весом до 20 пудов, сбоку верши имеются дверцы. Матка-верша опускается и поднимается посредством воротов, устроенных на пятах, и когда нужно высматривать ловушку, то ее поднимают на уровень дна плотов, снимают нагруженные на палатах камни, и один человек влезает в дверцы и достает рыбу. Ставят верши на бойких быстрых местах и обязательно на твердую почву. Иногда вершу ставят далеко от берега, и тогда между вершей и берегом опускаются или ставятся берды, сплетенные из толстых прутьев, вроде решетчатого забора. От верши или от последнего речного плота тоже опускается одно длинное бердо, это делается для того, чтобы рыба не могла уйти в сторону. Вообще с вершей бывает много хлопот, от этого у здешних рыбаков вошло в пословицу: нет работы, так заводи вершу, работа будет.

Корчага, или мордочка, плетется из тонких прутьев так же, как верша, но в самом миниатюрном виде. Употребляется для ловли гальянов и сорожек.

Глушеньем добывают одних налимов. Ходят по тонкому льду и, увидя рыбу, сильно ударяют колотушкой по льду над ней. Рыба, оглушенная ударом, перевертывается вверх брюхом. Рыболов прорубает дыру

во льду и вытаскивает ее. Налимов ловят также крючком или удой. В зимнее время для этого прорубают во льду дыру, в которую опускают уду на шестике. Она наживляется гальяном или сорожкой за хребетик. По утрам уды осматривают, не попалась ли рыба.

Язы, или выколота, – это места, приготовленные для ловушек. К колям прикрепляют берды, плетенные из тальника или березняка.

В рукописи Ф.В. Елезова «Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкала» (1873 г.), читаем: «В невод весовой рыбы попадает от 50 до 200 пудов, но не более»⁴³. Подобными всевозможными средствами и способами в 40-х гг. XIX в. на байкальских промыслах вылавливалось ежегодно до 295 тыс. пудов рыбы, одних омулей ловили до 13 млн. шт.⁴⁴ В наше время омулей в таком количестве уже не ловят. На о-ве Ольхон, где, бывало, за одно притонение вытаскивали на берег по 1,5 т омуля, теперь рыбаки вылавливают по 1,5–2 ц. И это по нынешним временам считается неплохой улов...

Интересны сведения о цене на разные виды рыбы. Так, в д. Сухой Селенгинского уезда в 1914 г. неводной омуль продавали за 12–15 руб. носилку (это около 5 пудов или 150–200 шт. омулей); сетевой стоил 7–8 руб.; хариус – 3–6 руб. пуд, окунь – 1–5 руб. пуд, щука 1,5–2,5 руб., холостой осетр – 6–10 руб., икряной – 20–30 руб. пуд. Это цены на свежую рыбу. Соленая стоила дороже, прибавлялась стоимость посуды и соли. Лагун стоил 30–50 коп., бочка – 80 коп. – 1 руб. Соль – 3 коп. за фунт⁴⁵.

В реках Забайкалья Онон и Аргунь в 1853 г. «при удачной тоне вынималось разом по 500 пудов больших жирных карасей. В продолжение неполных трех недель артелью из 15 казаков добыто более 1000 пудов этой вкусной рыбы...»⁴⁶ Смелости, сноровки, изобретательности требовала ловля белуги, которая достигает длиной 5 аршинов (т. е. около 3 м) и весом 18 пудов. Общество казаков из 10 чел. за две недели добывало 18 белуг и более 40 осетров. Промысел крупной рыбы имел свои особенности. Обычно тихой темной ночью в легких лодках, по 2–3 чел. в каждой, спускаются вниз по реке. На носу передней лодки на железном пруту аршина полтора длиной устраивается железная корзина (называемая в тех местах козой), в ней разводится огонь, освещающий дно реки. Передовой промышленник, медленно продвигаясь по воде, внимательно осматривает дно и, увидев дремлющую на нем белугу, тотчас бьет ее острой, стараясь попасть как можно ближе к шее, чтобы ударить на-

верняка. «При ударе не столь решительном, — пишет С. Дрентельн, — громадная рыба... становится для рыболова весьма опасною»⁴⁷. Об остроге, главном орудии этого промысла, он сообщает: «Острога устраивается наподобие большой вилки, каждый зубец ее оканчивается копьем, железо насаживается на древко аршина в два с половиною длины»⁴⁸.

Об оригинальном и весьма сложном зимнем способе рыбной ловли на Гусином озере сообщается в газете «Жизнь на восточной окраине»: «Место, назначенное для тони, окружают множеством небольших прорубей с двумя большими (иордани) у начала и конца тони. К веревке, доходящей до 120 сажен у каждого крыла, прикрепляется длинная сажень в 5 палка (нарыло), которая крюком и прогоняется от одной проруби к другой. Невод притягивается воротами, чтобы его не свило подо льдом, поперек крыльев укрепляют палки-разлуки. Рабочие надевают на ичиги или валенки деревянные подошвы с острыми железными шипами — без них в непогоду удержаться на озере невозможно. Озеро так гладко, что неосторожных путников уносит ветром до следующего берега»⁴⁹.

Иногда ловят в тони до 100 пудов рыбы. Отборные сорожины и окуни продаются по 3 руб. пуд, крупные — 2,5 и мелкие окуни, шуки, сорожина — по 1,5 руб. «Выручка иногда доходит до 300 руб. в день, но бывают и пустые тони, когда невод завьется травой. Выручка делится на четыре части. Четверть идет на оброк хозяину невода, 3—4 делятся поровну между артелью и хозяином же за невод. В артели есть свое начальство, получающее увеличенные паи. Управляющий, башлык (руководитель ловлей), и его помощник. Артель состоит из 20 и более человек, смотря по участку, большинство составляют буряты. При артели имеют 23 лошади. За каждую прибавляется лишний пай»⁵⁰.

На Байкале был распространен и промысел нерпы. Отстрел ее начинали с 20 марта или с Благовещенья, т. е. с 25 марта (ст. ст.). А 12 апреля, когда лед ослабнет, отстрел прекращали. Нерпы тут было очень много. Бригада в 5—6 чел. добывала по 500—600 шт.

Нерпа в марте рождает одного-двух нерпят, а уже в середине апреля у нерпят накапливается до 16 кг жира и 4 кг мяса, а сама нерпа достигает до 2,5 ц — целая корова.

Старики-рыбаки, промысловики выдумали много хитроумных устройств и приспособлений для охоты на чуткую нерпу и для промысла рыбы. Это и легкие санки с белым парусом под цвет льда, про-

двигая которые, приближаются в белом маскировочном халате к месту лежища нерпы на выстрел и бьют ее. Также применяют для охоты на нерпу и однозубую острогу на длинной палке, тип гарпуна, называемого моногой. Замечено, что нерпа обязательно через 40 м должна к чему-то прикоснуться носом и набрать воздуха или выдохнуть. Этим и пользуются промысловики, убивая детенышей у отдушины или у проруби. Нерпа не тонет*.

Статья В. Солдатова «Рыболовство в Забайкальской области», написанная на основе анкетных данных, содержит интересные материалы, дающие представление не только о количестве хозяйств, занимающихся рыболовством, но и о попытках разведения рыбы в искусственных водоемах, а также о распространении рыбного промысла по уездам, имеются в ней сведения и о количестве орудий и средств лова, правда, цифры не всегда точны, статистика рыболовных снастей условна, автор все цифры приводит с оговорками, но они дают приблизительное представление о рыбном промысле в Забайкальской области. По данным статьи, омуля больше всего ловили в Баргузинском и Селенгинском уездах, по числу хозяйств и населения, занимающегося рыболовством, на первом месте был Селенгинский уезд – 32 % хозяйств и 34 % населения⁵¹. Это близко к истине. Другой автор считал, что около 40 % населения Забайкалья периодически занималось рыболовством⁵².

В этом промысле с основным участвовало взрослое население, 60 % составляли мужчины, затем по убывающей шли юноши-подростки, женщины и девочки-подростки. Такое соотношение в какой-то степени обусловлено оплатой труда рыбаков. Взрослые мужчины зарабатывали в год от 100 до 200 руб., в среднем по области – 140 руб., взрослые женщины – 50 руб., подростки – 75 руб.; сроковые рабочие получали в среднем: мужчины – 19, женщины – 12,3, подростки – 8,3 руб.; средняя поденная плата: мужчины – 63 коп., женщины и подростки – по 33 коп. Харчи были хозяйские⁵³.

В. Солдатов проделал своеобразную классификацию рыболовных снастей. По назначению и устройству он разделяет их на шесть групп.

1. Всякого рода сети, с которыми заходили в воду и опускали в нее (невода, бредни, сети, недатки).

---

* Записано автором в 1980 г. от И.Я. Беспровзанных (1906 г. рожд.) в с. Горячинске Прибайкальского р-на БурАССР.

2. Сети для ловли с берега (кривда, саки, зыбки). Это ручные сети.
3. Самоловные приборы без крючьев (верши, морды, корчаги, фитиля, заездки). Общее название – верши.
4. Самоловные приборы с крючьями (переметы, крючья, самоловы) – самоловы.
5. Удочки.
6. Остроги для лучения.

По неполным данным, в области имелось 1119 неводов, 254 сети, 3901 самолов, 277 переметов, 2541 острога, 131 заездка, 12 верш, 419 кривд и 1545 рыболовецких лодок⁵⁴.

В связи с уменьшением рыбы в водоемах в некоторых местах Забайкалья наблюдаются первые шаги искусственного разведения рыбы в прудах и природных водоемах. Так, в с. Окино-Ключевском Верхнеудинского уезда, населенном семейскими, в 1895 г. был сделан опыт разведения карасей и окуней. «Результат получился блестящий», – сообщает В. Солдатов. Но в с. Аблатукан Николаевской волости Читинского уезда в том же году опыт разведения карасей в наливном озере не удался. Рыбы оказалось меньше, чем ее впустили. Вообще в рыбном промысле не все было благополучно.

О хищническом истреблении рыбы в водоемах Забайкалья сообщили 23,8 % корреспондентов, 5,1 % корреспондентов указали на разные болезни рыбы⁵⁵.

Мы уже видели, что крестьянская община обычно контролировала, регламентировала способы и сроки лова рыбы. Но, несмотря на контроль общины, часто допускались браконьерские способы добычи рыбы. Так, И. Емельянов писал, что разные снасти и орудия лова «не отвечали требованиям самого снисходительного закона». Потому что «на окуня и сорогу сети делаются не в 4–5 ячей, а 8 и больше. Естественно, что при таких условиях вылавливаются даже мальки, которые не бросаются обратно в воду, а остаются гнить на берегу... А заездки? Это общее зло. Вместо того чтобы построить заездок по закону (т. е. огородив только 1/3 реки), крестьяне с целью задержания большего количества рыбы перегораживают всю речку. Такой хищнический способ особенно практикуется в Мензенском бассейне (р. Менза – приток Чикоя). Рыба, идущая на нерест, бросается во все отверстия, заполняет их и нередко бесполезно гибнет, не принося пользы жадному истребителю»⁵⁶.

Резкое сокращение промысловых животных и рыбы в Забайкалье заставило передовых людей бить тревогу. В 1887 г. в Чите был создан Отдел общества размножения охотничьих промысловых животных и правильной охоты. Коротко его называли Забайкальским отделом общества правильной охоты. Отдел ставил задачу упорядочения охоты и размножения ценных диких животных. Члены общества занимались изучением общественных промыслов, разрабатывали проекты законов по охоте, устраивали охотничьи выставки, читали лекции и вели пропаганду правильной охоты. Коллективно выезжали на истребление хищных животных (волков). Известно, что волки наносили большой урон овцеводству. За три года (1894–1897 гг.) в Забайкалье было отравлено стрихнином 7220 волков, 2407 лисиц. Инициатором был В.Я. Кокосов. Другой организатор этого общества врач и исследователь Забайкалья Н.В. Кириллов организовал при отделе статистическое бюро. Он считал, что если во всей России удастся организовать систематический учет численности животных, то «мы докажем тогда на деле свою способность разумно пользоваться дарами природы, хранить для будущих поколений запасы дичи»⁵⁷. Охота должна облагораживать человека. Так далеко вперед смотрели передовые люди Забайкалья, понимавшие значение охраны природы.

Весьма часто забайкальские охотники и рыболовы наряду с рациональными, проверенными опытом средствами охоты прибегали к помощи иррациональных приемов. Охота как один из древнейших видов хозяйственной деятельности была окутана густой сетью суеверий, поверий, примет, заговоров, заклинаний. Не разглашалось время ухода на охоту, в тайне хранили орудия лова, оберегали ружье от дурного глаза. Для этого имелось много заговоров, бытовали заговоры и на разного зверя, птицу, от худых людей, колдунов, шаманов и пр.

На охоту уходили тайком, стараясь избегать каких-либо встреч. По поверью, встреча с женщиной не сулила удачной охоты. Отправляясь на промысел в тайгу, особенно оберегали ружье: на первом ночлеге его обмывали три раза водой из безымянного ключика. Причем это делалось так, чтобы никто не видел и не знал, и, обмывая его, наговаривали три раза: «Как гром бьет, молния жжет и палит громами гремучими, молоньями сверкучими и камнями огненными, также б било и палило, стреляло и убивало мое царь-огненное ружье и всякого зверя в поле дубровного, и птицу пернатую, кости ломало, кровь проливало.

И будьте мои слова все сполна. Аминь»⁵⁸. Этот наговор из Восточной Сибири. В Забайкалье записан следующий заговор на удачную охоту: «Матушка водица-царица! Дочь 17 марта; с крутых гор катилась по лугам и долинам; омывала пенья и коренья; вырывала крутые берега; вымывала золотые пески. Омой меня, раба божия (имя рек), и ружье мое с дулом шестивинтовое железное, с порохом, свинцом и кремнем огненным, запал с вылетом. Омывая, закрой от еретика и еретички, колдуна и колдуньи, от духов нечестивых и бесов полуденных и северных, от ворона летучего и гада ползучего, от глаза черного, белого, пестрого, встречного и поперечного. О, матушка-водица! Унеси ты мой нефарт (несчастье) вниз по течению, до самого синего моря, в самую морскую глубину, чтобы оно там потонуло и ко мне не вернулось. Эти слова замыкаю крепким железным замком; пусть будет замок в море, а ключ на небе. Аминь»⁵⁹.

На зверя был другой заговор: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Стану я, раб божий (имя рек), пойду поутру, благословись, и пойду, перекрестясь, из избы в дверь, из ворот в ворота, в чистое поле и широкое раздолье, на восток – восточную сторону, куда быстрая речка течет; и под красное солнце, и под млад светел месяц, под частые звезды, под утреннюю зарю Марию, под вечернюю Мартемьяну; в той матушке есть престол; за престолом батюшка истинный Христос и матушка запрестольная Богородица, святой угодник Егорий храбрый. Пойду поближе, помолюсь и попрошу матушку застольную божью Богородицу. Благослови меня, матушка запрестольная божья Богородица, раба божья (имя рек), ставить свои ловушки, свои пастушки, по тем по темным лесам, по ельничкам, по березничкам, по частым мелким следикам, по осинкам. Закрой, матушка божья Богородица, от уроков, от призоров своей нетленной ризою.

Матушка пресвятая Богородица, пошли мне батюшка Егория храброго; дай ему коня белого, плетку белую. Поехал бы батюшка Егорий храбрый на белом коне и плеточкой белой загонял бы всяких разных зверей. Он белой плеточкой принасмивствует, ясным голосом принагайкивает воем: вы, звери, белые зайцы – широколапые, короткохвостые и черноухие, красные лисицы – будластые, долгохвостые бегите вы по своим следам, по своим тропам ко мне, рабу божьему (имя рек), в мои ловушки, в мои поставушки; не урочтеса и не порочтеса, не взад не ворочайтеса. Как в матушку соборную апостольскую церковь идет

народ православный – не урочится, не порочится, не взад воротится: также всякие разные звери не урочтятся, не порочтятся, не взад не ворочайтесь от моих ловушек, от моих поставушек. Бегите безоглядно, безповоротно...

Запираю, замыкаю раб божий (имя рек) свои слова святым духом, святыми молитвами, 77 замками, 77 ключами: бросаю ключи в море; стоит щука в море медна, зубы железны, нос золотой; возьмет она эти ключи, снесет под злат камень. Матушка запрестольная божья Богородица своим покровом покроет во имя отца и сына и святого духа. Аминь»⁶⁰.

При ловле рыбы тоже часто применяли магические приемы. Так, М.Ф. Кривошапкин приводит заклинание, сопровождавшееся особой процедурой: «Чтоб был улов рыбы, надобно взять свечу, горевшую на страстной неделе во время стояния у христовской заутрени, и окурить ею ловушку рыбную, приговаривая: “Сколько было в церкви народу, столько бы в моей ловушке рыбы. Все мои слова лепки и крепки. Тем моим словам рот, зубы – замок, язык – ключ, в море брошены”»⁶¹.

А иногда заклинали просто: «Идите, рыба и малая рыбица, в мой матер невод, широку матню»⁶². Этот заговор более древний, так как не перегружен христианскими образами и мотивами, которые появились в общественном сознании русских людей в связи с принятием и утверждением византийского православия на Руси и нашли свое отражение в таком сакральном и древнейшем виде фольклора.

Конечно, все подобные магические иррациональные приемы, направленные на лучшие достижения в охоте и рыбной ловле, являлись отражением мировоззрения охотников и рыболовов давно ушедших эпох. Но они в силу примитивных способов охоты и рыбной ловли, не всегда приносящих добычу, продолжали бытовать в среде промысловиков Забайкалья вплоть до XX в. Хотя заговорное искусство и запреты не всегда были доступны для исследователей, но в Забайкалье удалось собрать и записать много поверий, примет, заговоров, относящихся к охоте и рыбной ловле. В них содержится специфический материал о приемах и способах охоты, указаны орудия лова, характерные для этого региона, и пр.

Надо полагать, что крестьянин – охотник и рыболов – не был настолько наивным, чтобы целиком положиться на силу заговора или

молитвы. Каждый способ и прием на охоте и рыбной ловле был все-сторонне проверен промысловиками, многие из которых проявляли удивительную наблюдательность, смекалку и выдержку. Об одном из таких рыболовов читаем в материалах Читинского областного краеведческого музея. Житель с. Бальзина Яков Албитов имел на Ален-гуе, богатом хорошей рыбой, заездок-черезовик. Летом он «целыми часами наблюдал за тем, что предпринимает рыба, чтобы не попасть в единственный открытый путь в морду. Рыба тщательно исследует заездок, подходит к каждому отверстию, исследуя его носом и хвостом». И не всегда заходит в ловушку. Таймень, к примеру, миновал морду и прошел по мелководью вверх⁶³.

Приемы и способы промысла зверей и рыб, основанные на многовековом опыте народов, выдержали испытание временем. Охотничьи ловушки, приспособления и орудия, сработанные топором без применения металла, чрезвычайно просты, но хитроумны и весьма надежны и к тому же дешевы. При их создании промысловики учитывали биологические особенности различных рыб и зверей, их повадки и потребности. Многие ловушки служили русским людям в средние века и поныне служат исправно без каких-либо конструктивных изменений.

Важно отметить, что с течением времени по мере увеличения численности населения и уменьшения промысловых животных в Забайкалье были установлены сроки охоты на разных зверей и рыбного промысла. При этом учитывались все условия, лучшим образом влияющие на состояние промыслов. В XIX в. осенняя охота начиналась, как правило, с Покрова, т. е. с 1 октября ст. ст. В 1814 г. Верхнеудинский земский суд установил осенний срок промысла с 10 октября, однако это часто нарушалось⁶⁴. Ловля омуля неводами длилась обычно с 20 мая по 10–12 июля. С 1 августа по 1 октября лов омуля был запрещен. В это время рыба нагуливалась, жирела и шла на нерестилища в верховья рек. Народ примечал, в какие дни рыба удачно ловится. Эти дни назывались привальными, считалось, что в эти дни рыба привлекает к берегу⁶⁵.

В исследуемый период передовые люди Забайкалья задумались о регламентированных сроках добычи пушных зверей и рыб, пытались обоснованно определить допустимые размеры добычи тех или иных видов животных, вели их количественный учет, пресе-

кали всеми возможными способами браконьерские приемы охоты и рыбной ловли, просвятили охотников, в которых они видели охранителей природных богатств края. Но благие порывы кучки энтузиастов были недостаточны.

Наряду с рациональными приемами охоты и рыбной ловли, не нарушающими нормальное воспроизводство диких животных и рыб, нередко местные крестьяне пользовались запрещенными методами, не соблюдая установленных правил добычи и сроков. В пору развитого капитализма хищнический способ добычи диких животных привел к тому, что уже к началу XX в. их количество резко сократилось. В область преданий ушло то время, когда бабы ко-ромыслами соболей колотили и подолами ловили рыбу из рек, козы и дикие кабаны паслись у покотин деревень. О прежнем изобилии остались лишь одни воспоминания. Дело дошло до того, что наиболее ценные промысловые пушные звери были почти истреблены. Подобное случилось и с гордостью России – знаменитыми соболями. Если в 1912 г. было добыто еще 1756 соболей, то в следующем году – только 18. Этот зверек стал настолько редким, что цены на его мех колоссально возросли. В 1929 г. в Лондоне один наш соболь был продан за 12 тыс. руб. – дороже, чем если бы он был отлит из чистого золота!⁶⁶

Высокие цены на соболя сохраняются и поныне. На международных аукционах в Нью-Йорке цены на шкурки баргузинских соболей достигают до 2 тыс. дол. за штуку⁶⁷. Возрождение поголовья этого ценного зверька и вообще забайкальской фауны во многом связано с созданием в 1916 г. Баргузинского государственного заповедника. Он был размещен на площади 600 тыс. га и сыграл исключительно большую роль в восстановлении фауны Забайкалья, особенно соболя.

Итак, мы рассмотрели некоторые приемы и способы традиционной народной охоты и рыбной ловли русского населения Забайкалья. Но, к сожалению, не весь материал нам удалось использовать в данной статье. Мы совсем не касались приемов охоты на птиц. Хотя природные условия Забайкалья весьма благоприятны для разных пород пернатых, в том числе и промысловой дичи. Но, по некоторым данным, промысел птицы был слабо развит в Забайкальском крае. Так, декабрист М. Кюхельбекер, находясь в ссылке в Баргузине, писал, что в Забайкальском крае «пернатой дичи много, но жители, жалея зарядов

и отчасти по ленности, пренебрегают этого рода охотою». И в результате оказывается, что «вообще здесь дичь дороже, чем даже в Петербурге»⁶⁸.

Правда, из этого нельзя заключить, что охота на диких птиц была в полном пренебрежении. Вероятно, при наличии достатка мяса домашних животных в Забайкалье охоте на пернатую дичь не придавали большого значения. К тому же на некоторые виды птиц (например, лебедей) охота запрещалась у бурят и русских. Здесь ловили дичь силками, петлями, ловушками. Своеобразно добывали птиц на Гусином озере, на о-ве Осередышь, который служил «убежищем бесчисленному множеству диких гусей, уток, бакланов, чаек и других водяных птиц. Русские и буряты прежде добывали там как самую птицу, так равно яйца, пух и писчие перья... Они преимущественно били гусей во время их линянья; вооруженные палками охотники столько добывали птиц, что запасались ими на целую зиму...»⁶⁹

Ряд материалов и статей в этой работе мы не использовали сознательно. Прежде всего, это относится к статьям Н.В. Кириллова. Думаю, что его работы заслуживают особого рассмотрения. Н.В. Кирилловым начиная с 1886 по 1904 г. в разных изданиях опубликовано более 12 статей по исследуемой нами тематике⁷⁰.

Примечания

¹ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX века). Новосибирск, 1975; Она же. Приемы и традиции русской народной охоты в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Исторические аспекты экономического, социального и культурного развития Сибири. Новосибирск, 1978; Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978; Она же. Промысловое освоение Сибири в конце XIX – начале XX в.: вопросы экологии // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: Трудовые традиции крестьянства. Новосибирск, 1985; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; Горьковская З.П. Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1982; Она же. Роль трудовых сообществ в формировании традиций промысловой деятельности русских крестьян Сибири в период капитализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XIX

– начале XX в.: Трудовые традиции крестьянства. Новосибирск, 1985; Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985 и др.

² Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Соч. В 4 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 290–291.

³ Воробьева Т.Н. Восточное Забайкалье в первой половине XVIII в. // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (дореволюционный период). Иркутск, 1975. С. 100. Численность коренного населения составляла в то время примерно 16 тыс. чел.

⁴ См.: Фетисов А.С. Косуля в Восточной Сибири. Иркутск, 1953.

⁵ ЦГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 161об.

⁶ Архив АН СССР (ЛЮ), ф. 21, оп. 4, д. 29, л. 15.

⁷ ЦГА БурАССР, ф. 207, оп. 1, д. 3, л. 95.

⁸ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 110–116.

⁹ Даурский Дм. По Забайкалью: Путевые письма // Сибирь. 1910. № 177.

¹⁰ Там же.

¹¹ Некрасов Н.А. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1953. С. 139.

¹² Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области // ЖМВД. Ч. 37. СПб., 1852. С. 31.

¹³ Там же.

¹⁴ Белок – 400 тыс., лисиц – от 1,2 до 2 тыс., волков – 250, медведей – от 150 до 250, кабарги – более 10 тыс., изюбрей – до 500, соболей примерно столько же (см.: Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестн. 1842. № 9/10. С. 94–95).

¹⁵ ЦГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 91, л. 49 об.–50.

¹⁶ ЦГА БурАССР, ф. 207, оп. 1, д. 1604, л. 16.

¹⁷ Бочанова Г.А. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1984. С. 127–128.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, д. 347, л. 171, 222, 565.

¹⁹ Шевелев Г. О хлебопашцах забайкальских и их хозяйстве // Земледельческий журнал. 1831. № 4. С. 606.

²⁰ ЦГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 186; Щукин Н.С. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 14. С. 67.

²¹ Ровинский П.А. Очерки Восточной Сибири. От Култука до Тунки // Древняя и новая Россия. Т. 2. Кн. 7. СПб., 1875. С. 238.

²² Щукин Н.С. Забайкальская область..., с. 67.

²³ Там же, с. 68–69.

- ²⁴ Там же, с. 68.
- ²⁵ Дрентельн С. Очерк забайкальского быта и промыслов: Письмо из станицы Чиндантской // Тр. ВЭО. 1854. Т. 2. С. 87.
- ²⁶ Хангалов М.Н. Соч. Т. 1. Улан-Удэ, 1958. С. 11–100.
- ²⁷ Аносов. Река Ингода. Взгляд на Яблонный хребет и его отроги. Встреча со зверопромышленником. Охота на солонцах // Зап. СО РГО. 1858. Кн. 5: Смесь. С. 8.
- ²⁸ Там же, с. 9–10. В основу описания солонцов и засады положены и личные наблюдения автора.
- ²⁹ Бочанова Г.А. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка..., с. 127–128.
- ³⁰ Там же, с. 128.
- ³¹ Мартос А. Указ. соч., с. 130.
- ³² Даурский Дм. Указ. соч.
- ³³ Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области..., с. 34.
- ³⁴ См.: Даурский Дм. Указ. соч.
- ³⁵ Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 71.
- ³⁶ ГАЧО, ф. Р-1574, оп. 1, д. 22, л. 28.
- ³⁷ Там же, л. 28–29.
- ³⁸ Капустин К. Ильинская волость и Кударинское бурятское ведомство // Иркутские губернские ведомости. 1867. № 35. С. 5–6.
- ³⁹ Там же, с. 6.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 5.
- ⁴³ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 577, л. 1об.
- ⁴⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 176.
- ⁴⁵ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 490, л. 4.
- ⁴⁶ Дрентельн С. Указ. соч., с. 81.
- ⁴⁷ Там же, с. 83.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Рыбная ловля на Гусином озере // Жизнь на восточной окраине. 1897. № 68.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Солдатов В. Рыболовство в Забайкальской области // Забайкальский хозяин. 1912. № 9. С. 14.
- ⁵² Емельянов И. Рыболовство в Забайкальской губернии // Забайкальский таежник. 1925. № 2. С. 7.

- ⁵³ Солдатов В. Указ. соч., с. 14–15.
- ⁵⁴ Там же, с. 12–13.
- ⁵⁵ Там же, с. 15–16.
- ⁵⁶ Емельянов И. Указ. соч., с. 7.
- ⁵⁷ Руденко Ю.Т. У истоков охраны природы в Забайкалье // Проблемы краеведения. Вып. 3. Чита, 1968. С. 107–108.
- ⁵⁸ Клеменц Д.А. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа: Материалы для изучения мирозерцания сибирского сельского населения // Изв. ВСОРГО. 1888. Т. 19. С. 40.
- ⁵⁹ Забайкалье (Чита). 1902. № 72.
- ⁶⁰ Толмачев П.М. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сиб. архив. 1911. № 3. С. 147–148.
- ⁶¹ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1. СПб., 1865. С. 45.
- ⁶² Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. 90, ч. 2. СПб., 1848. С. 58.
- ⁶³ Архив Читинского областного музея. Материалы к изучению населения Забайкалья. Село Бальзино, ф. 12, оп. 1, д. 16, л. 42.
- ⁶⁴ Шмудевич М.М. Очерки истории..., с. 104.
- ⁶⁵ Капустин К. Село Кудара (Ильинской волости) // Иркутские губернские ведомости. 1868. № 11. С. 7.
- ⁶⁶ Граубин Г. На берегах таинственной Силькари. Иркутск, 1974. С. 222.
- ⁶⁷ Каплин А. Внешняя торговля СССР пушниной за 40 лет советской власти // Охота и охотничье хозяйство. 1957. № 8.
- ⁶⁸ Кюхельбекер М.К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 41.
- ⁶⁹ С. Гусиное озеро // Зап. СО РГО. 1864. Кн. 7. С. 49.
- ⁷⁰ По поводу вопроса о байкальском рыболовстве // Сибирь. 1886. № 27. С. 4–6; Еще заметка о байкальском рыболовстве // Там же. № 33. С. 3–4; Отчет по командировке на Селенгинские рыбные промыслы врача Кириллова в сентябре 1886 г. // Изв. ВСОРГО. 1886. Т. 17, № 3/4. С. 106–151; Изюбрь в Забайкалье // Охотничья газета. 1890. № 31; Забайкальский отдел общества правильной охоты // Охотничья газета. 1894. № 11; О самоловных снарядах, практикуемых зверопромышленниками Забайкалья // Забайкальские областные ведомости. 1894. № 17–22; Охотничье хозяйство в Забайкальской области // Охотничья газета. 1896. № 3. С. 41–42; № 4. С. 50–51; Охотничье хозяйство в Забайкалье // Природа и охота. 1901. Кн. 8–10; 1902. Кн. 1–7, 9–12; 1903. Кн. 1, 4–8, 10–12; 1904. Кн. 9–12 и др.

Раздел V

Духовная культура

О НЕКОТОРЫХ АРХАИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ЗАГОВОРАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ*

В последние два десятилетия опубликовано довольно много работ, посвященных обрядовому фольклору. И это не случайно. Этот сложный и разнородный пласт в устном народном творчестве дает для науки очень ценный материал. Он важен для изучения народного мировоззрения, что имеет не только научное, но и практическое значение. Ибо бороться с религиозно-магическими пережитками в сознании людей можно только тогда, когда известны истоки и формы бытования подобных явлений, их роль и функции. Важен обрядовый фольклор и для реконструкции истории фольклора в целом, поскольку помогает увидеть закономерности развития народного устно-поэтического творчества.

В сложном обрядовом фольклоре слабее всего изучены заговоры – древняя сакральная часть духовной культуры народа. Современные исследователи находят в русских (восточно-славянских) заговорных формах и текстах «зримые черты индоевропейского и праславянского заговорного искусства»¹. В литературе уделялось внимание следующим типам заговоров – лечебным, любовным и с социальной тематикой; рассмотрены их структура, мотивы, поэтика, намечены пути изучения их истоков². Но еще слабо изучены система образов заговорных текстов, их классификация, возникновение и архаика.

Заговор – жанр исчезающий. В наше время он утрачивает свою сакральность, таинственность, он, по выражению Н. И. Толстого, «рассекречен». И этот исследователь совершенно правомочно ставит перед славянской фольклористикой задачу планомерного собирания, классификации и публикации заговоров. «Нельзя ждать спокойно, – пишет он, – той поры, когда традиция заговора исчезнет так же, как исчезла традиция былины»³.

---

*Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 66–78.

Сакральность обрядовых форм, высокие художественные достоинства заговоров («золото неподдельной поэзии», по выражению Александра Блока) привлекали внимание и были высоко оценены многими крупными отечественными учеными и деятелями культуры. О них писали А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.К. Зеленин, Н.Ф. Познанский, Е. Елеонская, А.М. Астахова, Ю.М. Соколов, П.Г. Богатырев, В.П. Петров, А.А. Блок, А.М. Горький и др.

«Заговоры важны и интересны для этнографов как материал, отразивший древние верования и представления человека», – писала А.М. Астахова⁴, существенно заузив художественно-прикладную ценность этого вида фольклора. В поэтической и образной системе заговоров достаточно отчетливо прослеживаются архаичные элементы общественного сознания древних славян, а также напластования, связанные со сменой эпох, религиозных верований, природно-климатических условий, которые испытали на себе славянские общества и народы. Заговоры выполняли утилитарно-прикладную функцию: с их помощью пытались охранять посевы, скот; они играли важную роль в народной медицине, в любовных и бытовых отношениях. Применение заговоров связано с попытками иррационального воздействия на окружающий мир.

Впрочем, применение заговоров в медицине могло иметь и положительный результат. Психотерапевтическое значение внушения известно. В настоящей статье мы уделим внимание отдельным архаичным элементам заговорных формул, образам и понятиям, часто встречающимся в сибирских русских заговорах.

Количество записанных в Сибири заговоров⁵ значительно превышает число их, содержащихся в собраниях Л.Н. Майкова, Н.Н. Виноградова, А. Ветухова, фиксировавших заговорные тексты, бытовавшие в Европейской России⁶. Много неопубликованных текстов заговоров русского населения Сибири хранится в государственных архивах, музеях, рукописных отделах библиотек и институтов Москвы, Ленинграда и городов Сибири, в архивах собирателей сибирского фольклора. Так, много заговоров, собранных С. Гуляевым, хранится в его фонде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Там же, в материалах М.В. Красноженовой, отложилось более 300 заговорных текстов; имеются они и в записях А.М. Астаховой, которая записывала заго-

воры в 1934 г. у семейских Забайкалья. В том же институте хранятся записи и других собирателей сибирского русского фольклора.

К настоящему времени бытование этого вида фольклора резко сократилось, однако в полевых экспедициях 1969–1982 гг. нами записано более 100 заговоров и заговорных формул. Это прежде всего заговоры от болезней, бытовые и связанные с общественными отношениями. Много текстов собрано фольклористами Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Более 180 заговоров записали студенты Красноярского пединститута в Красноярском крае. М.Н. Мельниковым за последние 20 лет в Западной Сибири и студентами Новосибирского пединститута собрано несколько сот тестов заговорных формул.

Таким образом, утверждения некоторых ученых об исчезновении заговоров из жизни и быта наших людей нуждаются в соответствующей корректировке⁷.

Систематическим сбором сибирских заклинаний и наговоров начали заниматься в первой половине XIX в., хотя дела о колдовстве, «ведьмах», использовавших заговорные формулы, приворотные наговоры, в сибирских архивных документах встречаются намного раньше – с XVII в. Записанные в Сибири заговоры привлекали к себе внимание ряда ученых, медиков, психологов. К данному времени на сибирских материалах частично рассмотрены отдельные группы заговоров: хозяйственные, лечебные. Более подробно освещены мировоззренческий и социальный аспекты заговоров⁸.

Один из исследователей сибирской этнографии писал: «Несмотря на призывания имен святых, на упоминание об Иерусалиме-граде и другие намеки на старокнижную мудрость, в них (заговорах. – Ф.Б.) свежа еще древняя дохристианская стихия»⁹. Действительно, заговоры, записанные у русских старожилов, содержат архаические представления и образы, относящиеся к эпохе родовой первобытности, ко временам глубокого славянского язычества. Значительное число заговоров со временем трансформировалось и заимствовало в связи с введением христианства на Руси многие черты православия в его византийско-славянской форме, одновременно сохраняя древние образы и представления. В этом мы не раз убедимся, разбирая заговорные тесты и связанные с ними обрядовые действия.

Архаичность текстов многих записанных в Сибири заговоров про-

является в лексике, в словесных формулах, в их метафоричности, метонимичности, символике, яркости сравнений и других образных средствах. Отдельные заговоры, пожалуй, не уступают по своим художественным достоинствам произведениям древнерусской классической литературы. Вот, к примеру, два заговора.

Заговор свадебного поезда от колдунов и волхвитов

Встану я, раб божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь тонким полотенцем, оболочусь я оболочками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и обсвечусь я красным солнышком. Огражду вокруг меня (имя) и дружины моей с ослатами тын железный, почву укладну (уклад – сталь), небо булатно, чтобы никто не мог прострелить его, от востока до запада, от севера на лето (юг), ни еретик, ни еретица, ни колдун, ни колдуница, годный и негодный, кто на белом свете хлеб ест. Голова моя – коробея, язык мой – замок¹⁰.

При бракосочетании

Стал я, раб божий (имя рек), благословясь, ключевой водой умылся, Михаилу-архангелу помолился, на все стороны поклонился. Пошел я, раб божий (имя рек), из дверей дверьми, из ворот воротами – в чистое поле, ко батюшке окияну-морю; подошел я поближе, поклонился пониже. Ой еси ты, батюшка-окиян, сине море, как ты всю землю облегло и всю подземную: так и меня, раба божия (имя рек), и князя молодого с княгинею молодой облегли крепкие заговоры – оныя слова и никакие бы: злой человек, злые супостаты и баба колдовка, девка простоволоска, – не могли бы злые думы думать, мысли мыслить; стоял бы вокруг меня, раба божия (имя рек), и князя молодого железный тын от земли и до неба, крыша медная, пол чугунный. По тебе же, батюшка, окияну, синему морю, бегают желтые ночные туманы: так бы вокруг меня и железного тына и никакие бы злые человеки, злы супостаты, баба колдовка и девка простоволоска, – не могли бы видеть сквозь темные туманы и железный тын, под медной крышей и под чугунным полом. Над этим темным туманом летают ясные соколы по воздуху: так бы добрые кони бежали ко злату-венцу и от злата-венца, и во всем пути-дороге...¹¹

В обрядовой поэзии, как и в приведенном выше примере, часто возникает величественный образ железного тына от земли до неба, с булатными воротами, замыкаемыми золотыми ключами, с медною крышей, с чугунным или стальным полом. Так, в сибирском святоч-

ном величальном, называемом «виноградье», двор хозяина раскинулся и стоит «на семидесят верстов, на семи столбов, вокруг етого двора все железный тын»¹². Исследователь заговоров Н.Ф. Познанский по этому поводу писал: «Эпитеты “медный”, “железный”, “булатный”, “золотой” – не что иное, как отражение симпатических чар в слове. Все они для того, чтобы оттенить ярче желанное качество»¹³.

В данном случае показана надежность, масштабность и крепость двора хозяина.

Небезынтересно проследить, как и когда эти эпитеты вошли в обрядовую поэзию? Нет сомнения, что они возникли в эпоху металла, с изобретением и выплавкой которого человек обрел такие орудия и средства защиты, каких еще на свете не было. Крепость меди, железа, удивительные свойства золота и серебра не тускнеть, не портиться, а в некоторых случаях и исцелять были подмечены прежде всего древними кузнецами, кудесниками-лекарями, жрецами. Учитывая перечисленные качества металлов, древние поэты вводили их названия в лексику обрядовых речений, якобы имеющих магическое значение. Но образы железного тына, стального пола, медного неба еще окончательно не вытеснили закрепленные обрядовой традицией образы, возникшие в период каменного века (каменная стена, каменное небо, орудия из камня, камень и пр.), которые продолжали бытовать в наиболее древних заговорах и религиозных обрядах.

Известно, что каменные орудия «играли выдающуюся роль в древних религиозных церемониях у римлян. Такими орудиями, благоговейно хранимыми в храмах, закалывались жертвы. Над каменным топором, хранившимся в храме Юпитера, произносились самые торжественные клятвы...»¹⁴

Нам удалось записать у семейских Забайкалья одно из древнейших заклинаний, видимо, возникшее на заре земледелия и применявшееся для «охраны» хлеба: «Впереди огонь, позади вода, кругом каменная стена». Эти три элемента (огонь, вода и камень) были для древнего человека надежными средствами защиты от противников, зверей. Они придавали ему уверенность в безопасности, и он применил их в заговоре на охрану хлеба.

Каменные орудия вошли в ритуалы разных народов и благодаря консервации их обрядовой церемонией дожили до этнографической современности.

По нашим наблюдениям, камень часто использовался и в обрядовой практике сибирского русского населения. Камнем натирали отдельные раны, через отверстие в камне протаскивали человека, которого укусила бешеная собака, клали камни в лунки с капустой, чтобы кочаны были такими же крепкими, и пр. Согласно зафиксированному нами поверью, камень очищает, вбирая в себя болезнь, нейтрализует злых духов. У семейских еще и сейчас говорят: «Вода в речке очищается через сорок камней». Образ камня в архаичных заговорах напоминает нам о том значении, которое ему придавали наши далекие предки.

С зарождением металлургии камень был вытеснен железом. В быту и фольклоре многих народов сохранились представления о силе железа: железа боятся злые духи, им пользуются «против чар». Железными предметами очерчивали вокруг себя гадающие, чтобы в магическом кругу быть в безопасности от чертей. При выкапывании корней «чудодейственных» трав «знаткие люди» тоже очерчивали железным ножом вокруг себя, чтобы обезопаситься от стерегущих травы злых духов.

По поверью, зафиксированному у русского населения Забайкалья, лучшее средство от колдуньи – игла, которой ничего не шили. Если носить ее при себе – ничьи чары не страшны. Если в дом придет колдунья – заткни иголку в дверь, и она не выйдет из избы.

В свое время Э. Тейлор заметил: «Восточные джинны (духи, обитающие в деревьях и камнях и т. п., по домусульманским верованиям арабов) так смертельно боятся железа, что самое название его служит заговором против них. В европейских поверьях точно так же железо прогоняет волшебников и эльфов и уничтожает их силу. Эти создания являются как будто порождением древнего каменного века, и новый металл им ненавистен и вреден». Железные орудия и изделия из них, как считалось, держат нечистую силу, ведьм и домовых в страхе. Поэтому для охраны жилища у входа в дом прибавляли железные подковы¹⁵.

Интересные факты такого рода приводит и Д. Фрэзер. С использованием железа связано много запретов. По представлению многих народов, «к телу владыки не должно было прикасаться ничто железное». Римским и сабинским жрецам полагалось бриться и стричься исключительно бронзовыми (но никак не железными) бритвами и ножницами. Запрещалось вносить железные предметы и в греческие свя-

тилища. У готтентотов при жертвоприношении или обрезании шаманы пользовались не железными ножами, а острыми кусками кварца. Иудеи при построении храма в Иерусалиме и сооружении алтаря не пользовались железными инструментами. Оценивая эти факты, Д. Фрэзер писал: «Суеверный запрет на использование железа, возможно, восходит к весьма древней эпохе в истории общества, когда железо было еще внове и поэтому многие относились к нему с подозрением и неодобрением. Все новое способно возбуждать у дикаря страх и ужас»¹⁶.

Рассматривая подобные факты, Д. Фрэзер объясняет, что эта антипатия к железу экстраполировалась и на духов, которым приписывался страх к рукотворному материалу. Само происхождение этого металла допускало в сознании первобытного человека присутствие магического момента. Отсюда особое отношение к кузнецам. Считалось, что «неприязнь духов к железу столь велика, что они не решаются даже приблизиться к вещам и лицам, защищенным этим отвратительным металлом, [поэтому] железо можно использовать в качестве магического средства для отпугивания привидений и других опасных духов»¹⁷. Вот почему в среде суеверного населения острые колющие орудия из железа (стали) применялись в качестве оберега. Иглу, нож, булавку втыкали в дверь жилища, чтобы не могла войти «колдовка». Нож, ножницы использовались и в ритуалах «изгнания» какой-либо болезни из тела человека или животного. Несомненно, что колющие предметы и орудия играли тоже апотропейную роль. По народным представлениям, позвякивание железа и треньканье колокольчиков отпугивало злых духов. Думается, отсюда и широкое распространение железных, булатных, укладных (стальных), чугунных предметов в русских заговорах Сибири.

Применялось железо и в очистительных обрядах, часто в сочетании с водой, огнем, чесноком и другими веществами, считающимися оберегами.

С развитием металлургии металл вытесняет каменные орудия и надолго определяет развитие всей культуры.

Железный век в Европе начинается в начале I тыс. до н. э., а на территории СССР – в I в. до н. э. Переход к изготовлению металлических орудий был одним из могущественных факторов подъема производительных сил. Освоив бронзу, научившись выплавлять и обрабатывать железо, человек получил в свои руки орудия неизвестной прежде крепо-

сти, надежности и долговечности. «В целом наступление металлического века произвело глубокий, своего рода революционный, переворот в истории первобытного общества»¹⁸. Специалисты по выплавке и обработке металлов пользовались особым почетом. Кузнец стал чуть ли не священной персоной. На Руси кузнец нередко был знахарем и считался колдуном, могущим определить судьбу человека и «сковать счастье»¹⁹. Его боялись и его ремесло ставили в зависимость от помощи нечистой силы. Он занимал особое положение в общине: его «хлеб» не зависел от погоды, урожая, капризов природы. У многих народов Африки и Америки работа кузнецов, плавильщиков была окружена особой таинственностью, сетью запретов и табу, обставлена особой чистотой обрядов. Этот труд был привилегией отдельных кланов²⁰. Людям не было понятно, каким образом из камня получается металл; вот они и думали, что тут без колдовства не обойтись...

В середине I тыс. до н. э. на огромном пространстве от Китая до Греции происходят поразительные перемены в идеологии разных народов. Авторы, изучающие ту эпоху, связывают эти идеологические новации в значительной степени с распространением железа²¹. Технологическое новшество подняло на новую ступень экономику и хозяйство, что не могло не повлечь за собой изменения в идеологии и социальной сфере. Освоение технологии производства железных орудий придало новый импульс человеческому сознанию, усилило веру в человеческие возможности вторгаться в мир, в природу и переделывать ее в соответствии с потребностями общества. Образ железа как символ надежности, крепости вошел в обрядовую и эпическую поэзию («железный тын», «железный муж» и пр.). Так, в сибирском заговоре «От злого заговора» говорится: «Стоит мужик железный, подперся посохом железным. Как у мужика рот не растворится и язык не поднимется, так же у моего недруга рот бы не растворялся и язык не поднимался бы от ныне и до века»²². «Железные полки» знаменитого «Слова о полку Игореве» имеют с этими образами один источник.

Апофеоз железу находим в заговоре, в свое время рассмотренном Е. Елеонской: «Есть... море-акиан, на том море-акиане есть другое море железное... на том море железном есть столп железный... в том столпе железном стоит муж железный – подпершился своим железным посохом от востоку до западу... » Муж этот проявляет свою силу в том, что защищает «своим детям – всякому железу и булату, и

синему укладу (стали. – *Ф.Б.*) каленому, и всякому простому железу... и укрепляет человека особым одеянием: воздевает на меня и детей моих рубаху каменну»²³. Сквозь весь заговор проходит эпитет «железный», при этом, однако, в нем присутствует глубоко архаичный образ рубахи каменной.

Н.Ф. Познанский считал, что такие предметы, как ключ, замок, железный тын, первоначально выступали как пастушеские обереги, которые якобы могли оберегать стада от зверя рысучего, злого человека, вора, супостата. Вероятно, впоследствии заговоры обрели более широкие функции. Это видно из текстов, уже приведенных нами выше. В заговоре сибирских скотогонов, опубликованном Д.А. Клеменцем, эта их первоначальная функция пастушеского оберега выражена очень рельефно: «Мать пресвятая богородица, поставь вокруг моего табуна железный тын от земли до небеси и замкни золотым замком... Я не пожалею ключев и ключи брошу в воду, и ключи съест щука, и как эту щуку никто не может изловить и поймать, так над табуном моим никто не сможет сделать ничего, не испортить, не изурочить»²⁴.

Эпитет «железный» был приложим не только к образам или предметам, с помощью которых старались оборонить человека, стадо, табун, – он использовался и во вредоносной магии. Так, чтобы репа не уродилась, злой человек приговаривал: «Репа медна, земля железна, родится мыший хвостик»²⁵. В данном случае «железная» крепость земли должна была служить во вред земледельцу. Такова многозначность эпитета «железный».

В конце XIX в. в с. Кежемском Пинчугской волости Енисейского уезда (ныне Красноярский край) этнограф и фольклорист В.С. Арефьев записал заговор от «изуроченья», «сглазу», в котором говорится: «Под восточной стороной стоит белая береза, под белой березой белый камень, под белым камнем рай-щука; у рай-щуки губы медны, зубы железны, глаза оловянны. Сними, рай-щука, с раба божьего (называют «изуроченного» человека или скотину, смотря по тому, кому наговаривают) уроки и призоры, и шепоту, и ломоту, и страх, и переполох»²⁶. В этом заговоре примечательны древние по происхождению три образа: белой березы, белого камня и рай-щуки. Эта сказочная рай-щука, наделенная медными губами, железными зубами и оловянными глазами (три первых металла, освоенные человеком!), якобы способна избавить больного от трех же болезней.

Использование числа 3 в заговоре неслучайно. В ряде традиций число 3 открывает числовой ряд и считается совершенным. Оно стало сакральным, священным. С ним связаны представления о трех мирах, о трех китах, о святой троице и т. д. Известную семантическую роль играет и сквозной эпитет «белый», примененный к березе и камню. Белый цвет в мифопоэтической системе – цвет жизни и смерти, он связан с умерщвлением и возрождением и символизирует чистоту, невинность, целомудренность, богатство, счастье, благополучие. Образ священного дерева – березы целительницы, дерева-оберега – широко известен в славянской этнографии. Представления о березе хорошо исследованы²⁷. Образ белого камня, или алатырь-камня, относится к древнейшим мифопоэтическим образам. Белый камень – это камень первозданный, возникающий из моря в начале творения. Это прекрасно отражено в украинской колядке:

А що нам било з нащаду свита,
Ой не било ж нам хіба сина вода,
Синя вода, тай билий камінь,
А прикрыв Господь сиров землицев,
Виросло на ним кедрове древо...²⁸

В «Стихах о голубинной книге» отразились и другие качества этого первозданного камня:

Белый Латырь-камень всем камням отец.
Почему же ён всем камням отец?
С-под камешка, с-под белого Латыря
Протекли реки, реки быстрые
По всей земле, по всей вселенную,
Всему миру на исцеление,
Всему миру на пропитание:
Потому же камень всем камням отец²⁹.

Наделение камня целебными свойствами в народных представлениях, вероятно, сыграло свою роль: его стали использовать в народной медицине. По верованиям восточных славян, «под тем камнем сокрыта сила могучая и силы конца нет».

В заговорных текстах русского населения Сибири очень часто встречается образ огня. К огню обращаются за помощью в случаях ох-раны здоровья человека, животных, с целью разжечь любовную страсть, с целью очищения от скверны и пр. Так, например, огник, мокнувшие болячки на лице, пузырьковый лишай, знахарки лечили, приговаривая:

«Огонь, огонь, возьми свой огонь от раба божьего (такого-то). Я за морем бывала и огонь погашала»³⁰.

В любовных заговорах огонь призывали разжечь любовь в сердце любимого, как, например, в этой присушке: «Царь мой огонь, царица искра, дым дымовой! Ты лети, дымовой, разыщи, дымовой, раба божьего (имя рек) в чистом поле под белой березой, в закоулочке, в переулочке, во веселой горенке за медовыми яствами разыщи его. Круг его бейся, вейся, скинь с него белую рубаху, зайди в белое тело, в легко, в печень, в кровь горячу, во весь стан, разыми его по косточкам, по суставчикам, вложи ему в сердце тоску тосчущую, боль болочую, плач неутешимую, любовь нерушимую. Сердце б его рвалось и металось, кровь бы его волновалась по мне рабыне божьей (имя рек). Казалось бы я рабица божья (имя рек) рабу божьему (имя рек) милее свету белого, краснее солнца красного, дороже отца с матерью и всех знакомых. В еде бы он меня не заедал, в питье бы он меня не запивал, в гульбе не загуливал. Будьте мои слова крепки, лепки. Аминь»³¹.

Култ огня уходит своими корнями в глубокую древность. Значение огня в жизни человечества общеизвестно. Ф. Энгельс отмечал: «Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»³². «Огонь дал человеку возможность заселять все широты земного шара»³³. Большую роль он играл и в обрядах людей. Первоначально человек поклонялся огню как живой стихии, как земле, воде, солнцу и пр. Огонь мог быть добрым, обогревать, спасать от хищных зверей, делать пищу более вкусной и съедобной. Он мог быть грозным и свирепым, как всепожирающий зверь, во время пожаров, уничтожая жилища, леса, степи, животных, нагоняя на людей страх и ужас. «Бессилие человека перед природой на ранних стадиях культуры породило и в этом случае суеверное чувство зависимости, выражающее в двойном отношении к огню: почтение и вместе с тем страх»³⁴.

Огонь особо почитался и русскими крестьянами в Сибири. Огонь, связанные с ним костер, очаг, печь, дым, головешки, угли, зола надеялись сибиряками особой святостью и чистотой. Огонь – одно из основных средств в очистительных и апотропейных обрядах сибирских крестьян. Важные события в жизни семьи, общины (свадьбы, похороны) не справлялись без этих обрядов. При эпидемиях и эпи-

зоотиях специально добывали так называемый «живой огонь», получаемый при помощи трения дерева о дерево, и с ним обходили все селение, прогоняя и окуривая нечисть. Местами огонь называют царь-огнем. Так, в сибирском заклинании, записанном В. Андриановым в Курганском округе Тобольской губернии, говорится: «Батюшко ты, царь-огонь, всем ты царям царь, всем ты огням огонь...»³⁵ В данном контексте «царь-огонь» выступает в качестве поэтического определения. Эпитеты «царь-огонь», «царица-искра» – явление позднего порядка. Сочетание стихийной силы природы с силой земного властелина, обладавшего большими возможностями в употреблении власти, казалось человеку в те отдаленные времена весомым и внушительным качеством, что нашло свое отражение в заговорном эпитете.

Если «в названии живой огонь... закрепляется представление о чистоте, неоскверненности, новизне ритуального пламени»³⁶, то в понятии царь-огонь закреплялось представление о его могуществе. Он якобы мог защитить человека, разжечь любовную страсть, исцелить от болезни и пр. «Живой огонь, применяемый при эпизоотиях в качестве апотропеического и очистительного средства, выступает в функции, близкой к функции целющей и живой воды русских сказок»³⁷. Все это свидетельствует об очень древних истоках подобных представлений.

Роль воды в русских заговорах многозначна. Особенно часто образ воды присутствует в заклинательных формулах, направленных на охрану здоровья.

Как правило, архаичные представления проявляются в заговорных текстах и действиях тогда, когда человек обращается за помощью к стихиям (земле, воде, огню, ветру), к космическим объектам (к солнцу, звездам, молодому месяцу). В заклинательных формулах подобного рода нет веры в богов и демонов: «Первобытный человек, веруя в симпатическую силу слова и действия, старается вызвать ими желательное ему явление...»³⁸

На основе анимистических представлений древний человек представлял себе болезни как живые существа, как некую постороннюю, вредную для человека субстанцию, проникающую в тело, а поэтому считал возможным изгнать болезнь такими средствами, которые ее «нейтрализуют». И с этой целью наряду с произнесением соот-

ветствующих слов устраивали шум, ударяли топором, секли сечкой, кололи ножом, стрелой, обрезали ножницами, высасывали, смывали, загрызали, выкуривали ее, как зверька из норы, и пр.

Все образы и образные средства в заговорах неслучайны. Они хорошо осмыслены и подчинены главной идее: в лечебных – изгнать болезнь; в хозяйственных – охранить хозяйство; в любовных – «присушить», вызвать любовь у любимого или охладить, отвратить любовное чувство. Иными словами, «образы и персонажи заговора создаются в полном соответствии с функциональным назначением заговора...»³⁹ С введением христианства на Руси наряду с древними персонажами и образами в тексты приговоров внедряется целый сонм христианских святых, которые заместили и вытеснили из верований народа дохристианские божества и персонажи. Архангел Михаил предстает как защитник от злых сил, Егорий – покровитель лошадей, Власий заместил скотьего бога древних славян Волоса (Велеса), Медост и Лавр в Сибири почитались как конские боги. Широко используются образы Богородицы, Иисуса Христа, Николы и др.

Вопрос о возникновении заговоров очень сложен. Некоторые исследователи истоки заклинаний относят к каменному веку. Предполагается, что к тому времени людям стала известна «присоединительная связь», часто встречающаяся в заговорных формулах, типа: «Стыкася, срастася тело с телом, кость с костью, жила с жилою...»⁴⁰ По-видимому, людям каменного века был уже известен убывающий и нанизывающий присоединительный счет, построенный на изъятии или присоединении объекта⁴¹, подобный тому, который присутствует в следующем тексте заговора: «Завелось у красно-пестрой скотины десять червей: с десяти девять, с девяти восемь, с восьми семь, с семи шесть, с шести пять, с пяти четыре, с четырех три, с трех два, с двух один, с одного ни одного»⁴². Развитие поэтических образов-символов, кажется, шло в соответствии с развитием техники и культуры, лишь изредка опережая реальность (каменные стены – железный тын, алатырь-камень – железный столп, каменное небо – железное небо, но: ковер-самолет и др.). Таковы некоторые данные об архаике заговорных текстов, сохраненных русским старожильческим населением Сибири.

Примечания

¹ Толстой Н.И. Из наблюдений над полесскими заговорами // Славянский и балканский фольклор: духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 135.

² Топоров В.Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969. С. 9–43; Чернов И.А. О структуре русских любовных заговоров // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965; Власова З.И. К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор. Т. 13. М., 1972.

³ Толстой Н.И. Указ. соч., с. 137.

⁴ Астахова А.М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964. С. 1.

⁵ См.: Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90. Отд. 3; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1. СПб., 1865. Клеменц Д.А. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа // Изв. ВСОРГО. 1902. Т. 19; Макаренко А.А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губ. С приложением сборника народно-медицинских средств той же волости // ЖС. 1898. Вып. 1–4; Арефьев В.С. Образцы народной словесности: приметы, гаданья, колдовство, наговоры и суеверия // Изв. ВСОРГО. 1901. Т. 32, № 1–2; Красноженова М.В. Материалы по народной медицине Енисейской губернии // Изв. ВСОРГО. 1908. Т. 39. С. 10–23; 1911. Т. 42. С. 65–86; Толмачев П.М. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сиб. архив. 1911. № 2–3; Сибирские заговоры / под ред. Я.О. Бирюкова // Алтайский сборник. 1911. Т. 11; Азадовский М.К. Заговоры амурских казаков // ЖС. 1914. Вып. 3–4. С. 5–15; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожильческого населения Сибири // ЖС. 1915. Вып. 4; Он же. Поверья и обряды крестьян-сибиряков: материалы по этнографии Нижнеудинского уезда // Сиб. архив. 1915. № 3–5.

⁶ Майков Л.Н. Великорусские заклинания // Зап. РГО по отделению этнографии. 1869. Т. 2; Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. // ЖС. 1907. Вып. 1–2; 1908. Вып. 1–4; 1909. Вып. 4; Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова // Русский филол. вестн. 1907. Вып. 1–2.

⁷ Русское народное поэтическое творчество / под общей ред. П.Г. Богатырева. М., 1954. С. 219; Русское устное народное творчество / под ред. Н.И. Кравцова, С.Г. Лазутина. М., 1983. С. 61.

⁸ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1975. С. 130–150; Она же. Дохристиан-

ские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 86–102; Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Там же, с. 110–130; Островская Л.В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Там же, с. 131–142; Болонев Ф.Ф. О некоторых способах народного врачевания у семейских Забайкалья // Этнографические аспекты изучения народной медицины: тез. Всесоюз. конф. Л., 1975; Миненко Н.А. К истории русской народной медицины в Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 88–103.

⁹ Клеменц Д.А. Указ. соч., с. 32–33.

¹⁰ Гуляев С.И. Указ. соч., с. 42.

¹¹ Толмачев П.М. Указ. соч., с. 140–141.

¹² Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 31.

¹³ Познанский П.Ф. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул // Зап. ист.-фил. ф-та Петроградского ун-та. Пг., 1917. С. 171.

¹⁴ Высоцкий Н.Ф. Народная медицина. М., 1911. С. 147.

¹⁵ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 83.

¹⁶ Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 216–217.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 203.

¹⁹ Там же, с. 205.

²⁰ Черных Е.П. Металл, человек, время. М., 1972. С. 140–142, 184–186, 188–198.

²¹ Зайцев А.И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетных образов. Л.: Наука, 1984. С. 76–77.

²² Алтайский сборник. 1911. Т.11. С. 6.

²³ Елеонская Е. К изучению заговора и колдовства в России. Вып. 1. М., 1917. С. 43–44.

²⁴ Клеменц Д.А. Указ. соч., с. 41.

²⁵ Кривошапки М.Ф. Указ. соч., с. 44.

²⁶ Арефьев В.С. Указ. соч., с. 47–48.

²⁷ Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М., 1965; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1980; Он же. Древние элементы в русском народном творчестве // СЭ. 1948. № 1. С. 105; Болонев Ф.Ф. Народный кален-

дарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 134–152.

²⁸ Цит. по: Коробка Н.И. «Камень на море» и камень алатырь // ЖС. 1909. Вып. 4. С. 409.

²⁹ Там же, с. 423.

³⁰ Записано автором в 1967 г. в г. Улан-Удэ от У.С. Назаровой, 1906 г. рожд.

³¹ Записано в Западной Сибири. Хранится в архиве М.Н. Мельникова.

³² Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1957. С. 108.

³³ Семенов С.А. Добывание огня трением // Материалы по этнографии: докл. за 1962 г. Вып. 3. Л., 1963. С. 6.

³⁴ Токарев С.А. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX – начала XX в. М.; Л., 1957. С. 65.

³⁵ Майков Л. Н. Указ. соч., с. 514.

³⁶ Журавлев А.Ф. Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1978. С. 228.

³⁷ Там же, с. 227.

³⁸ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. Ч. 1: От обряда к песне. СПб., 1903. С. 120.

³⁹ Петров В.П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 102.

⁴⁰ Майков Л.Н. Указ. соч., с. 168.

⁴¹ Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 82; Он же. К реконструкции индоевропейского ритуала..., с. 9–13.

⁴² Заговор записан автором в 1976 г. в с. Гремячинск Прибайкальского р-на Бурятской АССР от М.Е. Трифионовой, 1895 г. рожд. (родилась в с. Куйтун Тарбагатайского р-на Бурятии).

О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ И ЗАГОВОРАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Народные знания – один из самых слабоизученных аспектов духовной культуры. В большой степени это относится и к народной медицине, изучение которой важно и нужно не только в научном плане, но и для решения ряда практических задач. Ю.В. Бромлей совершенно справедливо отмечает: «Внимание к прикладным аспектам народной медицины вполне понятно: лечение заболеваний относится к числу самых насущных потребностей человечества. Но наряду с практическими задачами, разрабатываемыми естественными науками, прежде всего их медико-биологическим комплексом, народная медицина нуждается в изучении других ее сторон. Это обусловлено тем, что народная медицина, как и любой другой вид народных знаний, представляет собой неотъемлемую часть культуры каждого народа»¹.

Народная медицина включает в себя как традиционные «эмпирические знания и лечение, так и религиозно-магические представления и действия, сочетавшиеся в самых разных комбинациях»². Исходя из данных положений, на основе полевых материалов, собранных в Забайкалье, ниже мы рассмотрим отдельные приемы народного врачевания, носящие как рациональный, так и иррациональный характер. Преимущественно будут описаны отдельные способы донаучного врачевания, для которых характерно широкое использование различных заговорных формул.

Народная классификация болезней своеобразна, необычны их названия: надсада, простуда, порча, кумуха (лихорадка), волосец, уроки, утин (боли в пояснице), призоры, криксы, сглаз и т. п. Они определялись народом по наитию, обобщенно; в этих названиях обнаруживается несомненный отпечаток древних, языческих представлений о человеке и мире. Для рассмотрения всего комплекса этих вопросов

---

*Генезис и эволюция этнических культур Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1986. С. 114–129.

требуется большая работа, поэтому настоящее сообщение носит предварительный характер.

Заговоры русского населения Сибири во всем их многообразии исследованы далеко не полно, хотя этот вид обрядовой поэзии и элемент первобытной магии играет существенную роль в народной медицине и вообще в крестьянском быту. Ранние записи сибирских заклинаний и наговоров относятся к первой половине XIX в., хотя дела о колдовстве, ведунах, использовавших заговорные формулы, приворотные наговоры, присушки в сибирских архивных документах встречаются намного раньше – с XVII в. К данному времени на сибирских материалах частично рассмотрены отдельные группы заговоров: хозяйственные, лечебные. Более подробно в этих работах обобщены мировоззренческий и социальный аспекты заговоров³.

В прошлом заговоры широко бытовали среди русского населения Сибири. Исследователями были записаны тысячи текстов; их сбор продолжается и ныне. Собирать и записывать заговоры непросто. «Знаткие люди» совершают заговорное действие, как правило, в уединении с больным человеком. А заговорную формулу нашептывают, ее нельзя передавать лицам старше себя по возрасту: от этого заговор теряет якобы свою магическую силу. Их передают только близким людям, с обязательством не пересказывать никому, кроме того, кто в будущем будет продолжать практику знахарства, в точности соблюдая весь полученный в наследство арсенал знаний и умений. Поэтому заговоры дошли до нас с древнейших времен почти в неизменной форме. Нам довелось повстречаться с некоторыми из знахарей, шептуний, занимающимися народными способами врачевания и знающими заговоры от многих болезней и напастей. В основном это женщины старше 50 лет. Одни из них не скрывали своих занятий и делились своими приемами лечения, другие – наотрез отказались что-либо сообщить из своей практики, хотя среди местных жителей пользуются репутацией людей, приносящих пользу при отдельных заболеваниях. Они «загрызают» грыжи, «правят» головы при сотрясениях, пользуются от надсады, выводят бородавки, лечат ячмень, «засекают утин» (боль в спине) и пр.

Несмотря на то что сейчас в каждом населенном пункте имеется больница или фельдшерский пункт, а в аптеках большой ассортимент лекарственных средств и препаратов, подчас люди (при длительных

болезнях) в надежде на выздоровление прибегают к помощи лиц, якобы владеющих даром исцеления с помощью трав, мазей, заклинаний, ворожбы. Характерно, что у русского населения Забайкалья более всего распространены именно лечебные заговоры. Известно, что в собрании великорусских заговоров из 376 заклинаний 275 относятся к лечебным⁴. Почти такое же соотношение и в других собраниях заговоров; около 70 % составляют заговоры от болезней и в наших полевых сборах.

Знания народного врачевания чаще всего передаются по наследству и являются привилегией одной семьи или группы родственников. Знатоки народной медицины: лекари, знахари, лекарки и волхвитки⁵ (такое древнее название женщин, занимающихся врачеванием, бытовали у старообрядцев долины Чикоя), скрывали свои знания, являющиеся семейной (родовой) тайной. Отец передавал сыну, мать – дочери знание тех или иных средств и способов лечения. Иногда костоправы обучали своему ремеслу человека из родственников. В лекарском опыте народных эскулапов можно обнаружить и проследить бытование как древних традиционных положительных знаний и заблуждений, так и некоторых эмпирических знаний, полученных в относительно недавнее время.

Еще М.М. Сперанский в свое время отмечал, что в Восточной Сибири «медицинская часть» была «одной из слабейших в Сибири»⁶. Для Забайкалья это положение сохраняло свою верность и в более позднее время. Там в конце XIX в. на одного занимающегося практикой врача приходилось по 24 тысячи жителей и по 22 тысячи квадратных верст пространства⁷. Накануне революции на территории Бурятии насчитывалось всего 14 врачей⁸.

Для старообрядческих сел характерна картина полного отсутствия медицинского обслуживания. Так, в октябре 1918 г. медико-санитарный отдел Верхнеудинской уездной земской управы запросил «самые точные ответы» в управе Десятняковской волости, население которой составляло 4040 человек. На вопросы: какой больницей пользуется население волости, сколько в волости фельдшерских пунктов, имеется ли в волости акушерка или повивальная бабка, из волости ответили: «Больницы нет совсем, фельдшерских пунктов, фельдшеров и акушерки не имеется»⁹.

Не мудрено, что население Забайкалья, обделенное в плане про-

свещения и медицинской помощи, в случае болезни обращалось только к знахарям, ламам и доморощенным лекарям. Институт знахарей был весьма обширным. Известный врач и исследователь Забайкалья Н.В. Кириллов писал: «В настоящее время население в Забайкалье кормит сто простых костоправов, около 500 знахарок и знахарей, около тысячи лам-лечителей, более 1200 деревенских повитух ...»¹⁰ Кроме того, многие приемы и способы лечения были известны широкому кругу сельских жителей. Люди преклонного возраста обычно знали некоторые лечебные свойства отдельных растений и умели готовить снадобья от некоторых распространенных заболеваний. Самолечение было поставлено на широкую ногу. Практически каждой семье были известны отдельные снадобья и способы лечения.

Численная скудность врачебного персонала, а в некоторых случаях неприязненное отношение к врачам семейских, вызванное негативным влиянием старообрядческих «отцов общества» – уставщиков и начетчиков, приводило к непризнанию научной медицины. «Все от бога, все в руке божьей. Волосок с головы не упадет без веления божьего», – учили эти духовные пастыри. Обращаться к врачу – грех, принимать лекарства – грех. В качестве наставления они использовали выдержку из рукописного сборника, гласящую: «Лучше есть в нездравии пребывати, нежели ради пременения немощи в нечестия впасти...»¹¹, т. е. обратиться к врачу.

Подобные внушения уставщиков-мракобесов – «страшного зла в семейских обществах», которые своим произволом «губят тело и душу простого человека»¹², действительно оказывали губительное влияние на верующих старообрядцев. В 1915 г. в двух семейских селах Куйтуне и Большом Куналее умерло от оспы 1500 детей¹³. Разгулу массовой смертности способствовало то, что невежественные духовные пастыри семейских провозгласили знак, остающийся после прививки оспы, «антихристовой печатью» и на основе этого запрещали ставить детям предохранительные прививки¹⁴.

Любопытные наблюдения и заметки о народной медицине семейских находим у многих авторов, писавших о забайкальских старовеках. Приведем некоторые сведения по интересующему нас вопросу.

Описывая способы народного врачевания, П.А. Ровинский отмечает своеобразие народной «диагностики» отдельных болезней. Например, зоб (заболевание, широко распространенное у жителей Бичуры из-за

недостаточного содержания в питьевой воде йода), по мнению информатора, «прилучается от самих себе же», оттого что пьют воду, не прекрестившись и не прочтя молитву, или за обедом «сидят не по чину». От таких людей, якобы, отстраняется ангел, а черт тут как тут – «стоит над чашей да и кастит в нее». Подытоживая все свои наблюдения, П.А. Ровинский пишет: «Так вот и живут люди, не нуждаясь ни в священнике, ни в лекаре, ни в оспеннике. Все у них есть свое, все они могут сами исполнить. Собирают травы, заучивают наговоры и пускают их в ход против человека и против сил природы. У них нет ничего неопределенного: все решено, на все есть готовое объяснение. Это целая наука, собранная в один кодекс. Ни одно сомнение не смущает душу семейского, незачем ломать голову над внешними вопросами, и поэтому все сила его ума и воли всецело устремлена к одной цели, к практической деятельности»¹⁵.

Пространные описания примет, поверий и суеверных представлений, связанных с появлением болезней и способами их исцеления, находим в статье В. Воскобойникова. Приведем некоторые из них. Так, он пишет: «“Собачью старость” (английскую болезнь) лечат многими способами: протаскивают ребенка под воротню... протаскивают через хомут или пекут большой калач (ржаной) и в бане через этот калач протаскивают больного ребенка, после этого ребенка сажают верхом на собаку и водят по бане, после езды калач отдается собаке, если собака съест калач, вместе с ним она съедает его болезнь. От угара, угоревшие обливают человеческой мочой.

Остановить кровь из носа или из раны можно следующим заговором-молитвой, которую читают над кровью три раза: “И шел старик тар-горою, вел быка за собою, веревочка оторвалась и кровь унилась”. Сильную спинную боль можно остановить, если больного положить животом на порог, взять веник и рубить по спине больного тупым топором, читая при этом заговор: “Секу, секу, секу, высеку овечку; секу, секу – 20, высеку 15 – три раза”»¹⁶.

По мнению автора, «почти все болезни “семейских” объясняются злостью “худых” людей ... и подразделяются: на спорченные, сглаз, след вынули, наговор, заговор и ряд прочих»¹⁷.

Особенно много в староверческих селах умирало детей. Оспа, горлянка и другие детские болезни буквально косили малышей. Исследовательница А.М. Попова свидетельствует, что в Тарбагатае в 1924 г. она

видела, как из одного дома за 3–4 дня выносили по 4–5 гробов¹⁸. Врач и исследователь Ю.Д. Талько-Грынцевич в 1892 г. утверждал, что от оспы у семейских умирала половина родившихся детей. 30 % лиц было искажено болезнью оспы¹⁹. И несмотря на это «естественный прирост у семейских в то время был около 6 проц., у остального населения он составил 1,2 проц., то есть у семейских он был в 5 раз больше общего прироста забайкальского населения»²⁰.

Семейские женщины рожали от 10 до 24 детей²¹. Оставшиеся в живых вырастали с завидным здоровьем и крепостью. Вот какой отзыв о семейских написал В.В. Глуховцев: «О физическом же развитии женщин и девушек можно судить по той легкости, с какой они носят пятипудовые кули с мукой и молотят наравне с любым мужчиной»²².

Обратимся к текстам заговоров, записанным у семейских Забайкалья в разные годы. В начале 60-х гг. XX в. в с. Большой Куналей Н.И. Савушкина записала заговор, использовавшийся в качестве колыбельной песни:

Криксы-плаксы, денные, ночные,
часовые, глазовые, полуденные, полуночные.
Летите, криксы-плаксы, на океян-море.
Там стоит престол,
На престоле мать Христова,
Около этого престола стоит дуб,
Вниз макушкой, вверх кореньем,
на этом дубу висят колыбели,
с шелковым подцепьем, с бумажным свиваньем.
Есть кому качать, есть кому забавлять,
Рабу младенцу Сереже покою давать²³.

Использование заговора в качестве колыбельной – случай уникальный, хотя текст заговора дает повод к его переосмыслению (что и случилось на практике). В целом для заговоров характерно включение в традиционный текст христианских мотивов.

Это хорошо видно из нижеприведенных материалов. В 1934 г. в семейских селах несколько заговоров записала А.М. Астахова. Приведем некоторые из них.

На кровь наговаривали следующим образом: «Обвядешь рану (и скажешь. – *Ф.Б.*) спаси, господи, помилуй от скорби, от болезни, от сглазу, от уроков, от русова, от белова, от деннова и от нощнова, от полунощнова, от завистнова, обмойся и ополощись глаз, уроку не бери.

Сперва от сплазу обчертить и наговорить. Рукой живой захватить. Потом слово.

На море, на океане, на острове Буяне стоит божия церква. В божьей церкви стаит златой престол. На златым престоле сидит пресвята мати Бугородица, на златой прялочке прядет волнину по солнцу. Как эта волнина по солнцу заварачивается, так и кровь у рабы Прасковьи заворачивается по жилам, по суставам. Не ломила бы кости, не пухло бы бело тело, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. 3 раза прочитать» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). В дальнейшем – РО ИРЛИ Р.У., кол. № 42, папка 8, ед. хр. 12, л. 3).

Тексты заговоров приводим, сохраняя орфографию первоисточника.

На эту же тему А.М. Астаховой у старухи Лучихи в Тарбагатае записан другой заговор на унятие крови. «На море, на окиане, на острове на Буяне, на белым камню стоит гробница, в етой гробнице сидит красная девица, шьет, вышивает золотую ширинку. Бог тебе помочь, красная девица, шить – вышивать золотую ширинку. Я к тебе пришла, раба Анастасия, кровь рудую заговаривать, шепота и ломата. Три раза дунь и три раза плюнь прямо на рану. Шелковая не порвалась – кровь рудая унелась. Етому делу аминь (до трех разов)» (РО ИРЛИ, там же, ед. хр. 30).

От чирея избавлялись следующим образом. Читали заговор: «Чирье-вирье, как сук нем, так и чирье-вирье занемей. (Три раза почертить сук и чирь.) Красно солнце на исход, чирье-вирье на извод.

Волос заговарить да мяту размочить, медом намажь да приложи. Осиновой коры насуши, помочи, привязать. А лучше всего голубка резать, горячего его с кишками приложить – вылезет» (Там же, ед. хр. 20, л. 10).

У одного старика в Жириме А.М. Астахова записала заговор от кумухи (от лихорадки). «Во имя отца и сына святого духа. Святые новые и пророк и Предтеча креститель господа идут на горе Синайской, а навстречу им идут 12 жен простопоясы, простоволосы. Вопросыша их Иоанн и Предтеча и креститель господень. Какие вы жены? – Мы из Черного моря Идола царя дочери, ходили по земле человечества, муким знобили, кости ломали, на всякие день по тридесать ран даем. Вопросыша их св. Иоанн пророк и Предтеча и креститель господень. Какие имена ваши?

1 – Неверия, 2 – Дувея, 3 – Валуша, 4 – Мердуша, 5 – Сония, 6 – Гнетя, 7 – Давилия, 9 – Житея, 10 – Глушмея, 11 – Знобиха, 12 – Трясовица. Начата прокляты бита и мучити и полтридевяь ран давати, взмолишися проклятия: помилуйте нас, господи, где мы вас завидили от тея рабы божьей Анны бегим за тридесять поприщ всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь» (Там же, ед. хр. 31).

Все последующие заговоры записаны нами. От колотьев (возможно, от воспаления легких) лечили следующим способом. На четырех углах стола обратной стороной ладони помыть посуду и приговаривать: «Как его колет одной пятерней, а я, раб божий (такой-то) колю всеми пятью пятернями. Повторить текст 3 раза. Аминь (3 раза после каждого повтора)».

Комментарий лекарки: «Это делается ножницами, ими колят вокруг больного человека, и человек выздоравливает» (записано в 1972 г. в с. Бичура от Е.И. Афанасьевой, 58 лет).

От нее же записан «заговор от всяких тяжелых болезней»: «Я раба божия, Елена, ложусь, перекрестясь, встаю, благословясь. Из дверей в двери, из ворот в ворота. Там есть святое людяное озеро. Как к этому озеру сбегаются звери и слетаются птицы ... Ты боязный грозный, черный зверь, не поедай птицу и зверей, полетай к рабе божьей Елене и своими булутными железными когтями и ногтями урывай все 12 гнедух. Аминь (3 раза). Заговор наговаривается на 9 деревянных ложек с водою. Гнедух – это гнетух, 12 трясовиц».

В с. Новые Черемушки Бичурского района Бурятской АССР записан ряд заговоров от К.А. Афанасьева (75 лет) и Зинаиды Белых (65 лет). По их рассказам, кровь заговаривали так: «Благослови, господи, раба божия Ивана кровь заговорить. На Сияне-море лежит камень острый. На этом камне ходит Исус Христос, всякие травы собирает, рабу божьему Ивану кровавую рану затыкает. Аминь. 3 раза».

Детей от испуга окуривали мхом, который брали в углах переставленного дома с 9-го венца, сначала с восточной и западной стороны, а потом с южной и северной. Так, чтобы получилось крест на крест. Окуривая ребенка, читали богородицу (молитву). Таким образом окуривают детей чертополохом – колючими шишками. Высокой шишкой – мальчиков, низкой – девочек.

От болезней лошадей тоже имелись свои заговоры. Так, от «12 ногтей» лечили следующим образом: «Перекрестясь с избы на восток, у

ворот на восток, молились богу и говорили: “Едет Георгий с восточной стороны на сером коню, сбивает Георгий с серого коня все 12 ногтей: храпы, чапы, натурны, законны, хребтовый, жиловной. Разобьем глаз на белом камню. Слава тебе боже, ныне и присно и во веки веков. Аминь”».

Этот заговор наговаривали на соль и воду. Соль прыскают коню в ноздри и трут ею зубы. А затем с головы окачивали коня водой. Ноготь – обобщенное название болезней лошадей.

От родимца, от испуга пытались избавить ребенка следующими мерами: сначала читали заговор: «Заря-заряница, красная девица, не тебя я полню, полню молоденца (такого-то) от крика, от спуг, от ночных, от дневных, от полуночных, от полуденных, от часовых, от минутных (3 раза плюют в левую сторону)».

«Кем он испуган, от того и лечат. Собакой – значит стричь надо собаку, окуривать этой шерстью и полить ребенка надо на утреннюю зорю, в полдень и на вечернюю зорю». Также ребенку дают нюхать шерсть. Возможно, отсюда и поговорка: с паршивой собаки, хоть шерсти клок (записаны эти заговоры в 1973 г. в с. Новая Брянь Заиграевского района Бурятской АССР от А.Я. Киселевой, 1894 г. рожд.).

От крика ребенка лечили, наговаривая на зарю: «Заря-зарница, красная девица, что в подоле, то мое, что с подола, то твое». Ребенка लेकर держит в подоле и передает его матери) (записано в 1966 г. в г. Улан-Удэ от В.Е. Болоневой, 1895 г. рожд.).

От сглаза сначала читали 3 богородицы (молитвы), потом говорили: «“От черного глаза, от сероглазого, от одноглазого, от разноглазого, от голубоглазого. Тьфу, тьфу, тьфу!” (плюют через левое плечо) и говорят: “С плечь да в печь!”» (записано от нее же).

В с. Куйтун Улан-Удэнского района ячмень лечили, вода безымяным пальцем вокруг сучка на стене, и читают богородицу. После молитвы приговаривают: «Как сук сохнет, так и ячмень засохни» (записано от К.Е. Кравцовой, 1905 г. рожд., с. Куйтун).

В 1975 г. в с. Большой Куналей от К.П. Федоровой записан заговор-оберег: «Владычица-богородица, взойди на синие горы небесные, заиграй в золотые трубы, сзови волков, врагов и злых людей, закуй им руки и ноги и отведи глаза и мысли от рабы божьей (имя человека)».

От нее же записан заговор от ангины: «Лес-Ерофей, возьми мою сухую жабу. Если ты ее не возьмешь, то я тебя съем с ветками, с коре-

нями, с пенями, со всей потяжной (с тем, что за ними тянется). Бабка — ам, и плюнет».

Наговор от сухой жабы (когда во рту сохнет и нет голоса): Смотрят в душник за речку и кричат: «Лес-Ерофей! Возьми мою сухую жабу с ветками, с пенями, с кореньями. Хам!» (записан от В.Е. Болоневой в 1966 г.).

От грыжи избавляли таким образом. Зачерчивали больное место березовым прутиком от метелки и приговаривали: «Грызь, грызь, спустишься вниз от раба божия (имя младенца) ниже пят. Тут тебе не быть, тут тебе не жить, белую кость не исть, красную кровь не пить, червонную жилу не точить. Посею боб, посею в час, посею с бабкой. Во веки веков. Аминь» (записано в 1967 году в г. Улан-Удэ от У.С. Назаровой, 1906 г. рожд.).

Огник — мокнувшие болячки на лице, лечили так. Щепали 9 лучинок из березы тонкие, как соломинки. Человека с болькой ставят вечером на заре спиной к огоньку за речкой. Зажженные лучинки держат в руке и в сторону огонька за речкой через огонь лучинок брызжут изо рта водой на больку и приговаривают: «Огонь, огонь, возьми свой огонь от раба божьего (такого-то). Я за морем бывала и огонь погашала. Всегда и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь» (от нее же).

Следующие два заговора бытовали в с. Харашибирь Мухошибирского района Бурятской АССР. Записаны в 1973 г. от Е. Яньковой (78 лет). «Грыжа, грыжа, поди ниже на сырую мать-землю. Я, раба божия Евдокия, заговариваю у младенца (такого-то) паховую, пупковую грыжу. Грыжа, грыжа, не коли, не боли, все пройди. Аминь» (3 раза).

«Из двери во двери, из ворот в ворота, из ворот в широкое поле. В широком поле стоит престол. На престоле сидит дева Мария. Я, раб божий (такой-то), видел сон, как будто Иисуса Христа увезли на океанские воды, там его растерзали, к кипарисову дереву привязали, копьями ребрышки выдирали ... Не плачь, дева Мария, я буду спасен и помилован, от огня и меча, от пули меткой, от злых людей и от злых судей. Аминь». (3 раза).

Комментарий информатора: «Спасен будет тот, кто будет читать заговор ежедневно через 3 часа и 3 минуты».

При укусе змеи зачерчивали место укуса баннным камнем и моют банной водой из чаши или из лагуна и наговаривают: «Выходила змея из-под липового куста, выпускала змея свой норх. По мхам, по рекам,

по чистым полям. А я, змея, твой норх вижгу, выполю, метлой замету, кочергой занесу. Ты, змея пестрая, кость у тебя желтая, а рот говенный, язык суконный. Пойдем, змея, к Христу судиться. Кого, змея, Христос осудит? Тебя, змея, на смерть, а божью скотину и рабину на здоровье. Аминь» 3 раза (записано в 1971 г. в с. Большой Куналей от А.С. Родионовой, 53 года).

При белой грыже поили настоем смогена (панцерия шерстистая) и говорят: «Солнце садится, заря зарится, с восточной стороны бегит красная девица. Луга обмывала, темны леса, желты песка. Учил меня ученик чертить и наговаривать, замки замыкать, ключ в море бросать от карего глаза, от черноглазого, от синеглазого, от разноглазого. Слава отцу и сыну и святому духу во веки веков. Аминь» (записано от А.Г. Баннова, 1890 г. рожд., с. Новодесятинково Кяхтинского района Бурятской АССР).

В с. Куйтун К.Е. Кравцова нам рассказывала: «Раньше аппендицит не знали – хватит и помрет человек. Все это в старину приписывали порче, сглазу. Говорили, что у некоторых людей глаз бывает худой, электрический, насквозь тебя пронижет. От дурного глаза старались избавиться следующим заговором: “От глаза, от зева, от девки русалки, от 12 глазов, от 12 узоров, от 12 переговоров спаси, господи, и помилуй раба божьего (имя). Аминь”» (3 раза).

У сибиряков с. Харашибирь Мухоршибирского района для этой цели читали: «На Тихом океане, на острове Буяне стоит мать пресвятая Богородица, молит и просит Власти – Медости, Зосима и Савватия, Флора и Лавра просит ты раба божия избавить от всякого глазу, от всякого переговора, от встречного, поперечного, от сероглазого, от разноглазого, от бабы-русалки, от девки долговолоски. Аминь» (3 раза).

Этот заговор, несомненно, находится на стадии разрушения. Его формула изрядно искажена. Забыты здесь святые заступники Власий и Медостий – покровители скота. Вместо устойчивой формы «море-океан» появился Тихий океан. Это указывает на то, что заговор претерпел изменения уже в Сибири, когда русские землепроходцы вышли к Великому океану. На каждую болезнь действовали особым приемом, в который входили как рациональные, так и магические средства. Так, волосец лечили следующим образом: из речки набирали 12 камешков. Нагрев в топящейся печи, их опускали в таз с водой. Затем эту воду лили одной рукой на рану, в другой руке держали над ранкой пучок

собачьей травы из 12 веточек. Обычно лили воду на 3 пучочка и ночью, чтобы никто не слышал. Цветы-траву держали над раной и через нее лили воду – волосец якобы тянулся к этой травке и выходил (записано от В.Е. Болоневой, 1895 г. рожд.).

Когда ребенок быстро худел («старость пристаёт»), рвали на межах 12 разных трав и варили их. Этой водой обмывали ребенка. Для окуривания же ребенка на перекрестке собирали травы, былинки, соломку и окуривали с Богородицей. Всю одежду ребенка мыли и стирали. Стлали ему свежую постель. Одежду стирали только на речке и полоскали ее вдоль по течению воды, как будто пускали одежду по воде, чтобы всю хворобу унесло. Окуривали и обмывали ребенка на ночь, чтобы петух не закукарекал, никто не закричал и ничто не испугало бы его. А потом ребенок должен был хорошо выспаться (записано в 1975 г. в Улан-Удэ от В.Е. Болоневой, 1895 г. рожд.).

Иногда семейские обращались за врачебной помощью к ламам. К.А. Афанасьев (75 лет, с. Черемушки) рассказывал следующее. Когда его укусила бешеная собака, его повезли к ламе. Тот сказал: «Если утром укусила, то не опасно. Если днем – хуже». Затем лама повез к камню (скале), в котором было отверстие. Произнеся какие-то слова, лама стал протаскивать больного через отверстие, а сам в это время громко кричал.

Итак, мы рассмотрели некоторые способы народного лечения, бытовавшие у русского населения Забайкалья. Они отражают как религиозно-магические представления семейских, так и состояние медицинского обслуживания в крае до революции. Как видно, наряду с некоторыми рациональными методами лечения, в народе широко бытовали заговоры, использование которых, по мнению врачей и больных, должно было избавить человека от болезни. Заговоры возникли на раннем этапе истории человечества и были связаны с важной особенностью общественного сознания – способностью видеть мир в одушевленных образах. По представлениям древних, болезни, тоска, любовь мыслились в виде живых существ, которые могли проникать в организм и сосредотачиваться в какой-либо части тела. Повлиять на болезнь и изгнать ее из человеческого тела можно было сильным и выразительным словом, в совокупности с принудительным (подчас символическим) действием. На материалах семейских – это удар то-

пором через веник, удар палкой, толчок рукой или пальцем в больное место, обливание водой, умывание росой, окуливание, использование огня и т. д. В целом характер религиозных представлений «определял форму борьбы со злом»²⁴.

Фольклористы, как правило, рассматривают заговоры как словесные формулы, поэтические миниатюры²⁵. Думается, что такое определение заговора не является полным, не характеризует всех его сторон. В частности, упускается из виду тесная взаимосвязь текста заговора и сопутствующих ему действий. Исходя из этого, автор считает возможным дать следующее определение заговора. Заговор – это словесная формула магического приема, имеющего целью оказать воздействие на окружающий мир для достижения желаемых результатов. Заговоры отражали активную волю людей. В категорической подчас форме в заговорах выражены требования, которые должны были быть выполнены согласно воле знахаря, лекаря. Не случаен, видимо, в заговорных формулах и элемент угрозы.

Записанные у семейских Забайкалья заговоры помогут взглянуть на их народную медицину как на сложное и синкретичное явление, сохранившее архаичные черты общественного сознания славян.

Примечания

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1901. С. 212.

² Там же, с. 225.

³ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1975. С. 130–150; Она же. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 86–102; Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Там же, с. 110–130; Островская Л.В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Там же, с. 131–142; Болонев Ф.Ф. О некоторых способах народного врачевания у семейских Забайкалья // Этнографические аспекты изучения народной медицины: тез. Всесоюз. конф. Л., 1975; Миненко Н.А. К истории русской народной медицины в Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 88–103.

⁴ Майков Л.Н. Великорусские заклинания // ЗРГО по отд. этнографии. Т. 2. СПб., 1869.

⁵ Известно, что в древней Руси врачеванием занимались волхвы. См.: Герман Ф.Л. Суеверие в медицине. Харьков, 1895. С. 16.

⁶ Вагин В. Исторические сведения с деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т. 1. СПб., 1872. С. 144–145.

⁷ Приамурские ведомости. 1895. № 94. С. 16.

⁸ Максанов С.А. Народы Бурятии под знаменем Великого Октября // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН. Вып. 5. Улан-Удэ, 1968. С. 6.

⁹ Центральный государственный архив Бурятской АССР, ф. 313, оп. 14, л. 102.

¹⁰ Сельская врачебная часть в Забайкалье, ее состояние и нужды // Восточное обозрение. № 44. С. 2; № 46. С. 2–3.

¹¹ Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920. С. 14.

¹² Там же, с. 12.

¹³ Там же, с. 14.

¹⁴ Архив Читинского областного краеведческого музея, ф. 12, оп. 1, д. 14, л. 2–3.

¹⁵ Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Изв. ВСОРГО. 1873. Т. IV. № 3. С. 122–123.

¹⁶ Воскобойников В. Предметы и суеверия семейских // Бурятияведение. X–IV (11–12). Верхнеудинск, 1930. С. 83. В заговоре на остановление крови, на наш взгляд, допущена опечатка. Должно быть: секу, секу, сечкой ... и далее по тексту (Ф.Б.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 25.

¹⁹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. 1894. № 2. С. 21–22.

²⁰ Там же, с. 14.

²¹ Там же, с. 24.

²² Глуховцев В.В. Семейские (из личных наблюдений бичурца) // Восточное обозрение. 1901. № 17.

²³ Савушкина Н.И. Народное устно-поэтическое творчество в русских селах // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 120.

²⁴ Астахова А.М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964. С. 2.

²⁵ См.: Русское народное поэтическое творчество / под общей ред. проф. П.Г. Богатырева. М., 1954. С. 219; Русское устное народное творчество. М., 1983. С. 61.

**ПРИЕМЫ ПРОДУЦИРУЮЩЕЙ МАГИИ В СВАДЕБНЫХ
И КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)***

календарных и свадебных обрядах русского населения вплоть до XX столетия бытовали многие элементы язычества. В трудах советских исследователей дан глубокий анализ аграрной обрядности, выявлено ее происхождение и значение в народной жизни. Аграрные обряды, направленные к возрождению природы, были тесно связаны с любовно-брачными, свадебными играми и семейными обрядами¹. Очень хорошо эта обусловленность прослежена В.И. Чичеровым². Однако «...русский свадебный ритуал, несмотря на то, что этнография и фольклористика накопили сотни и даже тысячи описаний и записей свадебного обряда и свадебного фольклора, принадлежит до сих пор к числу недостаточно изученных»³.

Русская свадьба была одним из ярких проявлений традиционной народной культуры. Она представляет собой сложный культурно-бытовой комплекс ритуалов и действий (социальных, экономических, правовых, хозяйственных, игровых, символических, религиозных и магических). В ней находим архаику имущественных и семейных отношений, словесного и музыкального фольклора, материальных компонентов, нашедших яркое выражение в специфике одежды, головных уборов, пищи, в оформлении и украшении жилища, свадебных повозок, брачного ложа и во многих символических и магических атрибутах, значение которых во многом утрачено. В церемониале старой русской свадьбы было столько истинной грациозной красоты, чувства такта и собственного достоинства участников этой драмы, щемящей душу тоски и горечи разлуки, неподдельного веселья и роскошного торжества, удивительного остроумия... Все это возводит русскую свадьбу в число ценнейших памятников старины. Д.Н. Мамин-Сибиряк

---

*Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 31–44.

ряк назвал русскую свадьбу нашей «национальной оперой, в которой широко и прекрасно проявилась духовная мощь русского народа».

Старая свадьба – это обрядовая драма, сыгранная двумя родами, целым сельским обществом или общиной, где роль каждого ее участника регламентирована искони установленными обычаями. Ее древний обрядовый церемониал в основе своей дожил до XX в. Это был огромной силы воздействия общественный акт: он оказывал влияние на всю последующую жизнь брачующихся. Чаще всего такой брак в сочетании с социально-правовыми и другими факторами скреплял молодых на всю жизнь. Разводы были редким явлением.

Многие свадебные обряды были связаны с идеей плодородия, с попытками различными магическими приемами, символическими действиями обеспечить продление рода, его процветание и оказать влияние на плодородие земли. Рассмотрим некоторые магические приемы в свадебной и календарной обрядности.

Русский крестьянин, осваивая новые земли в Сибири, проявил себя как большой реалист и практик. Благодаря его трудолюбию, настойчивости и опыту в крае широко внедрялась передовая по тем временам система земледелия⁴. Но наряду с рациональными приемами ведения сельского хозяйства русские крестьяне Сибири широко практиковали иррациональные (магические) приемы, связанные с древней идеей плодородия. В основе их бытования лежала несовершенная техника, отсталость и темнота земледельцев, во многом зависимых от стихийных сил природы. Особенно ярко аграрно-магические действия проявлялись в календарной и свадебной обрядности. Забота об урожае, о плодovitости скота, хозяйственном преуспевании семьи, рода всегда были у крестьянина на первом плане. В крестьянском мире процветание семьи не мыслилось без труда. Но во многих сферах, связанных с тайной зарождения жизни, с воспроизводством всего живого, люди старались заручиться поддержкой сверхъестественных сил, якобы влияющих на плодородие земли, животных, на чадородие женщин. Не случайно аграрная магия находилась в тесной связи с семейно-брачной обрядностью. Календарные обряды в значительной своей части переплетены с темой любви и брака, со свадебными играми.

В быту сибирских крестьян тема брака ярко проявлялась в обрядности Покрова, когда девушки просили: «Батюшка Покров, землю покрой снежком, а меня молоду женишком» (вариант: кокошничком).

Затем эта тема широко варьировалась различными обрядами в календарных датах октября-декабря, посвященных Богородице и некоторым святым. Это день Параскевы (Прасковьи) (14 октября), Казанская (21 октября), Введение (21 ноября), день Екатерины (24 ноября), день Варвары (4 декабря), зачатие Анны (9 декабря), Кузьмы и Демьяна и др. Эти святые считались пособниками брака и пользовались особым почитанием женщин.

Так, в Иркутской губернии, писал Г.С. Виноградов, у Прасковей-пятницы «ищут ... спасения к выздоровлению детей, бесплодные женщины вымаливают хоть кого-нибудь... Нелюбимые мужьями бабы, девушки обращаются к ней с молитвой: «“Матушка Прасковья, дай жениха поскорее”»⁵. В Тобольской губернии говорили: «Кто на Казанскую женихается, тот не раскается»⁶. Сибирские свадебные игры в указанные дни кое-где сохранили наиболее архаические обрядовые действия, какие, по утверждению В.И. Чичерова, в аналогичной форме не были отмечены в европейской части СССР⁷. Вот как эти игры описаны А. Макаренко: «В день Казанской “гулеванят”, т. е. идет веселье с попойкой, групповыми переходами из гостей в гости, ездют по улицам и т. п. К вечеру девицы на таких собраниях стряпают ес(т)ву... и припасают домашнего пива для угощения парней, богатых после промысла; те снабжают девушек “гостинчиком” (сладостями) и “монополькой” (водкой). Играют, поют и пляшут до позднего часа ночи. Для веселья маскируются. В Казанскую и после нее совершаются усиленно “сватанья” и “справляются свадьбы”. В с. Кежме (на Ангаре) девушки обычно до начала “вечеринки” в этот день “свадьбой ездят” по улицам селения. В запряженных “пошевнях” и “санках”, будучи наряженными женихом, невестой, “дружкой” и другими членами “свадебного поезда”, девушки переезжают из улицы в улицу с пением песен и пляской. Их сопровождает ватага детворы и любопытствующие из взрослых. Подобным “улошным” представлением весьма прозрачно напоминает-ся о том, что пришла пора парням... “да споженицца”»⁸.

Тут, как видим, свадебный ритуал представлен всеми характерными чертами: изображением свадьбы, свадебного поезда (катание на лошадях), вечерками с маскированием, пированием в гостях, переходами из гостей в гости – все это соблюдалось при ведущей роли в обряде девушек.

В.И. Чичеров отмечает: «Цикл октябрьско-декабрьских аграрных

обрядов еще в XIX в. сохранял пережитки древних верований. Обряды, направленные к возрождению природы, к плодородию, тематически воплощались в любовно-брачные, свадебные игры, и ведущую роль в них играли незамужние женщины или молодые женщины, недавно вышедшие замуж. Они были главными исполнительницами обрядов»⁹.

Посвящение определенных дней Богородице берет истоки в дохристианских верованиях славян, имеет аграрное значение и подводит к центральному зимнему празднику возрожденного солнца – Рождеству, вероятно осмыслявшемуся как рождество солнца и возрождение жизни. 26 декабря сибирячки отмечали день повивальных бабок и рожениц. И.Я. Неклепаев зафиксировал, что в Сургутском уезде «в этот день все роженицы данного года, а также и бабки собираются в церковь и до начала обедни служат общий молебен перед иконою... “Чреворождения” (перед иконой Божьей Матери, так называемой “Блаженное чрево”, которая празднуется церковью в этот день). После молебствия роженицы приглашают к себе бабок, дают им деньги и угощают их кашей, которую непременно готовят в этот день (из какой придется крупы), почему и праздник носит название “Бабы каши”. К этой же иконе Чреворождения обращаются роженицы с молитвой, когда маются при родах: “Божья Матерь, дай мне прощение и душе моей очищение”»¹⁰.

В этих богородичных праздниках прослеживается культ покровительницы брака, плодородия, пособницы в родах. Русские легенды уравнивают повивальную бабку с Прасковьей-пятницей, а культ последней сближается с культом Богородицы. Поэтому пятницы особенно почитаются беременными женщинами. Отсюда и приготовление ритуальных блюд, приуроченных к богородичным праздникам (куры, каши, саламат и др.). Культ Прасковьи нашел отражение и в посвящении ей церквей и часовен.

В представлениях крестьян-сибиряков Параскева-пятница выступала подательницей судьбы, удачи, счастья, исцелительницей немощей людских и женского бесплодия, пособницей повивальных бабок. Но культ пятницы в народном быту был значительно шире. Очевидно, Параскева и Богородица, а также Екатерина в связи с внедрением православия на Руси пришли на смену какой-то важной языческой богине древних славян и заслонили ее собой. Ученые давно отождествляют культ Параскевы-пятницы с Макошью (Мокошью) – богиней плодородия, воды, покровительницей женских трудов и девичьей судьбы. Ее

считают богиней-пряхой¹¹. Вероятно, не случайно у семейских Забайкалья повивальные бабки при родах использовали прялку или веретено как якобы помогающие благополучному разрешению от бремени. Прялки являлись обязательной принадлежностью приданого невесты. А в символике их орнамента, несомненно, нашли отражение древние верования, связанные со свадебной обрядностью¹². У сургутян новорожденной девочке под перинку клали пряслице с веретеном, чтобы она «сделалась работающей хозяйкой»¹³. По всей вероятности, эти атрибуты покровительницы женских трудов и девичьей судьбы в семейных и свадебных обрядах есть остатки верований в богиню, прядущую нить жизни, пособницу при родах, определяющую женскую (девичью) судьбу – Мокошь, или (по Б.А. Рыбакову) Макошь. Вероятно, она же была покровительницей рождения и в честь ее готовились «бабьи каши». Эта обрядовая еда, как и кутья, имела «отношение к плодородию жен и полей». Также «бабьи каши» «варят о трапезах котейных (кутейных. – Ф. Б.). Роду и рожаницам...»¹⁴ Отметим, что каши как ритуальная еда играли большую роль в свадебной обрядности с языческих времен. Из новгородской летописи известно, что еще Александру Невскому пришлось «чинить две каши» (одну в Торопце, другую – в Новгороде). Каши являлись символом достатка, богатства, плодородия и вечности жизни.

Как видим, тема брака и рождения проходит через все богородичные осенние праздники и имеет связь с образом великой богини славян-земледельцев¹⁵. Б.А. Рыбаков доказывает, что такой богиней могла быть только Макошь-пятница, так как дни, посвященные ей, праздновались еженедельно в осеннюю пору на протяжении длительного времени¹⁶.

Магия плодородия или воспроизводства всего живого колоритно проявлялась во многих обрядах сибиряков. Примечателен в этом отношении заговор, записанный в начале XX в. А.А. Савельевым в д. Ярkinой Пинчугской волости Енисейского уезда. Там «челядь» (подростки) на крещение сначала шумом и криком прогоняли или запугивали «шулекина» – злого духа, стремящегося сделать человеку пакость. Затем на кухонных принадлежностях (клюках, мутовках, лопатах, ухватах) очерчивали все «поселье», т. е. усадьбу со всеми хозяйственными постройками. Потом шли к помещениям для скота, перед дверями которых, проведя полукруглую черту, произносили заговорную формулу:

Перед овечьим помещением:

Родись белая овечка,

Родись черная овечка,

Родись бусая овечка,

Родись пеганькая овечка.

Перед лошадьми:

Родись белый жеребушка,

Родись черный жеребушка,

Родись красный жеребушка...

Далее перечислялись «жеребушки» всех мастей (чалый, каурый, пегий, игрневый и т. п.). Затем заговор повторялся перед коровьей стайкой, собачьей конурой и т. д., и на дверях всех помещений хозяйка ставила дегтем кресты¹⁷. В закликательных календарных обрядовых песнях, которые исполняли колядующие на Святках, разбрасывая зерно, мы находим просьбы-пожелания, близкие к заговорам и идентичные с ними.

Сею, сею, посеваю,

С Новым годом поздравляю!

Пшеница – родись!

Ячмень – родись!

Овес – родись!

Сею, сею, посеваю,

С Новым годом поздравляю!

На телят, на жеребят

И на маленьких ребят¹⁸.

В обрядах жителей Верхоленского уезда Иркутской губернии, а также Приангарья идея плодородия и продления жизни рода иногда проявлялась настолько наглядно, колоритно и архаично, что невольно поражаешься ее живучести в среде русского крестьянства. Его изолированная жизнь в таежной глухомани, несомненно, способствовала консервации подобных обрядов.

В 1973 г. на родине историка-демократа А.П. Щапова в с. Анга Качугского района Иркутской области от сторожа средней школы Якова Донатовича Выговского (1910 г. рожд.) удалось записать ритуалы, поверья, приметы, относящиеся к свадебной и календарной обрядности. Приведем некоторые из них.

«В старину по реке Илге (приток Лены) (ныне Жигаловский район Иркутской области), – рассказывал информатор, – свадьбы играли

со многими причудами. Придерживались старинных обычаев. Когда, к примеру, жених с невестой возвращались из-под венца, то при входе в дом жениха с крыльца их осыпали зерном. А отец и мать встречали их хлебом-солью. Молодые совместно кусали каравай. Затем, каким порядком ехали, таким же порядком садились за стол. От жены налево садились подруги и женщины. От жениха направо садился крестный или тысяцкий, затем – дружка, за ним – поезжаны от 5 до 9 или от 7 до 9 человек. Это были друзья, родственники жениха. Отец и мать жениха в этот раз за стол не садились: они угощали гостей...

Еще приглашали на свадьбу к этому столу певчих 5–7–9–11 беременных женщин. Их собирали со всей округи. Обязательно нечетное число. Они вставали напротив молодых в 2–3 ряда и пели свадебные песни соответственно случаю. А песни были такого содержания, что их девушкам было неприлично слушать. После этого в сопровождении дружки и крестного молодых вели на брачное ложе).

А вот как описывают подобный свадебный момент очевидцы, присутствовавшие на свадьбе в ангарской деревне в конце XIX в.: «После венчания, сядя за столы, чтобы молодую княгиню окрутить, дружке подают шаль. И тысяцкий с одной стороны, дружка – с другой заслоняют шалью жениха, невесту и сваху. За этой занавеской жених заплетает невесте (одну) правую косу, сваха – вторую, и сваха одевает ей платок по-бабьи. Это значит «окручали». В то время, как невесту за занавеской окручают, женщины поют «Семена»:

Семена, вы мои семена,
Немного вас семян,
Только три поля широкие.
Уж как девья-то краса
Во меду валялася,
Полотенцем утиралася;
Уж как бабья-то краса
По подлавочью таскалася,
Отолалкой (отымалкой) утиралася.

Если в это время в избе есть девушки, то они отворачиваются, а женщины их стыдят, что они «Семена» слушают. После того как невесту окрутили, дружка спрашивает жениха: «Желаешь ли идти на ложе?» А жених спрашивает невесту, желает ли она...»¹⁹

К. Логиновский приводит более подробный вариант этой песни:

Семена ли мои, семянушки,

Да семена мои голубиные. (2 раза)
Да я немножко вас посеяла,
Да я спосеяла ровно три зерна, (2 раза)
Да уродилось ровно три раздольица,
Да три раздольища широкие. (2 раза)
Между этими тремя полями
Не бела-то лебедь воскыкала, (2 раза)
Что воскыкала и восплакала,
Что душа ли красная девица (2 раза)
О своей да об косе русой,
О хорошей девъей красоте. (2 раза)
Не боялася девъя красота, не боялася
Свето-то, свету белого,
Вихря да вихря буйного,
Не стыдилася ни князей, ни бояр!
Побоялася девъя красота
Еще свету, да свету белого:
Замарался да мой дурной волосок.
Конец этой песни поется и так:
Убоялась ты бабьей красоты!
Проклятая бабья красота:
Из-за стола-то она не видится,
Из-за порогу она не слышится;
На печурке она валяется,
За ухватом она катается!²⁰

Обряд окручивания был одним из главных в русской свадьбе. Во время его молодую посвящали в сан женщины, благословляли на материнство и при этом высказывали недвусмысленные благопожелания: «На первую ночку бог даст сыночка»²¹.

Аналогичный свадебный обычай записан С.П. Каффкой в с. Кривошеине Томского округа. Он сообщал: «Когда свахи начинают расплетать невесте косу и заплетать две, мальчишки, окружив невесту, во все время обряда кричат нараспев: «“Ручки горят, мальчишку катят, девчонку катят”. Когда косы заплетут, мальчиков дарят и отпускают»²².

В других местах, например в Чердыни, молодым желали «на каждую ночь сына и дочь»²³. Иногда в подобных случаях сажали на колени молодой «свадебного отрока». Это тоже были магические приемы или символические действия, цель которых состояла в том, чтобы у молодых родились первым сын, а затем дочь.

Этот обряд имеет очень древнюю основу. Некоторые детали его были отмечены в середине XVII в. Олеарием, который писал, что, когда молодым «чешут головы», «женщины становятся на скамейки и поют разные непристойности»²⁴. Отметим, что все эти «непристойности» имели прямое отношение к чадородию молодых, что и было ярко выражено в следующей песне-благопожелании:

Дай вам бог жить-поживать,
Да добра наживать,
Чтобы скот плодился,
Чтобы хлеб родился.
Сколько на болоте кочек,
Чтоб столько у вас было дочек,
Сколько в лесу пеньков,
Чтоб столько было сынков.
Пожелать вам осталось,
Чтобы старость вас не брала²⁵.

Пение песни «Семена ли мои, семена» во время обряда окучивания было обязательным, она имела магическое аграрно-производящее значение и была широко известна. Только в сборниках Р.П. Потаниной представлено более десяти вариантов этой песни (№ 109–113, 424, 443, 449–451).

Элементы обрядности, связанные с применением зерна-семена, очень распространены в аграрной и свадебной тематике, в календарных песнях, и их функциональное значение было весьма разнообразным: они выражали не только идею богатства, благополучия, достатка, здоровья, молодости, но прежде всего служили символом плодородия, обновления и вечности жизни. Не случайно иногда брачное ложе устраивали в овине, на снопах²⁶.

Еще А.А. Потебня отмечал, что обсыпают молодых зерном, чтобы хлеб родился колосистый и чтобы сохранялись красота и здоровье молодых. Та же двойственность обсыпания сохранялась и на Новый год²⁷. Другой исследователь писал: «Осыпая молодых хлебными зернами или орехами, имеют в виду сделать их: 1) богатыми, здоровыми и веселыми; 2) предохранить от порчи; 3) сделать чадородными, “чтобы они плодились как пшеница...”»²⁸

На связь свадебной обрядности с идеей плодородия полей указывал А.Н. Афанасьев: «... На старинных свадьбах новобрачных осыпали овсом, ячменем и укладывали спать на необмолоченных снопах для

того, чтобы земля принесла добрый урожай. Поселяне, отправляясь сеять, надевают на себя подвенечную сорочку»²⁹. Аналогичные примеры мы найдем и в других исследованиях³⁰. Академик Б.А. Рыбаков писал: «С глубочайшей древности переплелись в сознании земледельцев образ произрастающего в земле зерна с образом женщины, ожидающей рождения ребенка...»³¹

Прием симильной магии, доживший до XX в., по своей наглядности, колоритности и яркости, пожалуй, не имеет аналогов, хотя об участии беременных в свадебной обрядности славян имеются неоднократные упоминания. Так, в белорусском свадебном обряде женщины, изготовив каравай, перед посадкой его в печь поют:

Каравай мой румяны,
Ци багі цябе малевалі?
Малевалі мяне жонушкі,
А качалі мяне дзевачкі,
А хорошыя учынялі,
А прыгожыя мясілі,
А богатыя качалі,
А пузатыя сажалі³².

Обрядность восточных славян уходит в глубину истории на 4–5 тысячелетий. Так, идея использования в магических целях семени-зерна как начала новой жизни ярко выражена в пластике Триполья среднего и позднего периодов³³. А в русской аграрно-брачной обрядности эта идея дожила в значительно трансформированном виде до XX в.

Идея рождающей силы зерна усиливалась древним представлением о чудесной производительной силе женщины-матери. Магия плодородия «поля широкого» и магия человеческого плодородия слились в неразрывный комплекс взаимного магического воздействия на урожайность хлебных злаков и на счастливое материнство, на размножение домашних животных (чтобы скот плодился, чтобы хлеб родился, как поется в приведенной песне).

Идея женщины-матери как носительницы производительной силы зародилась во времена палеолита и отражала верования людей той далекой эпохи. Это превосходно раскрыто в трудах П.П. Ефименко, А.П. Окладникова и многих других советских ученых. Глубоко прав был А.П. Окладников, когда писал: «... вырезая статуэтку с преувеличенно большим разбухшим животом, древний мастер имел вначале пе-

ред собой живую модель: женщину-мать на одном из последних месяцев беременности. На этой основе он создал характерный обобщенный образ, который с предельной выразительностью, концентрированно фиксировал одну мысль: мысль плодородия, о чудесной производительной силе женщины-матери. Об этом лучше всего свидетельствуют сами статуетки. Каждая из них представляет собой как бы гимн, своего рода акафист, прославляющий женщину-мать и ее благодатное чрево. Это материализованная идея материнства, символ деторождения»³⁴.

Несомненно, магическое значение имел в свадебном обряде нечетный ряд сакральных чисел: 3, 5, 7, 9. Нечетным должно было быть количество певчих, родственников жениха, лошадей в поезде; троекратно повторялись некоторые приговоры и действия дружки, «три поля широкие» в песне не случайны, и находится в этом же ряду представлений как трехчастность композиций в народной вышивке и пр. Эти числа считались счастливыми и влияющими на судьбу.

Отдельные моменты русской свадьбы по своему озорству, метафоричности и яркой образности превосходят известные пассажи книги Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Особенно сочно и наглядно это выражено в приговорах дружки на заключительном этапе свадьбы³⁵. В них с помощью образного иносказания или обрядового сквернословия и срамословия наглядно изображен эротизм действий. По древним представлениям, эротизм и сквернословие влияли на плодovitость молодой и имели апотропейное значение – отвращали или нейтрализовали злых духов³⁶.

Весь рассмотренный нами материал подтверждает вывод академика Б.А. Рыбакова: «Общеизвестно, что идея плодородия в свадебной обрядности выступает в двух формах: во-первых, как будущая плодovitость девушки-невесты, а, во-вторых, как плодovitость вспаханной и засеянной земли (каравай хлеба, обсыпание зерном, подстилание соломки и т. п.). Женщина уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса. В этом слиянии аграрного и женственного начал сказывается не только внешнее уподобление по сходству сущности жизненных явлений, но и стремление слить в одних и тех же заклинаниях и благопожеланиях счастье новой семьи, рождение новых людей и урожайность полей, обеспечивающую это будущее счастье. Здесь мы видим тот самый комплекс, который выражался в древней Руси понятием “рожаницы” – покровительницы как рождаемости, так

и урожайности»³⁷.

Как видим, в крестьянском быту русского населения Сибири сохранялись вплоть до XX в. многие ритуалы и обряды не только славянского средневековья, но и представления, уходящие своими корнями в более древние, языческие времена. В свадебной обрядности находим множество архаичных ритуалов, символических действий, пережиточных явлений, которые, по традиции, бытовали на свадьбе, хотя их первоначальное религиозно-магическое значение не всегда осознавалось участниками этой общественной церемонии. Многие из ритуалов превратились в игру, увеселительное действо, потешное зрелище.

Так, в описании ангарской свадьбы, сделанном С.П. Розенбаумом и В.С. Арефьевым, обнаруживаем сражение девушек с дружкой и боярами, в которых девушки стреляют из «пичкалины» и самострела³⁸. Ритуальное сражение, по всей вероятности, являлось слабым игровым отражением бывшей когда-то настоящей борьбы половозрастной группы или же рода невесты с представителями (дружинниками) рода жениха. Мотив вооруженной борьбы за невесту был характерен для славянской свадебной обрядности и отражен в литературе, посвященной свадьбе³⁹. Частично это нашло отражение в известной хороводной песне-игре «Просо сеяли», где показана борьба двух групп (полков) за девушку⁴⁰.

Большой интерес представляет использование различных символических предметов и обрядовой еды в церемониале свадьбы. Принято считать, что обрядовые блюда отражали идею богатства, довольства и, конечно, плодovitости. Не случайно для этого использовали птиц, животных, якобы обладающих особой плодovitостью и поэтому оказывающих влияние на плодородие.

Во время свадьбы в ангарской деревне наряду с хлебом и солью и другими угощениями ставили на стол свиную голову (иногда телячью или баранью), украшенную разноцветной бумагой и полулуковицами⁴¹. Вероятно, в этом украшении стола нужно видеть пережиток тотемизма. Свинья в обрядности многих народов была символом плодородия, а свиная голова считалась могущественным оберегом⁴². В применении на свадебном пиру бараньей головы могло сказаться влияние бурят: для почетных гостей они всегда готовили голову барана.

После щей и жаркого стряпки подавали «кораб» – вид калача из пшеничной корки с загнутыми вверх концами, начиненный печенкой. Применяемый на свадьбе в ангарской деревне курник состоял из

пшеничной корки, начиненной хорошо сваренной в масле крупой. Но третий, так называемый «стряпкин курник», обязательно начиняли яйцами⁴³. Могли запекать в него курицу или утку.

Обрядовое печенье «краяно» (вероятно, искаженное «крояное» или «крояны» от слова кроить – делить) разносила невеста за вторым столованием у жениха. Это были блины с нарезанными кусками крутых яиц. Первым «краяно» подносилось невестой родителям жениха, потом своим, а затем всем гостям и боярам, которые, выпив рюмочку вина от жениха, одаривали молодую кто чем мог: обещали иногда корову (если богатые родители), овцу, телочку, кто курицу, кто коноплю, словом, все, что может годиться в хозяйстве⁴⁴.

В яркой форме подобный обряд сохранился у семейских Забайкалья. Приведем только некоторые примечательные детали этого свадебного ритуала. «Самое главное на свадьбе в доме невесты – это “блин”. Пекут его следующим образом. В сковороду фантастических размеров заливают яйца, масло, молоко, солят и ставят в печь. Затем румяный благоухающий “блин” ставится перед женихом и невестой. Жених для общего веселья долго ищет нож, но ножи попадают все некудышные: то кривой, то сломанный, то тупой, то маленький. Наконец, неизвестно откуда в руках жениха появляется огромный нож. Смех и шум стоит невыразимый. Жених режет “блин” по куску на каждого гостя. Невеста вилкой берет куски и наделяет ими присутствующих. В ответ каждый, получивший блин, берет той же вилкой со стола первый попавшийся кусок: хлеб, мясо, сало, пирожок, картофель и подает невесте, та складывает все это в запан (фартук. – *Ф. Б.*). Этот обряд, – заключает наблюдатель, – символизирует пожелание друзей невесте: живите, мол, богато, пусть в вашем доме всегда будут и хлеб, и мясо, и сало, и т. д.»⁴⁵

Колоритные подробности сообщает Л.Г. Горюнова, описывая обрядовые действия с курицей. (Известно, что курица, курник, куриные яйца были обязательной ритуальной едой на русской свадьбе.) «К свадьбе режут самую жирную курицу, ощипав и опалив, ее целиком жарят в печи. Остужают и украшают цветными лоскутами и бумажками. (Вспомним, что так же украшалась свиная голова на ангарской свадьбе. – *Ф. Б.*) Вся суть в том, чтобы не прозевать, когда внесут эту курицу (а вносят ее тайком, спрятав куда-нибудь под запан или под шаль). Гости уже хмельные. Хохотать уже нет сил, кажется, уже ничто не сможет

заставить их встать на ноги. И вдруг какой-то ловкач замечает курицу, вскакивает, и все, как по волшебству, бегут и хватаются за курицу, рвут ее на куски, запихивают в рот, и все мажутся жиром, кричат, хохочут, падают, но рвутся к курице. К вечеру гости, еще раз поздравив молодых, желают им “чтобы в год по ребенку”, бредут по домам».

Любопытен обычай одаривания молодых, называемый в Урлуке «хвасты». На «хвасты» остаются только самые родные и близкие. За угощением «гости хвастают, что они подарят невесте из хозяйства после уборки урожая или от приплода. На посулы не скупятся, сулят телочку, когда Пеструха отелится, барашка, гусей парочку, кабашка или свиночку. Но не словами называют животных... Один встает и мычит – значит бычка или телочку сулит; следующий встает и бекает – значит барашка приведет, какая-нибудь бабушка кукарекает – жди, невеста, курочек в хозяйство»⁴⁶. Здесь при помощи иносказания стремились скрыть от злых духов обещанное невесте. Конечно, эти ритуальные действия не осознавались участниками свадьбы как целенаправленные приемы продуцирующей и апотропейной магии. Сохранение подобных обрядов – явная дань традиции. Но в глубокую старину им придавалось исключительно большое значение.

Выставление на свадебном пиру украшенной свиной, телячьей или бараньей головы связано с идеей плодородия, благоденствия, изобилия. Эти животные широко использовались в календарной обрядности многих европейских народов⁴⁷. Поросяенок служил символом женского плодородия. То же значение придавалось курице. Ритуально-обрядовые «кораб», «курник», «краяно», «блин» имели своей целью повлиять на довольство и достаток молодой семьи. Использование в них яиц и каш отражало идею зарождения новой жизни. Они были символами ее нескончаемого круговорота, бессмертия. Поедая их, люди надеялись и на благополучное потомство, и на обеспечение урожая⁴⁸.

Вера в чудодейственную силу яиц идет из глубокой древности. Закономерность возрождения жизни через посредство яйца (яйцо – птица – яйцо) легла в основу идеи плодородия, возрождения, поэтому в магических обрядах яйцо заняло видное место. В растительном мире ему соответствует зерно-семя, применение которого в обрядовой пище имело то же значение.

Почему же эти архаические, магические приемы сохранились в рус-

ской свадьбе сибирского населения в такой яркой форме и дожили до XX столетия? По всей вероятности, этому способствовала известная изоляция русских в отдельных регионах Сибири либо религиозно-бытовая обособленность (у старообрядцев Забайкалья) и рутинный способ производства, зависимость хлеборобов от сил природы. К тому же в сибирских условиях постоянно приходилось отвоевывать земли у тайги. А для этого нужны были рабочие руки. Большие семьи в Сибири были крепче и зажиточнее. Рождение ребенка, особенно сына, было всегда желанным, и надежды на это «подкреплялись» различными магическими способами и обрядами, которые были направлены на продление рода, на процветание семьи, на плодородие полей, на плодovitость животных.

Рассмотренные материалы убедительно свидетельствуют о неразрывной связи календарной и свадебной обрядности. И эта обрядность в глубокой древности имела один исток. «Для их архаического состояния характерен своеобразный синкретизм, специфическая гармония аграрной и брачной магии, их взаимозаменяемость и взаимопроникновение. Этот архаический комплекс оказался исторически довольно устойчивым, несмотря на то что представления, которые когда-то легли в его основу, трансформировались и эволюционизировали»⁴⁹.

Примечания

¹ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М., 1957; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. XIX – начало XX в. М., 1979; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

² Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957. С. 39, 44, 50, 51, 111, 112, 133 и др.

³ Чистов К.В. Предисловие к кн. «Русский народный свадебный обряд». Л., 1978. С. 3.

⁴ История Сибири. Т. 2–3. Л., 1968.

⁵ Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Восточная Сибирь. Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд Иркутской губ. Иркутск, 1918. С. 45.

⁶ Скалозубов Н. Народный календарь // ЕТГМ. 1898. Вып. 9. С. 124.

⁷ Чичеров В.И. Указ. соч., с. 45.

⁸ Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 116.

⁹ Чичеров В.И. Указ. соч., с. 51.

¹⁰ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРГО. 1903. Кн. 30. С. 85–86.

¹¹ Львовский А. Пятница в жизни русского народа // Живописная Россия. 1902. Т. 2. С. 198; Малицкий Н.В. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства // Изв. ГАИМК. 1932. Т. II. Вып. 10. С. 5–12; Рыбаков Б.А. Указ. соч., с. 387–392; Чичеров В.И. Указ. соч., с. 57–62.

¹² Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX – начало XX в.) // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 151.

¹³ Неклепаев И.Я. Указ. соч., с. 83.

¹⁴ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 80.

¹⁵ Чичеров В.И. Указ. соч., с. 62.

¹⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч., с. 392.

¹⁷ Архив Литературного музея. Архив А.А. Савельева, ф. 1274-17, инв. № 4, л. 6–8.

¹⁸ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. № 118, 132.

¹⁹ Розенбаум С.П., Арефьев В.С. Свадьба в ангарской деревне. Иркутск, 1901. (Извлечено из: Изв. ВСОРГО. 1900. Т. 31. Вып. 1. С. 34–35.)

²⁰ Логиновский К. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Зап. Приамур. отд. РГО. 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 91.

²¹ Потанина Р.П. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981. С. 216.

²² Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа. По рукописи С.П. Каффки приготовил к печати Д.К. Зеленин // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1905. Т. 25. С. 38.

²³ Чардынская свадьба / зап. и сост. И. Зырянов. Пермь, 1961. С. 236.

²⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 214.

²⁵ Потанина Р. П. Обрядовые песни..., № 444.

²⁶ Там же, с. 216.

²⁷ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 79–80.

²⁸ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 99.

²⁹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1868. С. 746–747.

³⁰ См., напр.: Добровольский В.Н. Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии // Изв. ОРЯС АН. 1906. Т. 11. Кн. 4. С. 122 и др.

³¹ Рыбаков Б.А. Русалки и бог Симаргл-Перепплут // СА. 1967. № 2. С. 91.

³² Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956. С. 182.

³³ Бибииков С.Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы // СА. 1951. № 15. С. 135; Он же. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. Т. 38.

³⁴ Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С. 74.

³⁵ См.: Кузнецов А. Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия // Сб. отд. русского языка и словесности АН. 1902. Т. 22. № 5. С. 27.

³⁶ Пропп В.Я. Указ. соч., с. 119–125; Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. Т. 1. Пг., 1916. С. 186–188; Кагаров Е. Классификация и происхождение земледельческих обрядов // Изв. О-ва археол., истории и этнографии при Казанск. ун-те. 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 191–192.

³⁷ Рыбаков Б.А. Указ. соч., с. 42.

³⁸ Розенбаум С.П., Арефьев В.С. Указ. соч., с. 29–30.

³⁹ Никольский Н.М. Указ. соч.

⁴⁰ Тихоницкая Н.Н. Русская народная игра «Просо сеяли» // СЭ. 1938. № 1. С. 145–166.

⁴¹ Розенбаум С.П., Арефьев В.С. Указ. соч., с. 22.

⁴² Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. Л., 1929. С. 181.

⁴³ Розенбаум С.П., Арефьев В.С. Указ. соч., с. 25, 38.

⁴⁴ Там же, с. 38–39.

⁴⁵ Горюнова Л.Г. Урлукски+й свадебный обряд // Комсомолец Забайкалья. 1963. 13 сент. Автор использовал также материал из рукописного журнала «Край родной», который выпускали учителя и учащиеся Урлукской средней школы в 1960-е гг.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 767–768; Т. 2. С. 255; Богаевский Б.Л. Указ. соч., с. 60, 196; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начала XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 13, 37, 57, 313, 338 и др.

⁴⁸ Богаевский Б.Л. Указ. соч., с. 196–197.

⁴⁹ Чистов К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1974. С. 15.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ У СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Тема охраны здоровья в крестьянской среде, тем более в старообрядческой, заслуживает пристального внимания исследователей. Эта часть русского населения не признавала официальной научной медицины вплоть до установления советской власти, но прирост населения среди староверов Забайкалья был выше естественного прироста всех остальных групп населения, в отдельные годы – в 5 раз. Семейские женщины рожали от 10 до 24 детей¹. Из-за непризнания светской медицины у староверов была очень высока детская смертность². Только от оспы умирало в отдельные годы половина родившихся детей. Оставшаяся часть вырастала крепкой, сильной, здоровой. Об этом писали многие авторы, хорошо знавшие семейских. Так, исправник В.В. Глуховцев, 20 лет служивший в Забайкалье, автор нескольких статей о жизни и быте старообрядческого населения, заслуживший у семейских нелестную репутацию притеснителя староверов, писал: «О физическом же развитии женщин и девушек можно судить по той легкости, с какой они носят пятипудовые кули с мукой и молотят наравне с любым мужчиной».

В здоровом теле – здоровый дух. Ни на ком не оправдывается эта пословица более, как на наших семейских»³.

Другой автор вторит: «О здоровом сложении старообрядцев можно заключить из того, что скушав несколько кусков свиного сала, они выпивают ковш холодной воды или кваса и с ними не бывает курьезных последствий»⁴.

О здоровье забайкальских староверов хорошо отзывались и декабристы. А.Е. Розен о семейских писал: «...народ сильный и здоровый. Они поддерживают свою крепость, свое здоровье прилежным трудом и здоровою пищею»⁵. Он также констатирует, что «они не употребляют ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарств, все это почитают за грех»⁶.

---

*Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. История, филология и философия. Вып. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 17–22.

Относительно приема лекарств старообрядцами необходимо уточнить. Они не принимали снадобья, рекомендованные официальной медициной, а средства народного врачевания были у них в большом употреблении. По этому поводу профессор Н.Ф. Высоцкий писал: «Старообрядцы лечатся исключительно растительными средствами; по их понятиям, травы и корни указаны самим богом, а лекарства металлические, аптечные, обработанные аптекарями-немцами, поганы; принимать их грешно, ибо они выдуманы людьми»⁷.

В начале XX в. исследователь Г.М. Осокин тоже отметил: «Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»⁸.

Итак, постоянный размеренный труд, здоровая пища, правильная жизнь, отсутствие вредных привычек – вот основа здоровья семейских. Но проникновение буржуазных отношений в старообрядческую деревню, постепенное разрушение бывших патриархальных устоев в крестьянских семьях не могли не повлиять на крепость староверческих запретов. В связи с этим возникает вопрос. Каким образом общины старообрядцев сохраняли свои заповеди и запреты, выдержку и моральную стойкость в борьбе с негативными явлениями, которые разными путями вторгались в старообрядческие гнезда? Рост численности населения привел к малоземелью. Надельной земли на душу населения в больших многолюдных староверческих селах приходилось мало. Получают развитие отхожие промыслы, ремесла. В села нахлынули торговцы разных мастей.

Дополнительные заработки, вызванные отхожими промыслами, работа на золотых приисках, на строительстве железной дороги создали хорошую питательную среду для торговцев и ростовщиков. Заработанные крестьянами деньги они умело выкачивали из их карманов. В селах растет число мануфактурных лавок, питейных заведений. В связи с этим небезынтересно проследить, как в русских (семейских) селениях плодятся кабаки. Наглядную картину этого явления нам помогут раскрыть архивные материалы, обнаруженные нами в различных архивохранилищах страны, и данные исследователей и путешественников, опубликованные в старой периодической печати, а также наши полевые сборы.

В 1835 г. в Тарбагатайской волости, состоящей из 13 селений, было

всего 3 питейных дома. Они располагались в самых крупных селах: в Тарбагатайской слободе, Куйтуне и Куналее. Причем в двух первых населенных пунктах значительную прослойку составляли крестьяне-сибиряки и карымы, бывшие ясачные, перешедшие в класс земледельцев и прошедшие значительную метисацию с русскими старожилами. Только в Куналее проживали в основном старообрядцы. В тот год пуд ржаной муки стоил от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 30 коп. Ведро простого вина оценивалось в 10 руб. Земледельцу за месяц работы платили тоже 10–11 руб. «Чаю, табаку, лутчих виноградных вин в продаже не имелось», – говорится в документе.

Но уже примерно через 30 лет обстановка круто меняется. В Тарбагатайской волости – житнице Верхнеудинска, в 1866–1867 гг. купцом И.Ф. Голдобиним устраивается винокуренный завод⁹. В 1867 г. в Мухоршибирской волости И.В. Паршин насчитал 26 питейных заведений, в Куналейской (т. е. Бичурской) – 10 и винный завод, строящийся при устье речки Бичуры¹⁰. В Урлукской волости действовало 60 питейных заведений. Только в Урлуке и в смежном Баян Былыкском появилось 11 питейных заведений¹¹.

Чем же вызвано такое обилие кабаков, появившихся в старожильческих и старообрядческих селениях во второй половине XIX в. в Забайкалье? Ведь известно, что в Забайкальской и Якутской областях потребление вина сельским населением было самым низким в Сибири. В 1904–1908 гг. сельское население Сибири потребляло в среднем 0,64 ведра на одну душу, т. е. на 42 % более против среднего уровня для России вообще. В Забайкальской области потреблялось на душу 0,41 ведра. Это на 9 % менее средней для всего государства¹². Отметим еще один фактор – потребление вина в Забайкалье резко усилилось в связи с непопулярной в народе русско-японской войной 1904–1905 гг.¹³

В среднем сибиряк пропивал в год на 2 с лишком рубля больше, чем его российский собрат. Причем городское население выпивало в 3,5 раза больше, чем деревенское¹⁴.

Меньшее потребление вина в Забайкалье можно объяснить и тем, что существенную часть населения составляли староверы, у которых пить вино запрещалось, но развитие золотопромышленности в крае и вообще в Восточной Сибири повлекло за собой в летнее время из сельской местности отток населения, у которого появились невиданные до этого деньги, заработанные на приисках, железной дороге, извозом,

ямщиной (впрочем, этим крестьяне занимались и зимой). С пуском винокуренных заводов легче стало сбывать хлеб, иногда за сданный на завод хлеб предприниматели платили натурой, т. е. спиртом. Газета «Сибирь» (№ 5 за 1882 г.) писала: «В нынешний год в Мухоршибирской волости нанято рабочих людей для приисков Зейской К^о Сабашникова – 155, Ононской 1 К^о – 170, Бр. Бутиных – 180 и для и приисков разных К^о – 100, всего 780 человек, которым выдано в задаток... по 115-ти рублей, т. е. 89700. Следовательно, наем рабочих людей приносит ежегодно около 100000 одной Мухоршибирской волости. Спрашивается, куда расходуется такая масса денег? Одна треть этих денег поступает в уплату податей, на разные общественные повинности и на пополнение экономических хлебных магазинов; другая треть попадает в кабаки, и из последней трети получаемого задатка более половины остается у торгующих в Мухоршибири купцов, и только половина последней трети идет собственно на домашние крестьянские расходы». Далее автор с горечью пишет, что «с уходом рабочего на прииски пашня его остается не обработанной, и хлеб он должен покупать... Земледелие падает, торговля в застое, а край во всем терпит дороговизну. Цветут только золотопромышленные компании да кабаки. Вдвое цветет тот, кто золотопромышленник и кабатчик вместе...»¹⁵

Работа на приисках пагубно отражалась на физическом и духовном здоровье народа. Об этом писали все исследователи. Так, Ю. Талько-Грынцевич отмечал: «Уход на золотые прииски – дело неблагоприятное. Ибо оттуда молодые приносят страсть к водке, табаку, картам и сквернословию, которые считались грехом»¹⁶. Естественно, среди владельцев золотых приисков и питейных заведений не было «обувателей», зато было много разувателей, обирателей, разорителей. Корчемное дело ставится на широкую ногу. Кабаки проникают и в семейские села. Но народ не дремлет и всячески борется с этим злом. Отношение русского населения Забайкалья к водке было однозначным. Водка – это зло. А со всяким злом нужна энергичная борьба. И люди боролись за трезвый здоровый образ жизни всеми способами. Активно в это благородное дело включался фольклор, действовали рациональные запреты, религиозно-нравственная назидательность. Народная мудрость наставляла: «кто вино любит, тот себя губит», «меньше пить – дольше жить», «с вином поводишься – нагишом находишься», «пьяный храбрится, а проспится

– сви́ньи бо́ится», «у него совесть в бутылке задохнулась»¹⁷ и т. п.

Большое распространение имели апокрифические сочинения религиозно-нравственного содержания, которые часто ходили в рукописях, особенно среди старообрядцев. А.М. Селищев приводит в своей книге о семейских один такой апокриф: «О хмельном питии, от чего устави-ся горелное вино душопагубное. Братие, послушайте сего благовестия и разумеите, что хмельное питие от беса сотворено на пагубу душам православным христианом и на вечную муку». В нем говорится, как сатана, чтобы противодействовать распространению христианства, послал на землю пьяного беса, а этот бес нарвал на горе травы (на полях замечено: «хмелю»), коей была прельщена Ноева жена, и показал одному человеку, как варить хмельное питье. Сварил человек хмельное питье и отослал царю. Царю понравилось оно и через него распространилось в народе. «И разнесе то пьяное питие в Цыцарию и в Литву и по всем царствам и странам. Потом на кончину века сего и к нам прииде в русскую страну на погибель душам христианским и на вечную муку. И потом прииде в русскую страну злая брань матерная на осквернение земли и воздуху и всей твари. И затем прииде в русскую страну антихристово питие сухая табака, в ней же наипаче человецы повредишася...»¹⁸

Курение табака в старообрядческом обществе всячески преследовалось и пресекалось. «Кто из православных христиан дерзнети пити табак, да будет проклят». С табакуром «не молиться, не есть, не пить, ибо он предался в руки бесов мрачных. Когда умрет, то гроба ему не давати, но бросить в яму или в овраг на съедение зверям». В обиходе крестьян-старообрядцев нередко употреблялись и такие выражения: «Кто курит табачи, тот хуже собаки», «Кто курит, тот бога от себя турит».

Словом, пропаганда против пьянства и курения велась всеми доступными крестьянам способами. В этом плане интерес представляет устрашающая выдержка, направленная против табакокурения, извлеченная из весьма распространенной среди староверов книги «Цветник»: «Аще который человек начнет держати сию бесовскую и богом ненавидимую и святыми отцы отреченную смердящую траву табак и употребить какими либо действиями: то у того человека мозг во главе его укрушит и вместо мозга внидет в главу его та смердящая воня, изгубит в нем мозг его и начнет тако пребывати неточию (не только) в

единой главе, но и во всех костях его, и вместо мозга в голове его будет зола».

Когда религиозно-этические и рациональные запреты не действовали, то прибегали крестьяне-общинники к крутым мерам общественного воздействия. Конечно, это были вынужденные формы воспитания или даже принуждения, дабы уберечь общину, сельское общество от пагубного увлечения водкой и табаком, от распространения винопития и табакокурения, а также с целью предотвратить разрушение нравственных устоев общества. Не случайно старообрядческие книжники в Забайкалье писали: «Блудник, пьяница и ленивый на единой колеснице». Эти пороки осуждались не только внутри общины староверов, но и у местного населения. Осуждение семейскими лени и пьянства у сибиряков зафиксировали А.Е. Розен и известный этнограф С.В. Максимов. Последний писал: «Сибирским народом недовольны как бичурские семейские, так и мухоршибирские... Хозяйство у них – второе дело. У нас молодежь до 20 лет водки не смеет пить, а у тех (сибиряков. – Ф. Б.) ему и в этом воля. Казаки же народ совсем гиблой и не домовитой»¹⁹.

Как видим, молодым людям у старообрядцев Забайкалья запрещалось пить вино до 20 лет. Обычно молодой человек пригублял рюмку водки или вина в первый раз только в день свадьбы. Женщины, как правило, не пили горячительные напитки в течение всей жизни. Поэтому даже в 50–55 лет семейские женщины выглядели довольно молодо, лет на 10–12 моложе своего возраста. Этому способствовали здоровый труд, без надсады, равномерно распределенный между всеми членами семьи, здоровая пища, согласованность супругов во всех делах, отсутствие вредных привычек и естественная нормальная физиологическая жизнь без прерывания беременности, без вмешательства повитух.

К мерам общественного воздействия отнесем всеобщее осуждение опустившегося человека, церковное проклятие. Опойц не хоронили на общем кладбище, в пьющую семью не выдавали дочерей замуж. Выпи-вох при таком отношении было мало или даже в больших селах не было совсем. Если все перечисленные способы воздействия не оказывали на пьющего должного влияния, то прибегали к весьма старинному исправительному средству. У волостного правления устанавливали столб, к нему привязывали на некоторое время (на день, на три), смотря по провинности человека, по какой-либо причине пристрастившегося к вы-

пивке. Каждый прохожий осуждал, бранил, ругал бедолагу. Некоторые старушки даже плевали на пьяницу. Эта средневековая мера – выставить человека на всеобщий позор, была, конечно, вынужденным, но эффективным профилактическим средством. Повторно на такой позор мог пойти только совершенно опустившийся или неизлечимо больной человек. Позорный столб – мера крайняя. В основном старoverы старались воспитывать человека высокоубежденного в полезности существующих запретов, развитого умственно и нравственно. Для этого они предпринимали очень тонкие способы воздействия на человека, на его психику, на его ум, на его эмоциональное восприятие, на его чувства. Такие меры напоминают одно из высказываний А.И. Герцена в «Былое и думах». Он писал: «Вино оглушает человека, дает возможность забыться, искусственно веселит, раздражает; это оглушение и раздражение тем больше нравятся, чем меньше человек развит и чем больше сведен на узкую, пустую жизнь». Степень развития старообрядцев не была низкой. Высокий уровень их интеллектуальной жизни отмечают большинство исследователей их культуры и быта.

Даже материальные соблазны и выгоды не могли поколебать их преданности своим заветам и обычаям. Так, они терпели земельную нужду, но не вступали в состав более богатого общества, в котором не запрещалось курение табака. Так, в начале XX в. семейские крестьяне селения Ново-Павловское не вошли в состав с. Тангинского, населенного украинцами и переселенцами, любителями табака. Последние имели богатые земельные наделы, и семейские могли бы за их счет получить дополнительные земельные участки. Курить – грех, с табакурами общаться – тоже грех. Исследователь А. Добромыслов в 1925 г. писал: «Дети иногда женатые стесняются курить при стариках. Даже старoverы, принявшие единоверие и православного попа, не признавали его, если он курил табак (чертово зелье). По селу Аленгую священник ходил с крестом в один из праздников, заставляя жителей целовать крест. Одна из старух сказала: “Из рук твоих, беруших табак, крест целовать не буду”. Священник вынужден был положить крест на стол, и только тогда старуха поцеловала этот крест»²⁰.

Газета «Забайкалье» (№ 63 за 1902 г.) приводит тоже яркий пример противодействия старoverов проникновению кабаков в их села. «Село Большой Куналей – жители в нем – народ зажиточный – семейские. С 1 января хотели открыть питейное заведение, но против этого восстали

старики-наставники, уверяя односельчан, что они таким путем попадутся в лапы сатаны и за такое деяние будет божья гроза, крестьяне отказали от открытия общественного кабака. Один из верхнеудинских виноторговцев предлагал куналейцам 1000 рублей за приговор в его пользу, но куналейцы и этого не хотели...»

В августе 1914 г. сельский сход этого же села в целях борьбы с пьянством постановил закрыть в селе казенную винную лавку. В документе говорится: «Должностным лицам волостного и сельского управления поручается строго следить за тайной продажей вина и на виновных составлять протоколы и наказывать». Протокол подписали 568 домохозяев²¹.

Таковы некоторые интересные материалы о способах охраны здоровья, о методах и средствах борьбы против пьянства и курения табака, которыми пользовались русские крестьяне-старообрядцы Забайкалья на протяжении XIX и в начале XX в. В их действиях проявлялся не только инстинкт самосохранения, но твердое осознание пагубности пьянства. Накопленный народом опыт борьбы с развращающими явлениями в русском обществе, несомненно, может быть ценен и в наше время, когда борьба с пьянством принимает всенародный характер. Думается, что общество, находящееся на более высокой ступени своего развития и культуры, не может не быть внимательным к рациональным крупицам народного опыта.

Примечания

¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинское отд-ние Приамурского отд. РГО. 1984. № 2. С. 24.

² Там же, с. 22, 24.

³ Глуховцев В.В. Семейские (из личных наблюдений бичурца) // Восточное обозрение. 1901. № 17.

⁴ Паршин Н.В. От Верхнеудинска до Урлука // Иркутские губ. ведомости. 1867. № 29.

⁵ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 252–253.

⁶ Высоцкий П. Ф. Народная медицина. М., 1911. С. 114.

⁷ Осокин Г.М. На границе Монголии // Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 65.

⁸ ЦГА БурАССР, ф. 207, оп. 1, д. 88, л. 32–33.

- ⁹ Иркутские губ. ведомости. 1867. № 47.
- ¹⁰ Паршин Н.В. Указ. соч., № 46.
- ¹¹ Там же, № 37.
- ¹² Б. П. Пьяная Сибирь // Сибирь. 1910. № 192.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Цит. по: Мишла (М. И. Орфанов). В дали (Из прошлого) // Рассказы из вольной и невольной жизни. М., 1883. С. 98–99.
- ¹⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Указ. соч., с. 25.
- ¹⁷ Фольклор семейских. Улан-Удэ, 1963.
- ¹⁸ Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 34–35.
- ¹⁹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1. СПб., 1987. С. 324–325.
- ²⁰ Архив Читинского областного музея, ф. 12, оп. 1, д. 14.
- ²¹ ЦГА БурАССР, ф. 52, од. 1, д. 6, л. 149.

РОЛЬ УДИНСКИХ КАЗАКОВ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII ВЕКЕ*

Заселение Забайкалья русскими людьми происходило в русле российской государственной геополитики, основная цель которой состояла в закреплении России на восточных рубежах и хозяйственном освоении этого края. В 1666 г. недалеко от впадения Уды в р. Селенгу на высоком скалистом берегу казаками Осипом Васильевым, Гаврилом Ловцовым, Любимом Федоровым с «товарищи» было построено зимовье, ставшее основанием Удинского острога, а затем г. Верхнеудинска (ныне – Улан-Удэ). Остроги строили с целью защиты от набегов монголов и закрепления русских людей для дальнейшего освоения территории Забайкалья и продвижения на восток.

По документам конца XVIII в., Удинский острог выглядел следующим образом: «С левой стороны Селенги реки с востоку идет Уда река, над ней Удинский город в близости от Удинского устья. Стоит на горе. У города часовня. Посад над горою. На посадке дворов жилетцких людей и казачьих изб со сто. В городе строены четыре башни четвероугольные, пятая на углу осмиугольная. В городе изба караульная, погреб зелейный (пороховой) над ними сарай»¹.

Избрант Идес в своих записках о русском посольстве в Китай (1692–1695) об Удинске сообщает: «Этот острог стоит на высокой горе, но большая часть населения живет у подножия горы, по реке Уда... В этом городе имеется большой гарнизон русских казаков, так как здесь проходит граница с землями монголов. Город Удинск считается воротами в Даурию, летом сюда очень часто являются монголы и уводят с пастбищ возле города лошадей. Для земледелия эта область малопригодна, так как она очень гориста. Но здесь много огородов, где выращивают карусту, репу, морковь и т. д.»².

Как видим, острог представляет военную крепость, где через четверть века русские построили около сотни изб, часовню, развели возле острога свои огороды и выращивают необходимые овощи.

---

* Первые Ермаковские чтения: «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: мат-лы регион. конф. Новосибирск, 2009. С 214–220.

Удинский острог оказался на удачном месте, поэтому «считается воротами в Даурию» и становится одним из основных опорных пунктов Западного Забайкалья. В нем растет число служилых людей, которые несут ратную службу, охраняют границу, сопровождают караваны и осуществляют функции управления краем, облагают ясаком местное население и содержатся за счет казны. Но из-за трудности доставки продовольствия не хватает. Отсутствие хлебопашества в Забайкалье приводило к огромным расходам на доставку провианта. Это понуждало служилых людей заняться земледелием. Во второй половине XII в. в этих краях появляются первые островки русского земледелия: дачи, заимки, деревни. Многие из них основали удинские казаки. В указе Петра I 1703 г. было отмечено, что на «породных землях, на тех де их кочевных местах удинские казаки многие заимками поселились по правую сторону (р. Селенги. – *Ф.Б.*) и ниже реки Чикойю по Хилку, по Тугную, по Уде и по Итанце подле Байкала моря»³.

В первой половине XVIII в. служилые люди составляли основную часть русского населения Забайкалья. «В 1714 году в Нерчинске и подведомственных ему острогах значился 501 служилый человек, в 1720 г. в Селенгинском остроге – 261, в Кабанском – 21, Баргузинском – 41, Удинском – 195, Ильинской слободе – 20 человек»⁴.

Эти числа свидетельствуют о незначительном количестве русских людей в этом крае. По данным Е.М. Залкинда, в начале XVIII в. Западное Забайкалье (тогда Селенгинский уезд, позже Верхнеудинский округ) было почти целиком «инородческим» краем⁵.

Русские поселения были расположены по р. Селенге и по ее притокам. Так, от Удинска до Байкала насчитывалось 392 двора.

П.С. Паллас в 1772 г. отметил множество деревень у Верхнеудинска, 21 деревню по Хилку, 7 – по Тугную, 21 – у Тарбагатая, 2 слободы и 30 деревень на Чикое; 3 острога, 3 слободы и 40 деревень в нижнем течении Селенги⁶.

Историю первых поселений необходимо связывать с казачьей колонизацией. Сибирь создавалась в сложнейших условиях. И основные тяготы по ее первоначальному освоению легли на служилых и промышленных людей. Крестьяне, идя следом за ними, своим трудом окончательно закрепили их завоевания.

Во второй половине XVIII в. переселение в Забайкалье усилилось. Там среди бурятских и эвенкийских кочевий возникает целая сеть рус-

ских деревень, заимок. «В 1791 г. в Верхнеудинском уезде насчитывалось 252 поселения, в том числе два города – Верхнеудинск и Селенгинск, три острога – Кабанский, Ильинский и Итанцинский, три крепости – Троицкосавская с Кяхтинским форпостом, Петропавловская, Кударинская, 13 казачьих караулов, затем слободы и деревни. Из 48437 жителей уезда 20000 составляли русские»⁷.

Первоначально все предметы жизнеобеспечения и орудия труда ввозились из России – одежда, обувь, посуда, оружие, инструменты, сельхозинвентарь и т. п.

Первый русский хлеб в Западном Забайкалье был получен казачьим десятником Любимом Федоровым в 1670 г.⁸ В целом «роль русских в общем развитии Сибири исключительно велика»⁹. Опыт русского народа в освоении просторов Сибири и Дальнего Востока заслуживает самого серьезного внимания. Без его изучения мы не можем достойно представить Сибирь в анналах истории. Но до сих пор большое внимание и значительные средства выделяются на изучение истории и культуры аборигенов этого огромного региона.

Роль служилых людей в земледельческом освоении Забайкалья изучена еще недостаточно, хотя начало этого процесса было положено казаками. «Служилых людей проживало здесь в 3–4 раза больше, чем крестьян, поэтому их перевод с хлебного оклада на службу «с пашни» давал возможность увеличить число земледельческого населения, расширить масштабы освоения края»¹⁰.

Заинтересованность казаков в хлебопашестве Л.В. Машанова объясняет обременительностью военной службы, заманчивой возможностью выращивать и продавать хлеб, которого в это время не хватало¹¹.

По данным В.И. Шункова, в Нерчинском уезде в 1714 г. из 501 человека 319 казаков служили с «пашни». Они обрабатывали около 2 тыс. десятин земли – в 4 раза больше, чем крестьяне¹². Как видим, забайкальское казачество освоило под хлебопашество значительную площадь. Для этого потребовалось немалые усилия, определенные агротехнические знания и земледельческий опыт, полученный на прежнем местожительстве и примененный в новых климатических условиях. Этот опыт, как показала практика, оказался удачным. Казаки по активной ведущей роли явились пионерами и были на «переднем крае» колонизации. О том, как им приходилось поднимать целину, раскорчевывать лес для пашни и лугов, мы опишем ниже.

Казаки были дюжие и всесторонне развитые люди. В их челобитных постоянно присутствует почти установившаяся формула: «И был я, государь, во всяких твоих службах: и в пешей, и в конной, и в лыжной, и в стружной, и в пушкарях, и в затинщиках, и у строения острогов, и у сбора твоего, государь, ясака, и в толмачах, и в жожах»¹³.

В начальный период освоения Забайкалья «казаки помимо отнесения своих военно-административных обязанностей занимались звероловством и рыболовством. Весьма видное участие принимали они и в земледелии приселенгинского района. Здесь казакам принадлежали “заимки”, являвшиеся главными опорными пунктами распространения земледельческой культуры в Прибайкалье.

Класс пашенных людей – крестьянства только что начал складываться...»¹⁴ «Первые русские переселенцы охотнее всего брались за скотоводство, испытанное уже туземцами... эта общность занятий с бурятами содействовала более тесному с ними сближению, а вместе с тем – заимствованию от бурят их опытности, понятий и взглядов; постепенно усвоены были и язык, приметы и изделия бурят; принадлежность для седловки лошадей в пограничных казачьих станицах заимствована целиком у бурят и даже удержаны названия бурятские. В домашнем быту казаки также заимствовали много от бурят»¹⁵.

М. О-в (Орфанов) писал: «...русские здесь... одеваются многие совершенно “по-братски”, говорят по-бурятски, женятся на бурятках. Многие казаки, живущие по китайской границе, по так называемым караулам, в районе второго конного отдела бросили даже хлеб сеять, занимаясь как буряты исключительно скотоводством»¹⁶.

В.И. Шунков, выдающийся историк Сибири, писал, что в начальный период существования Бурятии в составе Русского государства «заимки казаков по своим размерам запашки обычно не превышали хозяйства, которое может быть обработано силами семьи». То есть семьи казаков не прибегали к помощи наемных работников, а вели хозяйство собственными силами. Но это происходило при наличии большой семьи... Казачья верхушка могла иметь дворовых. Земледельческие поселения русских разрешали сложную продовольственную проблему Забайкалья, но и создавали ту земледельческую базу, послужившую для продвижения на Восток... Земледельческие очаги в Забайкалье являлись восточным форпостом сибирского земледелия. Они сыграли свою огромную роль в общем процессе земледельческого освоения Си-

бири, Амура и Дальнего Востока. И эта роль оказалась возможной для Бурятии в результате ее вхождения в состав Русского государства»¹⁷.

Л.В. Машанова тоже считает, что «нести крестьянское тягло и выполнять всевозможные повинности легче было большим семьям. К тому же и условия забайкальского земледелия требовали большого числа рабочих рук». В связи с чем в некоторых крестьянских и казачьих хозяйствах был использован чужой труд, труд «строшных» (срочных) работников и дворовых людей¹⁸.

«Особенностью первоначального освоения Забайкалья было преобладание не крестьянской, а военно-служилой (казачьей) колонизации. В количественном отношении служилые люди в 3–4 раза превосходили крестьян. Эта была самая большая категория населения края». В 1720 г. около 50 % служилых людей в Забайкалье занимались земледелием¹⁹.

Из 328 дворов сельского населения только 88 дворов принадлежали пашенным крестьянам, что составляло примерно 25 %, служилые занимали 148 дворов. Упомянутые 328 дворов засевали 1054 десятины пашни, то есть по 3,2 десятины на двор. Хлеба производили мало. Многие деревни его не производили и в казну не платили, другие же могли уплачивать только оброк и «пятинный вариант». Пятидесятник Надеин в 1764 г. отмечал, что лишь у некоторых есть «по малой части хлеба продать в излишке»²⁰.

При таком состоянии русского земледелия в Забайкалье в XVIII в. правительство вынуждено было предпринять ряд мер, способствующих развитию хлебопашества в крае.

С этой целью центральные и местные власти, которые не всегда могли вовремя выплачивать хлебное жалованье служилым людям (дворянам, боярским детям, казакам) за их службу и крайне заинтересованные в экономии казенных средств, старались перевести служилых людей на службу с пашни и самим осваивать новые земли и получать урожай. Для этого казакам стали отводить земельный надел вместо «государева хлебного жалования».

«С 1736 года конным казакам выделялось по 5 десятин в одном поле... с излишне засеянных площадей, превышающих вышеустановленную норму, по указу Сибирской казенной канцелярии от 25 сентября 1732 г. стали взимать с казаков 1/5 часть урожая. Это так на-

зываемый “пятинный выдел”». Его обязаны были уплачивать казаки, которые, получая хлебное жалованье, сеяли хлеб»²¹.

В 1720–1750-е гг. российские власти, стремясь сократить расходы на содержание служилых людей, стараются как можно большее число казаков перевести на службу с пашни, т. е. заставить их нести службу и одновременно заниматься земледелием.

Верхушка служилых людей или просто богатые казаки не могли обходиться без труда «строшных» или дворовых людей. Это были промышленные или гулящие люди, не имевшие своих дворов и средств к существованию... нередко женатых на дворовых, «иноземных бабах»²². Или в их число входили «новокрещенные» из бурят.

Русским земледельцам при освоении новых пространств приходилось отвоевывать участки земли под пашни и покосы, расчищая леса, осушая болота. Одной семье подобная работа была не под силу. Казаки и крестьяне расчистку вели сообща или привлекали к такой работе наемных работников.

Как велась расчистка лесов под пашни, мне уже приходилось писать²³. Но еще приведу архивный материал, дающий некоторое представление о подготовке «росчищи». Обычно расчистка длится несколько лет. Сначала необходимо подрубить деревья, дать им высохнуть, потом сжечь, дать достаточно сгнить корням, выкорчевать пни. Удобренная золой сожженного леса земля несколько лет дает удовлетворительные урожаи, а затем оставляется отдыхать иногда на десяток лет, чтобы накопить новый запас сил²⁴.

Как казак осваивал землю, как приобщался к пашне, об этом некоторое представление дают архивные материалы. В Национальном архиве Республики Бурятия мне удалось найти доношение местным властям и челобитную на имя императрицы Екатерины II от вдовы казачьего пятидесятника И.И. Надеина Домны Осиповой. Это очень ценные документы. Их можно считать ярким образцом деловой документации, авторами которой являются вдова пятидесятника и ее родной брат казачий капрал Василий Грязной. В челобитной в очень сжатой форме сообщено очень много фактов из жизни казачьей семьи, об особенностях землевладения в условиях феодального государства, которое было полным собственником земли, а не тех казаков и крестьян, что ее обрабатывали, расчищали лес, поднимали целину. Наглядно показано бесправие вдовы после смерти мужа, оставшейся без наследника мужского пола.

О жизни казачьего пятидесятника Ивана Ивановича Надеина (1702–1774), об его хозяйственной и общественной деятельности мы до сих пор имели весьма отрывочные сведения. Историки, не имея документальных данных, могли только догадываться и предполагать, что его имя закрепилось за селом Надеино в Тарбагатайском районе Бурятии. Найденные документы наглядно свидетельствуют о том, что на месте теперешнего с. Надеино пятидесятник конных казаков Удинска пригорода И.И. Надеин «имел за хлебное жалование во владении пахотную землю и сенные покосы по течению реки Куйтуна на правой стороне по ключам, называемым Улянтуем».

Это был деятельный и зажиточный казак. По словам его жены Домны Осиповой, он «состоял действительно в конной казачьей службе более 30 годов и с первых лет бытия в службе з дозволения команды поселился он домовым обзаведением ведомства г. Удинска при речках, называемых Куйтуну и Сулдуре, на порозжем месте, на котором ничьего строения не было, и в оных урочищах имел он за хлебное жалование отведенные ему из порозжей дерновой пахотной земли пятнадцать десятин сенных покосов на полтораста копен и на тей пахотной земле и сенных покосах *по новости* (курсив авт. – Ф.Б.) расчищал лес и распахивал, и городьбою огородил, прилагая к тому рачительство и большие труды сам собою и наемными работниками на что не малое свое издвигение употребил...»²⁵

Данное сообщение подано на имя императрицы Екатерины Алексеевны 26 ноября 1779 г., челобитная написана на четырех страницах. Полный текст ее будет опубликован в другом научном издании. А в настоящей статье прокомментирую отдельные важные факты из жизни И.И. Надеина, приведенные в цитируемом отрывке. Из предыдущего материала и из «Росписей Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви» нам известно, что отставной пятидесятник Иван Надеин с 1771 г. находится в отставке, а умер в 1774 г. Следовательно, служба его началась примерно в 1740 г. и с этого времени «с дозволения команды поселился он домовым обзаведением при речках Куйтуне и Сулдуре». В тех же «урочищах имел он за хлебное жалование отведенные ему из порозжей дерновой (т. е. никем не занятой и не обработанной. – Ф.Б.) земли 15 десятин и сенных покосов на полтораста копен». На этих землях он «по новости расчищал лес и распахивал и городьбой городил»,

т. е. окультурил, освоил часть девственной природы. Все это делал сам, а также привлекал наемных работников.

В их числе у Надеина был дворовый Иван Давыдов сын Бейтонов, 25 л., жена его Мария Ивановна, 25 л. Дворовые были полностью зависимы от хозяина, а иметь их могли дворяне, боярские дети и богатые казаки. В 1766 г. у пятидесятника Надеина живет новый «восприемник» Иван Иванов Толмачев, ему 22 г., жене его Дарье Григорьевой, 19 л.²⁶ Вот те лица, зависимые от хозяина, которые помогали ему корчевать лес, поднимать новину, возводить городьбу. Таким образом, основание деревни Надеинской, или Сунтуринской, можно отнести к началу 1740-х гг., а основателем ее является казачий пятидесятник Иван Иванович Надеин.

О самом И.И. Надеине известно немного. В июле 1762 г. надзиратель Иван Надеин участвует в проведении III ревизии в Хилокской деревне²⁷. Надзиратель обычно осуществлял надзор за населением какой-то части ведомства или уезда. Так он надзирает за десятинным хлебопашеством, занимается подготовкой провианта при поселении старообрядцев и т. д. И все это время он живет на своем подворье, которое позднее с поселением здесь старообрядцев и нескольких семей старожилов, казаков станет называться деревней Надеиной, или Сунтуринской, относящейся к ведомству г. Удинска, и является прихожанином Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви.

Таковы новые данные об освоении одного из дивных уголков Забайкалья казаком, затем казачьим пятидесятником И.И. Надеиным и об истории возникновения села Надеино.

По документам 1746 г., казаки-прихожане Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви выделены в следующие категории.

1. Корованные служилые. Их 3 семьи: семья Алексея Гурьева сына Краснорова, состоящая из 7 человек, 4 муж. рода и 3 жен. рода; Ивана Калинина сына Лучанинова – в таком же составе; Ивана Стефанова сына Первушина, в коей 6 мужчин и 3 женщины. Казаки этих семей сопровождали караваны.

2. Городовые служилые:

– города Селенгинска служилые: 2 семьи Тихона Филиппова Рагозина (3 брата и мать), Филипп Георгиев сын Титов, мать его и сестра;

– пригорода Удинска служилые: Иван Матвеев сын Михалев, 17 л., Стефан Яковлев сын Цынков, 22 л., Иван Иванов сын Надеин, 37 л. У

него Надеина дворовой Иван Давыдов сын Бейтонов, 25 л., жена ево Мария Иванова, 25 л., Тимофей Ильин сын Шубин, 19 л., Федор Иванов сын Сюсин, 18 л., Евсей Яковлев сын Трутнев, 22 л., Яков Фомин сын Плесков, 32 л. Оного Плескова брат Василей, 29 л., Ерофей Михайлов сын Мясников, 26 л.

3. Отставные служилые:

Илья Андреев сын Шубин, 73 л., Фома Трофимов сын Плесков, 82 л., Михайло Иванов Медников, 44 л., Иван Савин сын Сюсин, вдов, 64 л.

Никифор Ильин сын Шипицын, 92 л., Агафон Федоров сын Дементьев, 37 л., Ульян Иванов сын Мясников, 33 л., оного Мясникова брат Егор, 25 л., Яков Иванов сын Трутнев, 49 л., Борис Федоров сын Большаков, 63 л., Иван Стефанов сын Жарких, 48 л., Яков Григорьев сын Цынков, 59 л. (перечислены только главы семейств).

4. Казачьи дети:

Иван Яковлев сын Краснояров, 39 л. Его брат Михайло Краснояров, 28 л., Илья Данилов сын Костромин, 21 л., Матвей Иванов сын Белогубов, 42 л., Иван Гурьев сын Краснояров, 48 л., Леонтей Парфилов(?), (Перфильев) сын Торгоутин(?), 15 л. Стефан Иванов сын Надеин, 22 л. В 20 дворах казаков муж. пола – 70 чел., жен. пола – 54. А в общей таблице муж. п. – 78, жен. п. – 56²⁸.

Из них 14 семей казаков проживают в с. Куйтун, т. е. тоже имеют пашню и сенокосные угодья.

Позже часть городовых казаков будет переселена на пограничные караулы. 17 августа 1768 г. генерал-майор Варфоломей Якобий в ордере секунд-майору и удинскому коменданту Мертвецову пишет: «1 марта 1766 г. по учиненному бывшим в Иркутске губернатором фон Фрауендорфом определению заключено, чтоб из городовых и острожных казаков, оставя при городах и острогах самое нужное число, бес чего при оных обойтитца не можно, переселить со всем их семейством вблизиности ныне состоящим по границе нужнейшим караулам». В. Якобий на основе указа государственной военной коллегии от 5 ноября 1764 г. рекомендует: «Из состоящих в Удинском комплекте конных казаков и всех пятьдесят человек распределить по здешней границе на назначенные мною места и пограничные караулы в ведение Кударинского коменданта». Якобий требует от Мертвецова прислать ему именной список казаков при рапорте немедленно, «а при том из тех

казаков не менее двадцати пяти человек отправить прямо к реченному Кударинскому коменданту»²⁹.

В фонде названного архива мной обнаружен именной список Удинского пригорода конным и пешим казакам за 1767 г. Среди конных числятся пятидесятник Иван Надеин, 4 десятника: Яков Мурзин, Мирон Фофанов, Иван Янков, Семен Жарков, барабанщик Федор Янков и рядовых 43 человека. Среди пеших записаны: пятидесятник Василий Грязнов, десятники: Прокопий Бурдуковский, Герасим Петухов, Иван Лосев, Афонасий Москвитин и 33 рядовых³⁰. В документах архива в поздние годы список казаков существенно сократился.

В заключение отметим, что основную роль в земледельческом освоении Западного Забайкалья в XVII – первой половины XVIII в. играло служилое сословие, прежде всего казаки. Их трудом строились остроги, осваивались девственные земли, получен первый русский хлеб, осуществлялись охрана русских поселений и местного населения от набегов монголов, сбор ясака и снабжение новых поселщиков провиантом. Примечательно яркую характеристику русским сибирякам, в том числе и казакам, дал будущий академик-энциклопедист Д. Анучин: «Сибиряки являются потому прежде всего истинными потомками не мелких плутов, черствых убийц или гениальных мошенников, а Ермаков и Хабаровых, обладавших необыкновенным умом и отвагой в соединении с твердым могучим характером, дававшим им уверенность и обеспечивающим успех во всяком предприятии»³¹.

Примечания

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. С. 175.

² Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 145.

³ Жимбиев Ц.А., Чимитдоржиев Ш.Б. Поездка делегации хори-бурят к Петру Первому в 1702–1703 гг. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2000. С. 35.

⁴ Машанова Л.В. Роль служилых людей в освоении Забайкалья // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII – нач. XX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 16.

⁵ Залкинд Е.М. Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах // Тр. БКНИИ СО АН СССР. 1962. Вып. 10. С. 122.

⁶ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государст-

ва. Ч. 3, половина 1. СПб., 1788. С. 222–225, 373–374, 384–385; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, 1975. С. 123.

⁷ Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940. С. 91.

⁸ Болонев Ф.Ф. Земледельческий опыт русских крестьян в Забайкалье (конец XVII в. – нач. XX в.) // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 4–47.

⁹ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 209.

¹⁰ Машанова Л.В. Роль служилых людей..., с. 16–17.

¹¹ Там же.

¹² Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956. С. 226.

¹³ Цит. по: Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск: ОГИЗ, 1951. С. 51.

¹⁴ Гирченко В. Социально-экономические отношения Прибайкалья в эпоху его первоначальной колонизации // Изв. кафедры Прибайкаловедения. № 1. Верхнеудинск, 1921. С. 11.

¹⁵ Грулев М. Из прошлого Забайкалья (к истории нашей миссионерской деятельности на окраинах) // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 222.

¹⁶ Орфанов М. Из недавнего прошлого. Очерки Забайкалья // Русский курьер. 1880. № 337.

¹⁷ Шунков В.И. Из истории земледелия Бурятии // Тр. БКНИИ СО АН СССР. 1959. Вып. 1. С. 65–66.

¹⁸ Машанова Л.В. Начальный этап заселения и земледельческого освоения Забайкалья // Вопросы истории. 1980. № 2. С. 171.

¹⁹ Там же, с. 172.

²⁰ Залкинд Е.М. Из истории крестьянской колонизации в XVIII – нач. XIX в. // Тр. БКНИИ СО АН СССР. 1962. Вып. 10. С. 73–75.

²¹ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1994. С. 119.

²² Там же, с. 173.

²³ Болонев Ф.Ф. Указ. соч.

²⁴ РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 181об. О поземельном устройстве населения Забайкальской области.

²⁵ НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 84, л. 13.

²⁶ Там же, ф. 207, оп. 1, д. 1616, л. 15, 216 об.

²⁷ Пыкин В.М., Пыкин П.В. Некоторые вопросы истории русского населения Забайкалья второй половины XVIII века // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике:

мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Егуновские чтения». Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. С. 85.

²⁸ НАРБ, ф. 207, оп. 1, д. 1616, л. 14–16об., 23.

²⁹ Там же, ф. 88, оп. 1, д. 38, л. 643–643об.

³⁰ Там же, д. 16, л. 262–263.

³¹ Анучин Д. Этнографические очерки Сибири. Русско-сибирская народность // Ремесленная газета. 1876. № 25.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив АН СССР (ЛО) – Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение)

Архив РАН (ЛО) – Архив Российской академии наук (Ленинградское отделение)

БКНИИ – Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО РАН СССР

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

БФ СО АН СССР – Бурятский филиал СО АН СССР

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества

ВЭО – Вольное экономическое общество

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

ГАИМК – Государственная академия истории и материальной культуры

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЖС – Живая старина

ЗРГО – Записки Русского географического общества по отделению этнографии

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МИА – Музей Института археологии

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия; ныне ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия

ОРЯС АН – Отделение русского языка и словесности Академии наук

Пг. – Петроград

ПМА – полевые материалы автора

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГО – Русское географическое общество

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

СА – Советская археология

СПб. – Санкт-Петербург

СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук
СЭ – Советская этнография
ЦГА Бур. АССР – Центральный государственный архив Бурятской АССР
(ныне ГАРБ)
ЧОКМ – Читинский областной краеведческий музей

Научное издание

Фирс Федосович Болонев

Семейская живая старина за Байкалом

Очерки истории, культуры, быта
и межэтническое взаимодействие

Утверждено к печати ученым советом
ФГБУН «Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН»

Редактор *Г.В. Кашина*

Оригинал-макет, дизайн обложки *В.А. Петрова*

Подписано в печать 21.07.2015. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 26,8. Уч.-изд. л. 35,0. Тираж 1000. Заказ № .

Отпечатано с готового электронного макета заказчика
в ОАО «Республиканская типография»
670000 г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.